

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Шехтман Александр Геннадьевич

профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой лучевой диагностики, лучевой терапии, онкологии ГБОУ ВПО ОрГМУ Министерства здравоохранения РФ, г. Оренбург

АННОТАЦИЯ

Преобразования, происходящие в последние годы в Российском здравоохранении, затронули три основные темы: клиническую практику, медицинскую науку и образование. Появляются новые технологии в диагностике и новые методы лечения, увеличивается спектр лекарственных препаратов, идет переоснащение лечебных учреждений медицинской техникой, внедрение в практику новейших технологий. Все это способствует повышению требований к качеству подготовки выпускников медицинских вузов и определяет необходимость дальнейшего совершенствования образовательного процесса. Реализация мероприятий по модернизации здравоохранения диктует необходимость совершенствования системы подготовки медицинских кадров.

Ключевые слова: компетентность, компетенции, образовательный процесс в медицинском ВУЗе.

Решение проблем по подготовке будущих врачей требует от работников высшей школы больших усилий, глубокого анализа реальных и потенциальных возможностей ВУЗа. Для их выполнения сама высшая школа должна осваивать инновационные технологии по принципу опережающего образования. Это означает мобильную переориентацию системы образования на подготовку человека к жизни в быстро меняющихся условиях интенсивного развития социальных и экономических процессов. Инновационный подход отражает способность к самостоятельному поиску, анализу и отбору необходимой информации для практического освоения новейших технологий во всех сферах человеческой деятельности [1].

Коренные изменения, которые претерпевает система подготовки врачей в настоящее время, нашли свое отражение в федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения.

Основой образовательной программы будущих врачей должен стать компетентностный подход. Он положен в основу модернизаций высшего медицинского образования в России. Главными целями образования при этом являются компетентности и условия их формирования.

Личностно-ориентированный принцип компетентностного подхода – это приоритет современного образовательного процесса.

В понятие компетенции входят социальная адаптация и опыт профессиональной или учебной деятельности. ФГОС ВПО определяют необходимость разработки компетентностно-ориентированных учебных программ, результатом освоения которых должно быть формирование у студентов требуемых компетенций.

Совокупность компетенций формирует актуальное качество личности – компетентность, т.е. способность самостоятельно сориентироваться в ситуации и квалифицированно решать сложные задачи. Компетентность не сводится к сумме отдельных компетенций, она является проявлением их синергического эффекта, интегральным свойством личности, включая её индивидуальные психологические особенности. Таким образом, проектирование образовательного процесса должно опираться на модель личностно-профессиональной жизнедеятельности человека [2,3].

В новой модели обучения на первое место выходит не информированность обучаемого, а его способность мобилизовать свой личностный потенциал, находить и применять необходимые решения практических задач, возникающих в повседневной деятельности врача. А для этого необходимо укреплять и общекультурный фундамент образования.

Компетентностный подход требует повышения профессионального уровня профессорско-преподавательского состава. Прежде всего, современный преподаватель должен в совершенстве владеть компьютерными технологиями, демонстрировать коммуникативные способности, уметь организовать, своевременно методически обеспечить и проконтролировать самостоятельную (аудиторную и внеаудиторную) работу студентов. Преподаватель становится координатором учебной деятельности студентов-медиков.

Важнейшим направлением в совершенствовании учебного процесса в медицинском ВУЗе является повышение ответственности преподавателя за качество проводимых учебных занятий. Пробуждение интереса к предмету и потребность в познавательной деятельности – одни из главных задач, которые стоят перед современными преподавателями высшей медицинской школы. Решение проблем активизации обучения тесно связано с повышением содержательности научно-методической работы преподавателя. Без этого нельзя рассчитывать на модернизацию учебного процесса и повышения качества подготовки будущих врачей.

Организация инновационного подхода к обучению студентов-медиков заключается в том, что им руководит преподаватель, используя свои знания, опыт и методические приемы. С одной стороны, он создает условия для большей самостоятельности в приобретении знания, а с другой – направляет работу студентов, обеспечивая условия для более эффективного овладения знаниями.

Эффективность обучения будущих врачей является основной целью в решении задачи качественной профессиональной подготовки специалистов. Достижение этой цели проходит поэтапно: студентам младших курсов необходимо давать научные основы предметов, научные

методы познания, современные методы приобретения знаний и поиска информации. На старших курсах необходимо приобщать студентов к научно-исследовательской работе.

Какие бы реформы не проходили в системе образования, они, так или иначе, замыкаются на конкретном исполнителе – преподавателе. Именно он является основной фигурой при реализации на практике основных нововведений. Тесная связь инновационного образования с практикой должна быть подтверждена умением применять полученные знания при решении практических задач. Для обобщения полученной информации и переработки ее в знания, студент медицинского ВУЗа должен сопоставить ее с известными ему понятиями, определениями, законами, обобщить и запечатлеть в своем сознании как определенную систему знаний. Это невозможно без активной творческой работы, умения анализировать полученную информацию и находить в ней главное.

В медицинском ВУЗе роль преподавателя в процессе обучения не должна ограничиваться информационно-контролирующей деятельностью. Уже с первого курса начинается очень важный и сложный процесс формирования будущего врача, его отношения к коллегам, больным, их родственникам. Нередко эталоном для студента-медика становится преподаватель, стереотипы его поведения. Отношение к дисциплине, мотивация к ее изучению часто зависят от личности педагога, его доброжелательного и уважительного отношения к обучающимся. Ведь настоящий педагог наряду с использованием на занятиях высокотехнологичных средств обучения, создает обстановку, благоприятную для дискуссии, конструктивного обсуждения проблем и их решений.

Доказано, что преподаватель добивается значительных успехов только тогда, когда учитывает условия и обстоятельства, в которых протекает учебный процесс, внимательно анализирует последствия своих обучающих и воспитательных действий и делает из них правильные выводы.

Преподавательская деятельность в медицинском ВУЗе многогранна, сложна и трудоемка. В труде преподавателя нет неизменных элементов: постоянно развивается изучаемая дисциплина, меняется контингент студентов, обогащается педагогическая наука. Все это требует постоянного поиска эффективных путей сотрудничества с обучающимися.

На пути совершенствования педагогической деятельности очень важна оценка профессиональных и личностных качеств преподавателей. Эта оценка качества преподавания сегодня складывается из множества факторов и включает индивидуальный рейтинг преподавателя, который состоит из накопленного квалификационного потенциала и активности по основным направлениям деятельности: учебная работа, учебно-методическая работа, научная работа, выполнение лечебной нагрузки, общественная, организационная и воспитательная работа.

Оценка качества преподавания предусматривает возможность учета субъективных факторов: рейтинг у студенчества, самооценки преподавателя, оценка коллегами-преподавателями, оценка морально-психологического климата в коллективе, а также оценка заведующим кафедрой, деканом, проректором по учебно-воспитательной работе, проректором по управлению качеством образования.

В настоящее время преподавателю высшей школы вообще, и в медицинском ВУЗе в частности, необходимо не только выбирать соответствующие методы и методики обучения, но и создавать свои собственные. Это возможно только в том случае, если преподаватель обладает необходимыми способностями, а также получил соответствующую подготовку. Особенно важно при этом владеть средствами и способами рефлексии по отношению к своей деятельности. Преимущества рефлексного подхода в педагогической деятельности медицинского ВУЗа заключается в том, что он способствует максимально полному и глубокому вовлечению личности студента в сотворческое общение и индивидуально-созидательный процесс.

Список литературы

1. Головинский В.В. Стратегия инновационного развития в условиях модернизации высшего профессионального образования: материалы IX международной научно-практической конференции «Вузовское преподавание». – Челябинск, 2009
2. Иванов Д.А. Компетентности и компетентностный подход в современном образовании. – М.: Чистые пруды, 2007. – 32 с.
3. Лызь Н.А., Лызь А.Е. Компетентностно-ориентированное обучение: опыт внедрения инноваций // Высшее образование в России. – 2009. – № 6

ИЗУЧЕНИЕ СВЯЗИ ПОЛИМОРФИЗМА I462V ГЕНА CYP1A1 С РАЗВИТИЕМ ВРОЖДЕННОГО ДЕФЕКТА МЕЖЖЕЛУДОЧКОВОЙ ПЕРЕГОРОДКИ СЕРДЦА В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Швецов Ярослав Дмитриевич

Заочный аспирант кафедры биологии, медицинской генетики и экологии Курского государственного медицинского университета, г. Курск

Лазарев Константин Юрьевич

К. м. н., доцент кафедры биологии с курсом медицинской генетики Кубанского государственного медицинского университета, г. Краснодар

Полоников Алексей Валерьевич

Д.м.н., профессор кафедры биологии, медицинской генетики и экологии Курского государственного медицинского университета, г. Курск

Целью настоящего исследования было изучение ассоциации полиморфизма I462V гена CYP1A1 с развитием врожденного дефекта межжелудочковой перегородки сердца. Материалом для исследования послужили образцы ДНК 103 неродственных детей славянского происхожде-

ния (жители Краснодарского края) с врожденным пороком межжелудочковой перегородки сердца, рожденных в родильных домах Краснодарского края и 232 здоровых родителей (группа контроля). Генотипирование полиморфизма I462V гена CYP1A1 проводили методами полимеразной цепной реакции в режиме реального времени с

использованием TaqMan-зондов. Сравнительный анализ частот аллелей и генотипов полиморфизма I462V гена CYP1A1 между группами больных детей и здоровых родителей не выявил ассоциации с развитием врожденного дефекта межжелудочковой перегородки сердца плода.

Ключевые слова: врожденный дефект межжелудочковой перегородки сердца, ДНК-полиморфизм, CYP1A1.

Врожденные пороки сердца (ВПС) составляют 30 % среди всех врожденных пороков развития у детей, занимая третье место после патологии опорно-двигательного аппарата и центральной нервной системы (ЦНС), обнаруживаются у 0,7–1,7 % новорожденных [5, с. 10; 11, с. 2326] и занимают одно из ведущих место в структуре детской заболеваемости, инвалидности и смертности в первый год жизни [2, с. 43].

Дефект межжелудочковой перегородки (ДМЖП) – это самый частый ВПС, составляющий от 30 до 60% всех врожденных пороков сердца у доношенных детей и его распространенность составляет 3–6 на 1000 новорожденных. ДМЖП обычно бывает изолированным, но может сочетаться и с другими сердечными мальформациями.

ВПС относят к мультифакториальным заболеваниям. Неоднократно доказано, что ВПС значительно чаще возникает у беременных женщин, проживающих на экологически загрязненной территории, работающих на канцерогенно-опасном производстве, испытывающих никотиновую, алкогольную и наркотическую интоксикации, а также имеющих перинатальные инфекции (TORCH-инфекции) и т. д. [7, с. 19; 4, с. 95]. Вместе с тем, особую роль в возникновении ВПС играет система биотрансформации ксенобиотиков, которая отвечает за детоксикацию и элиминацию экологических факторов химической природы, воздействующих на гаметогенез и эмбриогенез [3, с. 8; 6, с. 5].

Важную роль в первой фазе детоксикации ксенобиотиков играет цитохром P450 1A1, который участвует в монооксигеназной активации полициклических ароматических углеводородов и ароматических гетероциклических аминов с образованием реактивных токсических метаболитов – эпоксидов, фенолов и др. В литературе имеются данные об ассоциациях данного фермента с раком легких, раком полости рта, раком молочной железы, острым лейкозом [8, с. 619; 9, с. 547; 10, с. 24]. Ген CYP1A1 локализован на хромосоме 15 в области 15q22-q24. Наиболее изученный полиморфизм связан с транзицией аденина на гуанин в позиции 2455 – в гемсвязывающем регионе экзона 7 гена CYP1A1, которая приводит к замене изолейцина на валин в кодоне 462 (Ile462Val). Это проявляется в повышенной ферментативной активности и способствует накоплению в клетке промежуточных высокотоксичных метаболитов I фазы биотрансформации, и как следствие увеличивает риск возникновения заболевания [1, с. 13].

Целью настоящего исследования было проведение анализа ассоциации полиморфизма I462V гена CYP1A1 с

риском развития врожденного дефекта межжелудочковой перегородки сердца в популяции детей Краснодарского края.

Методы. Объектом исследования были больные дети славянского происхождения (преимущественно русской национальности) из 44 административных образований Краснодарского края, родившихся в период 1998–2012 гг., не состоявших в родственной связи друг с другом с дефектами межжелудочковой перегородки сердца (n=103), и здоровые родители, составляющие группу контроля (n=232). Средний возраст детей с ДМЖП составил 3,11±0,81 лет (40 мальчиков – 38,8% и 63 девочки – 61,2%). Включение в группу больных с ВПС осуществлялось только после верификации диагноза комплексом методов обследования, включающих клинические методы с использованием физикального обследования, анкетирования и специальные (ЭКГ, УЗИ, рентгенографии сердца и др.).

У всех обследуемых проводился забор венозной крови из кубитальной вены, выделение геномной ДНК стандартным методом фенольно-хлороформной экстракции и генотипирование полиморфизма I462V гена CYP1A1 методом полимеразной цепной реакции в режиме реального времени и дискриминации аллелей с помощью TaqMan-зондов на амплификаторе CFX96 фирмы Bio-Rad (США) путем индивидуального подбора соответствующих условий ПЦР путем титрования для исследуемого ДНК-маркера. Для оценки соответствия распределений генотипов ожидаемым значениям при равновесии Харди-Вайнберга (РХВ) и для сравнения распределений частот аллелей и генотипов использовали критерий χ^2 Пирсона с поправкой Йетса на непрерывность. Об ассоциации аллелей или генотипов с предрасположенностью к ВПС судили по величине отношения шансов (OR), границам 95%-ного доверительного интервала (CI) для OR. Статистическая обработка данных проводилась на персональном компьютере с использованием программных пакетов Statistica 6.0 («Statsoft») и Excel 2010 («Microsoft»).

Результат. Распределение частот генотипов изучаемого полиморфизма I462V гена CYP1A1 и его соответствие популяционному равновесию Харди-Вайнберга проводилось отдельно в группе детей с ДМЖП и в контрольной группе. Не было отклонений в частотах генотипов от равновесия Харди-Вайнберга в обеих группах (p>0,05). Частоты вариантных аллелей и результаты их сравнительного анализа между группами представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 следует, что статистически значимых различий между выборками больных ДМЖП и контрольной группы по частотам аллелей и генотипов полиморфизма I462V гена CYP1A1 выявлено не было.

Далее был проведен стратифицированный анализ ассоциации полиморфизма I462V гена CYP1A1 отдельно в зависимости от половой принадлежности (таблица 2).

Таблица 1

Распределение частот аллелей и генотипов полиморфизма I462V гена CYP1A1 у больных с ДМЖП и здоровых родителей

Аллели	Частоты аллелей				Критерий различий p	OR (95% CI)
	ДМЖП (n=103)		Контроль (n=232)			
462I	0,985		0,015		0,66	0,75 (0,20–2,79)
462V	0,981		0,019			
Генотипы	Частоты генотипов					
	n	%	n	%		
462II	100	97,1	223	96,1	0,66	0,74 (0,20–2,80)
462IV	3	2,9	9	3,9	0,90	0,82 (0,24–2,85)
462VV	0	0	0	0	2,25	2,25 (0,04–113,99)

Таблица 2

Распределение частот генотипов полиморфизма I462V гена CYP1A1 у больных с ДМЖП и здоровых родителей в зависимости от пола

Мальчики	CYP1A1 I462V			Девочки	CYP1A1 I462V		
	462II	462IV	462VV		462II	462IV	462VV
Больные мальчики с ДМЖП (n=40)	39 (97,5%)	1 (2,5%)	0 (0%)	Больные девочки с ДМЖП (n=63)	61 (96,8%)	2 (3,2%)	0 (0%)
Здоровые отцы (n=86)	85 (98,8%)	1 (1,2%)	0 (0%)	Здоровые матери (n=146)	138 (94,5%)	8 (5,5%)	0 (0%)
p	0,58	0,84	0	p	0,47	0,72	0

Вывод. Тем не менее, статистически значимых различий между группами больных детей с ДМЖП и контроля в зависимости от пола также выявлено не было. Хотя нами не была выявлена взаимосвязь полиморфизма, тем не менее, нельзя исключить возможность участия гена CYP1A1 в формировании наследственной предрасположенности к ВПС. Также нельзя исключить сочетанное влияние гена и токсигенных средовых факторов на риск формирования патологии – так называемых генно-средовых взаимодействий. Учитывая преимущественно мультифакториальную природу несиндромальной формы дефекта межжелудочковой перегородки ВПС, дальнейшие исследования должны быть, нацелены на поиск вовлеченности других генов ферментов детоксикации, которые могут играть важную роль в развитии пороков сердца.

Список литературы

1. Баканова М.Л., Минина В.И., Савченко Я.А. Ассоциации полиморфных вариантов генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков и рака легкого у человека (обзор литературы) // Медицинская генетика. – 2012. – №11. – С. 13-20.
2. Гордеева Л.А. Полиморфизм генов II стадии детоксикации ксенобиотиков у матери и формирование врожденных пороков развития у ребенка / Л.А. Гордеева // Медицинская генетика. – 2012. – № 11. – С. 43-48.
3. Землянова М. А., Кольдибекова Ю. В. Современные подходы к оценке нарушений метаболизма ксенобиотиков при поступлении в организм из внешней среды // Экология человека. – 2012. – №8. – С. 8-14.
4. Коваль А.П., Мокрик И.Ю., Дубовая А.В. Токсичные элементы у детей с врожденными пороками сердца и магистральных сосудов // Оригинальные достижения. – 2012. – Т.17, № 3. – С. 95-99.
5. Мутафьян О. А. Пороки и малые аномалии сердца у детей и подростков / О. А. Мутафьян. — СПб.: Издательский дом СПбМАПО, 2005. — 480 с.
6. Полтанова А.А., Агаркова Л.А., Бухарина И.Ю. Функциональные различия генетически детерминированных вариантов системы детоксикации ксенобиотиков в формировании осложнений гестационного процесса // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 5-9.
7. Сравнительная характеристика встречаемости различных врожденных пороков развития плода с позиции оценки экологической опасности в крупном промышленном центре / Шабалдин А.В. и соавт. // Мать и Дитя в Кузбассе. – 2014. – №4. – С. 19-24
8. Agha A., Shabaan H., Abdel-Gawad E. Polymorphism of CYP1A1 gene and susceptibility to childhood acute lymphoblastic leukemia in Egypt // Leuk. Lymphoma. – 2014. – Vol.55, №3. – P. 618-623.
9. CYP1A1 Ile462Val polymorphism and the risk of non-small cell lung cancer in a Chinese population / Lin J. et al. // Tumori. – 2014. – Vol.100, №5. – P. 547-552.
10. Go R.E., Hwang K.A., Choi K.C. Cytochrome P450 1 family and cancers // J. Steroid Biochem. Mol. Biol. – 2015. – Vol.147. – P. 24-30.
11. The spectrum of adult congenital heart disease in Europe: morbidity and mortality in a 5 year follow-up period. The Euro Heart Survey on adult congenital heart disease / P. Engelfriet [et al.] // Eur. Heart. J. — 2005. — Vol. 26. — P. 2325-2333.

ВЛИЯНИЕ ОСТРОЙ АЛКОГОЛЬНОЙ ИНТОКСИКАЦИИ НА СТАРУЮ И ДРЕВНЮЮ КОРУ ГОЛОВНОГО МОЗГА

Соколов Дмитрий Александрович
Ильичева Вера Николаевна

канд. мед. наук, доцент кафедры нормальной анатомии человека, Воронежская государственная медицинская академия им. Н. Н. Бурденко, г. Воронеж

Минасян Вардан Вацаганович
Спицин Василий Владимирович

ассистент кафедры нормальной анатомии человека, Воронежская государственная медицинская академия им. Н. Н. Бурденко, г. Воронеж

АННОТАЦИЯ

В эксперименте изучали морфологические изменения нервных клеток и активность ферментов энергетического метаболизма в старой и древней коре головного мозга белых крыс, развивающиеся при алкогольной интоксикации. Полученные данные являются нейроморфологической и нейрохимической основой развития алкогольной энцефалопатии.

ABSTRACT

Morphological changes of neurons and activity of energetic metabolism enzymes have been studied in archicortex and paleocortex of white rats brain at experimental alcohol intoxication. The data obtained are the neuromorphological and neurochemical base of alcohol encephalopathy.

Ключевые слова: кора головного мозга, морфофункциональные изменения, алкогольная интоксикация.

Keywords: brain cortex, morphofunctional changes, alcohol intoxication.

В зависимости от степени интоксикации этиловым алкоголем отравление сопровождается как ранними, обратимыми, так и отсроченными, необратимыми нарушениями в работе центральной нервной системы. Особого внимания заслуживает энцефалопатия, проявления которой имеется у большинства лиц, злоупотребляющих алкоголем [1]. Одной из основных причин деменции является алкогольная энцефалопатия, которая диагностируется у 10–30% пациентов с клиническими признаками слабоумия [4]. Лидирующими признаками алкогольной энцефалопатии являются расстройства памяти и эмоциональной сферы, которые свидетельствуют о вовлечении в патологический процесс лимбической системы, в частности, образований старой и древней коры головного мозга [3]. Структурно-функциональные и нейрохимические изменения, возникающие в архео- и палеокортексе при действии высоких доз этилового спирта освещены в доступной литературе недостаточно полно.

Материал и методы исследования. Эксперимент выполнен на 168 белых беспородных крысах-самцах массой 180–200 г. Работу с лабораторными животными осуществляли в соответствии с принципами биоэтики, правилами лабораторных исследований и этическими нормами, руководствуясь приказом Минздрава СССР №755 от 12.08.1977 г. и Европейской конвенцией о защите позвоночных животных, которые используются для экспериментальных и других научных целей (Страсбург, Франция, 1985). Моделирование острой алкогольной интоксикации осуществляли путем внутрибрюшинной инъекции животным 15%-ного раствора этилового спирта в дозе

2,25 г/кг в асептических условиях. В качестве биологического контроля были использованы крысы, которым вместо алкоголя внутрибрюшинно вводили физиологический раствор в аналогичном с экспериментальной группой объеме. Животных выводили из эксперимента путем декапитации через 3, 10, 60, 150, 300 и 600 мин после инъекции. Из фрагментов мозга, фиксированных в 10%-ном растворе нейтрального формалина, изготавливали фронтальные парафиновые срезы толщиной 6 мкм, которые окрашивали гематоксилином Карazzi – эозином и толуидиновым синим по Нисслю. На нефиксированных криостатных срезах толщиной 10 мкм выявляли следующие ферменты: сукцинатдегидрогеназу (СДГ; КФ 1.3.99.1), лактатдегидрогеназу (ЛДГ; КФ 1.1.1.27) и глюкозо-6-фосфатдегидрогеназу (Г-6-ФДГ; КФ 1.1.1.49). Выявление СДГ и ЛДГ проводили тетразолийредуктазными методиками с использованием соответствующего субстрата и соли «нитро-СТ» в модификации Нахласа [2]; активность Г-6-ФДГ выявляли по методике [5]. Активность ферментов измерялась в единицах экстинции (е. э.), которая выражалась в процентах к контролю, принимаемому за 100%. Объектом исследования служили цитоархитектоническое поле СА3 гиппокампа и пириформная зона древней коры головного мозга.

Результаты и их обсуждение. Изучая изменения структурно-функциональной организации пириформной зоны древней коры и цитоархитектонического поля СА3 гиппокампа у животных контрольной группы, были установлены следующие процентные соотношения различных форм морфологической изменчивости нервных клеток (табл.).

Таблица

Содержание различных форм морфологической изменчивости нервных клеток в изучаемых отделах головного мозга животных контрольной группы, (%)

Структура головного мозга	Типы нейроцитов				
	нормохромные	гипохромные	гиперхромные	пикно-морфные	клетки-тени
Пириформная кора	54,3	10,9	19,9	2,2	12,7
Поле СА3 гиппокампа	52,0	10,25	22,6	8,25	13,25

Под влиянием этанола в дозе 2,25 г/кг у белых крыс в различные сроки развивающейся алкогольной интоксикации наблюдалось перераспределение количества клеточных форм нейроцитов, которое носило фазный характер и приводило к изменению их соотношения. При этом на протяжении всех сроков наблюдения происходило увеличение содержания гипохромных, пикноморфных нейроцитов и клеток-тени на фоне сокращения числа нормохромных и гиперхромных нервных клеток. Однако под влиянием алкоголя отмечались особенности в динамике численности нормохромных и гипохромных нейроцитов на этапах исследования. При алкогольной интоксикации была в большей степени выражена цикличность в изменении количества нормохромных нервных клеток; наиболее высокое их содержание отмечалось через 5 ч (46,0%; $p < 0,001$) и 10 ч (31,0%; $p < 0,01$) после введения этанола. Напротив, фазность в изменении численности гипохромных нейронов была менее выражена; существенно повышаясь через 1 ч (51,0%; $p < 0,01$), количество гипохромных клеток снижалось и к 10 ч приближалось к уровню 21,0% ($p < 0,05$). Кроме этого, под влиянием этанола в дозе 2,25 г/кг на протяжении от одного до 10 ч отмечалось значи-

тельно меньшее содержание клеток-тени при существенном повышении количества пикноморфных нейроцитов к концу срока наблюдения (21%; $p < 0,01$).

При действии этанола на протяжении исследованного периода алкогольной интоксикации в нормо- и гиперхромных нейронах преобладали реактивные изменения. Не исключено, что компенсаторно-приспособительные реакции проявлялись не только в возрастании числа многоядрышковых нормо- и гиперхромных нейроцитов, но и в виде гиперплазии ядрышка, наблюдавшейся в ранние сроки алкогольной интоксикации.

Алкоголь достоверно вызывал в нервных клетках древней коры, спустя 3 мин после введения, снижение активности СДГ, сменявшееся через 60 мин тенденцией к ее повышению. Кроме того, выраженное увеличение активности ЛДГ через 60 мин после введения алкоголя сочеталось с возрастанием активности Г-6-ФДГ значительно превышавшей исходный уровень во все сроки наблюдения. Таким образом, этанол в дозе 2,25 г/кг вызывал активизацию анаэробного энергообеспечения нейроцитов древней коры как за счет интенсификации гликолиза, так и

вследствие раннего повышенного вовлечения в биоэнергетический метаболизм пентозофосфатного пути превращения глюкозы.

При действии этилового алкоголя на нейроны поля СА3 гиппокампа было выделено три стадии наблюдаемых изменений: начальных, умеренных деструктивных и выраженных деструктивных изменений.

В стадию начальных изменений, на протяжении 3-х мин после воздействия изучаемого фактора, среди нейроцитов гиппокампа преобладали нормо-, гипо- и гиперхромные нервные клетки, процентное содержание которых составляло 45,2, 28,2 и 13,3% ($p < 0,01$) соответственно. Численность пикноморфных нейронов не превышала 4,4% ($p < 0,001$), а клеток-теней – 17,7% ($p < 0,05$). Снижение уровня активности СДГ на данном этапе эксперимента сопровождалось его увеличением для ЛДГ и Г-6-ФДГ, что свидетельствовало об угнетении аэробного метаболизма в цикле трикарбоновых кислот на фоне активации процессов анаэробного гликолиза и пентозофосфатного пути превращения глюкозы.

Вторая стадия умеренных деструктивных изменений объединяла 10-, 35- и 60-ю мин наблюдения после воздействия алкоголя. В этот период в нейронах гиппокампа преобладали дистрофические изменения. В поле СА3 численность нормохромных клеток равнялась 31,2% ($p < 0,001$). Изменение количества гипохромных нейронов в указанные сроки носило фазный характер и в целом не превышало показателя на предыдущем этапе исследования, приближаясь к нему на 60-й мин наблюдения (17,0%; $p < 0,01$). Содержание гиперхромных нервных клеток было выше как по сравнению с контролем, так и с предыдущим сроком наблюдения. К 10-й мин число гиперхромных нейронов достигало 15,4% ($p < 0,05$). Количество пикноморфных нейроцитов и клеток-теней возрастало с 8,1 ($p < 0,001$) до 8,8 ($p < 0,001$) и с 24,2 ($p < 0,01$) до 28,5% ($p < 0,01$) соответственно. Активность СДГ к 60-й мин несколько возросла, не превышая контрольного значения. Уровень активности ЛДГ и АДГ увеличивался, а Г-6-ФДГ – убывал, оставаясь выше контроля. Таким образом, умеренное увеличение аэробного метаболизма в цикле лимонной кислоты, не превышающее контрольный уровень, сопровождалось существенным увеличением интенсивности анаэробного гликолиза и пентозофосфатного пути превращения углеводов.

Третья стадия выраженных деструктивных изменений соответствовала интервалу от 150-й до 600-й мин эксперимента и характеризовалась развитием деструктивных изменений в нейронах гиппокампа. Количество нормохромных нейроцитов варьировало от 27,4 ($p < 0,01$) на 150-й мин до 32,2% ($p < 0,01$) на 300-й мин. Численность гипохромных клеток колебалась в пределах 19,5 ($p < 0,001$) через 150 мин – 14,8% ($p < 0,01$) через 300 мин, количество

гиперхромных нейронов изменялось от 17,7 ($p < 0,001$) через 150 мин до 15,3% ($p < 0,001$) через 300 мин. Содержание пикноморфных нейроцитов увеличивалось, достигая к 600-й мин наблюдения 14,2% ($p < 0,01$). Число клеток-теней к указанному сроку уменьшалось до 24,6% ($p < 0,05$). В изучаемых отделах гиппокампа среди деструктивно измененных клеток преобладали нейроны с признаками колликационного нейронекроза.

Выводы. Острая алкогольная интоксикация, наступающая после внутрибрюшинного введения этанола в дозе 2,25 г/кг, вызывает в нейронах пириформной зоны древней коры и цитоархитектонического поля СА3 гиппокампа головного мозга крыс комплекс неспецифических морфофункциональных изменений, которые заключаются в перераспределении процентного содержания нервных клеток с различными формами морфологической изменчивости, увеличении содержания нейроцитов с пограничными изменениями по гипо- и гиперхромному типам, а также нейронов с альтеративными изменениями, соответствующими коагуляционному и колликационному нейронекрозам. Кроме того, воздействие алкоголя приводит к угнетению энергопродукции в цикле Кребса и активации ферментов, катализирующих анаэробные пути превращения глюкозы. Альтеративные изменения наряду с нарушениями метаболизма нервных клеток более выражены в поле СА3 гиппокампа как относительно молодом в филогенетическом плане образовании коры головного мозга. Регистрируемые к концу сроков наблюдения необратимые альтеративные изменения, сопровождающиеся угнетением аэробного метаболизма глюкозы в нейронах изучаемых отделов мозга можно рассматривать в качестве морфологической основы развивающейся алкогольной энцефалопатии.

Список литературы

1. Разводовский Ю. Е. Алкогольное поражение мозга / Ю. Е. Разводовский // Медицинские новости. – 2006. – № 1. – С. 13–17.
2. Пирс Э. Гистохимия теоретическая и прикладная / Э. Пирс. – М.: Мир, 1962. – 962 с.
3. Соколов Д. А. Некоторые морфогенетические механизмы восприятия времени / Д. А. Соколов, В. П. Федоров // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. – 2006. – Т. 5, № 4. – С. 681–686.
4. Jargin S. V. Social vulnerability of alcoholics and patients with alcohol-related dementia: a view from Russia / S. V. Jargin // Alcohol. – 2010. – Vol. 45, № 3. – P. 293–294.
5. Karnovsky M. J. A «direct-coloring» thiocholine method for dehydrogenase / M. J. Karnovsky, L. Roots // J. Histochem. Cytochem. – 1964. – Vol. 12. – P. 219–221.

НОВЫЙ ПОДХОД К ПЕРВИЧНОЙ ХИРУРГИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКЕ ПРОНИКАЮЩИХ РАН ГЛАЗ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ ЗОНЫ ЛИМБА

Сухина Ирина Витальевна, Зорина Мария Богдановна

канд. мед. наук, доцент кафедры офтальмологии ФПО Донецкого медицинского университета, г. Донецк

Бондарь Наталия Игоревна

врач отделения микрохирургии глаза Республиканского травматологического центра, аспирант, г. Донецк

АННОТАЦИЯ

Целью настоящего исследования явилось повышение эффективности лечения больных с проникающими ранениями глаза с вовлечением зоны лимба путем усовершенствования первичной хирургической обработки раны. Для достижения поставленной цели нами разработана новая методика наложения двухъярусного шва на лимбальную часть раны

с последующим аутолимбальным покрытием. На фоне проведенного оперативного лечения получены позитивные результаты, - быстрое регрессирование отека краев раны, явлений посттравматического иридоциклита, сокращение сроков формирования рубца, отсутствие васкуляризации, улучшение оптических функций. Метод может быть рекомендован к практическому применению.

ABSTRACT

The purpose of this study was to improve the efficiency of treatment of patients with penetrating wounds of the eye involving the limbus area by improving primary surgical treatment of wounds. To achieve this goal we have developed a new method of imposing a two-tier seam on the part of the limbal wound followed autolimbalm coating. On the background of the surgical treatment obtained positive results - rapid progression of edema of the wound edges, effects of post-traumatic iridocyclitis, shortening scar formation, lack of vascularization, improved optical functions. The method can be recommended for practical use.

Ключевые слова: проникающее ранение, лимб, первичная хирургическая обработка

Keywords: penetrating wound, limb, primary surgical treatment

Актуальность. Проникающие ранения глаз с вовлечением зоны лимба, частота которых варьирует от 20 до 47%, характеризуются особой тяжестью клинического течения и исходов в силу анатомических особенностей этой области и сочетанностью их повреждения при травме. [1,2,3,7] Именно в зоне лимба малейшее рубцевание, даже визуально удовлетворительно адаптированной швами раны, приводит к грубым изменениям анатомически тонких и важных структур глаза. [5] С этим связан ряд возникающих осложнений в посттравматическом периоде: длительный воспалительный процесс, упорное синехообразование, васкуляризация рубца различной интенсивности, рубцовый астигматизм, кератопатия, нестабильность офтальмотонуса и как результат – неудовлетворительный анатомический и функциональный исход. [4,6]

Без преувеличения, во многом исход такой травмы определяют сроки и качество проведения первичной хирургической обработки проникающей раны. При этом, предложенные методы оперативного лечения ранений роговично-склеральной области, направленные на максимальное восстановление анатомической целостности поврежденных структур глаза, в ряде случаев не устраняют вышеперечисленных осложнений.

Целью исследования явилось повышение эффективности лечения больных с проникающими ранениями глаз с вовлечением зоны лимба путем усовершенствования первичной хирургической обработки.

Материал и методы. Под нашим наблюдением находилось 59 больных (59 глаз) – основная группа, среди которых мужчины составили 53 человека (89,83%), женщины – 6 (10,17%). Возраст больных варьировал от 18 до 62 лет. Большинство пострадавших обратились в первые сутки после ранения, причем в первые 6 часов – 28 человек (47,46%). Оперативное вмешательство в виде ПХО, комбинированной или реконструктивной ПХО производилось всем больным в ургентном порядке в соответствии с требованиями и принципами офтальмотравматологии. Срок наблюдения составил от 2 до 3 месяцев после травмы. С целью контроля нами проанализированы результаты лечения больных с аналогичными травмами из архивного материала, оперированных по традиционной методике – 38 человек (38 глаз).

Все больные в зависимости от локализации раны были распределены на следующие клинические группы: роговично – склеральные ранения – 35 человек (59,3%), роговично – лимбальные – 12 (20,3%), лимбальные – 6 (10,2%), лимбально – склеральные – 6 (10,2%). Среди больных контрольной группы - соответственно: роговично – склеральные ранения - 22 человека (57,9%), роговично – лимбальные – 8 (21,1%), лимбальные – 3 (7,9%), лимбально – склеральные – 5 (13,1%).

Размер проникающих ран варьировал от 4 до 12 мм, причем в большинстве случаев размер раны превышал 6

мм – 40 человек (67,8%) в основной группе и 22 человека (57,9) в контрольной. По характеру проникающие ранения отличались значительным разнообразием – линейные, рваные, лоскутные. Преобладали раны с неровными краями, в некоторых случаях – с микродефектами, а также состоящие из отдельных фрагментов. Больные с линейной формой раны составили в основной группе 8 человек (13,6%), в контрольной – 4 (10,5%).

В ряде случаев проникающие ранения сопровождались повреждением глубже лежащих структур – ущемлением или частичным выпадением радужки и цилиарного тела – 16 (27,1±5,8%), внутриглазными кровоизлияниями – 34 (57,6±6,4%), наличием внутриглазных инородных тел – 19 (32,2±6,1%), повреждение хрусталика – 12 (20,3±5,2%), инфицированные ранения – 5 (8,5±3,6%). В контрольной группе была соблюдена идентичность тяжести клинических проявлений полученной травмы.

Методика усовершенствованной ПХО проникающих ранений глаз с вовлечением зоны лимба заключалась в разработанной нами методике наложения двухъярусного (8 – образного) шва на область лимба, после чего на остальную часть раны накладывались узловые швы по традиционной методике. В случаях наличия раны неправильной формы, а также с наличием микродефектов, выраженного отека краев раны, при которых невозможно достичь полноценной адаптации краев, после наложения швов по предложенной методике производилась лимбальная аутоотрансплантация на лимбальную часть раны (пациент на полезную модель № 68378 от 26.03.2012 г. «Способ лечения проникающих ранений глаза»). Техника операции заключалась в выкраивании поверхностного трансплантата, ширина конъюнктивальной части которого составляла 2 – 3 мм, роговичная – 1 мм, толщина – около 0,2 мм, длина трансплантата несколько превышала размер лимбальной части раны. Трансплантат фиксировался поверхностными узловыми швами.

Всем больным во время ПХО по показаниям производилось вправление выпавших оболочек, эвакуация гиаломе, пластика радужки, удаление хрусталиковых масс, передняя гемвитректомия, удаление внутриглазных инородных тел и т.д.

В послеоперационном периоде все больные получали традиционное консервативное лечение.

Критериями эффективности проводимого комплексного лечения явилась биомикроскопия переднего отрезка глаза, автокератометрия, кератотопография, гониоскопия, визометрия.

При биомикроскопии оценивалось состояние краев обработанной раны, выраженность и регрессирование явлений иридоциклита, сроки формирования рубца, наличие васкуляризации.

Результаты исследований. При поступлении у большинства больных основной группы отмечался отек,

негнойная инфильтрация краев роговично – лимбального отрезка проникающей раны, выраженная в большей или меньшей степени – 47 человек (79,7%). Через сутки после ПХО по предложенной методике выраженная отечность краев раны сохранялась у 3 больных, у остальных, более чем в половине случаев, отмечался умеренный отек, который в последующие 3 - 4 суток наблюдения носил явно регрессирующий характер. К 5 суткам инфильтрация краев обработанной проникающей раны, имеющаяся при поступлении, регрессировала у большинства наблюдаемых – 40 (67,8%). К 7 суткам края раны были, практически, прозрачными – 51 (86,4±4,5%), к 10 суткам лишь в 2 случаях сохранялась умеренная отечность роговицы в области формирующегося рубца.

Для сравнения, в контрольной группе больных инфильтрация краев проникающей раны при поступлении носила преимущественно умеренный характер более чем у половины больных – 26 человек (68,42%). В течение первых 3 - 4 суток характер краев адаптированной швами раны, практически, не изменился. С 5 суток отек краев раны регрессировал у 21 человека (55,26%), а к 10 суткам, в общей сложности, - у 32 (84,21%). К 14 суткам наблюдения отек сохранялся у 6 больных (15,8%).

Посттравматический иридоциклит в ранние сроки после операции у больных основной группы носил умеренно выраженный характер. К 5 – 6 суткам наблюдения явления иридоциклита значительно регрессировали, отсутствовали у 6 человек (10,17%) и носили слабовыраженный характер у 32 (54,24%). Через 7 – 8 дней иридоциклит отсутствовал или носил слабовыраженный регрессирующий характер у подавляющего большинства – 54 (91,53%). У больных контрольной группы к 7 суткам наблюдения травматический иридоциклит носил слабовыраженный характер у 20 больных (52,6%) и у 16 человек (42,1%) – выраженный, к 10 – 14 суткам наблюдения воспалительные явления держались у половины – 21 (55,3%).

Сроки заживления роговично – лимбальной или лимбальной части проникающей раны оценивались по виду и срокам формирования рубца. Полное клиническое формирование рубца у больных основной группы, которым производилось ПХО с наложением двухъярусных швов отмечалось через 2 недели у 15 человек (88,2±7,8%), а после ПХО с аутолимбальным покрытием – у 25 (59,5±7,6%). В контрольной группе к этому сроку наблюдения рубец выглядел сформированным у 16 больных – (42,2±8,0%).

К 21 суткам в обеих группах рубец был сформирован, однако, в основной группе он имел вид тонкого линейного непроминирующего помутнения в отличии от контрольной группы, где рубец имел в ряде случаев более грубый вид.

Клинически подтверждено, что в основной группе больных к 2 – 3 недельному сроку наблюдения после предложенной ПХО с 2 – 3 ярусными лимбальными швами формирование рубца без явлений васкуляризации отмечено у большинства больных – 15 (88,2±7,8%), после комбинации с аутолимбальным покрытием – у 25 человек (59,5±7,6%), а в контрольной – у 16 (42,2±8,0%).

В срок наблюдения между 14 - 21 сутками в основной группе отмечены случаи появления поверхностной васкуляризации рубца, преимущественно части рубца роговицы у лимба, которая полностью регрессировала в течение 2 – 4 недель. Глубокая упорная васкуляризация рубца отмечена в 2 случаях, что объяснялось лоскутными ранами роговицы. В контрольной группе больных к моменту полностью сформированного рубца у 1/3 больных имела место васкуляризация.

Наличие синехий в области рубца, в том числе в углу передней камеры отмечено у 18 больных основной группы (30,5±6,0%) и у 27 больных (71,1±7,4%) контрольной. Количество больных с дистрофическими изменениями структур переднего отрезка глаза в контрольной группе наблюдалось в 2 раза чаще, чем в основной.

С целью определения степени послеоперационного астигматизма, что по сути является показателем степени рубцовой деформации роговицы, части больным основной группы производилась автокераторефрактометрия и кератометрия в сроке через 2,5 – 3 месяца, после полного регрессирования воспалительных явлений, формирования рубца фиброзной капсулы глаза, снятия швов.

Автокератометрия производилась части больным основной группы – 40 человек (40 глаз), которые были разделены на 2 группы: в первую вошли больные с роговично – склеральными – 22 человека (22 глаза), во вторую – с роговично – лимбальными и лимбальными ранениями – 18 человек (18 глаз). Размер рубца у исследуемых составил от 4 до 8 мм, причем с преобладанием размера 6 – 8 мм. Количество больных первой группы составило 9 человек (40,9%), второй – 6 человек (33,3%). Контролем служили здоровые (парные) глаза при условии, что у всех больных до травмы зрение было одинаковым.

Наиболее выраженные изменения кератометрических показателей отмечались у больных первой группы с длиной раны 6 – 8 мм, у которых показатель состояния поверхности роговицы (с_{im}) имел патологическое значение – 1,45±0,79, показатель формы роговицы (shape factor) носил пограничное значение – 0,37±0,12, посттравматический астигматизм был более выражен – 2,49±0,37Д. У больных этой группы с длиной рубца 4 – 5 мм показатель с_{im} у большинства находился в пределах нормы, при этом у 9 человек он имел пограничное значение и составил, в среднем, 0,69±0,11 в сравнении со здоровым глазом – 0,52±0,11 (p<0,05), shape factor находился в пределах 0,12 – 0,36, в среднем, 0,25±0,05, что свидетельствовало о правильной круглой форме роговицы и его значение не отличалось от здорового глаза (p<0,05).

У больных второй группы с длиной раны 6 – 8 мм кератометрические показатели носили пограничное значение, посттравматический астигматизм составил, в среднем, 1,36±0,31 и не отличался от здорового глаза – 0,94±0,25 (p<0,05). Показатель с_{im} имел пограничное значение – 0,86±0,25 в сравнении со здоровым глазом – 0,61±0,06 (p<0,05), shape factor находился в пределах нормы и составил, в среднем, 0,35±0,06. Рубцовый астигматизм носил несущественный характер (p<0,05). У больных с длиной рубца до 6 мм кератометрические показатели находились в пределах нормальных или пограничных значений с наиболее существенными изменениями со стороны показателя с_{im}, который у части больных имел погранично – патологическое значение – 1,25±2,29.

При анализе данных кератотопографии у больных с ранами 4 – 5 мм в 1/3 случаев имелась легкая нерегулярность колец, 6 – 8 мм - у 1/3 больных поверхность роговицы характеризовалась как регулярная, кератотопографические кольца имели правильный вид, у остальной части исследуемых, которые составили почти половину случаев, поверхность роговицы имела легкий нерегулярный характер, а в 2 случаях была искажена.

Самым важным критерием положительного исхода у больных основной группы явилось исследование динамики остроты зрения. В ранний период наблюдения (2 – 3 недели) количество больных с низкой остротой зрения при поступлении (0,06 и ниже) с 36 человек (61,0±6,3%) снизилось до 13 человек (22,0±5,4%), со зрением 0,07 – 0,3

– с 15 человек ($25,4 \pm 5,7\%$) до 10 ($16,9 \pm 5,0\%$). Количество больных с высокой остротой зрения ($0,4 - 0,6$) увеличилось с 6 человек ($10,2 \pm 3,9\%$) до 9 ($15,3 \pm 4,7\%$), с остротой зрения от $0,7$ до $1,0$ – с 2 человек ($3,4 \pm 2,4\%$) до 27 ($45,7 \pm 6,5\%$).

Через месяц после выписки динамика остроты зрения у больных основной группы продолжала претерпевать позитивные изменения. К этому сроку наблюдения высокая острота зрения ($0,7 - 1,0$) отмечалась у 27 больных ($45,8 \pm 6,5\%$), в то время как в контрольной группе – 8 ($21,1 \pm 6,6\%$).

Заключение. Проведенный анализ результатов лечения больных с проникающими ранениями с вовлечением зоны лимба показал, что разработанный метод ПХО проникающих ранений глаз с вовлечением лимба, заключающийся в наложении на лимб двухъярусных швов и в комбинации с аутолимбальным покрытием способствует максимальной корректной адаптации краев раны, снижает воспалительную реакцию, стимулирует репаративные процессы, предупреждает васкуляризацию рубца, что способствует улучшению клинического и функционального исхода.

Список литературы

1. Аммар А.Д. Вдосконалення методів діагностики і лікування корнеосклеральних поранень ока: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. мед.

наук: спец. 14.00.08 «Очні хвороби» / А.Д. Аммар. – К., 2004. – 20 с.

2. Баранова В.П. Структура первичной инвалидности вследствие патологии органа зрения и её динамика / В.П. Баранова, Е.К. Козьмиди, И.С. Колесникова // Актуальные вопросы офтальмологии. – М., 1996. – Ч. 1. – С. 13-15.
3. Гундорова Р.А. Принципы первичной хирургической обработки проникающих ранений глаза Р. А. Гундорова // Офтальмологический журн. – 1989. – № 7. – С. 389-393.
4. Гундорова Р.А. Современная офтальмотравматология: [монография] / Гундорова Р.А., Степанов А. В., Курбанова Н.Ф. – М.: ОАО «Издательство «Медицина», 2007. – 256 с.
5. Курбанова Н.Ф. Анализ осложнений хирургических вмешательств при травмах органа зрения / Н.Ф. Курбанова // Вестник офтальмологии. – 2003. – № 6. – С. 41-42.
6. Раинчик В.Ю. Особенности микрохирургической обработки проникающих ранений переднего отрезка глаза / В.Ю. Раинчик, Т. М. Шелинговская, И.А. Габрук // VIII съезд офтальмологов УССР: материалы. – Одесса, 1990. – С. 43-44.
7. Ocular Trauma Score in Open-Globe Injuries / Y.B. Unver, K. Ziya, A. Nur [et. al] // The Journal of Trauma: Injury, Infection, and Critical Care. – 2009. – Vol. 66, Issue 4. – P. 1030-1032.

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ПАЦИЕНТА В ГИГИЕНИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ПОЛОСТИ РТА

Кудрявцева Татьяна Васильевна,
д.м.н., профессор

Тачалов Вадим Вячеславович,
к.м.н., ассистент

Новикова Анна Валентиновна

Интерн, кафедра терапевтической стоматологии ГБОУ ВПО СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова Минздрава России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

RELATIONSHIP BETWEEN PATIENT'S ORAL HYGIENE STATUS AND HIS OR HER PERSONALITY TRAITS

Tatyana V. Kudryavtseva, Doctor of Medical Sciences, Professor

Vadim V. Tachalov, Candidate of Medical Sciences, Teaching Assistant

Anna V. Novikova, Post-Graduate Student, Therapeutic Dentistry Department Pavlov First Saint Petersburg State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation Saint Petersburg, Russia

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день существует большой выбор средств индивидуальной гигиены полости рта, обилие различной информации, посвящённой индивидуальной гигиене, однако, распространённость кариеса и воспалительных заболеваний пародонта остаётся достаточно высокой. Кроме знаний об индивидуальной гигиене полости рта необходима высокая мотивация к проведению гигиенических процедур в полном объёме. Наличие и уровень мотивации тесно взаимосвязаны с индивидуальными психологическими особенностями пациента. В статье приводится анализ взаимосвязей между особенностями личности пациента и гигиеническим состоянием полости рта.

Ключевые слова: профилактика стоматологических заболеваний, гигиена полости рта, стоматологический статус, психологический статус, мотивация к индивидуальной гигиене

ABSTRACT

There is a large selection of personal oral hygiene, plenty of various information devoted to personal hygiene, however, the prevalence of caries and inflammatory periodontal disease remains high today. Apart from knowledge of individual oral care, of great importance for patients is their capacity to develop strong motivation for full-scale hygienic procedures. Patients' motivation is immediately interconnected with their personality specifics. This article provides the analysis on the relationship between the patient's oral cavity status and his or her personality profile.

Key words: prevention of dental diseases, oral care, dental status, psychological status, motivation for individual oral care

Актуальность

Гигиена полости рта является неотъемлемой составляющей профилактики стоматологических заболеваний. Недооценка профилактических мероприятий в стоматологической практике приводит не только к патологии

органов ротовой полости, но и к утяжелению общих заболеваний, возникновение которых нередко связано с расположением очагов фокальной инфекции в полости рта, особенно при наличии множества разрушенных зубов,

воспаление тканей пародонта и слизистой оболочки полости рта (7).

Эпидемиологическое обследование, проведенное в различных регионах России, свидетельствует о раннем возникновении кариеса зубов. У взрослого населения поражаемость кариесом составляет 100% (2). Во всех регионах России признаки заболеваний пародонта имеются даже у детей. В настоящее время существует единое мнение о том, что добиться снижения заболеваемости можно, развивая профилактическое направление (1, 3, 4, 5). Однако, количество лиц, ухаживающих за зубами, в крупных городах достигает 30-40%. Следовательно, появление на рынке огромного количества различных гигиенических средств, включая пасты, ополаскиватели, эликсиры и т.д., недостаточно для решения вопроса о массовом привитии навыков гигиены полости рта (7).

Ряд исследователей показали недостаточный уровень знаний и навыков гигиены полости рта, особенно у детей и подростков (2, 6). Добиться повышения уровня знаний о правильной гигиене полости рта, о мерах предупреждения стоматологических заболеваний у населения, учитывая особенности психологических свойств личности, на сегодняшний день задача весьма актуальная.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе кафедры терапевтической стоматологии ПСПбГМУ. В исследовании участвовало 153 человека в возрасте от 18 до 24 лет, в основном студенты стоматологического факультета ПСПбГМУ, у которых проводилось определение стоматологического статуса - определение гигиенических индексов по Грин-Вермилльон, Силнес-Лоэ, Фёдорову-Володкиной. Также определялись индекс кровоточивости по Саксу-Мюлеману, индекс РМА.

После этого пациентам проводилась профессиональная гигиена, обучение индивидуальной гигиене полости рта, давались рекомендации по использованию индивидуальных средств гигиены полости рта.

Через 1 месяц пациенты приглашались на повторный осмотр с определением стоматологических индексов.

Нами был разработан опросник, включавший в себя вопросы о возрасте, поле, социальной принадлежности обследуемого, отношении к состоянию своего здоровья, и отношении к стоматологическому здоровью. Для определения психологических особенностей личности респондентов проводился опрос, включающий тест Лири, Большая Пятёрка, тест интегративной тревожности, тест уровня субъективного контроля.

Методика Т. Лири (T. Leary, 1954) «Диагностика межличностных отношений» (ДМО, в адапт. Л. Собчик, 1990) предназначена для определения стиля межличностных взаимоотношений, который осуществляет пациент в отношении к другим людям, в частности, в ситуации лечения. При исследовании межличностных отношений наиболее часто выделяются два фактора: доминирование-подчинение и дружелюбие-агрессивность. Эта методика позволит изучить степень влияния характеристик поведения пациента и стиля установленных с врачом взаимоотношений на эффективность выполнения врачебных рекомендаций и лечения. Опросник содержит 128 оценочных суждений.

Опросник «Уровень субъективного контроля». Методика представляет собой модифицированный вариант опросника амер. психолога Дж. Роттера (Rotter J.B., 1954); позволяет оценить уровень субъективного контроля над разнообразными ситуациями, то есть определить степень ответственности человека за свои поступки и свою жизнь. Опросник УСК состоит из 44 пунктов. Установлено, что принадлежность человека к тому или иному типу локализации контроля (ответственности) оказывает влияние на многообразные характеристики его поведения. Уровень субъективного контроля – одна из важных характеристик самосознания, вызывающих чувство ответственности и готовность к активности.

Методика «Интегративный тест тревожности» (ИТТ, Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., 2005). Методика позволяет получить оценку эмоционального состояния пациента и, в частности, уровня тревожности как состояния и как личностной характеристики.

Методика «Большая пятёрка» (BIG 5, Big Five Inventory; John Danahue & Kentle, 1991, в адапт. А.Г. Шмелева, 1993) – предназначена для экспресс-диагностики основных характеристик личности пациента, пяти так называемых «больших» факторов темперамента и характера. Личность человека включает в себя пять общих и относительно независимых черт (диспозиций): экстраверсию, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и готовность к сотрудничеству. Методика позволяет построить личностный профиль пациента и, в какой-то степени, прогнозировать его поведение в процессе лечения.

Результаты

В результате пациенты были разделены на 2 группы: группа с отрицательной динамикой - это пациенты, у которых через месяц значение индекса гигиены Грин-Вермилльон стало больше, чем в начале исследования, и с положительной динамикой изменения этого индекса - это те пациенты, у которых этот показатель уменьшился. Проводился анализ каждой группы с использованием коэффициента корреляции г- Спирмена для ненормальных распределений. Отмечались слабые положительные (0,4-0,7), слабые отрицательные (-0,7- -0,4), сильные положительные (0,7-1) и сильные отрицательные (-1 - -0,7) корреляционные связи ($p \leq 0,01$).

В группе с отрицательной динамикой были выявлены следующие закономерности.

1. имелась положительная достоверная ($p \leq 0,01$) корреляционная связь между такими показателями как:

- индекс Saxer-Muhleman УСК 4 - уровень субъективного контроля в области семейных отношений
- индекс Silness-Loe и Лири 7 (сотрудничающий тип), Лири 4 (недоверчивый тип)

2. имелась отрицательная достоверная ($p \leq 0,01$) корреляционная связь между такими показателями как:

- индекс Saxer-Muhleman и УСК 5 уровень субъективного контроля в области производственных отношений (-0,41)
- индексом Фёдорова-Володкиной и ИТТ 10 (ФОб личностный) (-0,42), УСК 3 (контроль над неудачами) (-0,53), УСК5 (уровень субъективного контроля в области производственных отношений) (-0,56), ИТТ 3 (-0,43), 7 (-0,44), 9 (-0,61)

1. индексом Green-Wermillion и ИТТ 4 (-0,47), 6 (-0,59), 10 (-0,45), 12 (-0,41) стоит отдельно отметить:
 - отрицательную корреляционную связь между частотой посещения стоматолога и УСК 3 (уровень субъективного контроля в области неудач) (-0,41)
 - посещением профилактических осмотров и Лири 1 (властный-лидирующий) (-0,54)
 - положительную корреляционную связь между посещением профилактич. осмотров и УСК 6 (уровень субъективного контроля в области межличностных отношений) (0,46)
 - отрицательную корреляционную связь между частотой чистки зубов и ИТТ 10 (-0,41)
 - положительную корреляционную связь между частотой смены зубной щётки и Лири 1 (Властный — лидирующий) (0,55), 2 (Независимый — доминирующий) (0,47), 8 (Ответственный — великодушный) (0,63), ИТТ 2 (0,46)
 - отрицательную корреляционную связь между частотой смены зубной щётки и УСК 6 (уровень субъективного контроля в области межличностных отношений) (-0,40)
 - положительную корреляционную связь между использованием для гигиены щётки и ополаскивателя и Лири 6 (зависимый-послушный) (0,41)
2. отрицательную корреляционную связь между правильностью чистки зубов с точки зрения пациента и Лири 1 (Властный — лидирующий) (-0,41), 2 (Независимый — доминирующий) (-0,47)

В группе с положительной динамикой были выявлены корреляционные связи только между гигиеническими и пародонтальными индексами.

Заключение

- В группе с хорошим уровнем поддержания гигиены полости рта какие-либо психологические особенности не были выявлены. Это может свидетельствовать о том, что при хорошем состоянии здоровья полости рта взаимосвязи с психологическим типом пациента не успевали формироваться или еще не проявлялись.
- В группе с отрицательной динамикой гигиены полости рта выявлены следующие закономерности:
 - Все индексы гигиены имеют положительную корреляционную связь между собой, что закономерно.
 - Есть положительная корреляционная связь между индексами гигиены и частотой посещения стоматолога - чем хуже гигиена полости рта, тем чаще возникает потребность в обращении к специалисту
 - Есть положительная корреляционная связь между индексами гигиены и использованием дополнительных средств гигиены и есть отрицательная корреляционная связь между индексами гигиены и использованием только зубной щетки, что свидетельствует о потребности в дополнительных средствах личной гигиены при повышенном налётообразовании.
 - Обратная корреляционная связь с показателями гигиены полости рта и показателями личностной и си-

туационной тревожности УСК в области производственных отношений (УСК 5), может быть объяснена низким уровнем ответственности пациента к работе и к поддержанию гигиены полости рта.

- Есть положительная корреляционная связь индекса Силнес Лоэ и Лири 4, это свидетельствует о том, что люди с более низким уровнем субъективного контроля редко посещают стоматолога с целью профилактического осмотра, но чаще с целью лечения.
- Пациенты с низким уровнем тревожности реже меняют зубные щетки.
- Пациенты с низким показателем Лири 1, 2 и 8, что соответствует властно-лидирующему, независимому-доминирующему и ответственному-великодушному типам личностей, меньше беспокоятся о своем здоровье.
- Пациенты с низким показателем Лири 6 (Зависимый — послушный) плохо выполняют рекомендации врача.
- Слабая отрицательная корреляционная связь между правильностью чистки зубов с точки зрения пациента и Лири 1,2 (властно-лидирующий, независимый-доминирующий) свидетельствует о том, что у пациентов со слабо выраженными признаками этих типов нет сомнений, что они правильно чистят зубы. Это в свою очередь может привести к закреплению неправильных мануальных навыков, и как следствие - снижению качества индивидуальной гигиены полости рта.

Список литературы

1. Кузьмина Э.М. Профилактика стоматологических заболеваний: учебное пособие /Э.М. Кузьмина. – Москва, 2001. – 189 с.
2. Леонтьев В.К. Профилактика стоматологических заболеваний / В.К. Леонтьев, Г.Н. Пахомов. – Москва, 2006.-416 с.
3. Леус П.А. Профилактическая коммунальная стоматология / П.А. Леус. – Москва: Медицинская книга, 2008. – 288 с.
4. Маслак Е.Е. Новый подход к планированию профилактических программ в стоматологии /Е.Е. Маслак // Новое в стоматологии, № 2. – С.31-34.
5. Проблемы стоматологического здоровья у лиц молодого возраста (обзор литературы) / Л.Ю. Орехова, Т.В. Кудрявцева, Н.Р. Чеминава, В.В. Тачалов, Е.С. Лобода // Пародонтология.- Санкт-Петербург, 2014.- № 2 (71).- с. 3 -5
6. Кондратов А.И. Пути повышения эффективности санитарного просвещения в комплексной профилактике стоматологических заболеваний: Автореф. дис. канд. мед. наук. 14.00.21 / Кондратов Аркадий Иванович; [место защиты: Моск. Мед. ин-т им. Н.А. Семашко]. – Москва, 1990. - 20 с.
7. Федоров Ю.А. Гигиена полости рта / Ю.А. Федоров. – Москва, 2003. – 109 с.

Статья публикуется впервые

БИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ БОЛЬНЫХ С ПАТОЛОГИЕЙ ОРГАНОВ ПИЩЕВАРЕНИЯ

Тихомирова Галия Имамутдиновна

Доктор медицинских наук, доцент, ГБОУ ВПО «Ижевская Государственная Медицинская Академия» МЗ РФ

Халимов Эдуард Вагизович

Доктор медицинских наук, профессор ГБОУ ВПО «Ижевская Государственная Медицинская Академия» МЗ РФ

Паньков Вячеслав Павлович

Врач высшей квалификационной категории БУЗ УР «Республиканский Наркологический Диспансер» МЗ УР

АННОТАЦИЯ

Одной из причин возникновения язвенной болезни и ее осложнений является психоэмоциональный стресс. После примененных консервативных и оперативных методов лечения больных с патологией органов пищеварения, включающие сеансы психокоррекции, наблюдаются снижение частоты и выраженности признаков социально-психологической дезадаптации. Одним из проявлений психоэмоциональной дезадаптации является депрессия, которая оказывает существенное влияние на симптоматику и течение данных заболеваний. Снижение уровня депрессии значительно улучшает показатели восстановительной терапии.

ABSTRACT:

One of the causes of peptic ulcer disease and its complications is the psycho-emotional stress. After application of conservative and surgical treatment of patients with disorders of the digestive system, including the sessions of psychological correction, observed reduction in the frequency and severity of symptoms of social and psychological maladjustment. One manifestation of psycho-emotional maladjustment is depression, which has a significant impact on the symptoms and course of these diseases. Reduced levels of depression significantly improves regenerative therapy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *заболевания желудочно-кишечного тракта, психоэмоциональный стресс, дезадаптация, депрессия, психокоррекция.*

KEYWORDS: *disease of the gastrointestinal tract, psycho-emotional stress, maladjustment, depression, psychological correction.*

Одной из характеристик язвенной болезни желудка (ЯБЖ) и двенадцатиперстной кишки (ЯБДПК), а также желчнокаменной болезни (ЖКБ) является потенциальная возможность к спонтанной ремиссии и, вместе с тем, склонность к рецидивированию. В связи с этим целесообразно рассматривать применительно к новым хирургическим технологиям предложенные рядом авторов семь критериев эффективности лечения заболеваний, в частности язвенной болезни двенадцатиперстной кишки: купирование болевого и диспепсического синдромов; ускорение заживления язвы; подавление секреции соляной кислоты и пепсина; усиление защитных механизмов гастродуоденальной слизи; предотвращение рецидивов заболевания; предотвращение хирургических осложнений; минимизация побочных эффектов [9]. Исследованиями Ю.М. Губачёва и соавт. установлена необходимость введения восьмого критерия – это устранение или уменьшение признаков социально-психологической дезадаптации, уменьшение личностных нарушений и сцепленных с ними психосоматических сдвигов [4]. Кроме того, Н.В. Королюк предложил девятый критерий – восстановление механизмов регуляции органов пищеварения, функциональных межорганных и межсистемных связей после проведённых реабилитационных мероприятий [6].

Нам представляется целесообразным учёт ещё и десятого критерия – восстановление механизмов регуляции органов пищеварения и сопряжённых функционирующих систем после реабилитации с помощью методов психокоррекции.

Комплексная система по изучению психологического статуса пациентов, страдающих заболеваниями органов пищеварения, включала диагностику психофизиологического состояния с помощью методик Спилбергер-Ханина по шкалам ситуативной (СТ) и личностной тревожности (ЛТ), стрессоустойчивости (СУ) личности.

С целью оценки критериев самочувствия, активности и настроения применялся опросник САН. Он состоял из 30 пар противоположных характеристик, по которым

обследуемый отмечал степень актуализации той или иной характеристики своего состояния в настоящий момент. При подсчёте крайнюю степень выраженности негативного полюса пары оценивали в один балл, а крайнюю степень выраженности позитивного полюса пары – в семь баллов. Полученные баллы группировали в соответствии с ключом в 3 категории и подсчитывали количество баллов по каждому из них: самочувствие, активность, настроение. Полученные результаты по каждой категории делили на 10. Средний балл шкалы был равен 4. Оценки, превышающие 4 балла, свидетельствовали о благоприятном состоянии, а оценки ниже – о негативном.

После медикаментозных и хирургических методов лечения наблюдалось снижение частоты и выраженности признаков социально-психологической дезадаптации у больных с заболеваниями органов желудочно-кишечного тракта. Так, при язвенной болезни двенадцатиперстной кишки чаще, чем у здоровых лиц, выявлялись высокий уровень тревожности (личностной и реактивной), психологических отклонений невротического и смешанного характера. Полученные нами результаты не расходятся с данными некоторых исследователей [2].

Наиболее перспективным в исследованиях психологического аспекта патогенеза ЯБ является подход, учитывающий фазность нейро-эндокринных сдвигов. В наших исследованиях первые 2 недели рецидива заболевания (острая фаза) у 16,0% больных имелись признаки нарушения центральной нервной регуляции (невротический синдром), у 42,0% – проявления вегетоневроза по типу ваготонии, у 21,0% – клиника соларита, а у 7,0% – различные их сочетания. Выявленные сдвиги в нейроэндокринной регуляции уменьшались на 3-4 неделе рецидива (подострая фаза) и, особенно, в фазу рубцевания и эпителизации (5-6 недель рецидива). В период рецидивирования ЯБДПК уровень реактивной тревожности в группе наблюдаемых нами больных, не зависел от длительности анамнеза и не отличался от показателей здоровых лиц. По сравнению со здоровыми уровень личностной

тревожности у больных язвенной болезнью достоверно увеличивался (здоровые – $33,3 \pm 1,1$; язвенная болезнь с длительностью анамнеза менее 10 лет – $39,4 \pm 1,2$; более 10 лет – $42,2 \pm 1,2$; $p < 0,05$). У больных с ЖКБ аналогичный тест показал, что при длительном течении заболевания личностная тревожность увеличивалась (с длительностью течения более 10 лет – $37,8 \pm 1,1$; $p < 0,05$).

Обследованные нами больные в 51,1% случаях в качестве причин возникновения заболевания и его обострений или осложнений отметили нервно-психические перегрузки и стрессы. Больные в возрастных группах 36-45 лет и 46-60 лет чаще указывали на связь своего заболевания с психоэмоциональным перенапряжением, в возрастных группах 18-35 лет и старше 60 лет – несколько реже (рисунок 1).

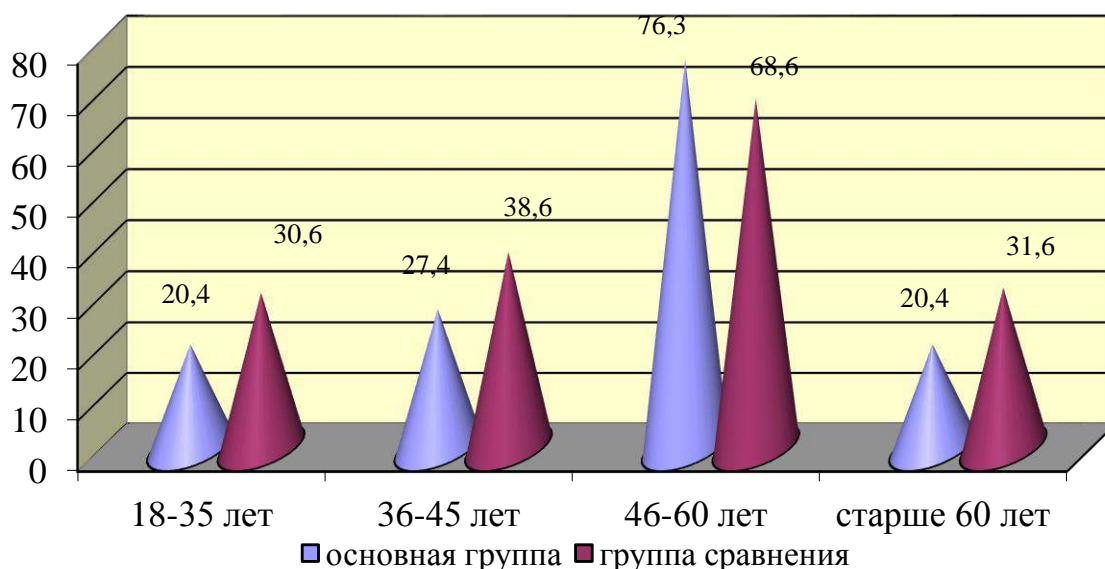

Рисунок 1. Частота случаев связей возникновения заболевания со стрессами, в зависимости от возраста, в сравниваемых группах (на 100 больных)

Анализ психоэмоциональных нарушений показал, что уровни реактивной и личностной тревожности у больных с заболеваниями органов пищеварения всех возрастных групп были выше соответствующих контрольных показателей. С возрастом реактивная тревожность нара-

стала. Показатель личностной тревожности в группах больных 18-35 лет, 36-45 лет, 46-60 лет был одинаково высоким, в группе больных старше 60 лет отмечался его рост (таблица 1).

Таблица 1

Результаты исследования реактивной, личностной тревожности и депрессии в сравниваемых группах в зависимости от возраста (в баллах)

Показа- тель	Возраст	Группы				контрольная группа
		наблюдения		сравнения		
		ЯБ	ЖКБ	ЯБ	ЖКБ	
РТ	18-35 лет	28,6±0,06	27,8±0,06	27,3±0,09	28,1±0,06	25,8±1,3
	36-45 лет	39,4±0,09	33,4±0,08	38,8±1,2*	34,2±0,07	
	46-60 лет	41,2±1,2	36,7±0,09	33,8±0,07*	36,8±0,08	
	старше 60 лет	37,5±0,09*	35,8±0,09*	37,8±0,09*	36,6±0,09*	
ЛТ	18-35 лет	41,5±1,2	40,2±1,1	42,08±0,33*	41,4±1,2	32,83±1,4
	36-45 лет	43,7±1,3	43,1±1,2	41,44±0,29*	46,7±1,3	
	46-60 лет	42,6±1,2	46,6±1,3	41,19±0,07*	48,2±1,4	
	старше 60 лет	44,3±1,3	42,4±1,2	50,05±0,07*	47,6±1,4	
Шкала депрес- сии	18-35 лет	35,2±0,09	35,7±0,07	34,3±0,85	36,6±0,09	36,02±0,9
	36-45 лет	37,8±1,1	36,6±0,09	36,19±0,10	38,5±1,0	
	46-60 лет	42,3±1,2	41,6±1,2	41,65±0,13*	42,6±1,2	
	старше 60 лет	41,5±1,2	41,2±1,2	41,71±0,26*	44,1±1,3	

Примечание: * – достоверность по отношению к контрольной группе.

В исследованиях, проведенных Ф.В. Белоусовым и соавт. (2001) было установлено, что до 18 лет степень беспокойства за состояние своего здоровья невелика и невысоок уровень психосоматического реагирования [3]. В группе до 30 лет возникает беспокойство за ограничение

трудоспособности. В группе больных 31-45 лет и 46-60 лет велика степень психосоматического реагирования из-за изменения отношения к своему здоровью. В наших исследованиях данная тенденция была подтверждена достоверно ($p < 0,01$).

Таким образом, для больных с заболеваниями органов желудочно-кишечного тракта, независимо от возраста, характерна высокая тревожность, обусловленная различными причинами.

Следовательно, у больных была значительно повышена, как реактивность на внешние и внутренние раздражители, так и увеличена частота устойчивых личностных расстройств, характеризующих склонность воспринимать большой круг ситуаций угрожающими. Полученные данные согласуются с результатами исследования Э.И. Белобородовой и соавт. (2001) о повышении тревожного компонента в структуре личности больных [1].

Одним из проявлений психо-эмоциональной дезадаптации является депрессия. Предыдущими исследованиями было показано, что депрессивные расстройства оказывают существенное влияние на симптоматику и течение заболеваний органов пищеварения [5].

В целом уровень депрессии у наблюдаемых нами больных язвенной болезнью в группе наблюдения был выше контрольного показателя ($36,0 \pm 0,9$ баллов) на 10,1% ($p < 0,01$) и составил $40,1 \pm 0,02$ балла, в группе сравнения – ($39,1 \pm 1,1$ балла) на 10,6%, что составило $43,1 \pm 0,07$ балла. Среди больных с ЖКБ в сравниваемых группах $32,7 \pm 0,7$ и $36,0 \pm 0,8$; $33,6 \pm 0,6$ и $38,5 \pm 0,9$ баллов соответственно.

В группах больных в возрасте 18-35 и 36-45 лет уровень депрессии не отличался от контрольного показателя. У больных в возрасте 46-60 лет и старше 60 лет наблюдалось углубление депрессии (таблица 2).

Нарушения психо-эмоционального состояния могут возникать как под воздействием социальной среды, так и под влиянием внутренних факторов, обусловленных нарушением гомеостатических возможностей организма в связи с длительностью заболевания. В этом случае можно ожидать рост показателей тревожности и уровня депрессии у больных в зависимости от продолжительности язвенной болезни.

Действительно, признаки психо-эмоциональной нестабильности углублялись у пациентов с более продолжительным течением заболевания. Таким образом, психо-

эмоциональная дисфункция, часто являясь пусковым механизмом возникновения язвенной болезни, сопутствуя ей в дальнейшем, нарастала с увеличением продолжительности заболевания, усугубляла её течение. В этой связи был вызван интерес к наличию связи между функциональным состоянием гастродуоденальной зоны и уровнем личностной тревожности, характеризующим достаточно устойчивую черту личности.

Методом корреляционного анализа выявлена обратная слабая связь между показателем личностной тревожности и значением базального интрагастрального pH ($r = -0,3$; $p < 0,05$), что согласуется с данными А.П. Кузнецова и соавт. (2004) о зависимости уровня кислотопродукции от типа личности [7]. Вместе с тем, между уровнем личностной тревожности и размером язв ($r = -0,02$; $p > 0,05$) корреляция отсутствовала. Не было также линейной корреляционной связи между личностной тревожностью и общим конъюнктивным индексом ($r = -0,02$; $p > 0,05$), но была выявлена прямая средней силы корреляция между показателем личностной тревожностью и индексом, характеризующим сосудистые изменения ($r = 0,6$; $p < 0,05$), выявленные эндоскопическим методом. Методом корреляции Спирмана установлена прямая связь между наличием в анамнезе различных осложнений язвенной болезни и личностной тревожностью ($r = 0,6$; $p < 0,05$).

Интересным было и то, что признаки психо-эмоциональной дезадаптации у больных с желудочной и дуоденальной язвой проявлялись по-разному. Уровень реактивной и личностной тревожности не отличался у больных ЯБЖ и ЯБДПК, а депрессия была наиболее выражена у больных с локализацией язвы в желудке ($p < 0,01$) (табл. 2).

Возможно, тревожные и депрессивные состояния по-разному влияют на регуляторные механизмы гастродуоденальной зоны, характер кислото-слизееобразования.

Следовательно, у всех наблюдаемых нами больных были выявлены признаки психоэмоциональной дезадаптации в виде высокого уровня реактивной и личностной тревожности и депрессии.

Таблица 2

Результаты исследования психоэмоционального состояния в зависимости от локализации язвы (в баллах)

Локализация язвы	Реактивная тревожность	Личностная тревожность	Шкала депрессии
Язва желудка	$28,5 \pm 0,9$	$41,7 \pm 0,8$	$43,4 \pm 1,1$
Язва 12-перстной кишки	$28,9 \pm 0,1$	$41,0 \pm 0,1$	$36,0 \pm 0,9^*$

Примечание: * – достоверность по отношению к группе больных с локализацией язвы в желудке ($p < 0,01$)

В период рецидивирования ЯБДПК по редакции теста А. Бека была выявлена мягкая депрессия. Низкие оценки по шкале САН отмечались в период рецидивирования заболевания независимо от течения болезни. После заживления околоязвенного дефекта психические нарушения сохранялись у 25-54% больных. С медленным заживлением язвы ассоциировалась тревога ($p < 0,05$), в частности высокий уровень тревоги приводил к 4-х кратному увеличению риска (формула Байеса) персистирования язвы, что также не расходится с данными, полученными другими авторами [10].

Таким образом, личностный портрет больных с заболеваниями органов пищеварения в разных возрастных группах отличается между собой в зависимости от вида проведенного оперативного и послеоперационного консервативного лечения. Длительные негативные переживания ведут к возбуждению эмоциональных структур мозга (ретикулярной формации, гипоталамуса). В этих структурах формируется «застойное» возбуждение за счёт выра-

женных изменений химической чувствительности составляющих их нейронов к нейромедиаторам и нейропептидам. На этом фоне в головном мозге происходят изменения нейрохимических процессов, которые нарушают деятельность регуляторных систем и ведут к сомато-вегетативным расстройствам [8]. Обнаруженная нами дисфункция психо-эмоционального состояния, коррелирующая с нарушением желудочного кислотообразования и микроциркуляции, является патогенетическим обоснованием использования психокоррекции, как метода лечения данной группы пациентов в комплексной программе.

Список литературы

1. Белобородов Э.И., Писаренко И.В., Доброхотова Т.А. Течение язвенной болезни двенадцатиперстной кишки... С.60-64.; Психология личности: тесты, опросники, методики / авт. сост.: Киршев Н.В., Рябчиков Н.В. М.: Геликон, 1995. – 236 с.
2. Белобородова Э.И., Писаренко И.В., Дорохова Т.А. Течение язвенной болезни двенадцатиперстной

кишки в зависимости от типа личности и эффективности дифференцированной психотропной терапии // Терапевт. архив. 2002. — № 8. — С. 60-64.

3. Белоусов Ф.В., Циммерман Я.С., Трегубов Л.З. Проблема выбора органа-мишени в психосоматической медицине (на примере язвенной болезни двенадцатиперстной кишки) // Сибирский журнал гастроэнтерологии и гепатологии 2001. — №12. — С.16-18.
4. Губачев Ю.М., Жузжанов О.Т., Симаненков В.И. Психосоматические аспекты язвенной болезни. Алма-Ата: "Казахстан", 1990. — 215 с.
5. Загрова Т.А., Корнетов Н.А., Белобородова Э.И. Язвенная болезнь: некоторые аспекты коморбидности с тревожными и депрессивными расстройствами // Сибирский журнал гастроэнтерологии и гепатологии. 2001. — № 12. — С. 14-16.; Загрова Т.А., Крицкая Л.И., Куряев О.В. Влияние коморбидной депрессии на течение язвенной болезни // Сибирский журнал гастроэнтерологии и гепатологии. 2002. — № 14. — С. 36-37.; Фирсова Л.Д. Особенности психической сферы больных язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки на разных

стадиях заболевания // Тер. архив. 2003. — № 2. — С. 21-23.

6. Корочанская Н. В. Центральная гемодинамика и психоэмоциональный статус у больных язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки молодого возраста: автореф. дис.... канд. мед. наук. Краснодар, 1993. — 20 с.
7. Кузнецов А.П. Взаимосвязь психологических маркеров личности с показателями желудочной секреции / А.П. Кузнецов [и др.] // Рос. журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2004. — № 5. — с. 122.
8. Судаков К.В. Системные механизмы эмоционального стресса. М. 1981. — 231с.
9. Фишер А.А., Радбиль О.С. Критерии оценки эффективности лечения язвенной болезни (обзор литературы) // Новости медицины. М., 1985. — Вып. 11-12. — С. 1-70.
10. Psychologic predictors of duodenal ulcer healing / S. Levenstein [et al.] // J Clin Gastroenterol. 1996. — Vol. 22 (2). — P. 84-89.

ИЗУЧЕНИЕ АНОМАЛИЙ И ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ СТОПЫ

Цыпуштанова Мария Михайловна

студентка Пермского Государственного Медицинского Университета им. ак. Е. А. Вагнер, 3 курс, 309 группа

Объектом данного исследования является трупный материал - стопа человека.

Стопа — это дистальный отдел свободной части нижних конечностей человека. Она представляет собой свод, который непосредственно соприкасается с поверхностью земли и служит опорой при стоянии и передвижении [1, с. 153].

Основные функции стопы: рессорная, толчковая, балансирующая, рефлексогенная и опорная. Последняя заключается в удерживании массы тела и обеспечение движения тела в пространстве. В связи с этим стопа человека имеет три точки опоры: две располагаются в переднем отделе (головка третьей плюсневой кости и головка пятой плюсневой кости), одна в заднем (бугор пяточной кости). Для нормального функционирования стопы необходимо интенсивное кровоснабжение и иннервация этого участка конечности [4, с. 8]. Изучение нормальной анатомии стопы, вариантов ее строения, кровоснабжения и иннервации имеет определяющее значение в выявлении патологии данного органа. Это важно использовать и в хирургии, ведь от особенности строения, а особенно и вариантов развития, будет зависеть ход и методика той или иной операции, проводимой на стопу [2, с. 43].

Одним из методов изучения нормальной и вариативной анатомии данной области является препарирование [5, с. 11]. Препарирование — процесс изготовления препарата для научных исследований, а также вскрытие материала (труп) для изучения структуры исследуемого материала, а также отделение препаримуемого органа от близлежащих тканей, выделение органа или части органа от сопутствующих ему анатомических структур [3, с. 5].

В связи с вышесказанным, целью данной работы является: препарирование сосудов и нервов стопы и изучение анатомических особенностей полученного препарата.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Провести обзор литературы по данной теме;
2. Выполнить препарирование стопы;
3. Оформить дневник препаровки;
4. Выявить анатомические варианты строения данной стопы;
5. Сделать вывод на основе полученных данных.

В ходе препарирования мной были обнаружены некоторые варианты развития сосудов и нервов стопы, отличающихся от литературных данных.

Согласно атласу на тыле стопы проходит а. dorsalis pedis, тыльная артерия стопы, которая представляет собой продолжение передней больше-берцовой артерии. Пересекает сзади сухожилие m. extensor hallucis longus и после выхода из-под нижнего края retinaculum mm. extensorum inferius ложится с латеральной стороны от этой мышцы. Кроме 2 — 3 кожных веточек, разветвляющихся в коже тыла и медиальной стороны стопы, тыльная артерия стопы отдает следующие ветви: aa. tarseae mediales, a. tarsea lateralis, a. arcuata, a. metatarsa dorsalis prima, ramus plantaris profundus.

На препарате тыльная артерия стопы имела некоторое другое расположение. Она локализована прямо под фасцией, и просматривалась уже после снятия кожи (рис. 1). А. dorsalis pedis на данной стопе лежала на retinaculum mm. extensorum inferius (рис. 2). На уровне основания плюсневых костей, артерия уходит в более глубокие слои, возможно, для образования дуговой артерии.

Глубоких вен тыла стопы, сопровождающих а. *dorsalis pedis* не было обнаружено, вместо этого ветви венозной дуги тыла стопы на уровне плюсневых костей прободает фасцию (рис. 3) и уходит вместе с сопровождающей артерией вглубь стопы. Может быть, что глубокие вены тыла в данной ситуации и без надобности, ведь сама артерия тыла стопы идет над *retinaculum mm. extensorum inferius*.

В ходе данной работы были выполнены следующие поставленные задачи:

1. Была изучена литература по данной работе, что позволило повысить знания автора по топографической анатомии и препарированию.
2. Была дана полная оценка состояния полученного материала (стопы).

Рисунок 1. Тыльная артерия стопы после снятия кожи

Рисунок 2. Тыльная артерия стопы

Рисунок 3. Ветвь *rete venosum dorsale pedis* прободает фасцию

Список литературы

1. Атлас анатомии человека. Том 1./ Синельников Р. Д.// учебник. - М.: «Государственное издательство медицинской литературы». - 1963. - 478с.
2. Атлас нормальной анатомии человека. Том 2./Сапин М.Р., Никитюк Д.Б., Швецов Э.В.// учебное пособие - М.: «МЕДпресс-информ». - 2006. - 488с.
3. Баландина И.А. УИРС по "анатомии человека"./ Баландина И.А., Рудин В.В., Маслова О.А., Гаряев

3. Был изготовлен сосудисто – нервный препарат стопы, что позволило приобрести и улучшить прикладные навыки. Также были сделаны поэтапные фотографии препарирования и схемы основных сосудов и нервов стопы.
4. Были выявлены некоторые морфо – функциональные особенности препарата.
5. Были соблюдены все правила техники безопасности.

Подготовленный препарат в дальнейшем может быть использован в качестве предметного материала для изучения топографии кровеносных сосудов и нервов стопы.

- П.А.// учебное пособие - Пермь. Пермская медицинская академия. - 2013. - 105с.
4. Вирани Я.М. Журнал "Педиатрия" [Функции стопы] / Я.М. Вирани // Библиотеки учебных заведений. - 2012. - № 7. - С. 135.
5. Гончаров Н.И. Руководство по препарированию./ Гончаров Н.И., Сперанский Л.С.// учебное пособие - Волгоград: Волгоградская медицинская академия. - 1994. - 217с.

МНЕНИЕ ПАЦИЕНТОК О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО И САНАТОРНО-КУРОРТНОГО ЛЕЧЕНИЯ ПРИ ДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ НОВООБРАЗОВАНИЯХ ОРГАНОВ ЖЕНСКОЙ ПОЛОВОЙ СФЕРЫ

Цивьян Борис Львович

Кандидат медицинских наук, заведующий гинекологическим отделением Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Городская больница № 40»

АННОТАЦИЯ

Существенное влияние на репродуктивное здоровье населения оказывает, на современном этапе, значительная распространенность патологии органов женской половой сферы, в том числе доброкачественных новообразований. В статье рассматриваются вопросы организации медицинской помощи женщинам с доброкачественными новообразованиями органов женской половой сферы на этапе восстановительного и санаторно-курортного лечения, в том числе представлено мнение пациенток о результатах такого лечения.

ABSTRACT

Significant impact on reproductive health of the population has, at the present stage, the considerable prevalence of diseases of the female genitalia, including benign tumors. The article considers the issues of organization of medical care for women with benign tumors of the female genitalia at the stage of rehabilitation and sanatorium treatment, including the views of patients about the results of such treatment.

Ключевые слова: гинекология, репродуктивное здоровье, доброкачественные новообразования органов женской половой сферы, реабилитация и санаторно-курортное лечение.

Keywords: gynecology, reproductive health, benign tumors of the female genital sphere, rehabilitation and sanatorium treatment.

Одной из наиболее распространенных групп заболеваний, с которой приходится сталкиваться врачам-акушерам-гинекологам [1, 2], являются доброкачественные новообразования органов женской половой сферы: лейомиома матки различных локализаций, другие доброкачественные новообразования матки (шейки, тела и других частей матки, неуточненной части матки), доброкачественные новообразования яичника, а также доброкачественные новообразования других и неуточненных женских половых органов (вульвы, влагалища, маточных труб, связок и пр.). По данным отдельных авторов [3], патология этой группы встречается у каждой третьей пациентки женской консультации (29,5 %), а одной из ведущих причин госпитализации (44,3 %) гинекологических пациенток стационара является лечение лейомиомы матки.

Актуальность вопросов организации медицинской помощи женщинам, страдающим указанной патологией, обусловлена существенным её влиянием на репродуктивное здоровье общества. Лечение ряда доброкачественных новообразований органов женской половой сферы сопровождается возникновением проблем психологического характера, связанных, прежде всего, с возможными проблемами с репродуктивным здоровьем в будущем, а также с боязнью размножения злокачественных новообразований. Кроме того, оперативные вмешательства, выполняемые пациенткам при лечении доброкачественных новообразований органов женской половой сферы, в ряде случаев, требуют последующего восстановления утраченных функций организма. Все это позволяет говорить о важности соблюдения принципов непрерывности и преемственности лечения пациенток на всех этапах оказания медицинской помощи больным этой категории. Особенно актуальными становятся вопросы применения методик реабилитации и восстановительного лечения, а также санаторно-курортного лечения в практике оказания медицинской помощи пациенткам с доброкачественными новообразованиями органов женской половой сферы.

Социологическое исследование, проведенное нами в Санкт-Петербурге среди женщин, страдающих вышеописанной патологией, выявило значительный объем проблемы психологического дискомфорта. Только каждая третья пациентка женской консультации указала, что

необходимость лечения по поводу доброкачественного новообразования в женской консультации никак не повлияла на её психологическое состояние. С частотой 25,7 на 100 опрошенных женщины указали на появившееся в связи с лечением ощущение неуверенности в себе, в своем «женском здоровье», а 24,4 на 100 респондентов отметили появившуюся тревогу по поводу неясности прогноза заболевания в связи с недостаточностью информации. Наиболее часто женщин тревожит необходимость проведения хирургического лечения в дальнейшем (48,9 на 100 опрошенных).

Пациентки, получавшие лечение по поводу доброкачественных новообразований органов женской половой сферы в стационаре, также не высоко оценили уровень своего психологического комфорта – в среднем на 3,5 балла. А после выписки из стационара и проведенного лечения, только 37% опрошенных женщин отметили, что их психологическое состояние улучшилось.

Возможными способами преодоления психологического дискомфорта пациентки женских консультаций считают не только помощь профессионала-психолога (каждая десятая указала на то, что рассматривает такой вариант), но и более эффективное взаимодействие с работниками женской консультации (68,9 из 100 опрошенных женщин указали, что успокоить их могли бы подробные разъяснения о диагнозе и лечении со стороны медицинского персонала).

Большинство пациенток стационара, участвовавших в опросе, отметили, что не могут сразу вернуться к обычной жизни – им требуется проведение реабилитационных мероприятий и долечивания на амбулаторном этапе (с частотой 75,3 на 100 опрошенных пациентки отметили, что нуждаются в последующем амбулаторном наблюдении в женской консультации). Наряду с этим участницы опроса с частотой 10,1 на 100 опрошенных указали, что нуждаются в проведении долечивания с применением реабилитационных программ и с частотой 15,9 на 100 опрошенных – что им необходимо санаторно-курортное лечение. В применении методик психологической реабилитации нуждаются, по их мнению, 5 из 100 опрошенных женщин.

В Российской Федерации отсутствует опыт применения методик восстановительного и санаторно-курортного лечения пациенток с доброкачественными новообразованиями органов женской половой сферы. В рамках проведенного исследования особенности этапа санаторно-курортного лечения пациенток интересующей нас группы изучены на примере санаториев Литвы.

Методика лечения женщин с вышеуказанной патологией, применяемая в изученных санаториях включает семь основных разделов: фармакотерапия (витаминотерапия), физиотерапия (электротерапия, лазеротерапия, магнитотерапия, светотерапия, лимфодренаж, ингаляции парами минеральной воды и кислородом, грязевые аппликации), лечебная физкультура (неправленая на стимуляцию органов малого таза, укрепление мышц пояснично-крестцового отдела позвоночника, нижних конечностей), диетотерапия, климатотерапия (аэротерапия, гелиотерапия), психотерапия (менотерапия, библиотерапия, психорелаксация, ароматерапия), мануальная терапия и массаж (массаж воротниковой зоны). В зависимости от медицинских показаний вышеуказанные методы лечения применяются пациентам в различных сочетаниях, а также сопровождаются медикаментозной терапией по поводу сопутствующих заболеваний.

Интересны оценки пациентками санатория результатов полученного лечения. В опросе участвовали 120 женщин – пациенток санатория, получавших лечение по поводу доброкачественного новообразования органов женской половой сферы бесплатно, в рамках государственных программ. Средний возраст опрошенных женщин составил 57,5 лет ($m=0,45$). Большинство из них (62,5%) работающие. Большинство опрошенных женщин страдают доброкачественным новообразованием длительный период времени: половина – на протяжении нескольких лет, а 37,5% – нескольких месяцев. При этом, 65% респондентов ранее не получали восстановительного и/или санаторно-курортного лечения, в том числе по поводу рассматриваемой патологии.

Все опрошенные пациентки поступили на лечение в санаторий практически сразу после стационарного лечения (срок ожидания составил от нескольких дней до недели). Продолжительность предшествующего стационарного лечения у большинства опрошенных (61,8%) не превысила 7 дней, остальные отметили, что лечились в стационаре не более 10 дней. Это позволяет считать рассматриваемое лечение в санатории этапом долечивания, позволяющим сократить длительность пребывания в стационаре до необходимого минимума.

Подавляющее большинство опрошенных женщин (97,3%) отметили, что полностью удовлетворены работой

санатория, а 87,5% респондентов считают, что эффект от санаторно-курортного лечения полностью соответствовал их ожиданиям. Наиболее эффективными методами лечения в санатории пациентки считают физиотерапию и лечебную физкультуру – на это указали участницы опроса с частотой 63 на 100 опрошенных. Также среди методов, оказавших наибольшее положительное влияние на состояние здоровья, женщины отметили мануальную терапию и массаж (56 положительных ответов на 100 опрошенных). Следует отметить и довольно высокую частоту положительных ответов об эффективности психотерапевтических методик – 37 из 100 опрошенных указали на это. Климатотерапию и диетотерапию пациентки реже отмечали среди наиболее эффективных методов (19 и 12 на 100 респондентов соответственно).

О высокой эффективности медицинской помощи, полученной на этапе долечивания, свидетельствует то, что большинство участниц опроса не считают, что в другой медицинской организации медицинская помощь была бы оказана лучше (45%), либо сомневаются в этом (13%). Около 30% опрошенных женщин затруднились ответить на этот вопрос.

Вопросы эффективности восстановительного и санаторно-курортного лечения женщин с доброкачественными новообразованиями органов женской половой сферы остаются особенно актуальными в свете поиска путей повышения эффективности лечения, а также рационального использования ограниченных ресурсов здравоохранения. Необходимо изучение данных вопросов и принятие управленческих решений по стимулированию предоставления медицинских услуг по восстановительному и санаторно-курортному лечению в рамках программ государственных гарантий бесплатного предоставления гражданам медицинской помощи в Российской Федерации.

Список литературы

1. Горохова Л.М., Мартынова Н.А., Кочорова Л.В., Калинин А.Г. Медико-социальные особенности бесплодного брака // Экология человека. – 2008. – № 12. – С. 44 – 47.
2. Горохова Л.М., Буренков Г.М., Кузьмин А.Г., Мартынова Н.А., Кочорова Л.В. Пути улучшения здоровья женщин фертильного возраста в Вологодской области // Экология человека. – 2008. – № 7. – С. 38 – 39.
3. Комличенко Э.В. Репродуктивное здоровье женщин и обоснование системы мер по его улучшению (на примере Санкт-Петербурга): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – СПб., 2010. – 37 с.

СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА БЕШЕНСТВА

Тулемисов Кайрат Жумахметович

ассистент кафедры хирургии, анестезиологии и реанимации Международного Казахско-Турецкого университета имени Ходжа Ахмета Ясави, г. Шымкент, Республика Казахстан

Баймедетов Рустем Есмырзаевич

кандидат медицинских наук кафедры хирургии, анестезиологии и реанимации Международного Казахско-Турецкого университета имени Ходжа Ахмета Ясави, г. Шымкент, Республика Казахстан

Ильясов Мухтар Шахмуратович

врач-хирург центра амбулаторной хирургии, травматологии и гинекологии, г.Шымкент, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

В этой статье описываются специфические методы профилактики бешенства по г.Шымкент с использованием антирабической вакцины (индираб) и антирабического иммуноглобулина (эквираб).

ABSTRACT

This article describes specific methods for preventing rabies Shymkent with the use of rabies vaccine (indirab) and rabies immunoglobulin (ekvirab).

Ключевые слова: бешенство, вакцинация, укус животных.

Keywords: rabies, vaccination, animal bites.

Бешенство – острая, зоонозная, природно-очаговая инфекция, характеризующееся поражением нервной системы и всегда заканчивающееся летальным исходом. По оценке ВОЗ, по наносимому экономическому ущербу среди инфекционных болезней занимает 5 место [2, с. 26].

Заболеваемость бешенством регистрируется на территории большинства (167) стран мира, где ежегодно свыше 10 млн человек получают различные повреждения от животных и более 4 млн человек – специфическую антирабическую помощь. Бешенство до сих пор остается практически неизлечимым заболеванием, от него ежегодно погибает до 50 тыс человек.

Эпизоото-эпидемиологическая обстановка особенно неблагоприятна в развивающихся странах, где борьба с бешенством у людей и собак стала неотложной необходимостью. В мире на современном этапе происходит глобальный рост рабической инфекции. Согласно данным WHO/CDS/ CSR/APH/99/6, по бешенству неблагоприятны 34 страны Африки, 27 — Азии, 26 — Америки, 24

— Европы. Свободными от бешенства были соответственно 6, 10, 6, 18 (в Европе благополучны в основном окраинные и островные государства — Греция, Италия, Португалия, скандинавские страны, Великобритания). Традиционно свободными от бешенства в течение всего исторического развития являются страны Океании. Из стран на постсоветском пространстве чаще болеют бешенством люди в среднеазиатских республиках и Закавказье, где регистрируется собачье бешенство [1, с.101].

По городу Шымкент продолжает регистрироваться большое количество пострадавших от укусов животными, в 2013 году в лечебно-профилактические учреждения с укусами обратились 4893 человек, а в 2014 году 4253 человек.

Антирабическая помощь по г.Шымкент оказывается в рабиологическом отделении центра амбулаторной хирургии, травматологии и гинекологии. Центр также является клинической базой кафедры хирургии, анестезиологии и реанимации Международного Казахско-Турецкого университета имени Х.А. Ясави.

Таблица 1

Количество пациентов обратившиеся в лечебно-профилактические учреждения за рабиологической помощью за 2013-2014гг.

	2013	2014
Пациенты обратившиеся с наличием укушенных ран, царапин и ослюнений кожи.	4893	4253
Пациенты отказавшиеся от вакцинации (на 0 день)	21	7
Пациенты начавшие вакцинацию.	4863	4243
Пациенты с приостановленной вакцинацией через 10 дней от момента укуса (наличие ветеринарной справки на животных)	1846	924
Пациенты получившие полный курс антирабической вакцинации	3047	3329
Госпитализированные пациенты после укуса.	2029	1859
Больные укушенные домашними животными.	3278	1473
Больные укушенные бродячими животными.	1615	2780

Количество пациентов, обратившихся с укусами в 2014г. на 7% снизилось по сравнению с 2013 годом, но количество укусов бродячими животными увеличено на 27%.

Схема вакцинации зависит от типа имеющейся вакцины. В Южно-Казахстанской области используется гетерологичный антирабический иммуноглобулин (Эквираб) и антирабическая вакцина (Индираб). Эквираб представляет собой стерильный апиогенный раствор для внутримышечного введения, содержащий готовые антитела против вируса бешенства, полученный из сыворотки крови здоровых лошадей иммунизированных вакциной против бешенства. Антитела нейтрализуют вирус бешенства и его компоненты при введении людям после контакта с больным бешенством животным. Сыворотка содержит также антимикробное вещество – крезол. Антирабическая сыво-

ротка с готовыми антителами служит для пассивной иммунизации, но не стимулирует выработку собственных антител, а лишь защищает инфицированного человека до тех пор, пока не начнут синтезироваться антитела после введения антирабической вакцины. Сыворотка сама по себе не обеспечивает полного лечения и всегда назначается с вакциной. Индираб Вакцина антирабическая выращена на клетках Vero из штамма Pitman Moog вируса бешенства, очищенная J3 -пропиолактоном, инактивированная, лиофилизированная, индуцирует выработку иммунитета против вируса бешенства. Одна доза (1 флакон) вакцины содержит активное вещество- очищенный, инактивированный антиген вируса бешенства 2,5 ME (0,4мл), вспомогательные вещества: тиомерсал 0,05 мг, мальтоза 25 мг, альбумин человеческий 0,025 мл. Растворитель - 0,3 % раствор натрия хлорида 0,5мл.

Таблица 2

Количество антирабического иммуноглобулина (Эквираб) и антирабической вакцины (Индираб) использованные за 2013-2014 гг.

	2013	2014
Вакцинация - ИНДИРАБ	122842	20347
Введение Эквираб.	4049	3857

Профилактика бешенства проводится совместно с органами здравоохранения, ветеринарной службой, управлениями охотничьими хозяйствами, работниками коммунальной службы. Таким образом, сохраняющаяся

неблагополучная эпизоотическая и эпидемиологическая обстановка по заболеваемости бешенством людей и животных, обусловленная широким распространением при-

родного бешенства, увеличением численности безнадзорных животных, требует постоянного внимания к данной инфекции как органов Госсанэпиднадзора, лечебно-профилактических учреждений, ветеринарной службы, так и органов государственного и местного самоуправления.

Список литературы

1. Авилов В.М., Гусев А.А., Савин А.В.//Ветеринарная патология. - 2002, № 1 - С. 101.
2. Мовсесянц А.А., Хадарцев О.С.//Журнал микробиологии. - 2003, № 5 - С. 26.

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ОТРАБОТКИ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ НЕПРЕРЫВНОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЧАСТКОВЫХ ВРАЧЕЙ ПЕДИАТРОВ ГОРОДА ТЮМЕНИ

Петрушина Антонина Дмитриевна,

профессор, доктор медицинских наук, заведующая кафедрой педиатрии факультета повышения квалификации и профессиональной подготовки врачей Тюменского государственного медицинского университета, г.Тюмень

Мальченко Любовь Александровна

доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры педиатрии факультета повышения квалификации и профессиональной подготовки врачей Тюменского государственного медицинского университета, г.Тюмень

Ушакова Светлана Анатольевна

доцент, кандидат медицинских наук, доцент кафедры педиатрии факультета повышения квалификации и профессиональной подготовки врачей Тюменского государственного медицинского университета, г.Тюмень

THE EXPERIENCE OF IMPLEMENTING THE MODEL TRAINING OF MAIN PRINCIPLES OF CONTINUING MEDICAL EDUCATION OF DISTRICT PEDIATRICIANS IN THE CITY OF TYUMEN

Petrushina Antonina, Professor, doctor of medical Sciences, head of the Department of Pediatrics of the faculty of skills upgrading and training of doctors Tyumen state medical University, Tyumen

Malchenko Lyubov, associate Professor, candidate of medical Sciences, associate Professor of Pediatrics Department of the faculty of skills upgrading and training of doctors Tyumen state medical University, Tyumen

Ushakova Svetlana, associate Professor, candidate of medical Sciences, associate Professor of Pediatrics Department of the faculty of skills upgrading and training of doctors Tyumen state medical University, Tyumen

АННОТАЦИЯ

В статье представлен региональный опыт реализации модели отработки основных принципов непрерывного медицинского образования участковых врачей педиатров города Тюмени. Предложенная образовательная модель способствует формированию у врачей потребности в непрерывном самостоятельном овладении профессиональными знаниями, умениями и навыками.

Ключевые слова: непрерывное медицинское образование, педиатры

ABSTRACT

The article presents the experience of the implementation of the model training of main principles of continuing medical education of district pediatricians in the city of Tyumen. The proposed learning model contributes to the formation of the doctors of the need for continuous self-mastery of professional knowledge, abilities and skills.

Keywords: continuing medical education, pediatricians

Качество оказания медицинской помощи населению страны, оптимальное использование ресурсов системы здравоохранения, повышение эффективности здравоохранения субъектов Российской Федерации, определенные Указом Президента Российской Федерации (РФ) от 7 мая 2012 г. № 598, напрямую зависят от уровня подготовки медицинских специалистов, владеющих современными методами диагностики и лечения заболеваний, способных применять новейшие достижения медицинской науки, обеспечить профилактическую направленность ведения пациента [1,7]. К системным проблемам здравоохранения РФ относят: несоответствие системы повышения квалификации медицинских кадров потребностям практического здравоохранения и международным стандартам; технологии последиplomного образования устарели, курсы повышения квалификации отрывают медицинских работников от практической деятельности на длительный срок; рабочие места врачей не обеспечены выходом в Интернет; специальные программы для дистанционного обучения не разработаны; в бюджетах всех уровней не предусмотрены расходы на бесплатное персонифицированное обучение медицинских работников [3].

Опыт ряда субъектов РФ показывает, что внедрение принципа непрерывности повышения квалификации медицинских специалистов, привлечение к обучению ведущих специалистов профессиональных некоммерческих организаций, включение в образовательную программу наиболее актуальных проблем практического здравоохранения, а также использование симуляционного обучения и дистанционных образовательных технологий в системе дополнительного образования, могут существенно повысить мотивацию специалистов к систематическому обучению [1,3,7].

Учитывая актуальность перехода к системе непрерывного медицинского образования (НМО), Министерство здравоохранения РФ совместно с Национальной медицинской палатой и медицинскими некоммерческими организациями инициировало реализацию модели отработки основных принципов НМО для врачей-терапевтов участковых, врачей-педиатров участковых, врачей общей практики. Положение о модели регламентировано приказом Минздрава России №837 от 11.11.2013 г. [6]. Сроки реализации модели: 1 декабря 2013г. – 29 января 2015г.. Основные принципы реализации модели: внедрение не-

прерывности обучения врача – в течение всего календарного 2014 г. с использованием учебных модулей и включением обучающихся очных циклов; применение в обучении дистанционных образовательных технологий и электронного обучения; формирование программ с учетом наиболее актуальных проблем практического здравоохранения.

Цель. Представить региональный опыт реализации модели отработки основных принципов непрерывного медицинского образования участковых врачей педиатров города Тюмени в рамках пилотного проекта, реализуемого на территории Российской Федерации.

Результаты. В реализации непрерывного медицинского образования в Тюменской области использована сетевая форма договора с некоммерческим Партнерством «Тюменское Региональное Медицинское Общество» (ТРМО), Департаментом Здравоохранения Тюменской области (ДЗТО) и Тюменской государственной медицинской академией (ТГМА). Распределение образовательной нагрузки: ТРМО – 36 часов (36 кредитных единиц), из которых 20 часов выделено на участие в научно-практических конференциях, выступления на врачебных планерках с сообщениями; 16 часов (кредитных единиц) – лекции, семинары от представителей профессиональных ассоциаций и руководителей ДЗТО (25% – региональный компонент); кафедра педиатрии ФПК и ППС ТГМА – 108 часов, из которых 80% – с использованием дистанционных технологий.

В январе 2014 г. был сформирован реестр из 20 слушателей, принимающих участие в реализации модели. Все слушатели выразили свое согласие на участие в проекте. Проведено организационное собрание, где врачи были ознакомлены с образовательной программой. Разработанный учебный план включал в себя 17 учебных модулей для дистанционного и очного обучения, предполагалось участие в конференциях. Дистанционное электронное обучение проводилось через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет на рабочих местах и индивидуально во внерабочих условиях в системе EDUCON. Слушателям были присвоены индивидуальные логины и пароли для выхода в систему. В этой же системе регулярно осуществлялся мониторинг и контроль деятельности слушателей в рамках реализации модели. Преимущества и эффективность внедрения системы Educop: требует от врача постоянно, планомерно, в соответствии с утвержденным графиком, выполнять учебно-тематический план. Система создает и хранит портфолио каждого обучающегося (все зачеты, оценки, комментарии преподавателя). Предполагает пошаговое изучение учебного материала. В конце каждого модуля даются контрольные вопросы, на которые врачи должны ответить в раздела или темы конце раздела или темы к месяца. Система Educop автоматически оценивает уровень подготовки, ставит оценку и заносит в ведомость обучающегося.

Разработанные сотрудниками кафедры учебные модули имели следующую структуру: тема, тесты для определения исходного уровня знаний по данной проблеме, теоретическое изложение материала с поставленной целью и актуальностью, перечень знаний и умений по теме, список литературы, контрольные вопросы, тесты, ситуационные задачи. Ежемесячно проводился контроль освоения учебных модулей. Анализировались результаты контроля исходного уровня знаний и заключительного контроля. Ежемесячно формировался отчет о реализации модели отработки основных принципов непрерывного образования.

Обучение разделилось на весенний и осенний семестры с дистанционным и очным освоением программы. В весеннем семестре дистанционно врачами-педиатрами – участниками пилотного проекта было освоено 6 учебных модулей со сдачей зачетов. В апреле все педиатры приняли участие в областной научно-практической конференции «Актуальные вопросы неонатологии, неврологии и педиатрии раннего возраста» с приглашением ведущих ученых педиатров, представляющих Союз педиатров России. В заключении конференции педиатры получили сертификаты на 12 кредитных единиц. Проведено два вебинара по актуальным вопросам через интернет в системе on-line с возможностью общения и ответов на вопросы. С 23 по 28 июня 2014 г. проводилась очная часть обучения с освоением смежных дисциплин (детские инфекции, туберкулез, неонатология) и актуальных вопросов педиатрии. Для чтения лекций и проведения семинаров привлекались специалисты Департамента здравоохранения Тюменской области и представители областной профессиональной ассоциации педиатров. В заключение был проведен рубежный контроль знаний. Средний процент правильных ответов по тестам по группе составил 76,3% – удовлетворительный результат.

В осеннем семестре дистанционно врачи осваивали 3 учебных модуля, прослушали 2 вебинара, в ноябре участвовали в юбилейной областной научно-практической конференции «Актуальные вопросы педиатрии и неврологии детского возраста» также с получением сертификатов на 12 кредитных единиц. С 18 по 24 декабря состоялась вторая очная часть. Включено освещение новых диагностических и лечебных технологий в педиатрии, в том числе по ведущим направлениям научно-практической деятельности кафедры педиатрии ФПК и ППС, актуальным для регионального здравоохранения: профилактика хронических неинфекционных заболеваний у детей и подростков [10], ранняя диагностика и лечение заболеваний органов дыхания [2,5] и сердечно-сосудистой системы [9], инновационные технологии оказания помощи детям с ревматическими заболеваниями [11], скрининговые технологии диагностики врожденных заболеваний [12], стандартизация оказания неотложной помощи детям [4,8]. Тема «Первичная легочно-сердечная реанимация у детей» освоена врачами на фантомах в симуляционном центре ТГМА под руководством учебного мастера. За время обучения врачи создали на электронном носителе подборку материалов, необходимых им для профессиональной деятельности и самообразования.

По окончании второй очной части все врачи сдали зачет по практическим навыкам, прошли тестирование (представлены 2 варианта) на кафедре. Результат тестирования: средний процент правильных ответов составил 85,6%, что показало положительную динамику в сравнении с весенним семестром и, в целом, хороший результат обучения. 25 декабря врачи – участники пилотного проекта сдали компьютерный экзамен на подтверждение сертификата специалиста по педиатрии. Экзамен выдержали все, результат – 80,5% правильных ответов, что расценивается как «хорошо».

Целевые показатели реализации модели непрерывного медицинского образования в нашем регионе были выполнены на 100%: все 20 врачей завершили обучение, успешно прошли итоговую аттестацию и успешно сдали сертификационный экзамен. Удовлетворены качеством и формой реализации образовательной программы 95% слушателей. Предложения по оптимизации системы НМО врачей, прошедших обучение в рамках реализации пилот-

ного проекта: 1) сократить сроки с 10 месяцев до 4-6 месяцев; 2) увеличить количество часов для повышения квалификации до 250 часов; 3) очная часть должна составлять не менее 50 процентов; 4) время проведения вебинаров не должно совпадать с приемом пациентов.

Выводы. 1. Итоговый уровень знаний, умений, навыков и компетенций участковых врачей педиатров, прошедших обучение в рамках пилотного проекта отработки основных принципов непрерывного медицинского образования, характеризует достаточную подготовленность специалистов к выполнению профессиональной деятельности.

2. Предложенная образовательная модель последипломной подготовки врача педиатра способствует формированию у него потребности в непрерывном самостоятельном овладении профессиональными знаниями, умениями и навыками и отвечает реализации современной парадигмы высшего образования «образование через всю жизнь».

Список литературы

1. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Индивидуальные образовательные траектории в системе непрерывного образования // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 3. – с. 74-82.
2. Кайб И.Д., Никогосян А.С., Петрушина А.Д., Киянюк Н.С. Показатели провоспалительных цитокинов и уровня гиперреактивности бронхов при инфекционном бронхообструктивном синдроме у детей раннего возраста // Медицинская наука и образование Урала. – 2011. – №3. – С. 67-69.
3. Методические рекомендации МЗ РФ и Координационного совета по развитию непрерывного медицинского и фармацевтического образования по реализации модели отработки основных принципов непрерывного медицинского образования для врачей-терапевтов участковых, врачей-педиатров участковых, врачей общей практики (семейных врачей) с участием общественных профессиональных организаций. М.: 2013. – 21 с.
4. Петрушина А.Д., Мальченко Л.А., Кренинина Л.Н., Ушакова С.А., Иванова Е.Е., Кайб И.Д., Балдашова Ф.Р., Левитина Е.В. Неотложные состояния у детей. М.: Медицинская книга, 2002. – 176 с.
5. Петрушина А.Д., Никогосян А.С., Кайб И.Д., Мальченко Л.А., Ушакова С.А. Использование ингаляций эфирными маслами в комплексной терапии и для профилактики ОРВИ у детей // Вопросы современной педиатрии. – 2012. – 11. – с. 32.
6. Приказ Минздрава России от 11.11.2013 N 837 "Об утверждении Положения о модели отработки основных принципов непрерывного медицинского образования для врачей-терапевтов участковых, врачей-педиатров участковых, врачей общей практики (семейных врачей) с участием общественных профессиональных организаций".
7. Трегубов В.Н., Сизова Ж.М. Формирование индивидуальной траектории самообразования врача-специалиста в системе непрерывного медицинского образования // Медицинское образование и профессиональное развитие. – 2014. – № 4 (18). – С. 91-99.
8. Ушакова С.А., Мальченко Л.А., Шевелев А.Н. Алгоритмы неотложной помощи при отравлениях у детей // Научный вестник Тюменской медицинской академии. – 2003. – №3. – с. 115-124.
9. Ушакова С.А., Кляшев С.М., Кузьмина Е.Н. Особенности диастолической функции при ремоделировании миокарда левого желудочка у подростков с артериальной гипертензией и абдоминальным ожирением // Медицинская наука и образование Урала. – 2010. – Т. 11. – № 3. – С. 41-46.
10. Ушакова С.А., Хаит О.В., Петрушина А.Д., Мальченко Л.А. Факторы риска развития артериальной гипертензии у подростков г. Тюмени и приоритетные направления популяционной профилактики // Академический журнал Западной Сибири. – 2014. – Т. 10. – № 1. – С. 8.
11. Ушакова С.А., Ащеулова Н.Л., Конева Л.Н., Халидуллина О.Ю., Павлова О.В., Резенова В.С., Лукьянова В.Н., Фёдорова Э.Э., Пшеничникова М.В. Эффективное применение моноклональных антител к TNF α - адалимумаба - как препарата переключения у пациента с ювенильным идиопатическим полиартритом и увеитом // Педиатрическая фармакология. – 2014. – Т. 11. – № 6. – С. 66-72.
12. Шайтарова А.В. Скрининг врожденной дисфункции коры надпочечников: причины и следствия ошибок метода: автореферат дис... кандидата медицинских наук: Тюмень, 2011. – 23 с.

ЧАСТОТА ВСТРЕЧАЕМОСТИ ЯТРОГЕННЫХ ВЕРХНЕЧЕЛЮСТНЫХ СИНУСИТОВ СТОМАТОГЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Варжапетян Сурен Диасович

Канд. мед. наук, ассистент кафедры хирургической и терапевтической стоматологии Запорожской академии последипломного образования, г. Запорожье

Введение

Одним из факторов, обуславливающих сложность диагностики и лечения верхнечелюстных синуситов является близкая симптоматика при различных его клинических формах [8, с. 159].

Не всегда стоматогенный путь развития верхнечелюстного синусита обусловлен одонтогенными факторами. Причиной развития воспалительного процесса в верхнечелюстном синусе могут быть осложнения после эндодонтических манипуляций, перфорации дна синуса,

после реконструктивных операции дентальной имплантации на альвеолярном отростке верхней челюсти, попадание различных инородных тел в просвет синуса. Различные этиологические факторы возникновения верхнечелюстного синусита определяют особенности патогенеза и клиники болезни, а значит и тактику лечения [2]. Так, при хроническом воспалении пульпы доминирует микробный фактор [1, с. 24], при хроническом апикальном периодонтите – кокковая и анаэробная микрофлора, а при обострении – стрептококки, нейссерии и энтеробактерии

[5, с. 447]. При деструктивных формах хронического апикального периодонтита возможна выраженность местной и общей иммунодепрессии [9, с. 268]. На фоне хронического генерализованного пародонтита в альвеолярном отростке в области нижней стенки пазухи будут выражены микроциркуляторные изменения [4, с. 123].

Нерациональная антибактериальная терапия является причиной грибкового синусита в 20,9 % [6, с. 40].

Обобщение диагноза приводит к стандартизации протокола лечения синуситов с различным патогенезом.

Цель исследования. Усовершенствование диагностики различных форм стоматогенных верхнечелюстных синуситов.

Материал и методы исследования.

Проведен клинический анализ 89 случаев госпитализации в челюстно-лицевую стационар г. Запорожья с воспалительным поражением верхнечелюстного синуса.

Результаты исследования и их обсуждение.

Причинно-следственную связь между воспалительным процессом в верхнечелюстном синусе и «причинным» зубом установили у 82 (80,1 %) человек. Причиной возникновения синусита были хирургические манипуляции на альвеолярном отростке непосредственно не связанные с «причинным» зубом (синус-лифтинг, дентальная имплантация, цистэктомия неodontогенных кист) – у 7 (19,1 %) обследованных.

Всего выявили 29 (32,5 %) случаев возникновения верхнечелюстного синусита как следствие распространения инфекции из очага одонтогенной инфекции нелеченных зубов. В остальных 53 (67,5 %) случаях данные анамнеза и клинического обследования указывали на проводимые в прошлом различные медицинские вмешательства на «причинном» зубе и альвеолярном отростке верхней челюсти виде эндодонтических и хирургических манипуляций. Данные литературы указывают на инфицирование корневых каналов микроорганизмами при лечении пульпита и периодонтита во время эндодонтических манипуляциях и в интервале между посещениями [7].

У 12 (14,6 %) обследованных попытка вылечить или перелечить корневые каналы «причинного» зуба проводилась после проявления симптомов болезни, что привело к улучшению течения болезни в 8 (66,7 %) случаях, у 41 (50 %) – в разные сроки до появления первых симптомов синусита. В 21 (25,6 %) случаях леченные зубы были удалены до госпитализации стоматологом. Пациенты с ороантральным сообщением составили 32,9 % (27 человек) больных синуситом, с инородным телом (корневой герметик, отломок корня) в синусе – 13,4 % (9 человек). Выявлена зависимость патологических изменений в слизистой оболочке синуса от сроков возникновения ороантрального сообщения, его размеров, а так же природы инородного тела в синусе [2, 3].

У 7 (19,1 %) причиной возникновения синусита были хирургические манипуляции на альвеолярном отростке непосредственно не связанные с «причинным» зубом: синус-лифтинг, дентальная имплантация, цистэктомия неodontогенных кист. После удачно проведенного синус-лифтинга, в 3–20 % случаев развивается верхнечелюстного синусит [1, с. 24]. Причиной такого осложнения является послеоперационный отек слизистой оболочки естественного соустья верхнечелюстной пазухи в ответ на хирургическую травму [3].

Выводы.

1. Среди стоматогенных верхнечелюстных синуситов ятрогенные формы составляют 67,5 %, одонтогенные – 32,5 %.
2. Большое разнообразие причинных факторов развития ятрогенных синуситов определяет необходимость в их систематизации.

Список литературы

1. Бонсор, С. Дж. Современные возможности клинического применения фотоактивируемой дезинфекции / С. Дж. Бонсор, Г. Дж. Пирсон // Клиническая стоматология. – 2007. – № 1. – С. 24–27.
2. Гулюк А. Г. Дифференциальная диагностика и лечение ятрогенных гайморитов стоматогенного происхождения: монография / А. Г. Гулюк, С. Д. Варжапетян – Издание 2-е, дополненное. – Запорожье: Кругозор, 2015. – 254 с.
3. Заболевания носа и околоносовых пазух. Эндомикрохирургия. / Г. З. Пискунов, С. З. Пискунов, В. С. Козлов, А. С. Лопатин. – М., Коллекция "Совершенно секретно", 2003. – 208 с.
4. Лукиных Л. М. Хронический генерализованный пародонтит. Часть I. Современный взгляд на этиологию и патогенез / Л. М. Лукиных, Н. В. Круглова // Современные технологии в медицине. – 2011. – № 1. – С. 123–125.
5. Мозговая Л. А. Микрофлора корневых каналов зубов в динамике лечения хронических форм апикального периодонтита. / Л. А. Мозговая, И. И. Задорина, Л. П. Быкова, А. П. Годовалов // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2013. – Т. 9, № 3. – С. 447–449.
6. Морозова О. В. Диагностика и лечение различных форм грибкового синусита: автореф. дис...на соискание уч. степени канд. мед. наук по спец. 14.01.03 «Болезни уха, горла, носа» / Ольга Владимировна Морозова. – С Пб., 2012. – 42 с.
7. Ясникова Е. Я. Клинико-микробиологическая оценка лечения острого периодонтита и обострения хронического верхушечного периодонтита методом пролонгированной антисептической обработки корневых каналов: автореф. дисс... на соискание уч. степени к. мед. наук по спец. 14.00.21 – «Стоматология», 03.00.07 – «Микробиология» / Е. Я. Ясникова – Москва, 2008 – 23 с.
8. Archontaki M., Symvoulakis E.K., Hajjiioannou J.K., Stamou A.K., Kastrinakis S., Bizaki A.J., Kyrnizakis D.E. Increased frequency of rhinitis medicamentosa due to media advertising for nasal topical decongestants // B-ENT. 2009; 5(3): 159–162
9. Seal G. J., Ng Y. L., Spratt D., Bhatti M., Gulabivala K. An in vitro comparison of the bactericidal efficacy of lethal photosensitization or sodium hypochlorite irrigation on Streptococcus intermedius biofilms in root canals // International Endodontic Journal. 2002. Vol. 35, Issue 3. P. 268–274.
10. Barone A., A clinical study of the outcomes and complications associated with maxillary sinus augmentation // Int. J. Oral. Maxillofac. Implants. – 2006. – Vol. 21, № 1. – P. 81–85.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ДЕРИВАЦИИ ТЕРМИНОВ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ахметова Майнур Эревшаналиевна

аспирант, ассистент кафедры русского языка ГБОУ ВПО Ставропольский гос. педагогический институт

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается лексико-семантический способ терминодеривации. Как показывает анализ, основными средствами лексико-семантической деривации терминов предметной области «Антикризисное управление» являются сужение и расширение значения общеупотребительных слов. При этом дефиниции терминов отражают релевантные признаки понятий, а дополнительными средствами сужения могут выступать грамматические формы слов и комбинация лексико-семантического и синтаксического способов терминодеривации.

Ключевые слова: термин, терминология, деривация, лексико-семантический способ, дефиниция, сема, грамматическая форма.

ABSTRACT

This article is devoted to lexical and semantic method of term derivation. The analysis shows that the basic modes of risk management term derivation are narrowing and expanding of lexical meaning of common words. In this case, definitions of terms contain relevant characteristics of concepts, while grammatical forms of words and combination of lexical and semantic term derivation with syntactical method are additional tools.

Keywords: term, terminology, derivation, lexical and semantic method of term derivation, definition, seme, grammatical form.

Лексико-семантический способ является одним из самых естественных способов терминодеривации, так как он основывается на том, что слова и словосочетания из общеупотребительной лексики языка используются для обозначения понятий языка для специальных целей.

В общелитературном языке основными средствами лексико-семантического образования слов являются метафорический и метонимический переносы названия, тогда как в языке науки – сужение и расширение значения. Русский лингвист В.П. Даниленко отмечает: «Семантический способ образования терминов (термины «лексико-семантический способ образования терминов» и «семантический способ образования терминов» мы используем как синонимические) в современном языке науки отличается от общелитературного семантического словообразования

тем, что в общелитературном языке семантические преобразования являются результатом длительной эволюции слова..., завершающейся, как правило, образованием слов-омонимов... В терминологическом образовании этот способ носит качественно иной характер... Происходит приспособление существующих слов без длительной эволюции» [2, с. 102].

С.В. Гринев называет процесс образования у слова естественного языка производного значения терминологизацией [1, с. 129]. При этом необходимо разграничивать терминологизацию от использования слов в терминологических системах в своем общеупотребительном значении. Сравним примеры дефинирования слов и терминов в толковых и терминологических словарях.

Таблица 1

Дефинирование терминов, образованных на базе слов общеупотребительной лексики в толковых и терминологических словарях

№ п/п	Термин	Толковый словарь С.И. Ожегова	Словарь по антикризисному управлению Г.Б. Юна, Г.К. Таля, В.В. Григорьева
1	надувательство	обман, жульничество;	обман, недобросовестность в коммерческих операциях...;
2	накопление	накопленная сумма, количество чего-нибудь;	1) увеличение личных капиталов, запасов, имущества; 2) доля национального дохода, используемая на пополнение производственных и непроизводственных фондов в народном хозяйстве...;
		Longman dictionary of American English	Dictionary of financial risk management by G.L. Gastineau, M.P. Kritzman Словарь финансового риск-менеджмента Г.Л. Гастини, М.П. Крицмана
4	swap – обмен	to exchange something you have for something that someone else has;	1) a contractual agreement to exchange a stream of periodic payments with a counterparty...; 2) the practice

		обменять что-то, что есть у тебя на что-то, что есть у другого;	of exchanging one bond for another to improve yield, change credit exposure, reflect an interest rate view, or register a tax loss...; 1) контрактное соглашение об обмене группы периодических платежей между сторонами...; 2) практика обмена облигаций с целью повышения доходности, изменения кредитного риска или с целью проследить процентную ставку, либо зафиксировать налоговый убыток...;
5	confirmation – подтверждение	a statement or letter that says that something is definitely true, or the act of stating this; заявление или письмо, подтверждающее правдивость чего-то или акт утверждения этого;	document(s) exchanged by the parties to a transaction that state(s) the terms of transaction; документ(ы), которыми обмениваются участники сделки, в котором(ых) оговорены условия сделки;

Различия в дефинировании слов общеупотребительной лексики в толковых и терминологических словарях обусловлены рядом объективных причин, которые были определены В.Н. Прохоровой и Ю.Н. Карауловым, и выражаются:

1. «В количестве и релевантности дифференциальных признаков понятия, входящих в дефиницию.
2. В том, что языковое определение не сформулировано и не закреплено в сознании всего коллектива в отличие от дефиниции термина, закрепленного в терминологической лексикографии» [6, с. 28].
3. «Языковые, общеупотребительные понятия не определяются системными отношениями, в значительной степени обусловлены субъективными и эмоциональными моментами. Им свойственно «обобщенное, абстрактное знание действительности и свойство естественности», «само-собой разумемости».

4. Дефиниция специального понятия учитывает место понятия в системе, системную взаимообусловленность понятий» [3, с. 61].

Наряду с распространением в языке для специальных целей слов из общеупотребительной лексики в своем основном значении, встречаются процессы терминологизации слов, когда «... у слов как бы отсекают его лексическое значение и «привязывают» к нему строгое, точное определение – дефиницию. Значение каждого слова распадается на ряд дифференциальных признаков. Терминологи выбирают несколько из них или даже один и кладут эти признаки в основу научного определения» [5, с. 108]. В.Н. Прохорова представляет процесс сужения иначе: «Перенос названия одного понятия на другое совершается на основании общности всех признаков общеупотребительного понятия при наличии у суженного понятия дополнительных признаков» [6, с. 79]. При сужении значения у термина имплицитно представлены все гипосемы слова-источника. В большинстве случаев сужение отражается посредством дефиниции.

Таблица 2

Терминологизация слов посредством сужения значения

№ п/п	Термин	Дефинирование слова в толковом словаре С.И. Ожегова	Дефинирование слова в Словаре по антикризисному управлению Г.Б. Юна, Г.К. Таля, В.В. Григорьева	Семы, обнаруживающиеся в терминологии предметной области «Антикризисное управление»
1.	Риск	1. Возможность опасности, неудачи. 2. Действие на удачу в надежде на счастливый исход.	1. Возможность наступления событий с отрицательными последствиями в результате определенных решений или действий. 2. Вероятность понести убытки или упустить выгоду.	«Результат решений», «результат действий», «убытки», «упустить выгоду».
2.	Ликвидация	1. Прекращение действия чего-нибудь. 2. Уничтожение кого-чего-нибудь.	1. Продажа ранее купленного биржевого контракта. 2. Завершение сделки. 3. Прекращение деятельности предприятия. 4. Демонтаж и реализация основных средств.	«Предприятие», «продажа», «завершение», «реализация».
3.	Авария	Повреждение, выход из строя какого-нибудь механизма, машины, устройства во время работы, движения.	1. Ущерб и убытки, причиненные транспортному средству, грузу или фрахту в процессе перевозки. 2. В страховании от пожара – уменьшение выплаты страхового возмещения вследствие недострахования.	«Ущерб», «убытки», «страхование», «уменьшение возмещения».
4.	Атака	1. Стремительное наступательное движение	Ценовая политика, применяемая компаниями, желающими занять лидирующее место на рынке.	«Ценовая политика», «компания», «лидирующее место», «рынок».

		войск. 2. Быстрое и решительное наступление войск.		
5.	Бумага	1. Материал для письма, печатания... 2. Деловое письменное сообщение, а также вообще рукопись.	Долговые обязательства с довольно коротким сроком погашения.	«Долговые обязательства», «срок погашения».
6.	Давление	В первом значении: «Сила действия одного тела на поверхность другого». В пятом значении: «Принуждение, насилие над чьей-нибудь волей, убеждениями».	Принуждение личности или организации, компании, акционерного общества к тому, чтобы выполнить волю политического, экономического, делового соперника, конкурента...	«Организация», «политический» «экономический» деловой», «соперник», «конкурент».
7.	Игрок	1. Участник игры. 2. Тот, кто играет на музыкальном инструменте. 3. Тот, кто играет в азартные игры, а также любитель играть в азартные игры.	1. Участник игры. 2. Участник торгов на бирже, идущий на любой риск.	«Торги», «биржа», «любой риск».
	Термин	Дефинирование слова в Longman dictionary of American English в Лонгмановском словаре Американского английского	Дефинирование слова в Dictionary of financial risk management by G.L. Gastineau, M.P. Kritzman в Словаре финансового риск-менеджмента Г.Л. Гастини, М.П. Крицмана	Семы, обнаруживающиеся в терминологии предметной области «Антикризисное управление»
8.	Anomaly – аномалия	Something that is very noticeable because it is so different from what is usual. Что-то, что весьма заметно вследствие того, что отличается от обыденного.	An unexplained or unexpected price or rate relationship that seems to offer an opportunity for an arbitrage-type profit, although not typically without risk. Необъяснимое или неожиданное соотношение цены или курса, которая, которая дает возможность получить прибыль при покупке ценных бумаг с последующей перепродажей, как правило, сопровождается риском.	«Необъяснимое», «неожиданное», «цена», «курс», «прибыль», «риск».
9.	Default – дефолт	Failure to do something that you are supposed to do. Невыполнение обязательств.	Failure to meet an obligation, such as timely payment of interest or principal, maintenance of minimum working capital levels, etc. Невыполнение обязательств по своевременной уплате процентов или основного долга, поддержание минимального уровня оборотного капитала и т.д.	«Уплата», «своевременная», «долг», «оборотный капитал».
10.	Exchange – обмен, биржа	В пятом значении: “A place where things are bought, sold, or traded”. Место, где покупают или продают вещи.	A formal marketplace or procedure for trading tangible or intangible property. Официальная биржа или процедура продажи материальной или нематериальной собственности.	«Официальный», «процедура», «материальная собственность», «нематериальная собственность».
11.	Forward – вперед, форвард-контракт.	1. Toward a place or position that is in front of. 2. Toward more progress, improvement, or development. 3. Toward the future. 1. По направлению к месту или положению, что перед тобой. 2. По направлению к прогрессу, улучшению, развитию. 3. По направлению к будущему.	A contractual obligation between two parties to exchange a particular good or instrument at a set price on a future date. Контрактное соглашение между сторонами, обязывающее обменять определенный товар или финансовый инструмент по заранее установленной цене в будущем.	«Контракт», «обмен», «заранее установленный».

12.	Maturity – зрелость, срок	1 The quality of behaving in a sensible way like an adult. 2. The time when a person, animal, or plant is fully grown or developed. 1. Характеристика разумного поведения, поведение взрослого человека. 2. Время, когда человек, животное или растение полностью вырастают или развиваются.	The date on which the life of a financial instrument ends through cash or physical settlement or expiration with no value. Окончание действия финансового инструмента посредством перевода его на наличные деньги, материал или за счет истечения срока годности.	«срок годности», «финансовый инструмент».
-----	---------------------------	--	---	---

Дефиниции терминов включают релевантные признаки понятий, которые не всегда отражены в названиях самих терминов. Дополнительными средствами сужения могут выступать и грамматические формы, например, средство – средства, убыток – убытки, риск – риски, ресурс – ресурсы и т.д. Кроме того, сужение может происходить и за счет комбинации лексико-семантического и синтаксического способов терминодеривации. Так, терминосочетание N+Adj сужает предметную соотношенность существительного. Примеры такого сужения: срок амортизационный, стоимость будущая, анализ критический, вещи движимые, группа финансовая, доход маржинальный, игрок биржевой, поток денежный, legal risk (законный риск), intellectual risk (интеллектуальный риск), currency insurance (валютное страхование), hard commodities (твердое сырье), firm price (твердая цена), liquidation value (ликвидационная стоимость) и др. Таким образом, лексико-семантический способ терминодеривации продуктивен для русской и английской предметной области «Антикризисное управление», так как он основан на использовании слов и словосочетаний из общеупотребительной лексики языка для обозначения понятий языка для специальных целей.

Список литературы

1. Гринёв, С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринёв. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.

2. Даниленко, В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 200 с.
3. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: «Наука», 1976. – 356 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. РАУ. Институт Русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.
5. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – Русский перевод. – М., 1960. – 501 с.
6. Прохорова, В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) / В.Н. Прохорова. – М.: филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 126 с.
7. Юн, Г.Б. Словарь по антикризисному управлению / Г.Б. Юн, Г.К. Таль, В.В. Григорьев. – М.: Дело, 2003. – 448 с.
8. Gastineau, G.L. Dictionary of financial risk management / G.L. Gastineau, M.P. Kritzman. – NY: Frank J. Fabozzi associates, 1999. – 342 p.
9. Longman dictionary of American English / managing editor S. Bullon / 5th edition. – UK: Pearson Longman. – 1167 p.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Алибекова Дина Магомедовна

Студентка 2 курса магистратуры Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются языковые средства выражения отрицательной оценки в английских паремиях. Выявляются модели прямого отрицания с помощью морфологических и лексических средств. Особо отмечается роль лексики с негативной коннотацией.

Ключевые слова: отрицательная оценка, паремия, компаративная единица, коннотация, образность.

ABSTRACT

The article analyses means of expressing negative estimation in English paroemias. Models of direct negation are revealed with the help of morphological and lexical means. The role of negative vocabulary is considered essential in the article.

Key words: negative estimation, paroemia, comparative unit, connotation, figurativeness.

В современной лингвистике все больше исследований выполняется в русле антропоцентризма, согласно которому вся языковая категоризация объектов и явлений

окружающей действительности ориентирована на человека. На первый план выдвигается проблема познания человека, его системы ценностей, обычаев и традиций.

В процессе познания мира человек одновременно отражает явления действительности, их признаки и качества, и свое отношение к этой действительности, при этом отношение человека к тем или иным явлениям зачастую обусловлено экстралингвистическими (культурологическими, историческими) факторами. Категория оценки является универсальной в лингвистике и выражается на разных уровнях языка.

Оценка как ценностный аспект значения может быть выражена в языке разными способами. Согласно концепции Е.М. Вольф, оценка может быть ограничена элементами меньшими, чем слово, но может характеризовать и группу слов, и целое высказывание [1, с. 5].

Оценка классифицируется по разным критериям, но практически всегда бинарна – она может определяться как положительная и отрицательная, общая и частная, рациональная и эмоциональная, внешняя и внутренняя, абсолютная и компаративная [4, с. 157]. Оценка в языке связана с понятием нормы, которая распространяется на позитивные оценки. Положительная оценка подразумевает соответствие норме, а отрицательная – отклонение от нормы, или же несоответствие того или явления или процесса всем требованиям нормы.

В данной статье рассматриваются средства выражения отрицательной оценки в английских паремиологических единицах.

Паремии, как часть фразеологического фонда языка, представляют собой устойчивые единицы, обладающие непрямой иносказательным значением и характеризуются образностью. Это ритмически организованные предложения, носящие поучительный характер и обобщающие социально-исторический опыт народа. Важнейшей особенностью паремий является их оценочный характер, который реализуется с помощью некоего образа. Главное назначение образа, который в сознании человека складывается стихийно, вне зависимости от его воли, состоит в обобщении накопленного опыта, связанного с индивидуальным объектом или классом объектов. Наряду с нематериальностью, интуитивностью, синтетичностью и эмоциональностью, оценочность является свойством образа [3, с. 8].

Оценка более всего выражается в паремиях, представляющих собой компаративные и негативные конструкции.

Подобно оценке, отрицание является продуктом человеческого сознания, возникающая как определенная реакция человека на мир. Отрицание также связано с представлениями о норме.

В английской паремиологии с аксиологической семантикой представлены различные модели отрицания. Оценка вообще, и отрицательная оценка в частности может реализоваться через конкретное слово, несущее оценочное значение, а также при помощи аффиксов и грамматических показателей отрицания, которые меняют нейтральное значение слова на отрицательно-оценочное. Одну из наиболее частотных групп паремий с отрицанием составляют единицы с отрицанием по:

Of idleness comes no goodness.

Sorrow will pay no debt.

Частица *not* в составе негативной формы сказуемого отрицает часть содержания оценочного высказывания, например:

The tongue is not steel but it cuts.

Health is not valued till sickness comes.

Отрицание, выражаемое частицей *not* в сочетании со вспомогательным глаголом *do*, во многих паремиях может совмещаться с повелительным наклонением, например:

Husband, don't believe what you see but what I tell you.

Don't bite of more than you can chew.

Местоимение *nothing* и наречие *never* также являются прямыми маркерами отрицания:

Nothing dries so fast as a woman's tears.

Good looks buy nothing in the market.

He who is born a fool is never cured.

На морфологическом уровне отрицание выражается при помощи суффиксов и приставок с соответствующим значением. Наиболее частотным является суффикс *-less*:

He who listens to the words of a woman will be accounted worthless.

A beggar's purse is bottomless.

Приставка *un-* также выражает значение отрицания в паремиях:

An unfortunate man would be drowned in a tea cup.

Play, women and wine undo a man laughing.

Отрицание в паремиологическом фонде английского языка сопровождается различными модальными оттенками: запрета, пожелания, нежелательности, невозможности и т. д., которые наслаиваются на значение оценки, закрепляя нормы общественного поведения в культурно-этическом коде нации, например:

Keep no more cats that will not catch mice.

He that is afraid of wounds must not come near a battle.

В паремиях, сочетающих компаративность и отрицание, представлены разные степени сравнения: а) положительная, которая выражена моделью:

the devil is not so black as he is painted; б) сравнительная, например: *honesty is better than ill-gotten wealth; better*

lossees than one sorrow в) превосходная, например: *the highest branch is not the safest roost*.

Схожей семантикой обладают паремии, в которых присутствует компонент «слишком много» – «слишком мало». Данные единицы описывают невозможность крайней степени проявления того или иного качества или состояния: *don't have too many irons in the fire; 'tis not good to be happy too young*.

Оценка также реализуется с помощью языковых единиц, поскольку именно в слове фиксируются ценности общества. Оценка может быть выражена любой частью речи, тем не менее, в первую очередь лингвисты выделяют прилагательные, а именно – синонимические ряды «хороший/плохой», а также оценочные прилагательные.

Лексическими единицами, выражающими отрицательную оценку прямо, являются прилагательное *“bad”* и его сравнительная и превосходная формы, прилагательное *“ill”*, существительное *“fool”*:

Bad eyes never see any good.

A wicked woman and an evil, is three halfpence worse than the devil.

There is no art can make a fool wise.

Sorrow and ill weather come unsent for.

Необходимо указать, что отрицательная оценка выражается употреблением прилагательного good/хороший (-ая, ее), better/лучше, подчеркивающего отрицательную характеристику чего либо в сравнении с другими объектами и явлениями.

Good looks buy nothing in the market.
Sorrow is good for nothing but sin.
Better suffer a great evil than do a little one.
A fool is better than an obstinate man.
Honesty is better than ill-gotten wealth.

Говоря о средствах выражения отрицательной оценки, образным средством номинации является лексика с пейоративным значением. Е.А. Чернявская определяет пейорацию как снижение в широком смысле, включающее стилистическую, общечеловеческую и персоналогическую шкалы [5, с.75]. При этом, каждая лексема с пейоративным значением выступает в синонимической связи с нейтральной лексикой.

В приведенных примерах отрицательная оценка реализуется с помощью сравнения (паремии с компаративной семантикой). Отрицательное отношение выражено помимо маркеров отрицания, с помощью лексических единиц с отрицательной коннотацией (пейоративной лексики): sorrow, sin, suffer, evil, fool, obstinate, ill-gotten, wicked.

Таким образом, отрицательная оценка в английских паремиях может быть выражена прямо, с помощью моделей отрицания с no, not, nothing, never, а также с помощью морфологических средств – суффикса -less и префикса un-. Важную роль играет отрицательная коннотация, заключенная в самой лексической единице: sorrow, sin, suffer, evil.

Список литературы

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 280 с.
2. Данилова Р.Р. Категория оценки как способ выражения антропоцентризма в лингвистике // Вестник ТГГПУ. 2011. №1(23). С. 137-139.
3. Лызлов А.И. Оценка и языковые способы ее выражения в паремиях (на материале компаративных и негативных конструкций английского языка): автореф. дис.... канд. филол. наук. Москва, 2009. 22 с.
4. Фомина Ю.А. Аспекты изучения языковой оценки // Вестник ЧелГу. 2007. № 20. С. 154-161.
5. Чернявская Е. А. Оценочность в семантике лексических единиц // Лексическая и грамматическая семантика: Материалы Республиканской научной конференции. Белгород, 1998. С. 75-76.
6. Robert Christy, comp. Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages. 1887. URL: <http://www.bartleby.com/89/> (accessed on 13.04.2015)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РЕЦЕПЦИИ МИФА ДЕТСТВА В РОМАНЕ Ч. ДИККЕНСА «ЖИЗНЬ ДЭВИДА КОППЕРФИЛЬДА, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ» И В РАССКАЗЕ «МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Бабук Александр Вадимович

Аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

В современном понимании, зафиксированном в антропологии и культурологии, детство – это не только особый период человеческого онтогенеза, но и своего рода культурный миф, посредством которого происходит создание определенных ориентиров и идеалов человеческого бытия и в то же время осмысление этих идеалов. Формирование мифа детства как культурного мифа происходит на рубеже XVIII – XIX вв., когда процесс интимизации внутреннего мира человека [5] приводит не только к открытию непосредственно детства как особого периода в жизни человека, но и к становлению двух литературных направлений – сентиментализма и романтизма.

В разных культурах этот миф функционирует по-разному. Так, например, английская культура с ее протестантско-католическим восприятием Бога в качестве некоего судии, поощряющего человека за добрый дела и наказующего за грехи, накладывает отпечаток на воспитание детей, где присутствует элемент жестокости. Е. Коути объясняет жестокость, применяемую в частности к английским детям, ссылкой на Библию, причем преимущественно на ветхозаветную книгу притчей Соломоновых [6, с. 231]: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» [Притч.13:24]; Наказывая сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его [Притч.19:18]; Не оставляй юноши без наказания: если накажешь его розгою, он не умрет

[Притч.23:13]; Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит ее от него [Притч.22:15]. Русская культура основана на православно-исихастской традиции. Ее главная особенность заключается в органичном соединении Бога и человека, где задача человека – борьба с грехом с помощью Божественной благодати, дающей ему в церковных таинствах. Цель этой борьбы – достижениярая, Царства Небесного или состояния блаженства, близкого известной мифологеме о «золотом веке». Сам человек в таком случае воспринимается как образ и подобие Божие.

Помимо культурно-цивилизационных отличий, каждый человек имеет свое индивидуальное восприятие мифа. Особой ценностью для исследователя представляют субъективные переживания и чувства ребенка, выступающего в качестве повествовательной инстанции. В этом смысле интересно изучение литературного произведения «глазами самого мифа» [7, с. 9].

Большой интерес в этом аспекте представляют рассказ «Маленький герой» Ф.М. Достоевского и роман Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим». Роман Диккенса является первым произведением писателя, в котором на примере психологических особенностей главного героя изображаются особенности личностного онтогенеза, соответствующие трем стадиям, или

макрособытиям, духовно-нравственного развития: полного романтической идиллии детства, «переходного периода» и творческой зрелости [9, с. 249]. В этом романе в рамках мифа детства складываются три ведущих структурно-семантических компонента – идилличность, детскость как коррелят представления о «потерянном рае», а также идеал взрослого, родителя. Все структурно-семантические компоненты складываются в рамках четырех ведущих мотивов – мотива любви, мотива жестокого обращения с детьми, взросления и жизненного успеха.

Идилличность как одна из составляющих мифа детства характерна для первой части романа, где рассказывается о детстве главного героя. Именно в детстве Дэвид предстает как «маленький, ползающий на коленях и бегающий взад-вперед ребенок. <...> Он думает, что находится в сказке, хотя очень верит в силу впечатлений раннего детства, поэтому считает, что каждый человек может вернуться в эти воспоминания столько раз, сколько он может себе предположить» [2 vol. III, p. 23]. Хронотоп идиллии детства в романе оформлен с помощью картины, в которой находятся сад «высоких старых вязов» [3 Т. 15, с. 14] и сельская церковь с могилой отца.

Одним из нарративных новаторств Диккенса в субъектно-объектной организации романа является интеллигибельность – наличие третьей точки зрения (третьего судьи или свидетеля). Маленький Дэвид осуществляет путешествие по страницам романа не в одиночку, а как бы в сопровождении некоего старшего «я», которое в итоге сливается с героем в конце романа при благополучной развязке. Это старшее «я» осуществляет связь героя с его прошлым и родителями.

Важным элементом становления личности Дэвида Копперфильда является архетип матери, прототипом которой стала собственная мать писателя. К.Г. Юнг отмечает архетип матери в эгоцентрической картине мира ребенка как «наиболее трогательное и незабываемое воспоминание жизни, которое является таинственной причиной развития и перемен. Эта любовь, символизирующая возвращение домой, убежище и долгую тишину, есть начало и конец всего существующего» [10, с. 228-229].

Вторым после матери авторитетным взрослым для Дэвида является служанка Пеготти, которая, наряду с Хэмом, мистером Пеготти, капитаном Катлем, представляет образ невинности, всегда наличествующий в романах Диккенса [1, с. 121]. Неслучайно именно первые свои воспоминания Дэвид ассоциирует также и с ней. Более того, Пеготти становится неким разделителем детства и отрочества Дэвида, когда приводит героя к своему брату – бывшему матросу Дэну, где он знакомится с ее племянницей Эмили, ставшей первой возлюбленной героя.

Как и многие герои Диккенса, Дэвид Копперфильд переживает раннее взросление, чему способствуют удаление от привычной материнской ласки и последующая смерть матери, а также жестокость взрослых – опекунов мистера и миссис Мэрдсон и школьного учителя мистера Крикла. Раннее взросление показано Диккенсом в постепенном переходе от детского непонимания к размышлению и наблюдению, способность к которому помогла Дэвиду проявить последующий писательский талант: «Теперь я знаю жизнь достаточно хорошо, чтобы потерять способность чему бы то ни было удивляться. Но

и теперь я все же удивляюсь тому, как легко я был выброшен вон из дому в таком раннем возрасте. Ребенок я был очень способный, наделенный острой наблюдательностью, живой, пылкий, хрупкий, меня легко было ранить и телесно и душевно, и прямо поразительно, что никто не сделал ни малейшей попытки защитить меня» [3 Т. 15, с. 185-186].

Еще одним вкладом жестокости стало обучение Дэвида в школе «Сэлем Хауз» под руководством учителя, мистера Крикла, где дети не только не получали должного образования, но становились духовно-нравственными инвалидами благодаря насильственным методам, которые там практиковались.

Следствием жестокости опекунов Мэрдсонов и школьного учителя мистера Крикла явилась полная подмена архетипа взрослых в сознании Дэвида, а также последовавшая за ней романтизация сознания, приведшая к фрустрации, которая проявилась в инфантильном отношении Дэвида к браку с Дорой. Фрустрация превратила героя в раба собственных чувств: «...я – раб Доры», – говорит Копперфильд [3 Т. 16, с. 48]. Так жестокое обращение с детьми приводит к разрушению в сознании героя идеального образа родителя в отношениях ребенок/взрослый и формируется иная идиллия, являющаяся следствием влияния той общественной среды, в которой оказывается герой романа.

Однако постепенно Дэвид Копперфильд преодолевает эту идиллизацию сознания, о чем свидетельствует обретение героем самого себя и начало его писательской деятельности. Использование Дэвидом своего антропологического опыта и взгляд на него со стороны указывают на переосмысление героем произошедших с ним событий; трансформация их в романский сюжет реализуется в нарративе после обработки в сознании фокализатора-протагониста, в роли которого выступает ребенок. Так третьичная точка зрения в текстовом дискурсе соединяется с «я» героя и приводит его к творческой зрелости, когда Дэвид становится писателем и получает возможность осмыслить свои жизненные испытания и дать им более объективную оценку. Об этом свидетельствует завершение романа мотивом успеха и любви, центральное место в котором занимает детскость как коррелят мифологемы о «золотом веке». Сюжетно это подтверждается осмыслением Дэвидом своей собственной жизни, а также его брачным союзом с подругой детства и сестрой Агнес. «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» – единственный роман Диккенса, написанный с помощью художественного приема «мир глазами ребенка», для которого характерна благополучная развязка или так называемый «счастливый конец».

В рассказе «Маленький герой» Ф.М. Достоевский предпринимает попытку воспроизвести непосредственное детское восприятие действительности, перейдя от психологического метода изображения действительности к онтологии «реализма в высшем смысле». В качестве повествователя в рассказе выступает сам Маленький герой как диететический нарратор-протагонист и «фокализатор». Главным структурно-семантическим компонентом хронотопа, посредством которого можно выявить особенности разрушения мифа детства, является идилличность. Ее реализация осуществляется с помощью мотива влюбленно-

сти. Во время праздника в Москве ребенок вдруг встречает некую г-жу М., в красоте которой «было что-то особенное, резко отделявшее ее от толпы хорошеньких женщин» [4 Т. 2, с. 273]. В силу детской эмоциональности герой испытывает чувство привязанности к женщине. Гости, среди которых находится г-жа М., начинают прodelывать «насмешки и комические гонения», иногда даже оказывают физическое воздействие, в результате идиллический мир героя, который на физиологическом и психологическом уровне ощущает вторжение извне, начинает разрушаться. Детская целомудренная душа почувствовала, что г-жа М. находится под влиянием тяжелого горя, но при этом Маленький герой продолжает испытывать обиду, смущается: «Я злился на себя в эту минуту почти до отчаяния, проклинал себя за неловкость и ненаходчивость и все-таки не знал, как ловче отстать от нее, не выказав, что заметил ее горе, но шел рядом с нею, в грустном изумлении, даже в испуге, совсем растерявшись и решительно не находя ни одного слова для поддержки оскудевшего нашего разговора» [4 Т. 2, с. 275]. В результате реальный образ г-жи М. существенно расходится с тем образом, который герой антиципирует в своем сознании. Далее, проанализировав произошедшие события, Маленький герой осознал, что столкнулся с лицемерием (не случайно автор в данном контексте вспоминает мольеровского Тартюфа и шекспировского Фальстафа) и ханжеством людей, которые испытывают презрение ко всему прекрасному: «Вся природа, весь мир для них не более как одно великолепное зеркало, которое и создано для того, чтоб мой божок непрерывно в него на себя любовался и из-за себя никого и ничего не видел; после этого и немудрено, что всё на свете видит он в таком безобразном виде» [4 Т. 2, с. 276]. Из этого же контекста вырастает образ г-на М., мужа г-жи М. Это был самолюбивый игрок на публику, заводила, «остряк, говорун и рассказчик» [4 Т. 2, с. 277]. Конечно, он становится соперником для влюбленного Маленького героя, который «был выдвинут на первый план, как заклятый враг и естественный соперник т-г М*, как отчаянно, до последней степени влюбленный в жену его» [4 Т. 2, с. 281]. В результате герой испытал первое в жизни огромное душевное и эмоциональное потрясение, о чем сам сообщает в рассказе: «Во мне, в ребенке, было грубо затронуто первое, неопытное еще, необразовавшееся чувство, был так рано обнажен и поруган первый, благоуханный, девственный стыд и осмеяно первое и, может быть, очень серьезное эстетическое впечатление» [4 Т. 2, с. 282]. Однако ревности к мужу г-жи М. в сознании Маленького героя читатель не находит.

На другой день героя ожидало новое испытание – катание на лошади, которое на деле оказалось не совсем удачным, т.к. мальчик не умел ею управлять (зрелость человека раньше определялась умением ездить верхом). Однако, желая стать рыцарем на белом коне, Маленький герой все же проявляет смелость, вскакивает на коня Танкреда и скачет. Такой своеобразный детский подвиг героя был обусловлен его влюбленностью в г-жу М. В результате сердце барышни оказывается покоренным, а «рыцарский» эпизод с конем знаменует начало примирения героя и г-жи М. Так влюбленность героя трансформируется в некую духовную свободу, которую в какой-то мере можно назвать детской непосредственностью: «...я воскрес...» [4 Т. 2, с. 293]; «Мне стало легче, и я вздохнул

свободнее...» [4 Т. 2, с. 295]. Так Достоевский одновременно изображает разрушение мифа детства и восстановление в сознании ребенка утраченного образа рая, «золотого века», что приводит его к духовно-нравственному очищению (катарсису) и обновлению, погружению во вневременное пространство вечности, которое, согласно утверждению В.А. Подороги, «оказывается бесконечно длительным переживанием мгновений настоящего» [8, с. 149]. Феномен преобразования в творчестве Достоевского найдет свое отражение в позднем творчестве писателя.

Таким образом, герои рассказа Ф.М. Достоевского «Маленький герой» и романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим», проходя одни и те же этапы личностного развития, имеют как сходства, так и различия. Социальная среда, переживания детства сформировали их мировосприятие. Преобладание положительных эмоциональных образов в мире Маленького героя Достоевского обусловлено его религиозностью, которая со временем возрастает и в творчестве самого писателя. Преобладание отрицательных образов в мире Дэвида Копперфильда вследствие негативных переживаний детства говорит о постепенном вытеснении религиозного начала как в мировоззрении героя, так и в творчестве автора. Однако благополучная развязка, характерная для романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим», указывает на доминирование структурно-семантического компонента чистоты и невинности ребенка в хронотопе мифа детства, что соответствует корреляту мифологемы «золотого века».

Анализ структурно-семантических компонентов хронотопа выявил как сходства, так и различия в понимании мифа детства в рассказе Ф.М. Достоевского и романе Ч. Диккенса. Общим элементом являются мотивы влюбленности и раннего взросления обоих героев. Различие заключается в том, что благополучная развязка, характерная для обоих произведений, указывает на переосмысление героями пережитых событий под воздействием разных мировоззренческих парадигм. Если в романе Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» эта развязка указывает на англо-протестантскую этику, где отсутствует таинство покаяния и Бог воспринимается в качестве судьбы, а также приветствуется достижение материального богатства и успеха, о чем свидетельствует успех героя в личностной и профессиональной сфере, то в рассказе Ф.М. Достоевского «Маленький герой» благополучная развязка указывает на феномен преобразования, характерного для всего творчества русского писателя.

Литература

1. Dyson, A. E. The inimitable Dickens. A reading of the novels Macmillan, N.Y.: St. Martin's press, 1970.
2. Forster John The life of Charles Dickens. Boston: JAMES R. OSGOOD & COMPANY, (LATE TICKNOR & FIELDS, AND FIELDS, OSGOOD, & CO.), 1875.
3. Диккенс, Ч. Собрание соч. в 30 т. М., 1960.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Художественные произведения: тома I–XVII Л.: Наука, 1972–1990.
5. Зарецкий, Ю. Детство в западноевропейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени

- [Электронный ресурс] –2008. –№2 (58). – Режим доступа:
http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/za19.html#_ftn9 –
 Дата доступа: 03.01.2012
6. Коути, Е. Недобрая старая Англия. СПб., 2013.
 7. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа // Миф — Число — Сущность. М., 1994.
 8. Подорога В. А. Человек без кожи (материалы к исследованию Достоевского) // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. М., 1995 С. 126-160..
 9. Сильман Т. И. Диккенс: Очерки творчества. Л., 1970
 10. Юнг, К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО РОМАНА НИКА ХОРНБИ «МОЙ МАЛЬЧИК»)

Баймулова Ляна Николаевна

студентка 4 курса, бакалавр, Северо-Кавказский Федеральный университет, г. Ставрополь

АННОТАЦИЯ

Речевой портрет языковой личности представляет собой совокупность речевых характеристик, присущих персонажу и, раскрывающих его типический характер. Анализируя речевой портрет главных героев романа Ника Хорнби «Мой мальчик», особое внимание следует уделить языковым средствам, как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях, которые не только способствуют созданию ярких образов, но и несут в себе авторскую оценку персонажа.

ABSTRACT

Speech portrait of a linguistic identity is a set of speech characteristics inherent to a character and revealing his typical character. Analyzing speech portrait of the main characters of Nick Hornby's novel "About a Boy" special attention should be paid to linguistic means as on the lexical and syntactic levels which not only help to create vivid images but also have the author's assessment of the character.

Ключевые слова: речевой портрет, речевая характеристика, языковые средства, лексический уровень, синтаксический уровень, персонаж.

Key words: speech portrait, speech characteristic, linguistic means, lexical level, syntactic level, character.

Портретное изображение персонажа находится в поле зрения многих исследователей, так как портрет является одним из средств создания литературного образа. Несмотря на многообразие подходов к определению и созданию портрета литературного персонажа, следует отметить, что одним из первых обратился к иным способам создания персонажа М.М. Бахтин. Определяя портрет, этот исследователь акцентирует внимание на манерах, походке, тембре голоса, меняющемся выражении лица и всей наружности как о моментах, примыкающих к наружности и восполняющих в словесном творчестве неполноту живописного портрета [2, с. 17].

О.А. Мальцева определяет портрет как одно из средств создания образа персонажа, заключающегося в описании его внешности и включающее психологическую характеристику отдельных частей внешности – черт лица, мимики, фигуры, поз, жестов, движений, одежды [6, с. 9].

Особый интерес представляет точка зрения О.Г. Алониной, согласно которой, под целостным речевым портретом языковой личности понимается иерархически организованная структура, которая включает следующие компоненты:

- социо-психолингвистический портрет, то есть социальные, психологические, биологические особенности, личные интересы и увлечения;
- особенности речевого портрета на системно-языковых уровнях;
- особенности речевой культуры – особенности коммуникативного поведения, учет фактора адресата, своеобразие лексики [1].

В понимании Л.П. Крысина, речевой портрет – это, прежде всего, индивидуально избираемые, отраженные в речи человека социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств. Следует обратить особое внимание на то, что автор в состав речевого портрета включает также особенности речевого поведения, к которым относятся формулы общения, прецедентные феномены и языковая игра. Примечательно, что игру со словом автор классифицирует как характерную черту речевого поведения, которая отличает друг от друга носителей языка, представителей разных возрастных категорий и социальных слоев, поэтому она является важной частью речевого портрета. К языковой игре относятся намеренное искажение слова, обыгрывание звукового состава, внутренней формы, связей с другими словами, каламбуры [5, с. 87].

Интересен подход Г. Г. Инфантовой, согласно которому речевой портрет складывается из экстралингвистических и лингвистических признаков. В понятие экстралингвистические признаки, автор включает характеристику личности (социальную активность или пассивность, социальное положение, уровень образования и общего развития, возраст, профессию, род занятий и др.), а в состав лингвистических признаков – языковые и речевые. В число языковых признаков, автор включает знания в области всех уровней языковой системы, владение устной и письменной формой речи, диалогическим и монологическим типом речи, средствами всех стилей речи (имеется в виду их отвлеченный, словарно – грамматический аспект,

а также совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств) в их нормативной разновидности. К речевым признакам относится реализация высказываний в соответствии с их внутренними программами, владение всеми коммуникативными качествами речи (правильность, точность, выразительность, степень речевой свободы, степень соблюдения речевых этических норм и насыщенности текста выразительными средствами всех уровней, стандартность / нестандартность речи, простое воспроизведение языковой системы или ее творческое обогащение) [4, с. 21].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно заключить, что портрет представляет собой совокупность внешних, личностных, речевых характеристик, присущих персонажу, раскрывающих его типический характер.

Продолжая наши рассуждения относительно речевого портрета, вслед за исследователями, считаем необходимым обратить внимание на следующие функции речевой характеристики:

- характеризующая, служащая для раскрытия образа героя, его индивидуальности;
- сравнительная, используемая для сопоставления или противопоставления героев;
- выделительная, делающая образ запоминающим на фоне других;
- психологическая, раскрывающая эмоциональное состояние героев.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что во многих исследованиях при описании речевого портрета, говорящего рассматриваются как языковые, так и речевые особенности, отдельно или в совокупности.

В контексте наших рассуждений, считаем необходимым рассмотреть схему описания речевого портрета, предложенную М.Н. Гордеевой:

1. Особенности языковых единиц разных уровней;
2. Особенности речевого поведения (этикетные формулы, речевые клише, прецедентные феномены, языковая игра);
3. Лингвокультурологические особенности (отражение культуры в языке);
4. Рефлексия персонажей и метаязыковые пометы [3, с. 2].

Сказанное выше свидетельствует о том, что изучение способов создания речевого портрета персонажа представляется актуальным в рамках общего направления исследования языковой личности, а также в рамках более частного описания речи главных героев романа Ника Хорнби «Мой мальчик». Анализируя речевой портрет в художественном произведении, особенно важно уделить особое внимание языковым средствам, как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях, которые не только способствуют созданию ярких образов, но и несут в себе авторскую оценку персонажа.

В понимании О.А. Мальцевой, к основным стилистическим средствам речевого портрета относятся эпитеты, метафоры, сравнения, которые дают наглядное представление о каком-либо явлении, выраженном в художественной форме [6, с. 5].

Так, например, волнение представлено сравнением в следующем контексте:

Another silence, and then Fiona started crying. Her eyes filled up and started to leak down her face and on to her pullover, and she just sat there quietly, like a kid oblivious to a runny nose [7, с. 67].

Отчаяние представлено многочисленными эпитетами, которые помогают раскрыть образ персонажа, понять и почувствовать его состояние в следующих контекстах:

He suddenly realized with terrible clarity that he'd been set up, that when Rachel had said that he would get the hang of it if she showed him how, this is what she had meant. He wanted to hate her, but he couldn't: instead he felt a rising panic [7, с. 79].

Бранная лексика, междометия, используемые автором, способствуют созданию речевого портрета персонажа и отражают его мир, представлены в следующем контексте:

Look at that, said Ellie. Bastards. They're trying to make money out of him already [7, с. 94].

Необходимо подчеркнуть, что создание речевого портрета персонажа возможно с помощью таких синтаксических средств как повторы, параллельные конструкции, представленные в следующем примере:

And I feel you can be distracted – you get distracted by your relationships, you get distracted by the meaninglessness of a sporting event, by a movie, by the work that you're doing that you think is important at the time...And so we distract ourselves, and good distraction is the best we can do [7, с. 97].

Анализ вышеизложенных контекстов, позволяет сделать вывод о том, что речевой портрет персонажа, создаваемый с помощью языковых средств различных уровней, является художественным воплощением не только внутреннего мира героя, но и непосредственным отражением интеллектуального и эмоционального мира самого писателя.

Список литературы

1. Алюнина О.Г. Понятие речевого портрета с современных лингвистических исследований. [Электронный ресурс]. URL <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=1>
2. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. - СПб., 2000.
3. Гордеева Н.М. Речевой портрет и способы его описания. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hqlib.ru/st.php?n=101>.
4. Инфантова Г.Г. Язык. Речь. Личность: монография /Отв. редактор Сенина Н.А. / Ростов – на –Дону: Легион, 2008. - 504 с.
5. Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Крысин Л.П. Русское слово свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. - 483 с.
6. Мальцева О.А. Семантико-стилистическая интерпретация словесного портрета и повторной номинации в художественном прозаическом тексте. Л., - 1986
7. Hornby Nick «About a Boy».- Penguin Books, 1993.- 278 с.

ПАРЕМИИ, ПЕРЕДАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ «МУЖЧИНА-ЖЕНЩИНА», «МУЖ-ЖЕНА», «МАТЬ-ОТЕЦ» В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ В ЗЕРКАЛЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Бочкарева Татьяна Анатольевна

канд. филолог.наук, доцент Саратовского Государственного Университета им. Н.Г.Чернышевского, г.Саратов

Стрилка Анна Анатольевна

студентка 2 курса факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского Государственного Университета им. Н.Г.Чернышевского

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются паремии русского и турецкого языков, передающие отношения «мужчина-женщина», «муж-жена», «мать-отец» в соотношении с имеющимися гендерными стереотипами. Устанавливается, что противопоставление "мужского" и "женского" и подчинение женского начала мужскому началу находит отражение в паремиях обоих языков. В то же время смена социальных ролей «мужчина-женщина» на «муж-жена» в обеих культурах повышают социальный статус женщины. Рассмотрение же мужчин и женщин в социальных ролях «отец-мать» в паремиях обоих языков показывает, что это единственная позиция, где не мужчина, а женщина оказывается во главе угла.

ANNOTATION

This article discusses proverbs of Russian and Turkish languages, transmitting relationship "man-woman", "husband-wife", "mother-father" in correlation with the existing gender stereotypes. We found that opposition of "male" and "female" and submission of the feminine to masculine is reflected in proverbs in both languages. At the same time the change of social roles "man-woman" to "husband-wife" in both cultures raises the social status of women.

Consideration of the men and women in their social roles "father-mother" in proverbs of both languages shows that this is the only position where not a man but a woman is at the forefront.

Ключевые слова: гендер, стереотип, паремии

Keywords: gender, stereotype, proverbs

Отношения «мужчина-женщина» становятся предметом изучения прежде всего в рамках гендерных исследований. Следует отметить, что в последние десятилетия интерес к этой проблеме заметно возрос. Появилось большое количество работ как российских, так и турецких лингвистов и лингвокультурологов, таких, как Кирилина А.В., Бутаева М.А., Маслова В.А., Опарина А.В., Лопухова О.Г., Степанов Ю.С., Карасик И.В., Тищенко Ю.Г., Каркищенко Е.А., Войченко В.М., Сабанчиева Л.Х., Гюнай Г., Бенер О., Тугуз З.Ю., Кайа Н. Ч., Учгул С., Озказанч А., Озчатал Е. О. и др.

Цель данной работы — изучить русские и турецкие паремии, передающие отношения «мужчина-женщина», «муж-жена», «мать-отец» в русском и турецком языках на предмет выявления сходства и различий и в соотношении с имеющимися стереотипами.

Следует отметить, что паремии, как русские, так и турецкие, являясь объектом изучения многих современных учёных. По данной проблематике на сегодняшний момент имеется большое количество исследований. Среди отечественных можно отметить работы Аносова Е. А., Левина Ю.И., Биктагировой З.А., Хайруллиной Р. Х., Яковлевой Е.А., Порхомовского М.В. и др.

Достаточно широко поле исследований представлено турецкими авторами, такими, как Муаллимоглу Н., Озкан Б., Айчикек М., Гюндогду А.Е., Ерсоз А.Г., Ерган Н.Г., Акбалык Е., Карадаг О., Кучук С., Бекироглу О., Ерджан Р., Дуварджи А.

Но наиболее интересными, с нашей точки зрения, представляются сопоставительные исследования паремиологической системы двух типологически несхожих языков. Подобные исследования дают возможность выявить зоны смысловых совпадений и различий гендерных стереотипов русского и турецкого языков.

Работы, содержащие сравнительный анализ отношений «мужчина-женщина» в контексте стереотипов на материале паремий выбранных нами языков, пока отсутствуют. Таким образом, исследование русских и турецких паремий в плане их сопоставительного анализа представляется нам актуальным и интересным.

Данное исследование, с нашей точки зрения, будет способствовать более глубокому пониманию национального мировосприятия, что, в свою очередь, может содействовать успешности переводческой деятельности и межкультурного общения.

В статье представлены результаты анализа корпуса турецких и русских паремий, передающих отношения «мужчина-женщина», «муж-жена», «мать-отец». Материалом для анализа русских паремий послужил сборник «Пословицы русского народа В.И. Даля, насчитывающий более 30000 пословиц [1], турецких - сборник пословиц М. Юртбаши, содержащий 5000 пословиц [10].

Рассмотрим, как в паремиях передаются отношения к мужчинам и женщинам.

Результаты проведенного нами анализа отчетливо показывают, что как русские, так и турецкие паремии позиционируют женщину как источник греха (Рус.: Больше баб в семье, больше греха; Баба да бес — один у них вес. Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет. Тур.: Nerede şeytan başarısız olursa oraya kadını yollarlar (Где сатана не сможет, туда бабу пошлет). Erkeğin şeytani kadındır (Дьявол мужчины-женщина) [Женщина соблазняет мужчину и сбивает с пути, имеет власть над ним]). Женщине отказывается в уме. (Рус.: Волос долг, да ум короток. Тур.: Kadın kısmının saç uzun olur akli kısa (У женщин волосы длинные, ум короток). Фиксируется болтливость женщин (Рус.: Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке; Собака

умней бабы: на хозяина не лает (о брани)). Отмечается их злопамятность, непостоянство, хитрость (Рус.: Лучше раздразнить собаку, нежели бабу. Тур.: Ateşle oynama elini yakar, avratla oynama evini yakar (yıkar). (Не играй с огнем – руку обожжет, не играй с бабой – дом сожжет (разрушит)). Kadın deniz gibidir (Женщина подобна морю) [Женщина такая же изменчивая, как море]. Kadının fendi erkeği yendi (букв.: Хитрость женщины победила мужчину)).

За человека женщина не считается (Рус.: Кобыла не лошадь, баба не человек. Курица не птица, баба не человек. Курице не быть петухом, а бабе мужиком). Даже плохой мужчина считается лучше хорошей женщины (Тур.: Her gün tavuk yaşamaktan, bir gün horoz yaşamak iyidir. (Лучше один день прожить петухом, чем каждый день жить курицей)).

Турецкие паремии отдельно отмечают, что образование женщине во вред (Тур.: Kadının zoru diline kuvvet (Ученая женщина – развлечение дьяволу). Ср. рус.: Бабе дорога от печи до порога).

Несамостоятельность, зависимость женщины от мужчины в обеих культурах прослеживается на протяжении всей её жизни, вне зависимости от семейного положения. Сначала это зависимость от отца и братьев, затем – от мужа. Но всё же особенно ярко это «безволие» проявляется в отношениях «муж-жена». При этом видно, что в сравнении с отцом муж ставит жену в более узкие рамки (Рус.: У батюшки (девка) промеж пальчиков, у мужа в руках. Гуляй, покуда голова не покрыта. Своя волюшка (девке) у батюшки). Семантика русского слова «воля» включает как понятие личной свободы, так и неограниченности пространства. Замкнутость женского пространства подчеркнута в русской пословице: Держи деньги в темноте, а девку в тесноте.

Тем не менее, целый ряд пословиц фиксирует наличие воли, самостоятельности женщин. Женщина не рассматривается как слабое существо, в русских паремиях нет указаний на физическую слабость женщины. Наоборот, женщины проявляют свою волю и решительность вопреки запретам мужчин и, в частности, мужей (Рус.: Моя коса, хочу совью, хочу распушу. Я и баба, я и бык, я и лошадь, и мужик. С ухватом баба хоть на медведя). Примечательно, что среди исследуемого корпуса турецких паремий ничего подобного нами не найдено.

Становясь женой, женщина явно повышает свой статус. Ср. рус.: Без жены, как без шапки. Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт. Без мужа, что без головы; без жены, что без ума. Что гусь без воды, то мужик без жены. Без жены, что без шпаги. Хорошая жена – юрт (т. е. дом). Умная жена – как нищему сума: все сбережет. Не столько муж мешком, сколько жена горшком (сберегает, приносит в дом). Муж возом не навозит, что жена горшком наносит. Муж – голова, а жена шея. Тур.: Kadınsız ev olmaz. (Дома без женщины не бывает). Это ставит мужчину в некоторое зависимое от женщины положение. Вспомним в данном контексте размышления Н.А.Бердяева о том, что сила женственности играет весомую и часто таинственную роль в мировой истории, так как без влюбленности в Вечную Женственность мужчина ничего не сотворил бы в истории мира, и не было бы мировой культуры. Но при этом способность женщины к созданию культурных ценностей, к творчеству отрицается – ей отводится лишь роль вдохновительницы мужчин для

созидательной и творческой деятельности [6]. Это подчеркивается соответствующими пословицами. См. рус.: Муж – голова, жена – душа. Тур. Erkek aslan dişisine bakar da kuvvet alır (Лев на львицу посмотрит да силы наберется).

На защищенность замужней женщины имеется указание в следующих русских пословицах: За мужа заваляюсь, никого не боюсь. Не та счастлива, которая у отца, а та счастлива, которая у мужа. Ср. с тур: У хорошего мужа жена, как за каменной скалой. Отсюда и повышенные требования к мужчине: Erim er (yiğidim yiğit) olsun da yerim (durağım) çalı (каа) gibi olsun (букв. Муж пусть будет мужем, чтоб жена чувствовала себя, как за скалой).

Остаться без мужа – худшее наказание для женщины. См. рус.: Жена без мужа – всего хуже. Жена без мужа – вдовы хуже. Без мужа жена – всегда сирота (кругом сирота). Вдовье дело горькое. Вдовье сиротское дело. Сирая вдова – круглая сирота. Вдовицу Бог бережет, а люди не берегут. В девках приторно, замужем натужно, а во вдовьей чреде, что по горло в воде. Худо полю без изгороды, а вдове без обороны. С мужем – нужда; без мужа – и того хуже; а вдовой да сиротой хоть волком вой. Не дай бог вдоветь да гореть! Дай бог погореть, да не дай бог овдоветь! Аналогичная ситуация наблюдается и в турецкой культуре. Стереотип гласит: жизнь без мужа трудна. Этот взгляд отражен в пословице: Horozsuz tavuk çobansız sürüye benzer (Курица без петуха, что стадо без пастуха). Турецкая мудрость гласит: Вдове даже собственный подол враг. См. также тур.: Evlenecek erkek de dul kadını değil, kızı yeğlemelidir (Мужчине следует жениться на девушке, но не на вдове). Следует отметить, что статус вдовы негативно отражается не только на самой женщине, но и на репутации дочери. Тур.: Papazdan at duldan kız alma (Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери).

В контексте добрачной жизни мужчины большую группу составляют пословицы-рекомендации, советующие быть внимательным при выборе жены. В женщине ценятся такие качества, как покорность, терпение, спокойствие, послушность мужу и его родителям, верность, аккуратность, работоспособность, умение вести хозяйство, умение хорошо воспитывать детей (Рус. Муж молоти пшеницу, а жена пеки паляницы. Жена пряди рубашки, а муж тяги гуж. Не прядет мужик, да без рубахи не ходит; а баба и прядет, да не по две вдруг носит. Мужа чтут за разум, жену по уму (т. е. за доброе поведение). Тур.: Erkek sel, kadın (avrat) göl (Мужчина – бурный паводок (сель), женщина – озеро). Kadını erkek değil, ar ve namus korur (Женщину не мужчина бережет, а скромность и честь). Erine göre bağla başını, tencerene göre kaynat (pişir) aşını (букв. В зависимости от мужа одевайся, в зависимости от кастрюли готовь суп). Gece yağar günüz uçar, yıl düzgünlüğü; erkek söyler kadın susar, ev düzgünlüğü (букв. Ночью прольет, днем испарится – таков порядок в природе, мужчина говорит, женщина замолкает – таков порядок в доме). Kadın kalbi merhamet kaynağıdır (Сердце женщины – источник милосердия). Çok naz aşık usandırır (Капризная возлюбленная быстро надоеет)).

Главным качеством жены в русском языковом сознании является хозяйственность: Не красна изба углами, красна пирогами. В турецком же на первом месте здоровье будущей жены: Koca sağlığa, karı varlığa bakar (Муж выбирает жену здоровую, а жена мужа – состоятельного). Жена ценится прежде всего, как продолжательница рода.

Но в вопросе о красоте обе культуры сходятся во мнении. Красота – не главное, а скорее даже отрицательное качество жены. Ср. рус.: Красную жену не в стенку врезать. Тур: Çirkin karı evini toparlar, güzel karı düğün (sokak) gezer (Некрасивая жена дом приберет, красивая жена по свадьбам (улицам) гуляет).

Брак для мужчины рассматривается прежде всего, как способ повысить свою социальную роль. Со вступлением в брак «воля» мужчины как таковая не пропадает. На него лишь возлагаются новые обязательства, возрастает ответственность, что, в свою очередь, ещё больше повышает статус «мужа» (мужчины) в глазах общества.

Безусловно, муж – глава семьи, он занимает руководящее место как в турецкой, так и в русской паремиологической картине мира. Прежде всего мужчина рассматривается как отец.

В русской традиции на протяжении столетий сложился образ отца как человека, которому дано право принимать решения, обеспечивающие счастье и благополучие детей (Рус: Отнино (отеческо) слово и по сказке правдит), наказывать и миловать (Рус: Как Бог до людей, так отец до детей. По отцу и сыну честь). В спорах последнее слово всегда оставалось за отцом. В воспитании детей общество требовало от отца прежде всего строгости. Мужчина, проявлявший к своим детям ласку, нежность, мягкость, заботливость, не мог считаться хорошим воспитателем. В обязанности отца входило наказание детей (Рус: «Ненаказанный сын — бесчестье отцу». Наказуй детей в юности, успокоят ты на старости). Подобные идеи наблюдаются и в турецкой культуре (Тур.: Çocuğu şımartma, başına çıkar. (Не балуй ребенка — на шею сядет (на голову влезет)). Турки считают, что дети должны безоговорочно следовать заветам и наставлениям отца (Тур.: Ata yolu doğru yoldur (Путь отца — верный). Atasına düşman olan, evladına dost olmaz (Тот, кто враг своему отцу, не будет другом своему ребенку)).

Конечно, в современных реалиях русского общества культ отца (да и родителей в целом) канул в лету. В то время как для турецкого общества и по сей день иерархия внутри семьи играет очень важную роль.

Мать – источник любви, милосердия, бескорыстия (Тур.: Ana gibi yar olmaz, Bağdat gibi diyar olmaz (Нет другого такого помощника, как мать, и края, как Багдад). Ana hakkı ödenmez (Маму невозможно отблагодарить). Ana yiğidin kalkanıdır (Мама – щит храбреца). Ağlarsa anam ağlar kalani yalan ağlar (Только мама будет плакать за меня по-настоящему, а другие – крокодиловыми слезами). Kadın kalbi merhamet kaynağıdır (Сердце женщины - источник милосердия). Многодетная мать пользуется всеобщим уважением (Тур.: Çocuklu kadın, kargalı çınar, civcivli tavuk (Женщина с детьми точно чинара с воронами, курица с цыплятами).

Такое же почтение к матерям и в русской культуре. Мать ассоциируется с понятиями эмоционального тепла, внимания, заботы (Рус.: Пчелки без матки – пропащие детки. Нет такого дружка, как родная матушка. При солнце тепло, а при матери добро. Птица радуется весне, а младенец матери. У кого есть matka, у того голова гладка. Слепой щенок и тот к матери ползет. Мать праведна – ограда каменна. Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку. Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери).

К.Г. Юнг обращает внимание на то, что образ матери неизбежно проявляется в фольклоре: «С этим архетипом ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, превосходящие пределы разума; любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию» [7, с.218].

Как мы видим, уважение к матери проявляется в обеих культурах. Неоспоримым является и тот факт, что она незаменима. Каким бы необходимым не был для детей отец, но мать всегда ставится на первое место. Ср. рус.: Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота. Отцов много, а мать одна. Тур.: Anası olmayanın babası olmaz (У того, кто не имеет матери, не будет и отца) [Ребенок больше нуждается в матери, и её ему никто не заменит].

Таким образом, суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что и мужчина, и женщина в данном контексте оцениваются строго положительно. Но для нашего исследования интересным представляется тот факт, что в отношениях «мать-отец» на первый план по значимости выходит именно женщина. Если мужчина (отец) – неоспоримо глава семьи, то женщина (мать) – никем не заменимый, превалирующий в данном типе отношений человек.

Соотнося полученные результаты анализа с существующими стереотипами, мы получаем следующую картину.

Гендерные системы различаются в разных обществах, однако в каждом обществе эти системы асимметричны таким образом, что мужчины и все "мужское/маскулинное" считаются первичными, значимыми и доминирующими, а женщины и все "женское/фемининное" определяется как вторичное, незначительное с социальной точки зрения и подчиненное. Это отражает и поддерживает существующую гендерную иерархию общества. Противопоставление "мужского" и "женского" и подчинение женского начала мужскому началу находит отражение в паремиях обоих языков.

В то же время отметим, что смена социальных ролей «мужчина-женщина» на «муж-жена» в обеих культурах повышают социальный статус женщины, т.к. паремии обоих языков фиксируют уже не только негативные, но и позитивные их стороны как хранительниц семейного очага. Рассмотрение же мужчин и женщин в социальных ролях «отец-мать» в паремиях обоих языков показывает, что это единственная позиция, где не мужчина, а женщина оказывается во главе угла.

Выявленная картина в целом отражает существующие в обеих культурах стереотипы, гласящие, что предназначение женщины — быть матерью и женой, что женщины глупее мужчин.

В качестве лингво-культурных различий отметим то, что среди исследуемого корпуса паремий более частотны именно русские паремии, выражающие негативное и пренебрежительное отношение к бабе/женщине. Турецкие паремии отличаются большей сдержанностью и лояльностью на этот счёт

Список литературы

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. 2 т. М., 1957.- 990с.

2. Епифанов А.А. Турецкие пословицы и их русские аналоги. СПб.: КАРО, 2006. - 352 с
3. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. - М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. - 180 с.
4. Левин Ю. И. Провербиальное пространство // Паремнологические исследования: сб. ст. М.: Наука, 1984. С. 108-126.
5. Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований. // Сб. Личность. Культура. Общество. Т.V. Вып.1-2 (15-16). 2003. С. 120-139.
6. Черный Ю.Ю. Философия пола и любви Н.А. Бердяева/ Ю.Ю. Черный; Ин-т науч. информ. По обществ. наукам. - М.: Наука, 2004. - 132 с.
7. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Пер. с англ.-К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. - 384 с.
8. Stereotypes and Stereotyping as a Problem of Gender Studies // Personality. Culture, Society. V.5. part 1-2 (15-16), p. 120-139. In Russian. (1)
9. Özkan B., Gündoğdu A. E. Toplumsal Cinsiyet Bağlamında Türkçede atasözleri ve deyimler (Turkish Studies International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic Volume 6/3 Summer 2011);
10. Yurtbaşı M. A Dictionary of Turkish Proverbs. Ankara, 1993. - 654p.

НЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЧАТЫ И ФОРУМЫ/CHATS AND FORUMS»: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Бурдун Нина Владимировна

Студент Кубанского государственного университета, г. Краснодар

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию своеобразия структурно-словообразовательных и семантических особенностей интернет- неологизмов английского языка тематической группы «чаты и форумы/chats and forums». Материалом для исследования послужили новые лексические единицы, извлеченные из электронных словарей новых слов английского языка, а также примеры их использования в текстах англоязычных электронных средств массовой информации.

ABSTRACT

This article investigates the peculiarities of structural-morphological and semantic features of English Internet neologisms belonging to the thematic group «chats and forums». As the material for our research, we used new lexical units extracted from electronic dictionaries of new English words and examples of their usage in the texts of English electronic mass media.

Ключевые слова: неологизм, интернет, чат, форум, семантика, словообразование, английский язык.

Keywords: neologism, internet, chat, forum, semantics, word formation, English language.

По словам Д. Кристала, «язык всегда отражает социальные предпосылки язык – это люди, поэтому он зависит от того, что происходит с людьми» [7, с. 212]. Сейчас в английском, как и в других языках, появляется огромное количество новых слов. Во многом это обусловлено появлением интернета, а также форумов и чатов, которые в наши дни получают все большую популярность и являются неотъемлемой частью интернет-культуры.

Чат (chat) (от англ. to chat - болтать) – это «общение в сети Интернет, когда "разговор" ведется в режиме реального времени. Обмен информацией в чате осуществляется "здесь и сейчас"; чат представляет собой окно, в котором идет поток сообщений от всех участников чата» [3, с. 190].

Основными особенностями чата как вида интернет-коммуникации, по мнению А.С. Лысенко, являются [4]: отсутствие возможности вернуться к тому, что уже было сказано; спонтанность; экспрессивность; синхронный и асинхронный характер коммуникации; графический способ представления информации; способность к длительному хранению информации.

Как видно, чат совмещает в себе признаки как устной, так и письменной речи, что делает его уникальным средством общения.

В отличие от чатов, форумы ориентированы на отсроченную по времени коммуникацию, где главной целью является обмен информацией. На форумах намеренно поддерживается определенная тематика общения: обмен

опытом, помощь в решении проблем, обсуждение материалов сайта. Прежде чем отправить сообщение на форум, человек имеет возможность его обдумать и как следует отредактировать, что трудно сделать в ходе часто очень стремительной беседы, характерной, например, для чатов.

Для того чтобы провести исследование семантики неологизмов, принадлежащих к тематической группе «чаты и форумы», дадим определение понятию «неологизм» и рассмотрим их классификацию.

Неологизмы – «новые единицы лексической системы языка, которые возникли в силу общественной потребности дать имя новому предмету или выразить новое понятие и которые функционируют в речи в качестве готовых, воспроизводимых единиц» [1, с. 218]. В предисловии к «Оксфордскому словарю» «новое слово» определяется как «любое слово, фраза или значения, которые вошли в общее пользование или были модными в какой-то период» [8, с. 4].

М.Н. Эпштейн к неологизмам относит «слова, отсутствующие в словарях и воспринимаемые обществом как новые» [6, с. 5].

Основная масса новых единиц образуется с помощью словообразовательных средств. Рассмотрим классификацию Л. Гилберта [2, с. 120]. Неологизмы делятся на фонологические, заимствованные (собственно заимствования, варваризмы, ксенизмы, кальки), морфологические (аффиксальные неологизмы, неологизмы, образованные с

помощью словосложения, конвертированные неологизмы), сокращения (неологизмы-аббревиатуры, неологизмы-акронимы, неологизмы-усечения, слияния).

Также нельзя оставить без внимания классификацию В.И. Заботкиной, разработавшей её применительно к компьютерному жаргону. Согласно данной классификации все лексические единицы можно разделить на собственно неологизмы, трансминации, а также семантические инновации, или переосмысления [2, с. 126]

Материалом анализа являются новые лексические единицы, извлеченные из электронных словарей новых слов английского языка, а также примеры их использования в текстах англоязычных электронных средств массовой информации. Для анализа семантики неологизмов тематической группы «чаты и форумы» («chats and forums») выделим следующие тематические подгруппы.

Во-первых, это неологизмы, характеризующие участников сообщества:

- asshole - someone who asks many stupid, pointless, obnoxious questions.
- advicehole - person who continually asks for your advice, but does not do anything WITH that advice except use it as a hook to continue a running conversation that is all about their problems.
- newbie- somebody new to a community.
- troll - a person who joins a community in order to start a fight. To 'troll' is to post purposefully inflammatory material in the attempt to provoke people.
- lurker - a lurker is someone that follows the forum but doesn't post.

Во-вторых, это новые слова, обозначающие понятие «язык», на котором все эти люди обмениваются сообщениями:

Netspeak/Chatspeak - typing using a lot of abbreviations and shorthand, and little or no attention to punctuation or proper spelling.

Engnish - internet slang used to describe esoteric English texts translated from East-Asian languages like Chinese, Japanese and Korean.

Weblish - a form of english that is used as a slang for online conversations.

Одной из главных особенностей данной «речи» является то, что большинство пользователей стремится по возможности кратко изложить свои мысли. В результате появляется достаточно много аббревиатур и акронимов, которые знакомы каждому участнику сообщества:

RTFM - an acronym for «Read The Fucking Manual» that is used in response to from a newbie that may be deemed unnecessary or redundant, had that individual done some basic research on the subject beforehand.

NGL - abbreviation not gonna lie (internet abbreviation)

TL; DR - abbreviation too long, did not read; abbreviation used in texts, posts, etc.

LOL - It's original definition was «Laughing out loud» (also written occasionally as «Lots of Laughs»), used as a brief acronym to denote great amusement in chat conversations.

Yolo – acronym for: you only live once

Стоит заметить, что главный способ общения на форумах и в чатах – обмен сообщениями, поэтому существует множество неологизмов, связанных с таким понятием, как «грамотность». Например:

Grammartarded - retarded in terms of ability to use English grammar properly and proficiently.

Grammar Nazi - someone who believes it is their duty to attempt to correct any grammar and/or spelling mistakes they observe.

Grammar Hippie The opposite of grammar Nazi. Grammar Hippies love all forms of language, whether it be slang or Shakespeare. They can admit that they too make mistakes when it comes to the standard form of their native language.

Grammar Hitler The supreme leader of all the Grammar Nazis. He is the ultimate Grammar Nazi and puts all others to shame with his amazing grammatical-ness.

В отдельную подгруппу хотелось бы выделить неологизмы, используемые в чатах любителями онлайн - игр. В большинстве случаев геймеры общаются в процессе игры, а также создают свои сообщества, язык которых многим может показаться непонятным. Однако некоторые слова получили широкое распространение, как, например, выражение epic fail (complete and total failure when success should have been reasonably easy to attain.) или слово lag (choppiness in gaming internet connection caused by delay (high ping)).

Существуют также неологизмы, характеризующие «тип игры».

pvp - acronym for Player Vs. Player. A type of game wherein human opponents primarily compete against one another.

deathmatch - a game mode featured in nearly every shooter (simulator or FPS) that allows you to blow the living crap out of your opponents.

Так как одним из самых популярных жанров онлайн-игр является шутер (от англ. shoot –стрелять), появляется множество слов, связанных с убийством игроков:

rtl (Report the loss) - often said after an online competitive gaming match, where the winning team asks the losing team to «Report the loss» on the league's website.

Instagib – (Instant Giblets) refers to one-hit kills in FPS games where the victim is instantly turned into 'giblets', or explodes.

to frag - to kill an enemy in a single person shooter computer game or to throw a grenade in your officer's bunker and obliterate your officer.

Выбранные для исследования лексические единицы, относящиеся к тематической группе «чаты и форумы», отличаются своеобразием как по своим семантическим, так и по структурно-словообразовательным особенностям.

«Сокращения являются наиболее продуктивным в последние десятилетия и регулярным способом образования морфологических неологизмов. Этот способ является наглядным примером, отражающим тенденцию к рационализации языка, к экономии языковых усилий» [5, с. 233].

Среди выбранных нами лексических единиц достаточно много слов образовано этим способом. Причем здесь можно выделить сокращения двух видов:

1) Неологизмы- слияния, как например:

Weblish (web + English)

Также «среди неологизмов-сокращений особое место занимают частичные слова-слитки, т.е. слова, в которых соединяются усеченный элемент одного слова и полная форма другого слова» [5, с. 234]. Например:

chattack (chat + attack)

grammartarded (grammar + retarded)

- 2) Неологизмы- акронимы
RTFM (Read The Fucking Manual)
NGL (not gonna lie)
rtl (Report the loss)

Сокращения подобного рода наиболее распространены в чатах. Это можно объяснить тем, что именно участникам данных сообществ постоянно приходится урезать слова, чтобы дать моментальный ответ.

Также достаточно много неологизмов образовано при помощи словосложения (epic fail, deathmatch, Grammar Nazi, Holy War).

Как показало исследование, аффиксальные механизмы составили незначительное число проанализированных новообразований тематической группы «чаты и форумы». В основном для создания новых слов используется суффикс –er, и неологизмы, образованные таким способом, обозначают человека, который занимается определенной деятельностью. Например, lurker (lurk + er).

Итак, были выявлены определенные закономерности, которые позволили прийти к выводу о том, что акронимы получили наибольшее распространение среди неологизмов семантической группы «чаты и форумы/chats and forums» (RTFM, NGL, TL; DR, LOL, Yolo). Особой частотностью также характеризуются новые слова, определяющие непрофессионализм пользователей (askhole, advicehole, newbie, grammartarded). Также нередко встречаются неологизмы, обозначающие военные действия в прямом и переносном смысле: chattack, deathmatch, Holy War.

Таким образом, согласно нашему исследованию, именно данные семантические группы наиболее ярко представлены среди неологизмов тематической группы «чаты и форумы/ chats and forums»

Список литературы

1. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1973. — 218 с.
2. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: ВШ, 1989. — 200 с.
3. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография. Волгоград: ВГПУ «Перемена», 2009. — 190 с.
4. Лысенко С.А. Некоторые вопросы соотношения устной и письменной форм речи в современном обществе. Воронеж, 2009. — 36с.
5. Прима А.М Структурно - словообразовательные особенности гендерных неологизмов тематической группы «Семья, брак» – «Family, wedding» // Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. XXX Располовские чтения: материалы Международной конф. 2012 г. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2012. — 232-236 с.
6. Эпштейн М.Н. Типы новых слов. Опыт классификации // <http://gramma.ru/KOL/?id=1.32>
7. Crystal D. A. English as a global language. Second Edition. Cambridge: CUP, 1997. — 212 с.
8. Preface P. 4-7 // Oxford Dictionary of Abbreviations. – Oxford: Oxford University Press, 1996. — 397 p.
9. <http://www.urbandictionary.com/>

ХАРАКТЕРИСТИКА КАК ЖАНР ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

Драчук Нина Вячеславовна

Канд. фил. наук, преподаватель Волгоградского филиала МГГЭУ, доцент кафедры корпоративного управления, Волгоградского филиала РАНХиГС

Черницына Татьяна Владимировна

Канд. фил. наук, старший преподаватель кафедры русского языка, ФПИС ВолгГТУ, г. Волгоград

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются стилистические черты характеристики как жанра официально-делового стиля, описываются лексические и грамматические средства, используемые в характеристике. Показаны особенности современного письменного делового общения в документно-коммуникативной деятельности.

ABSTRACT

The article studies the stylistic features of testimonial as the genre of the official style, describes lexical and grammatical means used in the testimonial. Features of modern written business communication in documental and communicative activities are shown.

Ключевые слова: деловое общение, официально-деловой стиль, характеристика, лексические и грамматические средства, документно-коммуникативная деятельность.

Keywords: business communication, official style, testimonial, lexical and grammatical means, documental and communicative activities.

Официально-деловой стиль как стиль, обслуживающий сферу административно-общественных и правовых отношений, в настоящее время претерпевает ряд существенных изменений. Изменения в письменной деловой коммуникации обусловлены сложившейся общественно-политической ситуацией: новые экономические условия в жизни страны, вхождение России в мировое информационное сообщество и, как следствие, влияние мировой

практики составления и оформления документации, внедрение информационных технологий в сферу документационного обеспечения управления и, соответственно, влияние языка Интернета на язык делового общения. К новым тенденциям, отмечаемым в этом традиционно считающимся замкнутым и консервативным стиле, можно отнести:

- развитие новых направлений делового общения, определяющих появление новых жанров;
- усиление личностной ориентированности делового текста;
- появление эмоциональной окраски (экспрессивности);
- либерализация языка, выражающаяся в расширении выбора языковых средств [7].

Отмеченные тенденции выявляются в различных документах, в частности, в характеристике.

Характеристика представляет собой документ, который выдается сотруднику администрацией учреждения, организации в ряде ситуаций (выдвижение на выборную должность, избрание по конкурсу на работу, поступление в учебные заведения, при запросах сторонних организаций – суда, военкомата и т.п.) и содержит отзыв о служебной и общественной деятельности сотрудника, оценку его деловых и моральных качеств [6, с. 744]. На современном этапе данный документ востребован в силу сложившейся экономической ситуации в стране: развитие рыночных отношений привело к конкурентному отбору специалистов в той или иной области. Выбор специалиста проводится, в

том числе, и на основе тех документов, которые он представляет. К таким документам относятся резюме, автобиография, рекомендательное письмо и характеристика.

Как жанр официально-делового стиля (ОДС) характеристика относится к периферийной области. Особенно ОДС, ярко представленные в ядерных жанрах – законодательных актах: предписывающе-долженствующий характер речи, точность, не допускающая инотолкования, логичность, объективность, официальность, стандартизированность, безличность – в периферийных жанрах нивелируются.

Характеристика относится к информирующим текстам, которым не присуща императивность, в меньшей степени выражена официальность и стандартизированность, проявляющаяся на уровне унификации структуры текста и выбора языковых средств.

Унификация характеристики как документа предполагает выделение нескольких композиционных частей в тексте, которым, в свою очередь, соответствуют определенные речевые конструкции, позволяющие создать типовой текст, текст-образец.

Соотношение структурных частей характеристики и речевых клише представлено в таблице.

Таблица 1

Соотношение структурных частей и речевых клише в характеристике

№ п/п	Структура характеристики	Клише, характерные для части
1.	Анкетные данные (ФИО, дата рождения, образование, стаж работы)	Иванов Иван Иванович _____ года рождения работает в должности _____ с _____ года. Имеет _____ образование. Обучается на _____ курсе по специальности....
2.	Данные о трудовой или учебной деятельности	За время работы (учебы) проявил себя... Зарекомендовал себя как... Принимал участие в... Оказывал содействие в... Успешно выполнял работы по... Показал высокий уровень знаний...(хороший уровень подготовки)
3.	Оценка деловых и моральных качеств	К выполнению работы подходит ответственно, добросовестно... В общении вежлив и дружелюбен... Среди коллег (не) пользуется авторитетом (уважением)... Имеет ровные отношения... Замечаний и нарушений в трудовой дисциплине не имеет...
4.	Целевое назначение (куда предназначена характеристика)	Характеристика дана для предъявления в.... Характеристика предназначена по месту требования...

Трафаретизация на уровне лексики обуславливает высокую степень информативной емкости текста, облегчает восприятие и обработку информации, содержащейся в документе, не исключая при этом необходимость достаточно высокого уровня лингвистической подготовки составителя и творческого поиска с его стороны [5]. Анализ лексического материала текстов характеристик позволяет говорить о значительном количестве речевых клише. Нередко частотность их употребления – более 50%:

Настоящая характеристика дана Иванову И.И., студенту специальности "Документационное обеспечение управления и архивоведение", проходившему производственную практику в Региональном центре качества Волгоградской торгово-промышленной палаты.

За время прохождения практики Иванов И.И. изучил документацию организации. Приобрел навыки реги-

страции и оформления входящей и исходящей документации. Показал себя с положительной стороны. Дисциплинирован, исполнитель. В достижении поставленных целей инициативен и настойчив. Все поручения и задания исполнял точно и в срок. Замечаний и нарушений в трудовой дисциплине не имел. Характеристика дана по месту требования.

В связи с функциональной направленностью характеристики, как правило, в ней не содержится негативной оценки характеризуемого. Объясняется это тем, что местом предъявления данного документа являются официальные образовательные и административно-правовые учреждения, требующие положительного отзыва о предъявителе. Таким образом, лексемы с отрицательной семантикой в тексте характеристики представлены незначительно. При рассмотрении оценочной лексики нами отмечено заметное превалирование однокорневых антонимов

с отрицательным префиксом не-: неадекватно реагирует на критику; недисциплинирован; неорганизован; необщительна; неисполнительна, некорректна по отношению к коллегам. Реже в образовании негативной оценки участвует префикс без-, выражающий в большей степени проявление качества отрицания по сравнению с префиксом не-: безынициативен; безответственен. Названные примеры единичны, так как, во-первых, общее количество антонимов данного типа в языке невелико [3, с. 58], во-вторых, подобные лексические единицы выражают резкую форму отрицательной оценки личностных и деловых качеств, что некорректно с позиций делового этикета.

На уровне морфологии можно выделить традиционную особенность официально-делового стиля – высокую частотность существительных, в значительно меньшей степени представлены глаголы и относительные прилагательные. Отмечаются также типичные для письменной деловой коммуникации конструкции с отглагольными существительными (оказать содействие, принимать участие, проявить стремление, заинтересованность, ответственность, показать (демонстрировать) умения), поскольку содержание документа – это всегда действие, направленное на конкретный объект.

Не характерно для языка деловых текстов использование качественных прилагательных, однако в характеристике в силу ее назначения – давать оценку субъекту деловых отношений – полные и краткие качественные прилагательные – необходимые текстовые элементы. Например: проявил себя как трудолюбивый, добросовестный и исполнительный работник; показал себя как человек, которому свойственно проявление творческого потенциала и организаторских способностей; в достижении поставленных целей инициативен и настойчив; по характеру спокоен, доброжелателен, общителен; внимателен к людям, тактичен; в коллективе поддерживает ровные, доброжелательные отношения.

Аналогичную функцию выполняют в текстах характеристики качественные наречия: к работе относится серьезно, поручения исполнялись точно и своевременно; показал умение правильно определять и эффективно решать поставленные задачи; грамотно использует теоретические знания, умело применяет их в практической деятельности.

Использование оценочных прилагательных и наречий, а также оценочных существительных (ответственность, тактичность, коммуникабельность, работоспособность, исполнительность, принципиальность, настойчивость, дисциплинированность) создает экспрессивность делового текста, не свойственную деловому общению. Языковые средства выразительности позволяют решать не только основную задачу характеристики – передачу информации, но и второстепенные, не менее значимые: привлечение внимания к участнику делового общения, заинтересованность в возникновении деловых отношений. Эмоциональная тональность текста определяет личностное (субъективное) начало, характеристика не воспринимается как документ неличного характера, несмотря на то, что при ее составлении должностное лицо выступает в качестве представителя государственного учреждения (организации), адресуя также к государственному учреждению. Как отмечают многие исследователи современного языка делового общения, либерализация языка и

стиля деловой переписки позволяет повысить эмоциональную привлекательность текста, придает ему конструктивную тональность, усиливает воздействующий эффект [4, с. 125]. Функция воздействия, традиционно закреплённая за публицистикой, в последнее время находит все большее выражение в различных жанрах официально-делового стиля [2, с. 105].

На уровне синтаксиса в тексте характеристики доминируют простые предложения, нередко односоставные: За время работы проявила себя как квалифицированный специалист. Работу выполняла добросовестно. Нареканий со стороны руководства и сотрудников не имеет. Необходимость перечисления функций работника, его личных и деловых качеств требует использования однородных членов предложения: За время прохождения практики изучила внутреннюю документацию организации, активно участвовала в работе по оформлению входящей и исходящей корреспонденции. Проявила себя грамотным, исполнительным работником. Обладает положительными качествами: дисциплинированна, ответственна, аккуратна, трудолюбива.

Также на уровне синтаксиса отмечается «неполноформленность структур» [1, с. 285]. Синтаксическая неполнота – яркий признак разговорной речи. Например: рекомендовал себя дисциплинированным и исполнительным (отсутствует дополнение: работником), правила внутреннего распорядка выполняла (сверстка наименования: правила внутреннего трудового распорядка). В последнем примере отмечается характерная для разговорной речи и публицистики инверсия. Примеры обратного порядка слов не единичны в текстах характеристик: На работу приходила вовремя, без опозданий, прогулов не было. Нередко подобная вариативность воспринимается как синтаксическое нарушение: проявила в работе себя как хороший исполнитель; знает инструкции, регламентирующие деятельность, и умело применяет на практике их в работе. Новые стилевые черты размывают стилистические границы и позволяют исследователям говорить о межжанровых образованиях.

Появление элементов разговорного стиля и публицистики в документных текстах свидетельствует об активном взаимодействии функционально-стилевых разновидностей, такие элементы придают тексту личную тональность: За время практики смог охватить очень большой объем необходимой информации. По моему мнению, Иванов показал хорошие знания теории на практике... Задания исполнял в срок и с большим интересом осваивал новый материал. С планированием работы справлялся.

Авторское начало в официальном документе, характерная особенность западной практики деловой коммуникации, недопустимо в текстах ядерных жанров, однако нередко встречается на периферии официально-делового стиля: в служебных письмах, записках, заявлениях, обращениях граждан.

К элементам разговорного стиля в текстах характеристик следует отнести стилистически маркированные лексемы и фразеологические единицы: легко сходится в коллективе с людьми, легко приспосабливается к работе в коллективе, сумел найти общий язык со всеми работниками компании, всячески поддерживает работу компании, стремился работать на результат, редко оставляет дела на

последнюю минуту, все дела доводит до конца, умеет доводить начатое до конца.

Подводя итог, необходимо отметить, что основной коммуникативной целью характеристики является положительный отзыв об участнике делового общения, данная цель реализуется с помощью коммуникативной стратегии похвалы в деловом тексте. В характеристике похвала направлена на личные и деловые качества субъекта деловой коммуникации и отражает самые разные типы оценок: морально-этическую, эстетическую, гедонистическую, психологическую и др. [8, с. 160]. В соответствии с коммуникативными задачами названной коммуникативной стратегии при составлении текста характеристики происходит отбор лексических и грамматических средств, реализующих стилистические черты жанра. На уровне лексики – высокая степень трафаретизации, занимающая до 50% лексической наполняемости текста, стилистически маркированные лексемы и фразеологические единицы как проявление элементов разговорного стиля; на уровне словообразования – оценочная префиксация, представленная однокорневой антонимией; на уровне морфологии – преобладание отглагольных существительных, а также использование оценочных существительных, прилагательных и наречий, создающих не присущую деловому тексту экспрессивность; на уровне синтаксиса – простые односоставные предложения, часто осложненные однородными членами. В целом, можно говорить о трансформации официально-делового стиля на современном этапе его развития, показателем которой является проникновение элементов разговорного и публицистического стилей: эмоциональности, оценочности, компрессии, экспрессивных синтаксических конструкций, их адаптации в документно-коммуникативной деятельности.

Список литературы

1. Горшков А.И. Русская стилистика: учеб. пособие. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 367 с.
2. Драчук Н.В. Заимствования в письменной речи /

«Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives». Proceedings of the 1st International symposium (December 18, 2013). Volume 2. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2013. – P. 102-107.

3. Драчук Н.В. Типология антонимических отношений и ее роль в структурной организации антонимо-синонимических парадигм // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. – 2006. – № 5(18). – С. 55-59.
4. Кашаева Е.Ю. Современные тенденции в практике письменного делового общения // Вестник ДГТУ. – 2004. – Т.4. – № 1(19). – С. 123-127.
5. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы. Риторика. Этикет. – М.: Экономика, 2000. – http://www.vib33.ru/upload/information_system_19/1/0/4/item_104/koltunova_language_business_communications.doc.
7. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 840 с.
8. Михайлова А.В. Инновации в официально-деловом стиле русского языка новейшего периода: на материале жанров договора и письма-предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – URL: <http://www.dissercat.com/content/innovatsii-v-ofitsialno-delovom-stile-russkogo-yazyka-noveishego-perioda-na-materiale-zhanro#ixzz2md3oJJvp>.
9. Черницына Т.В. Коммуникативные стратегии похвалы в прозе В.М. Шукшина: типология, языковая реализация // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. – 2013. – № 1(17). – С. 160-163.

СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИНОНИМОВ В РУССКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Дзусова Бэлла Таймуразовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и осетинской филологии, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ (Россия)

Гогаева Зарина Аркадиевна,

Студентка Б-АН I курса факультета лингвистики, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ (Россия)

STRUCTURAL AND TYPOLOGICAL ANALYSIS OF SYNONYMS IN RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES

Dzusova Bella, candidate of pedagogical sciences, associate professor of Russian and Ossetian philology, North-Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz (Russia)

Gogaeva Zarina Arkadyevna, 1st year student, group BAN, the Faculty of Linguistics of North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz (Russia)

АННОТАЦИЯ

Рассматривается проблема синонимии на основе сопоставления фразеологических оборотов в русском и осетинском языках. Сопоставительный анализ дается не с точки зрения традиционного структурно-семантического подхода, а с позиции структурно-типологических соответствий. В осетинском языке некоторые фразеологические обороты могут составлять синонимические ряды, большая часть из которых состоит из фразеологических

параллелизм. Основываясь на различиях в семантике и стилистической окраске, представляется правомерным выделить три наиболее общих разряда синонимов в рассматриваемых языках.

ABSTRACT

The article considers the problem of synonymy on the basis of comparison of idioms in Russian and Ossetian languages. The comparative analysis is given not from the point of view of a traditional structural and semantic approach, but from the position of semantic and typological conformity. In the Ossetian language, some idioms can be synonymous series, most of which consists of phraseological parallelisms. Taking in consideration the differences in semantics and stylistic coloring it seems only logical to single out three of the most common groups of synonyms in analyzed languages.

Ключевые слова: темы, подтемы, оттенки значения, фразеологизмы, тождества, синонимы семантические, синонимы стилистические, синонимы семантико-стилистические

Keywords: themes, sub-themes, shades of meaning, idioms, identity, semantic synonyms, stylistic synonyms, semantic and stylistic synonyms

В русской лексикологии в последнее время утверждается взгляд на синонимы как на слова, обозначающие одно и то же явление объективной действительности. Это определение не вступает в противоречие с системным характером лексики. Специфический характер лексики как системы проявляется прежде всего в наличии целого ряда весьма своеобразных связей между словами как элементами этой системы, а именно: грамматических, этимологических, тематических, стилистических, омонимических, антонимических, синонимических, ассоциативных.

По выражаемому понятию слова группируются с другими словами языка, образуя систему тем. Членение слов по темам существует в пределах: каждой части речи! Тема может включать бесчисленное количество слов и быть количественно ограниченной.

Темы членятся на подтемы, например, тема «предметы бытового обихода» включает ряд подтем: «жилище», «посуда», «мебель», «принадлежности туалета» и т. д.; тема «части человеческого тела» включает подтемы: «части туловища», «части конечностей», «части головы»,

Слова, объединенные одной темой, обладают различной степенью близости значений. Так, в теме «Части человеческого тела» слова ладони и щеки сближены только тем, что называют части человеческого тела; слова щеки и губы сближены более частной общностью: они называют части лица; слова глаза и очи, лоб и чело сближены не только как названия частей человеческого тела, не только как названия частей лица, а как названия одной и той же части.

Вопрос о близости значений слов тесно связан с проблемой синонимии. Очень долгое время синонимы трактовались как слова, близкие по значению, а критерием синонимичности была возможность замены одного слова другим. Степень близости значений слов- синонимов определена не была.

Близость значений слов - весьма и весьма широкое понятие. Так, слова честный, смелый, храбрый, смышленый, бесстрашный, вежливый, расторопный, корректный, правдивый и т. д. сближены: значениями, поскольку выражают положительные качества человека. Внутри этой совокупности слов выделяются группы: «слова, называющие качества человека перед лицом опасности» (бесстрашный, безбоязненный, отважный, смелый, храбрый); «называющие характер, особенности ума человека в его отношении к действительности» (смышленый, догадливый); слова со значением: «выражающий подлинные чувства и мысли» (правдивый, честный, искренний); гом - бægънæг - æнæхгæд.

Таким образом, полного тождества между синонимами нет, они различаются по стилистической окраске и оттенкам значения. Но иногда бывает трудно выявить оттенки значения, которыми различаются два синонима. Например, слова бесприютный и бездомный, кажется, совершенно идентичны, однако между ними есть различия, обусловленные тем, что одно из них образовано от сочетания без приюта, другое - от сочетания без дома, вследствие чего слово бесприютный более абстрактное и более широкое по объему: фынг - стьол - первое значение более узкое.

Слова - синонимы различаются не только стилистической окраской и оттенками общего, основного значения. Каждое слово имеет свою историю возникновения, функционирования в пределах активного или пассивного запаса слов, обрастает рядом значений, вступает в ассоциативные связи с другими словами.

Фразеологизмы по целому ряду признаков сближаются со словами и вместе с ними образуют синонимическую систему языка.

Одно и то же явление объективной действительности может быть обозначено не только словом, принадлежащим к той или другой части речи, но и соотносением со словом этой части речи фразеологическим оборотом. Поэтому в пределах одного синонимического ряда могут быть не только слова, но и фразеологические обороты. Фразеологические обороты чаще всего противопоставляются нейтральным словам данного синонимического ряда по стилистической окраске и оттенкам значения. Между собой фразеологические обороты различаются также и стилистической окраской, и оттенками значения (ср.: громко - благом матом - во все горло - во всю ивановскую; фæсæфын - фæдæлдзæх уæвын - зæххы скъуыды ныххуын).

В осетинском языке некоторые фразеологические обороты могут составлять синонимические ряды, большая часть из которых состоит из фразеологических параллелизм: гакъон-макъон - къæдз--мæдзы, зылын- мылын - тæссар - маэсар; исдугæй-исдугмæ - хаттæй- хатт, иуæй-иу хатт.

Основываясь на различиях в семантике и стилистической окраске: представляется правомерным выделить три наиболее общих разряда синонимов в рассматриваемых языках:

1. Синонимы семантические: смелый - храбрый - отважный - бесстрашный - безбоязненный; бездомный - бесприютный; цæуын - уайын; дымгæ - уад - уахъæз уадымс.
2. Синонимы стилистические: глаза - очи - гляделки -

зенки - буркалы; город - град; амарди - фæзиан ис - фæхурх ис - адаргъ и - йæ уд систа - йе 1цаг дунемæ ацъд.

3. Синонимы семантико-стилистические: громко - благим матом - во все горло - во всю ивановскую; хыл кæнын - загъд кæнын - ура кæнын; есть - кушать - жрать - лопать - уплетать; хæрын - æмпулын - æвдæрзын - æвгæнын - æфтыæрын.

Семантические синонимы - это стилистически нейтральные слова, отличающиеся друг от друга оттенками основного, общего для каждого из них значения. Например, слова смелый и храбрый объединены общим значением - «не испытывающий страха», но «смелый - не только не знающий страха, но и решительный в преодолении препятствий»⁴. Примеры: «А Шуйскому не должно доверять: Уклончивый, но смелый и лукавый» (Пушкин); «Вот, что, Соколов, ты - настоящий русский солдат. Ты - храбрый солдат» (Шолохов). Гадзрахатæй - хинæй - сайдаёй; Афтæ йæм фæкаст, цыма йыл йæ сыхаг гадзрахатæй рацыд (Бес. Т.); Нарты Борæмæ фæцæуон фидыды алдзæн, стæй йæ хинæй ныммардзынæн (Н. к.).

Основное назначение семантических синонимов в языке: - служить средством точного выражения мысли в каждом частном случае речевого употребления. Например, слова надоесть и наскучить имеют общее значение - стать неприятным от частого повторения, но в слове наскучить есть еще дополнительный оттенок, обусловленный его этимологической связью со словом скука: надоесть, вызвав скуку. Ср.: «Умный человек никогда не наскучит и не примелькается» (Павленко); «Я боюсь наскучить вам своими жалобами на судьбу» (А. Островский); «Сколько бы не смотреть на море оно никогда не надоеет. Оно всегда; разное, новое, невиданное» (Катаев). Гуымыры - дæрзæг - гуырымыхъхъ - схуыст. Нæры гуымыры хъæртæй арв, къæдз - мæдзы судзгæ 'хсидав фехсы. (Пл. Г.) Ныххатыр мын кæн мæ дæрзæг ныхас, лейтенант. (Хъайт. С.) Мæрдты рухсаг уæд. Иу схуыст ныхас дзы нæ зонын (Гагл. В.).

Синонимы отличаются друг от друга. Принято, прежде всего, деление синонимов на идеографические и стилистические. Однако возможно разграничение по синтаксическим особенностям, степени сложности и пр.

Слова, очень близкие, но не тождественные по смыслу, отличающиеся оттенками значений, называются понятийными (или идеографическими) синонимами. Примером понятийных синонимов могут служить наречия беззвучно и неслышно. Ср.: Мимо окон беззвучно пронеслись машины и Мимо окон неслышно пронеслись машины; или Он беззвучно подкрался ко мне и Он неслышно подкрался ко мне. Смысловое различие между словами беззвучно и неслышно очень невелико: беззвучно указывает на отсутствие звука, неслышно подчеркивает восприятие ухом слышащего. Зæрондгомау - карыдзыд - ацæргæ.

Понятийными являются синонимы: смотреть - глядеть, красивая — хорошенькая, думать — размышлять, внезапно — неожиданно. Рæсугъд - аив; æвиппайды — æнæнхæлæджы.

При рассмотрении многих синонимов обращает на себя внимание их стилистическое различие. Синонимы, тождественные по значению, но различающиеся стилистической окраской, называются стилистическими. Ряды

стилистических синонимов образуются обычно в том случае, если один из синонимов принадлежит к так называемой нейтральной лексике, другой — к разговорной или простой, высокой или официальной и т.д. Возможны довольно длинные ряды, состоящих из слов разной стилистической окраски. Например, в синонимическом ряду украсть- похитить- стащить- спереть глагол украсть нейтрален по стилю, похитить — официален, стащить относится к разговорной лексике, спереть — к просторечной адавын — амырхын - ацъипп кæнын - ассивын.

Синонимы могут различаться сферой употребления. Например, одно слово общенародное, другое — диалектное, областное, одно слово общенародное, другое — профессиональное и т. д.: горшок — махотка (обл.), револьвер — пушка (жарг.), желтуха — гепатит (мед.), повар — кок (морск.), страница — полоса (проф.).

Синонимы могут различаться степенью сочетаемости с разными словами:

наречия категорически и наотрез одинаковы по смыслу, но категорически сочетается со многими словами (категорически заявить, категорически потребовать, категорически отказаться и др.), наотрез в современной речи — только с глаголом отказаться. Приведем еще примеры синонимов с ограниченной сочетаемостью: открыть — разинуть сочетаются со словом рот), коричневые - карие сочетаются со словом глаза, чёрный - вороной сочетаются со словом конь.

Синонимы могут отличаться друг от друга синтаксическими особенностями. Например: два глагола с одним значением требуют разных падежей существительных (т. е. имеют разное управление). Таковы глаголы начать и приступить: начать работу (вин.; пад.), но приступить к работе (дат. пад.); утратить и лишиться: утратить доверие (вин. пад.), но лишиться доверия (род. пад.); иметь и обладать: иметь выдержку (вин. пад.), но обладать выдержкой (тв. пад.) и т. п.

Синонимы могут отличаться степенью сложности. В этом случае чаще всего одно слово имеет в качестве синонима фразеологическое словосочетание: родиться — появиться на свет; мало — кот наплакал; помалкивать — держать язык за зубами; разоблачить — вывести на чистую воду; райгуырын - дунемæ фæзынын; ардауын - æвзаг хæссын.

Стилистические синонимы - это слова, тождественные по своему значению и различные по стилистической окраске.

То или иное слово мы определяем, как стилистический синоним при сопоставлении с соответствующим стилистически нейтральным словом, поэтому в каждой паре стилистических синонимов или в ряду, непременно будет слово стилистически нейтральное.

Стилистическая синонимика широко распространена средин слов всех частей речи, например: волк - бирюк, губы - уста, лоб - чело, голый - нагой, любовный - амурный, действительный - реальный, спать — поживать, сей - этот, чем - нежели, как - ровно, чтобы - дабы; цæсгом - хæмхудтæ - мукъутæ; дзых - пъири; æрттивын - цæхæр калын- тыбар тыбур кæнын - тæмæн калын - хъазын.

В отличие от семантических синонимов, среди стилистических синонимов наблюдается большое количество существительных с конкретным значением.

Стилистические синонимы крайне неоднородны. Среди них выделяются две большие группы: 1) устаревшие слова: (архаизмы), которым в современном русском литературном языке соответствуют другие названия тех же предметов, явлений. Сюда же примыкают слова поэтической лексики, в большинстве своем сейчас устаревшие: ком- дзых; арм - кьух; фад – кьах; 2) слова, имеющие значительное распространение в современном русском языке, но функционирующие либо в пределах определенной территории (диалектизмы), либо в определенных стилях устной и письменной речи (в просторечии, в книжном стиле и др.) дзауаэттæ - пысултæ - хъæппæлтæ (диг.); кæсын - фæрсын (простореч.).

Семантико-стилистические синонимы - это слова и их эквиваленты, обозначающие одно и то же явление объективной действительности и различающиеся не только стилистической окраской, но и оттенками общего для каждого из них значения. Семантико-стилистическими синонимами будут, например, слова: лошадь - кляча; бæх - æфсургъ.

Сравним: «Сытые лошади их, мотая куче обрезанными хвостами, закидали, забрызгали снежными ошметками» (Шолохов); «Лошадь, старая разбитая кляча, вся в мыле, стояла как вкопанная» (М. Горький). Слово кляча означает «слабая» тощая, больная лошадь»; как эмоционально окрашенное, слово кляча и стилистически противопоставлено нейтральному слову лошадь. Так же и в осетинском языке: Бæх хъуамæ чысыл фæвзыстæй дæр хæрдмæ хауа. (Цæг М.) Уастырджы йе фсургъыл абадти æмæ уæларвмæ стахт (Н.к.).

Синонимами являются и слова идти - плестись; цæуын - хилын.

Они обозначают одно и то же действие, только слова; идти, цæуын стилистически нейтрально, слова плестись, хилын - разговорное и, помимо общего значения, содержит еще дополнительные оттенки: плестись ~ это идти с трудом, медленно, едва переставляя ноги.

Анализ языкового материала позволяет принять: за основу синонимии близость значений, выражающих одно понятие в целостной совокупности его признаков. То есть

синонимы выделяют не только общую идею, но и смысловые расхождения, таким образом, синонимы в русском и осетинском языках исполняют функцию смысловой дифференциации.

Список литературы

1. Александрова З. Словарь синонимов русского языка. М.: Изд-во: Русский язык - Медиа, ДРОФА. - 2010 г.
2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Логос, 2002. - 528 с.
3. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Большой русско-осетинский словарь. около 60000 слов и выражений / Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ, 2011. [электронный ресурс] - Режим доступа: http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=141161
4. Гурьев Т., Габараев Н., Исаев М. Лексикология современного осетинского языка. Владикавказ, 1989.
5. Дзусова Б.Т., Хамикоева Л.А. Практико-ориентированный подход к разработке учебно-методического комплекса по осетинскому языку // Вектор науки тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология. 2014. - № 3. С. 82-85. [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22599789>
6. Каргаева Т.А., Мисикова Б.Г., Таучелова Р.И., Цопанова Р.Г. Школьный русско – осетинский словарь-синонимов. Владикавказ, 2003.
7. Медоев Б.Г. Лексика и фразеология осетинского языка. Цхинвал. 1988.
8. Шапацева М.Х. Современный русский язык (Учебник для педагогических факультетов высших учебных заведений. Уровень подготовки - бакалавриат). - Майкоп: Редакционно- издательский отдел АГУ, 2013. 475 с.
9. Цопанова Р.Г. Краткий словарь синонимов осетинского языка // Рæстдзинад. 1997. 24 января.

ДРАМАТУРГИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА НА РУССКОЙ СЦЕНЕ 1900 – 1910Х ГОДОВ

Егоров Олег Георгиевич

доктор филологических наук профессор Московского государственного гуманитарно-экономического университета

В науке о Тургеневе сложилось устойчивое мнение, что в конце XIX - начале XX столетия интерес к творчеству автора «Дворянского гнезда» значительно снизился. Еще в большей степени эта оценка относилась к его драматургии, которая на фоне новой драмы (Чехов, Горький, Л. Андреев) сильно потускнела. Такое мнение выразил один из современников эпохи, видный литературно-театральный критик Влас Дорошевич. «Кто у нас играет тургеневского «Нахлебника»? – передавал он мнение публики в статье с характерным названием «Забытый драматург». – Кому придет в голову его ставить? – Устарело. Помилуйте, и крепостное право давным-давно ушло в область преданий! И типы вымерли!» [5,495].

Подобные представления, однако, далеко не полно отражали реалии того времени. Комедии Тургенева шли на сценах и столичных, и провинциальных театров всю последнюю треть XIX и все предреволюционные годы XX века. Они вызывали неизменный интерес публики. Хрестоматийными стали воспоминания современников о легендарной постановке «Месяца в деревне» на сцене Александринского театра, с Савиной в роли Верочки, которую актриса играла с 1879 по 1890 годы. И другие тургеневские пьесы вызывали не меньший интерес у зрителей. Характерно признание директора императорских театров князя С. Волконского, сделанное им в мемуарах. «Отец мой, - писал важный сановник, - не был сентиментальный человек, а помню, после представления тургеневского

«Холостяка» он сказал: «Перед Давыдовым <в роли Мошкина> можно на колени встать» [1, т. 1, 62].

В начале века пьесы Тургенева шли в Малом театре и Александринке; они были в репертуаре киевского театра Н.Н. Соловцова, в Передвижном театре П.П. Гайдебурова, где его создатель играл роль Кузовкина в «Нахлебнике» [2, 70]. Александринка в этот период не ограничилась возобновлением «Месяца в деревне». На ее сцене с успехом шла «Провинциалка», о которой Н.Н. Ходотов писал: «<...> Мичурина и Варламов бесподобно играли супругов Ступендьевых, а Далматов восхитительно изображал графа» [15, 238]. В юбилейный для Тургенева сезон 1908/1909 года Александринка сделала подарок столичным зрителям. В «юбилей Тургенева, о котором все газеты эти дни писали, - отметил в своем дневнике директор императорских театров В.А. Теляковский, - пришлось все изменить и приказать поставить «Провинциалку», 3-й и 4-й акт из «Месяца в деревне» и «Где тонко, там и рвется» [1479]. Кроме того, пьесы Тургенева, в качестве учебного материала, периодически ставились ведущими режиссерами на сценах театральных училищ вместе с другой драматургической классикой.

Таким образом, о забвении театра Тургенева или о заметном ослаблении интереса к нему серьезно нельзя говорить применительно к рассматриваемому периоду. Подобное мнение сложилось скорее на фоне бума с постановками пьес Чехова, Горького и Л. Андреева, в которых зритель имел дело с современностью, что, конечно, было предпочтительнее седой старины. Однако данный факт вовсе не имел отношения к эстетическому содержанию театра Тургенева, который по-прежнему был притягателен для культурного зрителя. Можно со всей ответственностью сказать, что драматургия Тургенева в первые два десятилетия XX века переживала свое третье рождение после эпохи М.С. Щепкина и М.Г. Савиной. Здесь можно выделить три основных направления в ее освоении театром.

Первым из именитых театров к Тургеневу в начале XX столетия обратился Московский Малый. На его сцене был поставлен «Месяц в деревне». Вообще Малый театр задолго до Александринки обратился к этой комедии Тургенева: в 1872 году было первое представление пьесы. Постановка Малого театра запомнилась зрителю тем, что с 1881 года роль Натальи Петровны исполняла Г.Н. Федотова. Постановка 1900 года знаменательна тем, что эту роль сыграла М.Н. Ермолова. Это был подлинно тургеневский спектакль, в котором были заняты лучшие силы театра: Г.Н. Федотова (Ислаева), О.О. Садовская (Лизавета Богдановна), Е.М. Музиль (Верочка), К.Н. Рыбаков (Ислаев), А.П. Ленский (Шпигельский), А.И. Южин (Ракин), И.А. Рыжов (Беляев), О.А. Правдин (Шаф).

Спектакль был тепло принят публикой. Хотя игра актеров представляла собой подлинный ансамбль, современники выделили наилучших из них: «Из исполнителей, - писал В.А. Теляковский, - лучше всех был Ленский, Ермолова и Правдин» [12, 205]. Многих удивило участие в спектакле Ермоловой, амплу которой были героические и трагедийные персонажи. Но Мария Николаевна, по свидетельству современников, успешно справилась с новой творческой задачей. Рецензент «Новостей дня» В. Преображенский писал после премьеры: «Прекрасная, тонкая, умная, вдумчивая комедия Тургенева <...> дает полный

простор способности Марьи Николаевны, наряду с блестящей экскурсией в область женской психологии, нарисовать один из портретов-пастелей, в которых нежность красок и мягкость очертаний соперничают с цельностью и стильностью образа» [цит. по: 6, 393]. А знаменитая актриса из династии Рыжовых – Музиль Е.Н. Музиль, игравшая в ансамбле с Ермоловой роль Верочки, рассказывала в письме к С.Н. Дурылину от 16 июня 1950 г.: «Это была живая, от плоти крови, чудесная поэтическая Наталья Петровна Ислаева, и по внешности она была именно прелестна, необычайно женственна – я бы сказала, лирична» [12, 620]. Главный режиссер Малого театра С.Е. Черневский записал в своем дневнике: «Сама Ермолова ведет роль Натальи Петровны очень умело и ловко. Делает очень тонкие штрихи, увлеченные публикой, что делает роль очень интересной» [цит. по: 6, 620] И все это притом, что в ту пору Ермоловой было 47 лет.

Что же привлекло легендарную премьершу Малого, прославившуюся в ролях Эмилии Галотти, Жанны д'Арк, Лауренсии, в «салонной», в сравнении с драмами Лессинга, Шиллера и Лопе де Вега, комедии Тургенева? Вот что писал в этой связи крупнейший исследователь творчества актрисы С.Н. Дурылин: «Роль Натальи Петровны интересовала Ермолову своей внутренней сложностью при внешней недраматичности, своим глубоким психологическим содержанием. Ермолову привлекал самый стиль Тургенева, столь не похожий на стиль тех драматургов <...> в чьих пьесах ей до сих пор приходилось играть» [6, 393-394]. Данное признание весьма примечательно. Оно свидетельствует о том, что обращение к драматургии Тургенева, «несценичной» и «забытой», но исключительно оригинальной на фоне театра XIX века, произвело фундаментальный художественный сдвиг даже в среде такого консервативного в плане традиций театра, как Малый. Сам материал тургеневской пьесы подтолкнул гениальную актрису к переосмыслению театральной эстетики.

Этот неоспоримый факт позволяет сделать вывод о том, что новаторская трактовка драматургии Тургенева на сцене Художественного театра на рубеже 1900 – 1910х годов выросла не на пустом месте, а была подготовлена всем развитием русского театра предшествующей эпохи. И Тургенев был здесь наряду с Чеховым важнейшим стимулом сценической реформы.

Тургеневский спектакль шел на сцене Малого театра в течение всего 1900 года в разном составе. Ермолову в роли Натальи Петровны со временем заменила другая знаменитая актриса Дома Островского – Е.К. Лешковская. Она оказалась достойной преемницей своей великой предшественницы. Всегда скупой на похвалы Теляковский записал в дневнике под 22 сентября 1900 года: «Присутствовал в Малом театре на «Месяце в деревне». Лешковская справилась с ролью удовлетворительно» [12, 344].

Вторую линию в интерпретации тургеневской драматургии представил Александринский театр. В 1903 году известный режиссер А.А. Санин поставил «Месяц в деревне». Его замысел был близок поискам Станиславского, воплотившимся в 1909 году в собственной постановке. Санин начал с обстановочной части, с воссоздания колорита эпохи. С этой целью он разыскал в Москве старинную усадьбу, напоминавшую тургеневское «дворянское гнездо» 1840-х годов, и «срисовал» ее для своей постановки. Эта составляющая спектакля выглядела ново,

свежо по сравнению с постановкой 1879 года и была отмечена Теляковским: «Некоторые декорации новые. В общем пьеса поставлена интересно и довольно театрально» [13,79].

В спектакле были заняты ведущие актера театра, составлявшие гордость русской сцены: И.Г. Савина (Наталья Петровна), Н.Н. Ходотов (Беляев), В.П. Далматов (Ракитин), К.А. Варламов (Большинцов), В.Н. Давыдов (Шпигельский). Режиссеру и актерам удалось нащупать нерв тургеневской комедии, ее «подводное течение», выраженное не только в сценическом действии, но и в недомолвках, длинных паузах, неуловимой мимической игре во время диалогов. Присутствовавший на спектакле молодой Ю.М. Юрьев через много лет вспоминал: «Помню одну из (Савиной и Далматова – О.Е.) длинную, глубоко выразительную паузу <...> Она производила такое сильное впечатление, что вам не хотелось, чтобы она прерывалась» [18,398].

Этот новый сценический прием, подсказанный материалом тургеневской пьесы, отметил в игре александринцев и Станиславский. В письме к М.П. Лилиной от апреля 1904 года он писал: «Савина рассыпается. Вчера смотрел ее в «Месяце в деревне». Приятное впечатление. Много скрадено у нас» [11, т.7, 535]. Думается, что отмеченное Станиславским было находкой александринцев, а не их прямым заимствованием у «художественников». Тонкий и наблюдательный глаз Теляковского увидел в игре артистов то новое, что по традиции считалось достоянием Художественного театра. «Присутствовал в Александринском театре на «Месяце в деревне», - сделал запись в дневнике под 10 сентября 1907 года директор Императорских театров. – Весь спектакль шел в дружном ансамбле» [14,244].

Но, как всегда, из ансамбля современники выделили Савину – исполнительницу главной роли. Ее «открытие» Верочки в 1879 году было откровением для Тургенева. Но и Наталья Петровна стала ее коронной ролью в репертуаре с 1903 года. Сама Мария Гавриловна признавалась в своих воспоминаниях: «У Скюдери я достала Тургенева, и оторвать меня от книги было невозможно» [10,27]. С тех пор Тургенев стал любимым писателем актрисы. Роль Натальи Петровны удалась Савиной потому, что это было ее амплуа. Как писал крупнейший критик Художественного театра П.А. Марков, «ни у Лешковской, ни у Ермоловой не было ее (Савиной – О.Е.) безошибочного совершенства в лепке характера, ее умения играть светских львиц» [7,58].

Роль Натальи Петровны в исполнении Савиной запомнилась современникам гармоническим единством внешнего и внутреннего. Актриса сумела показать помещицу 1840х годов и влюбленную женщину, переживающую первые радости возвышенного чувства. Как писала виднейшая провинциальная актриса В. Юренева, «ей удалось передать поэтическую дымку тургеневского произведения, аромат эпохи» [17,35]. Партнер Савиной по спектаклю Н.Н. Ходотов вспоминал об игре премьерши: «В этом спектакле был вплетен новый лавр в венок Савиной: изображаемый ею образ Натальи Петровны был стилистически и художественно закончен. Грим и внутренний облик гармонически вытекали один из другого, то же было и в мимике <...>» [15,157]. Ту же деталь отметил и Теляковский:

«Очень хороша была Савина и по игре, и по гриму, и вообще по фигуре» [13,79]. Несмотря на относительную удаленность сцены от зрителя, последний оценил не только грим и мимику актрисы, но даже выражение ее глаз, которые по-тургеневски зажигались и потухали в критические моменты действия. В. Дорошевич писал об этой запоминающейся детали в игре Савиной: «Глаза – море в солнечный день, каждое мгновение меняющее блеск, все отражающее, - облако ли набежало, лучом ли ударило, - глаза Натальи Петровны» [5,189].

Как и в спектакле Малого театра, вокруг фигуры главной героини вращалось созвездие больших талантов Александринки. Современникам запомнилась утонченная игра Далматова-Ракитина, особенно ярко проявившего себя в диалогах с Натальей Петровной-Савиной. Актер передал проницательность героя, его высокую культуру, психологизм в сочетании с глубоким чувством к любимой женщине. «В.П. Далматов <...> был на той же высоте, что и Савина» [18,398]; «живописен был «маркиз на каблучках» Ракитин в исполнении Далматова» [15,157]. Как обычно, удивил всех искусством перевоплощения в большого ребенка К. Варламов в роли Большинцова. А мастер комедийных интонаций и куплетов В. Давыдов потешал в роли Шпигельского. Спектакль Александринки стал новой страницей в истории этого театра благодаря оригинальному «прочтению» пьесы Тургенева. Он вошел в историю театрального искусства начала XX века как промежуточное звено между классическими постановками тургеневской эпохи и творческими открытиями МХТ.

Третьим направлением в сценическом воплощении драматургии Тургенева начала XX столетия были работы Московского Художественного театра – «Месяц в деревне» (1909 г.) и так называемый Тургеневский спектакль (1912 г.). Работа «художественников» над Тургеневым совпала со сменой художественно-эстетических линий в деятельности театра. После историко-бытовых постановок первых лет («Царь Федор Иоаннович») и символизма (Метерлинк, Ибсен) театр начал осваивать искусство «интуиции и чувства». И здесь драматургия Тургенева стала тем материалом, который позволил создать и творчески развить линию психологического театра, который стал опознавательным знаком «художественников». «Он <Тургенев> был для нас важен как писатель, таящий огромное внутреннее содержание», [11, т.6, 459] - признавался впоследствии Станиславский.

Первое увлечение Тургеневым будущего основателя Художественного театра относится к 1890 году, когда Станиславский составил список пьес для домашних спектаклей у Красных ворот. В этом списке фигурируют «Нахлебник» и «Где тонко, там и рвется» [11, т.5, кн. 1, 299]. Постановкам двух спектаклей предшествовала большая подготовительная работа. «Месяц в деревне» входил в творческие планы театра с первых сезонов МХТ. Для этой цели Станиславский специально собирал мебель из старых московских особняков и провинциальных усадеб. В художественных записях 1908 года он писал: «Какую службу сослужила мебель и другие антикварные вещи, купленные мною для «Месяца в деревне» (в первый раз)» [11, т.5, кн. 1, 341].

Вторично «художественники» обратились к Тургеневу на «полпути» к реализации замысла. В письме к В.И. Немировичу-Данченко от 25 июля 1904 года Станиславский составил перечень первоочередных постановок, в котором Тургенев стоит в одном ряду с «символистами» Ибсеном, Стринбергом и Бьернсоном: «Четвертое место «Месяц в деревне», потому что нет сил набрать мотивов и поставить ее <комедию> так, как бы хотелось» [11, т.7, 560]. И через два года, 12 ноября 1906 года тому же адресату: «Лично я поставил бы на очередь: 1) «Месяц в деревне» <...>» [11, т.8, 37]. Таким образом, за два года концепция постановки вполне созрела. Но и тогда Станиславский видел будущий спектакль как бы в двух измерениях – историко-бытовом и психологическом. К этому обязывал материал тургеневских пьес.

С одной стороны, Станиславский не мог отказаться от изображения быта дворянских усадеб, в которых развивается действие комедий. Иначе это было бы искажением исторической правды. Поэтому он детально разрабатывает «бытовые» мизансцены, порой такие, которых нет в ремарках автора. К примеру, сохранилось подробное описание экспозиции «Нахлебника», в которой на полутора страницах режиссер дает полную картину действия с расстановкой актеров на сцене, звуковым оформлением и деталями обстановки [11, т.5, кн.2, 184]. Для актеров школы МХТ Станиславский составляет план практических занятий, в котором на примере «Месяца в деревне» объясняет, как организовывать бытовой материал при подготовке роли: «Упражнения. «Месяц в деревне». Катя, 2-й акт: петь песню, есть малину, срывать ее (со всеми жизненными подробностями); боязнь Шаафа, его приход, его уход, и песня опять растет. Бытовые характеристические черты и привычки. Крестьяне из-за трудных физических работ и заскорузлости кожи на руках, из-за мозолей с трудом распрямляют кисти и пальцы рук» [11, т.5, кн.1, 473]. Значит, подобные упражнения входили и в задачу подготовки спектакля.

С другой стороны, Станиславский и Немирович-Данченко сразу оценили в драматургии Тургенева черты ее отличия от драмы XIX века. И в их замысел изначально входило перенесение на сцену именно духа тургеневского театра. «Едва я начал работу по театру, - признавался Немирович-Данченко, - как моей мечтой стало увидеть на сцене «Месяц в деревне» с сохранением того аромата, каким веяло от романов Тургенева. Это была мечта о литературном театре, каким не всегда был даже самый лучший из русских театров – Московский Малый и какой я старался осуществить в Художественном» [9, 307].

Станиславский пошел еще дальше своего сподвижника. Он стремился максимально освободить сцену от «быта» и наполнить игру актеров интуитивно-чувственным содержанием, едва уловимыми мимическими, интонационными и жестовыми нюансами, в которых заключается драматическое начало пьесы Тургенева. Его первоначальный замысел был смелым и решительным. «Работаю до одури над «Месяцем в деревне», - писал он режиссеру Н.А. Попову в письме от 3 ноября 1909 года. – Пьеса до того тонка по психологии, что не допускает никакой *mise en scene* – приходи, садись на скамейку и переживай, почти без жестов. Приходится разрабатывать внутренний рисунок до небывалых тонкостей» [11, т.8, 165].

Станиславскому вместе с его партнером по режиссуре И. Москвиным пришлось взять на себя основную работу по сценическому воплощению комедии Тургенева. Актеры не до конца прониклись замыслом автора и постановщиков. «Пьеса имеет большой успех, - писал Станиславский театроведу Л.Я. Гуревич, - и все-таки все сделал режиссер и постановка <...>» [11, т.8, 170]. Это обстоятельство отметил и П.А. Марков в одной из своих рецензий: «В «Месяце в деревне» и комедиях Тургенева на сцене Художественного театра прежде всего очаровывал режиссер, постановка, единство исполнения, проникнутое тургеневским духом» [7, 473].

В окончательном постановочном варианте был реализован синтетический подход к комедии. Быт и психология были объединены на почве тургеневской эстетической концепции. Рецензент «Голоса Москвы» Н.В. Туркин так оценил эту работу театра: «Глубокое проникновение театра духом тургеневского творчества <...>» [8, 232]. Большая роль в этом успехе принадлежала художнику спектакля М.В. Добужинскому, который создал незабываемые декорации и эскизы костюмов. По совету Станиславского Добужинский отказался от принципов театральности XIX века при оформлении спектакля. Вместо традиционного следования ремаркам автора – что где стоит, где дверь, где окно, - художник сделал акцент на «опорных пунктах», когда «план сцены органически связан с действием». «Задача, которая стояла передо мной в «Месяце в деревне», - писал Добужинский, - была гораздо глубже и больше, чем просто создать «красивую рамку» пьесы. Я вошел в совершенно новую и исключительную атмосферу работы, и то, что открыл мне Станиславский, было огромной для меня школой» [4, 239].

Правда, некоторые критики отмечали среди недостатков постановки именно «антиисторизм» ее декораций. Например, Ю. Беляев в «Театральных заметках» обвинил Добужинского в том, что он «неумерен в деталях и заваливает картину бутафорией» [8, 267]. Но глубокий знаток живописи и интерьеров дворянских усадеб XIX века П. Муратов уловил главное в художественном оформлении спектакля и замыслах постановщиков: «Все образы Тургенева нашли благороднейшее внешнее воплощение <в декорациях>, и в быте того времени было понято нечто большее, чем исторический характер, - было понято и показано зрителям то прекрасное, что составляло его душу» [8, 234].

Хотя в критике не было единодушия в оценке художественного оформления и игры отдельных актеров, она нащупала «нерв» спектакля и выделила в нем именно то, что в своем замысле преследовали постановщики - сочетание исторического колорита с утонченным психологизмом в сценическом действии. Так, рецензент «Раннего утра», известный театральный критик Эм. Бескин писал сразу после премьеры: «<...> исторически «Месяц в деревне» на сцене Художественного театра выявлен изумительно <...> Но для Тургенева <...> нужна не история, а психология» [8, 239].

Несмотря на трудности в процессе работы над спектаклем, он представлял собой стройное целое, особенно актерский ансамбль. Наталью Петровну сыграла О.Л. Книппер, Ракитина – Станиславский, Беляева – Р.В. Болеславский, Верочку – Л.М. Коренева, Шпигельского – В.Ф. Грибунин. Актерам удалось передать в своей игре

«психологический рисунок роли», по определению Станиславского. Игра Книппер удовлетворила не всех критиков. Тем не менее зрители высоко оценили ее, выделив именно общую линию спектакля – сочетание внешнего и внутреннего. Э. Бескин писал в упомянутой выше рецензии: «<...> На Книппер даже платья прабабушек дают уют эпохи, ее интимную страницу, ее психологический узор. Здесь внешнее слилось с гармонией внутреннего, здесь проникновенная стилизация, здесь не только нарисованная, но и одухотворенная глава романа» [8,238]. Еще выразительнее высказалась С. Гиацинтова, видевшая актрису на сцене, будучи гимназисткой: «Пленила Ольга Леонардовна в «Месяце в деревне» – плавностью речи, движений, внутренней жизни. Платья, перелина, зонтик, старинные вышивки на креслах – все выражало беспечальность существования в тихом, удобном доме <...> Книппер играла женщину избалованную, капризную, равнодушную, но не злую <...> Думаю, что Наталья Петровна, как ее играла Книппер, не любила по-настоящему. Это опять был бунт женщины, к которой уже подступает осень <...>» [3,35-36].

Отличительной особенностью игры актрисы стала точная передача темпа и ритма тургеневской пьесы. Она заключалась в быстрой перемене объекта и «аффектированного тона» (термин Станиславского). Героиня Тургенева в исполнении Книппер стремительно переходила от одного состояния к другому, идя на компромиссы и душевно приспосабливаясь к новым психологическим ситуациям. Она пребывала то в состоянии соблазна, то в состоянии отчаяния. «В этой борьбе двух начал и в постоянном усилении страсти над долгом и заключается любовь» [11,т.5,кн.1,477].

На высоте положения оказался Станиславский – Раkitин. Реализуя общий замысел спектакля, в актерской игре он максимально передал психологическое начало роли. Он показал в Раkitине не только утонченную культуру, что для Станиславского было не трудно, а скорее привычно, но те изгибы души и своеобразную логику поведения в сложившейся ситуации, которые превосходили эти свойства даже чеховских ролей основателя Художественного театра. «У Станиславского <в роли Раkitина>, – отмечал анонимный критик «Утра России» – <...> в чем задача такого исполнения? Она в отборе прозрачных, интимных (очень высоких) сценических средств» [8,236].

Успешно справился со сложной ролью Беляева молодой актер Р.В. Болеславский (в ту пору ему было 22 года). Усвоив все уроки Станиславского, он придал роли тот рисунок, в котором, как и у актерского ансамбля в целом, внешнее и внутреннее, история и психология составили нерв образа. «На сцене Художественного театра, – писал критик Н.В. Туркин, – в роли Беляева студент был исчерпан внешностью – мундиром, фуражкой и длинными волосами; все внимание было отдано передаче внутренних переживаний юноши, независимо от того, студент он или не студент» [8,233].

Через три года после премьеры «Месяца в деревне» Художественный театр вновь обратился к тургеневской драматургии. На этот раз он заинтриговал зрителя оригинальностью своего замысла. Режиссеры назвали постановку Тургеневский спектакль. Он состоял из трех произведений драматурга – «Нахлебника» (1-е действие),

«Провинциалки» и «Где тонко, там и рвется». «<...> Тургеневский спектакль является и в колорите, и в общем тоне красок прямым продолжением прошлогоднего «Месяца в деревне», – писал рецензент «Биржевых ведомостей» К. Абажин [8,413]. Столь необычная композиция преследовала цель воплотить на сцене две исходные линии тургеневской драматургии – историко-бытовую и психологическую.

Сохранилось подробное описание работы Станиславского над ролью графа Любина. Стержень роли он определил так: «Подошел к роли с точки зрения градации влюбления и с точки зрения подсмеивания над графом» [11,т.4,25]. Пьеса оттачивалась не только на репетициях, но и от одного спектакля к другому. Шли поиски нужного тона. Генеральную линию постановки определил сам Станиславский – от шаржа в сторону «подводного течения роли». Первоначально роль Любина строилась на гриме и других внешних атрибутах образа. Почувствовав фальшь, Станиславский стал лепить образ другими средствами. Он смягчил грим и сделал образ «более мягким и потому более светским». Он изменения тона выиграла и партнерша Станиславского – М.П. Лилина, исполнившая роль Дарьи Ивановны. К седьмому спектаклю актеры попали в нужный тон роли и создали полноценный (в рамках эстетики Художественного театра) образ тургеневской пьесы.

В «Где тонко, там и рвется» Горского исполнял В.И. Качалов, Веру Николаевну – О. Гзовская. Кредо Станиславского в этой постановке: «Дать Тургенева <...> это тоже характерность (утонченная). Под характерностью же понимают обыкновенно грим и внешнее перевоплощение в тип» [11,т.4,30]. Тургенев помог Станиславскому-режиссеру и Станиславскому-актеру осознать и воплотить на сцене совершенно другой тип постановки. В работе над спектаклем мастер ушел от внешней характерности (при сохранении необходимого минимума внешних признаков эпохи) в «жизнь человеческого духа». «Внешняя характерность, – резюмировал свои художественные искания Станиславский, – должна быть результатом внутреннего желания» [11,т.4,29].

Окончательный итог в работе Художественного театра над драматургией Тургенева подвел критик «Голоса Москвы» Н.В. Туркин: «Вчерашний спектакль в Художественном театре разрушил одно из самых упорных предубеждений. Он показал воочию, что драматургические произведения Тургенева вполне сценичны» [8,231].

Список литературы

1. Волконский С.В. Мои воспоминания: в двух томах – М., Искусство, 1992, т. 1. – 348 с.
2. Гайдебуров П.П. Литературное наследие – М., ВТО, 1977 – 464 с.
3. Гиацинтова Софья. С памятью наедине – М. Искусство, 1989 – 548 с.
4. Добужинский М.В. Воспоминания – М. Наука, 1987 – 478 с.
5. Дорошевич Влас. Театральная критика. Воспоминания, мемуары – Минск, Харвест, 2004 – 864 с.
6. Дурылин С.Н. Мария Николаевна Ермолова – М., АН СССР, 1953 – 652 с.
7. Марков П.А. Книга воспоминаний – М. Искусство, 1989 – 608 с.

8. Московский Художественный театр в русской театральной критике: 1906 – 1918 – М., Артист. Режиссер. Театр, 2007 – 926 с.
9. Немирович-Данченко В.И. Рождение театра – М. Правда, 1986 – 576 с.
10. Савина М.Г. Горести и скитания – Л.-М., Искусство, 1961 – 142 с.
11. Станиславский К.С. Собрание сочинений в девяти томах – М., Искусство, 1988 – 1999.
12. Теляковский В.А. Дневник директора Императорских театров. 1898-1901 – М., Артист. Режиссер. Театр, 1996 – 750 с.
13. Теляковский В.А. Дневник директора Императорских театров. 1903-1906 – М., Артист. Режиссер. Театр, 1998 – 928 с.
14. Теляковский В.А. Дневник директора Императорских театров. 1906-1909 – М., Артист. Режиссер. Театр, 2011 – 928 с.
15. Ходотов Н.Н. Близкое – далекое – Л.-М., Искусство, 1962 – 328 с.
16. Южин-Сумбатов А.И. Записки. Статьи. Письма. – М., искусство, 1951 – 612 с.
17. Юреньева Вера. Записки актрисы – М.-Л., Искусство, 1946 – 238 с.
18. Юрьев Ю. Записки – Л.-М., Искусство, 1948 – 718 с.

ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ВОЛШЕБСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Эпоева Луиза Врежесвна

Миронова Маргарита Николаевна

*кандидат филологических наук, доцент Кубанского Государственного Технологического Университета
Краснодар*

Пространство в волшебных сказках представляет важную составляющую сюжета. Так, например, «жанро-образующим признаком волшебной сказки Дж.Р.Р.Толкиен считает наличие «Феерии» – Вторичного мира, основанного на мифологическом воображении. Действие каждой сказки происходит в своей Феерии [1, с.14]. У этого волшебного пространства, сказочного мира свои законы, и все герои волшебной сказки обязаны подчиняться им. Способность человека к неограниченному творческому вымыслу и является средством создания «волшебной сказки» [1, с.14].

Художественное пространство активно изучалось представителями формальной школы и структурной поэтики. Заметный вклад в изучение художественного пространства внес исследователь морфологии сказки В.Я. Пропп, который в книге «Исторические корни волшебной сказки» (1986) доказал, что сказка восходит к обряду инициализации (посвящения юноши в зрелого мужчину). Этот обряд связан с резким изменением пространства, юноша должен его преодолеть и после мучительных испытаний возродиться вновь (как это и происходит с главными сказочными героями).

В прагматике пространства важную роль играют понятия «здесь» и «там»: они моделируют положение говорящего и слушающего друг к другу и по отношению к внешнему миру. Достаточно вспомнить известную речевую формулу сказки, представляющую некую загадку: «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что», или выражение «у черта на куличках» и пр. Известны три примера пространства: замкнутость/разомкнутость, прямизна/кривизна, великость/малость. Например: высокий терем, леса темные, реки глубокие и пр.

В языке сказки пространство передается следующими ключевыми словами:

В русском языке – за тридевять земель в тридесятое царство и в иное государство; за тридевять морей, в тридесятом царстве; на море-окияне, на острове Буяне, в чистом поле, избушка на курьих ножках.

В английском языке – far, far away (далеко-далеко); forest (лес), wood (лес), kingdom (королевство), castle (замок), hut (избушка). Например:

«Я ведь говорил тебе, что она не будет твоя, улетит от тебя. Она теперь крепко далеко: за тридевять земель в тридесятом царстве и в двенадцатом государстве, у своего отца и бабушки».

«Ох, Иван-Царевич! Что же та наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею: а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель в тридесятом царстве – у Кошечки Бессмертного».

Таким образом, для обозначения пространства в языке сказки имеются особые устойчивые выражения, своего рода клише и фразеологизмы, т.е. паремииологический фонд представлен очень широко.

Сказочное пространство – это обычно пейзаж, и в ряду пейзажной символики важное место в мифах, легендах и сказках отводится лесу. Согласно Словарю символов, «лесные страхи, столь часто встречающиеся в детских сказках, символизируют опасные аспекты бессознательного, т.е. тенденцию или сокровище разум» [2, с.289]

Именно поэтому сложная символика леса связана с местом, где листва закрывает солнечный свет. Лес противопоставляется власти солнца и считается символом земли. В противоположность городу и дому как безопасным территориям, лес дает приют всевозможным опасностям и демонам, врагам и болезням.

Идя «куда глаза глядят», герой попадает в темный, дремучий лес. Например:

«Видя такую опасность, он бросился бежать в сторону дремучего леса».

Лес – постоянное место нахождения яги (ведьмы). Например:

«Шла она чистыми полями, дремучими лесами, бархатными лугами. Видит - стоит избушка на курьих пятках, на собачьих лапках и вертится».

Именно в лесу – дремучем, таинственном начинаются приключения. В сказке К. Льюиса «хроники Нарнии» дети через волшебный шкаф попадают в таинственный лес.

С лесом как пространством волшебной сказки связаны и его обитатели, и чтобы в нем не заблудиться, необходимо строго придерживаться только тех представлений, которые установлены правилами сказки. Лес – это своего рода сеть, останавливающая пришельцев. Согласно В.Я. Проппу, «сказочный лес, с одной стороны, отражает воспоминание о лесе как о месте, где производился обряд, с другой стороны, как о входе в царство мертвых» [3, с. 158].

Лес является одним из любимых образов писателей, в частности Дж. К. Роулинг, которая называет его запретным. Это дикая природа, противопоставленная цивилизованным местам, таким, как Хогвартс или деревня Хогсмид. В лесу живут волшебные существа, более древние, чем люди, например, единороги. Кроме того, лес таит в себе ту мудрость природы, которую люди пытались постичь. В этом контексте можно вспомнить лесных знахарей древней Британии – друидов, поклонявшихся богам, олицетворявшим силы природы. Как и другие леса Запретный лес Дж.К. Роулинг опасен тем, что в нем можно заблудиться или сбиться с пути. Но, с другой стороны, леса дают убежище; они населены духами, обладающими особыми знаниями природы и наделенными даром врачевания.

Сказка Дж. Торбера «Белый олень» начинается с главы, которая называется «Волшебный лес» («The magical Forest»):

«If you should walk and wind and wander far enough on one of those afternoons in April when smoke goes down instead of up, and nearby things sound far away and far things near, you are more than likely to come at last to the enchanted forest that lies between the Moonstone Mines and Centaurs Mountain».

Пер.:

«Если ты пойдешь далеко-далеко в один из тех полдней в апреле, когда дымок не поднимается, а опускается, и окружающие тебя предметы уплывают куда-то вдаль, то ты обязательно придешь в конце концов в волшебный лес, который находится между шахтами Лунного камня и горой Кентавра».

В приведенном отрывке из текста волшебной сказки ряд словосочетаний называет пространство – far enough, far away, которое находится очень далеко и ведет к волшебному лесу – enchanted forest.

Лес часто оказывается местом нахождения королевства. Например:

«The enchanted forest was once upon a time a part of the kingdom of a mighty monarch named Clode, who had three sons, Thag, Gallow and Jorn».

Пер.:

«Волшебный лес был в стародавние времена частью королевства могущественного монарха по имени Клод, у которого было три сына – Тэг, Гэллоу и Джордж».

Перечислим эпитеты, сопровождающие ключевое слово волшебной сказке – лес: волшебный (enchanted, magical), зеленый (green), изумрудный (emerald), мрачный (dark, gloomy, glow), таинственный, мистический (mysterious), тенистый (shadowy), мерцающий (glittering),

серебряный (silver), золотой (golden), страшный, пугающий (frightening), чудесный (wonderful, marvelous) и пр.

Со словом лес в сказке встречаются следующие словосочетания: wood wizard (лесной волшебник), wood flowers (лесные цветы) и др.

В языке русской сказки бесконечное пространство обозначено ключевыми словами: «в чисто поле», «мимо острова-Буяна», «у моря-окияна», «широко раздолье», «по край синя моря», «на все четыре стороны», «куда глаза глядят», «близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли», «шла-шла». Например:

«Лез-лез и взобрался на небо».

Встречается и предельное пространство, выраженное следующими ключевыми словами: «боярский (купеческий, широкий) двор», «непроходимая чаща леса», «грязное болото», «на печи, на девятом кирпичи», «на базар», «на высоком дубу», «откуда не возьмись», «в высоком терему», например:

«Пустил стрелу старший брат – упала она на боярский двор, прямо против девичья терема; пустил средний брат – полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая; пустил младший брат – попала стрела в грязное болото, и подхватило ее лягушка – квакушка».

Следует отметить, что удаленные и мрачные замки и дворцы часто обозначают пространство волшебной сказки, например:

«Still he knew where he was now, or thought he did. He was in a time that never was on land or sea. He was in that Grimm country where witches are worse than ever was in Oz, and there are gloomy castles with thirteen clocks all stopped. He thought of other creepy legends and shivered.

Пер.:

«Он знал, где находится сейчас, или думал, что знает, Он был в таком месте, которое ре было ни на море, ни на суше. Он был в стране сказок братьев Гримм, где ведьмы гораздо злее, чем в стране Оз, и где возвышаются мрачные замки с тридцатью остановившимися часами. Он подумал о других жутких легендах и содрогнулся».

В языке русской сказки для обозначения пространства для волшебного превращения используется также лексема «ухо/уши» волшебного помощника (коня, волка):

«Тогда Ивашка в правое ухо зашел – умылся, а в лево – снарядился и стал молодец прекрасный». Или:

«А коровушка ей в ответ: «Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – все будет сработано». Так и сбывалось. Вылезает красная девица из ушка – все готово: и наткана, и побелено, и побелено, и показано».

В волшебных сказках и легендах фигурируют зеркала. Согласно некоторым легендам, зеркало – орудие дьявола: отражая лица. Оно может улавливать и души. Самое известное зеркало – в сказке про Белоснежку и семь гномов. В поэме елизаветинских времен «Королева фей» Мерлин создал зеркало с подобными свойствами для короля Райенса:

Волшебник Мерлин создал силой тьмы

И силой знания зеркало такое,

Что в глубине, колеблемой его

Достаточно лишь взять рукою

Все, что захочешь, можно разглядеть:

Хоть демона, хоть просто человека,

Призывы друга, замыслы врага,
Любую вещь во мгле любого века

Кроме инструмента для прорицания, зеркало часто является своеобразными вратами, или переходом в иную, сказочную, волшебную реальность. Вспомним, например, «Алису в Зазеркалье» или русскую сказку «Королевство кривых зеркал» и пр.

В зеркалах отражается сущность человека – все лучшее и худшее в нем. И поскольку зеркало исполняет желания, только человек редкой душевной чистоты заслуживает исполнения желания.

Лабиринт также представляет собой способ перемещения в сказочном пространстве. В «Гарри Потере» третий и последний тур Турнира Трех Волшебников проводится в специально построенном лабиринте, в котором участникам предстоит встретиться со сказочными существами: боггартом, сфинксом и золотым туманом.

В русской волшебной сказке роль лабиринта выполняет дремучий лес и ряд заданий, т.е. препятствий, или ходов лабиринта.

Итак, в языке волшебной сказки пространство передается различными лексическими средствами, среди которых слова, обозначающие неопределенное и предельное пространство, а также устойчивые выражения.

Список литературы

1. Волкова Т.В. Структурно-типологические и лексико-семантические параметры литературной сказки Дж. Роулинг и ресурсы их передачи на русский и немецкий языки: Дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
2. Керлот Х.Э. Словарь символов. М., 1994.
3. Пропп В.Я. Собрание трудов. Т.2: Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки /Коммент. Е.М.Мелетинского; Сост., науч. ред., текстол. коммент. И.В. Пешкова. М., 1998.

Источники выборки

- Английские народные сказки / Сост., адаптация текста и коммент. В.А. Верхоляд. М., 2004. - 128с.
- Русская волшебная сказка: Антология /Сост., вступ. ст., коммент. К.Е. Кореповой. М., 1992. – 525с.
- Baum L/Frank. The Land of Oz. L., 2001
- Lewis C. The Chronicles of Narnia. The lion, the Witch and the Wardrobe. M., 2003.
- Thurber J. The white Deer. M., 1990.

АКТИВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Федоткина Елена Викторовна

канд. фил. наук, доцент, Московский государственный университет путей сообщения, г. Москва

Алферова Нина Георгиевна

Старший преподаватель, Московский государственный университет путей сообщения, г. Москва

Изменения, происходящие в системе образования, нацелены на создание единого образовательного пространства, особенно в сфере высшего образования. Именно в едином образовательном пространстве происходит быстрый поиск и обмен информацией; и в этом смысле овладение иностранным языком является первоочередной задачей для современного молодого специалиста. В последнее время среди молодого поколения, и в частности, студентов, растет интерес к изучению иностранных языков, что дает им возможность свободно ориентироваться во все возрастающем потоке информации, критически её оценивать и находить свое место в непрерывно меняющемся мире.

Преподавателям вузов необходимо поддерживать у обучаемых интерес к изучению иностранных языков, стимулировать их желание к познанию, к решению проблемных задач. В этой связи, одним из эффективных путей формирования иноязычной коммуникативной компетенции учащихся является технология ролевых (деловых) игр, позволяющих непосредственно включить процесс обучения иностранному языку в модель будущей профессиональной деятельности студентов. Представляется целесообразным взаимодействие между преподавателем и студентами, а также между самими студентами при подготовке, проведении и подведении итогов ролевой игры на заданную тему, например «Резюме. Прием на работу».

Учебная деятельность организуется в виде определенных циклов, которые строятся на основе ситуативно-тематического принципа для выполнения одной учебной задачи. В конце каждого учебного цикла предусматривается проведение определенной ролевой игры для активизации пройденного лексического и грамматического материала и снятия психологического напряжения при промежуточном контроле. Заметим, что промежуточный контроль предназначен для стимулирования студентов к систематической работе, к непрерывному овладению учебным материалом в течение всего семестра, а проводить его можно в любой форме, в том числе и игровой [1, с.184]. Ниже приводятся различные виды игровых заданий, направленные на закрепление определенных лексических и грамматических навыков устной речи в контексте заданной проблематики (напр. Резюме. Трудоустройство).

В целях отработки и закрепления изученной лексики можно предложить игровое задание
Wort und seine Definition.

В ходе игры студенты читают предложенные преподавателем дефиниции и угадывают слово. Упражнение развивает смысловую и языковую догадку, а также память.

1. Das ist ein Mensch, der ein Bewerbungsschreiben einreicht.- (der Bewerber)
2. Die Person, die die Arbeit gibt heißt ... (der Arbeitgeber)

3. Das Geld, das die Meschen für ihre Arbeit bekommen, heißt... (der Arbeitslohn)
4. Das Gespräch, zu dem ein Bewerber eingeladen wird, ist ... (das Vorstellungsgespräch)

На занятиях обсуждаются черты характера и качества, которыми должен обладать претендент на работу. Студентам предлагаются карточки, на которых объясняются выполняемые действия. Они, в свою очередь, должны назвать качество человека. Например:

1. Ich kann gut arbeiten. - Ich bin arbeitsfähig.
2. Sie hilft gern allen Kollegen mit. - Sie ist hilfsbereit.
3. Er macht alles rechtzeitig und verspätet sich nie zur Arbeit. - Er ist pünktlich.
4. Herr Schmidt erfüllt alles, was er versprochen hat. - Er ist zuverlässig und verantwortungsvoll.
5. Diese Kollegin arbeitet gern mit anderen zusammen. - Sie ist teamfähig.

Также можно предложить студентам восстановить логику и грамматическую словосочетаемость. Задание выполняется на скорость и развивает логическое мышле-

ние и память. На карточках учащиеся получают следующие выражения, к которым должны подобрать правильные глаголы из правой колонки:

sich um eine Stelle werden
ein Bewerbungsschreiben einladen
die Universität verfügen
über feste Fachkenntnisse besitzen
eine Berufserfahrung absolvieren
Bauingenieur einreichen
zum Vorstellungsgespräch bewerben

При работе над грамматическим материалом по теме «Модальные глаголы» раздаются карточки с таблицей, по которой студенты должны составить предложения, обращая внимания на спряжение модальных глаголов, а также на порядок слов в повествовательных и вопросительных предложениях. Подобный вид заданий развивает внимание, создает творческую атмосферу на занятии, с помощью игры осуществляется стимулирование познавательной активности и мыслительной деятельности студентов.

	ich	du	er/Hans	wir	ihr	sie/Hans und Petra
müssen	viel arbeiten	Hausaufgaben vorbereiten	am Wochenende lernen?	die Natur schützen	die Karten besorgen	früh aufstehen
sollen	zum Chef kommen	an der Konferenz teilnehmen?	dich abholen?	sich um eine Stelle bewerben	die Hochschule besuchen	die Prüfung ablegen
wollen	meine Eltern besuchen	ins Museum gehen?	Fußball spielen	in die Disko gehen	eine Reise machen?	ins Ausland fahren
können	die Regel erklären	auf die Frage antworten?	in Deutschland studieren	Auto fahren	gut Deutsch sprechen	Schlittschuh laufen
dürfen	eine Pause machen?	nicht so viel rauchen	keinen Alkohol trinken	die Stunden nicht versäumen	nicht zu spät kommen	nur bis 22 Uhr ausgehen
möchten	Geige spielen	viel Eis essen	nicht mehr lernen	viele Fremdsprachen sprechen	neue Menschen kennen lernen	viel Geld verdienen?

По теме «Резюме. Трудоустройство» можно также вовлечь студентов в игровое задание по составлению диалога «Vorstellungsgespräch». Один из студентов выполняет роль работодателя и проводит собеседование с различными кандидатами. Предварительно можно задать вопросы, на которые отвечают претенденты на работу:

Прослушайте вопросы и представьте себе, как бы Вы ответили на них, если бы их задал Вам работодатель.

1. Woher haben sie erfahren, dass bei uns eine Stelle frei ist?
2. Wo und wann sind Sie geboren?
3. Was für eine Ausbildung haben Sie?
4. Was sind Sie von Beruf?
5. Arbeiten Sie schon lange in Ihrem Beruf?
6. Haben Sie Pläne über weitere Ausbildung?
7. Was möchten Sie denn verdienen?
8. Was ist Ihr Hobby?
9. Sind sie verheiratet oder ledig?
10. Warum haben Sie Interesse, bei dieser Firma zu arbeiten?

Vorstellungsgespräch (пример)

B. = Bewerber, G. = Geschäftsführer

B. Guten Tag, Herr Geschäftsführer Klaus Krumm. Gestatten Sie?

G. Bitte, herein! Nehmen Sie Platz hier, bitte!

B. Danke sehr. Ich möchte mich vorstellen: ich heiße N., ich komme aus Köln.

G. Ich freue mich, Sie kennenzulernen. Sie möchten bei unserer Firma eine Stellung bekommen, habe ich recht?

B. Das stimmt. Ich möchte bei Ihrer Firma tätig sein.

G. Woher haben Sie erfahren, dass bei uns eine Position frei ist?

B. Ich habe Ihre Stellenanzeige im «Handelsblatt» vom 10. März 2014 gelesen.

G. Gut. Sie wollen bei uns arbeiten, darf ich fragen, warum?

B. Ich habe gehört, dass Firma ein bedeutendes Unternehmen ist. Sie besteht schon seit einigen Jahren und ist in ganz Europa bekannt.

G. Sehr angenehm, das zu hören. Erzählen Sie doch mal etwas über sich! Was für eine Ausbildung haben Sie? Was sind Sie von Beruf? Arbeiten Sie schon lange in Ihrem Beruf?

B. Ich versuche, Ihre Fragen zu beantworten.

Ich bin 27 Jahre alt. Ich bin Ökonom von Beruf. Im Jahre 2007 habe ich die Hochschule für Handel in Frankfurt am Main absolviert. Seitdem bin ich berufstätig. Ich habe feste Fachkenntnisse und gute Fertigkeiten.

G. Wissen Sie, dass wir Mitarbeitern hohe Anforderungen stellen? Jeder Mitarbeiter muss diszipliniert, hilfsbereit und teamfähig sein.

B. Meiner Meinung nach habe ich diese Eigenschaften und kann für Ihre Firma geeignet sein. Ich habe keine Angst vor der Arbeit. Und können Sie mir bitte sagen, wie hoch das Gehalt ist?

G. Während der Probezeit werden Sie monatlich etwa 1000 Euro verdienen.

B. Und wie lange soll die Probezeit dauern?

G. Nicht mehr als 3 Monate. Ich habe keine Fragen mehr an Sie. Bestehen Ihrerseits noch Fragen?

B. Nein. Ich habe alles gefragt, was mich interessiert. Vielen Dank für das Gespräch. Auf Wiedersehen!

G. Nichts zu danken. Ich denke, dass Sie für die Stellung bei unserer Firma geeignet sind. Auf Wiedersehen!

Итак, мы рассмотрели игровые задания и приемы, которые могут быть использованы на любом этапе занятия по теме «Резюме. Трудоустройство». Необходимость их применения определяется учебными, воспитательными и развивающими целями конкретного занятия. «Игра как форма взаимодействия учащихся, требующая их взаимопонимания, способствует возникновению доверия между членами группы, а также создаёт непринуждённые дружеские и одновременно деловые отношения, построенные на общности задачи взаимопомощи» [2, с. 39].

Эти отношения сохраняются и после окончания игры и способствуют поддержанию положительного микроклимата в учебной группе в дальнейшей работе. Целесообразность включения игровой деятельности в процесс обучения определяется тем, что с ее помощью происходит стимулирование познавательной активности и мыслительной деятельности слушателей. Игра делает учебный процесс привлекательным и интересным, что формирует мощный стимул к овладению иностранным языком. Игра, будучи для обучающихся лично значимой, предопределяет успешность процесса обучения.

В заключение отметим, что одной из важнейших задач обучения в современных условиях является подготовка студентов вузов к самообразованию, развитие у них интереса к учению и формированию познавательных потребностей, и ее решение, на наш взгляд, лежит в применении активных нестандартных методов обучения, ориентированных на личность обучающегося, на его активное участие в саморазвитии, на получение качественных знаний, профессиональных умений на иностранном языке, на творческое решение конкретных проблемных задач, способствующих личностному и профессиональному росту.

Список литературы

1. Федоткина Е.В. Управление качеством образования в транспортном вузе // Компетентностный подход как основа совершенствования методики обучения иностранному языку в неязыковых вузах: проблемы и перспективы. – М.: Рема, 2008. (Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып.546. Серия Лингводидактика) – С.181-190.
2. Беззубова В. В. Игровая деятельность на занятиях по немецкому языку в неязыковом ВУЗе. Филологические науки. Вопросы теории и практики № 3(33) часть 1. –Тамбов: Грамота, 2014, - С. 35-39.

СИСТЕМНОСТЬ НАУЧНОГО ТЕРМИНА

Гамар Марина Владимировна

преподаватель кафедры теории и практики перевода, г. Тирасполь

Вопросу о терминах и терминологии посвящено большое количество работ, изданных как в России, так и за её рубежом. Во всех этих работах данная проблема рассмотрена достаточно подробно и с различных точек зрения. И всё же, как пишет С.Д. Берсеньев, «даже само слово “термин” страдает неточностью определения в лингвистическом аспекте». [1, с. 126] Важность и насущность этой проблемы чрезвычайно велики.

Среди огромного количества разнообразных мнений с наибольшей определённой выделяются две основные тенденции, отмеченные ещё в 1961 году А. А. Реформатским. Одни исследователи в качестве главного признака термина выделяют его номинативность, другие связывают термин с его понятием. [7, с. 47] Когда-то Ф. де Соссюр писал: «язык есть система, все элементы которой образуют целое». [6, с. 114], Пожалуй, можно сказать, что язык есть система систем. И любой элемент любой системы находится в сложных взаимодействиях внутри того

целого, каким является язык, сущность любого элемента проявляется именно в системе и во взаимодействии систем. Однако это очевидное положение не принимается во внимание довольно часто. Так, например, рассматривая термин, его сущность, функции и пр., некоторые исследователи обосновывают свои теоретические построения без учёта сложного взаимодействия элементов и систем, а лишь на некоторых контрастно проявляющихся особенностях термина, указывая на факты различия термина и слова. Выделяемые различия, вследствие понятного желания гипертрофировать их, представляются сторонникам этого метода не только основополагающими при выделении структурного элемента – термина, но и главнейшими, характеризующими всю систему – терминологию.

По вопросу соотношения термина, слова и понятия имеется немалое количество литературы. Любое знаменательное слово не просто называет предмет, но и демон-

стрирует его реальные связи, наиболее полно проявляющиеся в процессе языкового общения, поэтому слово является «сообщением о предмете мысли и его смысловых отношениях». [3, с. 3] Исследователи, характеризующие термин на основании его различия со словом, определяют особое место термина в классификационной системе по двум «взаимно обусловленным моментам: прямой соотносённости с предметом и назывной функцией его». [8, с. 151], следовательно, номинативная функция у термина признаётся основной и единственной. Причём отмечается, что в тенденции предельно точно называть предмет [8, с. 155] у термина проявляется стремление к некоторой абстрактности, символичности и абсолютности. В некоторых работах можно найти даже выражение «абсолютный термин» [4, с. 29], выражение, как бы закрепляющее в термине названное стремление, подчёркивающее в термине признак, отличающий его от слова, от системы «общего» языка. Интересно с этой точки зрения рассмотреть одно рассуждение, встретившееся в статье Е.Н. Толикиной, мнение в некоторой степени программное. Признавая термин лишь названием, элементом, лишённым признаков, сопутствующих сообщению (модальности, экспрессивности и т.д.), автор статьи считает, что термин название, знак – не есть слово, содержательная сторона «его сущности беднее значения слова», и термин не служит выражению сообщения, а лишь предельно точно выражает содержание предмета. [8, с. 155] Эту точку зрения разделял и Ф. де Соссюр, писавший, что «бесплодно всякое определение, сделанное на основании слова; плохо, когда при определении вещей, исходя из слов». [6, с. 38] Напротив, В.А. Звегинцев признаёт термин словом, но, сопоставляя термин со словами «общего» языка, отмечает в термине черты, сближающие его со знаком, например, такую из них, как автономность, «способность функционировать независимо от особенностей конкретной системы языка, ничего при этом не теряя в отношении своего внутреннего содержания». [6, с. 33] Выделение знаковых черт в термине в число господствующих приводит некоторых исследователей к мысли о наличии у данных элементов абсолютного значения, [9, с. 730] что в свою очередь является причиной выпадения терминов из системы общего языка, выделение их в обособленную систему, элементы которой применимы к «чисто интеллектуальному факту» и служат средством выражения неязыкового научного мышления или являются элементами идеального научного языка, обладающего чистотой, ясностью, строгостью логического определения, являющегося прямым и совершенным способом научного анализа и выражения. [11, с. 134] Сама же специфика употребления системы терминов, возникшей в результате такого метода, позволяет сближать и сравнивать её с системой математических знаков, формул и других суррогатов языка. Во всех перечисленных случаях за термином признаётся лишь прямая соотносённость с предметом и чисто номинативная функция.

В процессе мышления предмет не просто называется, но при этом в нём выделяются общие и характерные признаки. А это возможно лишь при соотносении данных предметов, впервые познаваемых определённой областью знаний, с уже ранее познанными предметами, т.е. в системе. Поэтому чтобы представить себе предмет в его тотальности, недостаточно просто его назвать, основываясь

на прямой соотносённости названия и называемого, а представить название в системе. И тогда уже само «название», произведённое на основании предшествующего опыта, в системе, престанет быть просто «названием», а будет выражать нечто единичное как часть целого, выражать понятие. Следовательно, термин при такой системе его рассмотрения выступает как слово.

Отрицая связь термина со словом и понятием, Ж. Марузо ставит «деликатный вопрос»: «как можно решить, что-такой-то термин подходит для того или иного понятия». [5, с. 15] Ответ в данном случае может быть лишь один – исходя из системы. Именно в системе наиболее полно проявляется сущность любого её компонента. Система же терминов, обслуживающая каждую данную отрасль науки, являющаяся средством выражения понятий в сфере научного мышления, в науке «не случайный ингредиент», а «структурный элемент», [7, с. 46] который не лишён от изменений, происходящих в системе понятий данной науки, а изменяется вместе с ними. Термин как элемент системы «не только регистрирует понятие, но и в свою очередь, воздействует на это понятие, уточняет его, отделяет от смежных представлений». [2, с. 25] Вряд ли можно согласиться с тем, что эволюция тех или иных теорий влечёт за собой крушение соответствующих терминов. В самом деле, кому нужна терминология рухнувших теорий?

Отличие термина от слов производится на основании того, что слова якобы имеют склонность чрезмерно нагружаться понятиями, а потому и считаются недопустимыми для использования их в системе терминологии. Основываясь на подобных принципах, некоторые исследователи полагают, что «даже для тех идей, которые могут быть выражены обычным словом, специалисты испытывают необходимость создавать особые термины, т.е. такие термины, которые выражают эти значения в таком объёме, с такой понятностью и такой точностью, которые свойственны им в среде, где они являются предметом обсуждения, сравнения, анализа, так чтобы они могли получить своё место в логической классификации». [10, с. 73] Кстати, говоря о различных классификациях, системах, говоря о том, что термин системен, мы «порой забываем о какой системе идёт речь». [8, с. 164] и нередко избираем для исследования термина систему слишком произвольно.

Уже с достаточными основаниями можно утверждать, что связь термина и слова весьма ощутима, что термин по существу, «особый вид слова». [3, с. 3] Поэтому представляется необходимым термин в первую очередь рассматривать в системе общего языка, так как всем терминам «в значительной степени свойственны те же особенности, которые характеризуют элементы общего языка». [4, с. 29] Как писал Г.О. Виноградов, «в роли термина может выступать всякое слово, как бы оно ни было тривиально»; «термины – это слова в особой функции». [3, с. 5] Это «особая функция» определяет и те специфические признаки, «которые обычно указываются и которым так часто придаётся решающее значение»:

- 1) специализировать значения термина, точность его семасиологических границ и
- 2) его интеллектуальная чистота, т.е. его отрешение от образных и эмоциональных переживаний, обычно

сопутствующих обиходному словоупотреблению». [3, с. 3]

Саму же функцию термина, её специфичность и направленность «диктует» система, которая в свою очередь является частью системы общего языка и служит одним из средств выражения научного мышления. Система эта – терминология. Вне терминологии слово теряет свою характеристику термина, хотя функция номинативности, выделяемая иногда в число основополагающих у данного вида элементов, остаётся, так как «номинативная функция – это общая функция всех слов» [7, с. 48], пусть даже в обычной связи речи и затенённая коммуникативностью. [3, с. 6] Можно отметить элементы, в которых эта номинативная функция проявляется сильнее, чем в термине. Прежде всего это касается номенклатурного знака и системы этих знаков – номенклатуры. И термин, и номенклатурный знак, являясь элементом системы общего языка, обладая многими общими для системы характерными признаками, все же различаются между собой. И эти различия выявляются прежде всего при сличении термина и номенклатурного знака. В термине соотносимость с понятием выступает на первый план. » [7, с. 49] У номенклатурного знака ярче, чем у термина проявляется прямая соотносённость с предметом, больше, сильнее ощущается автономность, хотя и относительная, от системы общего языка, в нём «меньше обнаруживается», вследствие отсутствия непосредственной связи с понятием, собственное значение, так как, строго говоря «единственное назначение номенклатуры состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли». [3, с. 6] Несмотря на эти различия между термином и номенклатурным знаком, терминологией и номенклатурой, эти системы представляются однопорядковыми уже потому, что термины, выражая понятия, имеют в своей системе вещи как суппозиции. [7, с. 48]

Гипертрофирование отличительных признаков термина от слова и номенклатурного знака от термина, как правило, приводит к изоляции их систем, закрывает объективно существующие реальные связи между системами. Поэтому встречаются в литературе мнения, например, о том, что исследование сущности терминов «никак не может служить основанием для суждения о сущности языка в целом». [4, с. 34] Термин существует не только в терми-

нологии, в специальном употреблении, но и в системе общего языка, а поэтому термин является не только потенциальной единицей для системы общего языка, способной лишь при соответствующих условиях стать действительной, [8, с. 167] но и любая «действительная» единица при соответствующих условиях может перейти в систему терминов. Процесс этот обратимый. Любое слово системы «общего» языка сохраняет тенденции к моносемичности, точно так же, как термин сохраняет тенденцию к полисемичности. Исследование исключительно лишь специфических особенностей термина как особого вида слов безусловно представляет огромный интерес при размышлении о системе общего языка и слове как элементе этой системы.

Список литературы

1. Берсенев С.Д. О терминологической фразеологии / С.Д. Берсенев // Вопросы частной лингвистики. Свердловск: Изд-во гос.мед.института, 1960 г. - С. 126.
2. Будагов Р.А. Введение в науку о языке / Р.А. Будагов. М.: Добросвет-2000, 2003. 544 с.
3. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г.О. Винокур // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. 5. Сборник статей по языковедению. М.: 1939. С. 3 - 54.
4. Звегинцев В.А. Проблема знаковости языка / В.А. Звегинцев. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1956.
5. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 436 с.
6. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
7. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология / Реформатский А.А. // Вопросы терминологии. М.: 1961. С. 46-51.
8. Толикина Е.Н. О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы / Е.Н. Толикина // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.-Л., 1964. С. 151
9. Brunot F. La pensée et la langue / F.Brunot. Paris: Masson, 1965. 1008 p.
10. Carnoy A. La science du mot, traité sémantique / A. Carnoy. Louvain: Universitas, 1927. 428 p.
11. Gilbert E.-J. Langage de la science / E.-J. Gilbert. Paris: 1945. 320 p.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ СОБАКА/ УО В РУССКОЙ И ЛИТОВСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Голубенко Ольга Михайловна

Аспирант кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, ассистент профессора, г. Калининград

АННОТАЦИЯ

Исследуется семантика русских и литовских зоонимных фразеологизмов с компонентом собака/šuo, проводится их семантическая и структурная систематизация, выявляются лингвокультурологические особенности устойчивых сочетаний, содержащих компонент собака/šuo, в языковой картине мира носителей исследуемых языков.

ABSTRACT

This article is devoted to the investigation of semantics of Russian and Lithuanian zoonym phraseology with the собака/šuo component, its semantic and structural systematization is carried out, linguocultural peculiarities of phraseological units containing the собака/šuo component in the World view of Russian and Lithuanian native speakers are revealed. This article is devoted to the investigation of semantics of Russian and Lithuanian zoonym phraseology with the собака/šuo component, its semantic and structural systematization is carried out, linguocultural peculiarities of phraseological units containing the собака/šuo component in the World view of Russian and Lithuanian native speakers are revealed.

Ключевые слова: зоонимный компонент, семантическое содержание, фразеология, русский язык, литовский язык, картина мира, идеографическое описание.

Keywords: zoonymic component, semantic content, phraseology, Russian language, Lithuanian language, world view, ideographic description.

В области фразеологии проявляется наиболее тесная связь языка и культуры. Во многих работах подчёркивается, что фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, «аккумулирующие и передающие из поколения в поколение культурный потенциал народа. В них проявляются особенности всякого национального языка, ...неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [2, с. 157].

Семантика фразеологизмов репрезентирует национально-культурные традиции, восприятие окружающей среды и выражение самобытного взгляда народа на окружающий мир, фразеологическая система любого языка является выражением культурных мировоззренческих концептов народа, представляющих сложные понятия в виде образов [3; 4]. Как отмечает В.Н. Телия, фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [5, с. 9].

Существует две точки зрения на проблему национально-культурной специфики фразеологизмов. Первый подход рассматривает национально-культурный компонент только в значении слов, отражающих специфические национальные реалии, например: лапти, щи, самовар в идиомах щи лаптем хлебать, ездить в Тулу со своим самоваром.

Второй подход в категорию национальной культуры включает максимально широкий круг языковых явлений. Эта точка зрения опирается на идеи В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и воплощении в языке «духа нации» [1]: каждый народ может судить о действительности и мыслить о ней только посредством своего собственного языка. Следовательно, каждое языковое сообщество, используя разные концепты, создает собственную языковую картину мира, которая и является основой национальной культуры.

Весьма интересной в этом отношении является группа, которую составляют фразеологизмы с компонентом-зоонимом: вешать собак, молчать как рыба, vabalėlio penuskriausti (жучка не обидеть)¹, стреляный воробей, ešerį šiaušti (ерошить окуня), kaip varlė kruopose (как лягушка в крупе), вешать собак и т.д.

Во фразеологическом фонде русского и литовского языков фразеологизмы с компонентом-зоонимом являются одной из самых многочисленных лексико-грамматических групп. Методом сплошной выборки нами был выделен соответствующий пласт фразеологизмов: 393 сочетания в русском языке и 388 – в литовском. Компоненты собака и šuo проявляют наибольшую активность в

обоих языках: 38,4% от общего числа сочетаний – в русском языке и 45,3% – в литовском.

Это связано с тем, что собака – самое необходимое животное, которое всегда рядом с человеком, и, конечно, это находит отражение во фразеологической системе языка. Собака, по словам О.Н. Трубочёва, «оказывается почти повсюду первым древнейшим домашним животным» [6, с. 5].

В ходе сравнительного анализа устойчивых выражений с компонентом собака/šuo русского и литовского языков можно выделить три основные группы фразеологизмов по лексико-семантическому составу:

1. Фразеологизмы, одинаковые по значениям.
2. Фразеологизмы, одинаковые по значениям, но различные по компонентам-зоонимам, либо разные по значениям, но с лексемой собака в составе.
3. Уникальные фразеологизмы, созданные на основе собственного языка.

К первой группе относятся эквивалентные сочетания, тождественные по лексическому составу и смысловому наполнению:

- как собаке пятая нога – kaip šuniui penkta koja "нисколько, совершенно не нужен (не подходит и т.д.)": «И на кой мне чёрт вас в роту прислали? Нужны вы мне как собаке пятая нога» (Куприн. Поединок); «Tas švarkas jam tiko kaip šuniui penkta koja» (Gavelis. Sun-Tzu gyvenimas šventame Vilniaus mieste);
- псу под хвост – šuniui ant uodegos "впустую, напрасно": «Два года работы... Два года вдохновенья псу под хвост» (Николаева. Талант); «Žmona su vaiku, darbas, namai, draugai, sveikata, gyvenimas – viskas šuniui ant uodegos» (Parulskis. Murmanti siena).

К этой же группе относятся фразеологизмы как кошка с собакой – kaip šuo su kate, бить как собаку – mušti kaip šuo, вот, где собака зарыта – štai kur šuo pakastas, собака на сене – šuo ant šieno и другие.

Вторую группу составляют фразеологизмы одинаковые по значениям, но различные по компонентам-зоонимам, либо разные по значениям, но с лексемой собака в составе. Примером могут послужить фразеологизмы мартовский кот и šunų agronomas (агроном собак) – "бабник". Идеографическое происхождение литовского фразеологизма связывают с советским периодом, когда в образе агронома видели небогатого человека, работа которого была сезонной; так появился «сезонный возлюбленный», который, как и агроном, обладает всесторонними знаниями в

¹ Здесь и далее дословный перевод наш

своей области [7, с. 16]. Ср.: «Влюбился... и бегал я за своей красавицей, как мартовский кот» (Засодимский. Перед потухшим камельком); «Šunų agronomas visiems aiškino taip tvarkąs didžiausią Lietuvos demografinę bėdą – mažą gimstamumą» («Kalvotoji»);

Следует отметить, что если в русском языке наименование животного в составе фразеологизма указывает на субъект (мужчину) – кот, то в литовском языке в составе фразеологизма находится объект воздействия – собака. Что важно, здесь сохраняется противопоставление мужского и женского начал.

Такой же характер соответствия мы наблюдаем во фразеологизмах собаку съел и ant arklio ir po arkliu buvęs (на коне и под конём побывавший) – "много всего видевший человек, с большим опытом". Ср.: «Дядя Ипатыч уважал «Карлу», потому что по всякому фабричному делу «он собаку съел», особенно по доменному производству» (Мамин-Сибиряк. Под домной; «Jau ir ant arklio ir po arkliu buvau, dabar ne kiekvienas mane pagąsdins» (Aputis. Vieškelių džipai).

Интересной представляется корреляция собачий хвост и šuns uodega (собачий хвост). Сочетание собачий хвост в русском языке является "названием гребенника обыкновенного" – красивого злака, распространённого в Европе, западной Азии, северной Африке, на Канарских островах, похожего на хвост собаки. В литовском языке фразеологизм šuns uodega имеет значение "угодливый, лстивый человек, старающийся добиться расположения вышестоящего" (LKFŽ). Поведение заискивающего человека метафорически ассоциируется с поведением хвоста: направление движения хвоста сигнализирует о настроении собаки, это происходит под действием сигналов, посылаемых мозгом, а не по собственному желанию. В русском языке по отношению к лстивому человеку употребляется сочетание ходить за кем-то «хвостиком».

Приведем еще несколько подобных примеров.

Собачий холод – "очень сильный, доставляющий неудобства" (ФСРЯ): «Утешайся тем, что всё предугадать нельзя. Здесь собачий холод. Весна упрямо не приходит» (Вертинская. Синяя птица любви). В литовском языке близок по значению фразеологизм šuns rūga (собачья метель) – "очень скверная погода" (LKFŽ): «O tai šunies rūga užkilo, netikėta atmaina!» (Šerelytė. Vardas tamsoje). Но между русским и литовским фразеологизмами существует весомое отличие: фразеологизм šuns rūga употребляется при наличии любой ненастной погоды (это не всегда мороз или холод). Употребление в составе устойчивых сочетаний именно номинации собака можно объяснить соответствующим поведением животного: во время дождя, мороза она сворачиваются клубком и не покидает жилища.

Ко второй группе также относятся сочетания как с цепи сорвался (ССРЯ) и kaip grandininis šuo (как цепной пёс) (FŽ); ни стыда, ни совести (ФСРЛЯ) и šuns akis turėti (иметь собачьи глаза); надоело как собаке редька (ССРЯ) и šuniu prasmirsti (пропахнуть собакой) и т.д.

Третья группа – уникальные фразеологизмы, созданные на основе собственного языка, наиболее ярко передающие специфику, особенности языка конкретного народа и формирующие языковую картину мира.

К уникальным фразеологизмам русского языка, не встречающимся в литовском языке, можно отнести следующие фразеологизмы: вильнуть ухом, как пес хвостом (vikstelėti protu, kaip šuo uodega) – "об изворачивающемся,

прибегающем к изощренным уловкам человеке"; как пес смрадный (kaip dvokiantis šuo) – "о мерзком, гнусном и подлом человеке"; как собака на заборе (kaip šuo ant tvoros) – "о том, кто неуклюже, неумело сидит в седле" (ССРЯ); собачья радость (šuns džiaugsmas) – 1) "колбаса самого низкого качества, сорта", 2) "вареная требуха, сычуг, печенка, лёгкие, сердце" (ФСРЯ).

К уникальным фразеологизмам русского языка можно отнести также сочетания собачья муха "злая".

В литовском языке это фразеологизмы, в состав которых входят диалектные слова, имена и фамилии, связанные с народной мифологией, сказками, легендами, обычаями: kudlas raižyti šuniui (резать собакам патлы) "шуметь"; šunų veseilia (собачья свадьба) – "громкий шум" (FŽ); šuns litaniją giedoti (собачью молитву петь) "зевнуть"; šuns zakristija (собачья ризница) шутил. "стол" (LFŽ). Это также фразеологизмы šuns duona, pyragas (собачий хлеб, пирог) "нищета" (FŽ); šuns maltuvė (собачья мельница) "тюрьма"; kaip iš kalės uodegos (как из сучьего хвоста) "проворный, ловкий человек" (LKFŽ); šuns dantys (собачьи зубы) "сплетник" (FŽ); šuns autus skalbti (мыть собачьи портянки) "нигде не работать"; šuns rankas ir kojas turėti (иметь собачьи руки и ноги) "быть трудолюбивым" (LKFŽ); akis pasiskolinti iš šuns (одолжить глаза у собаки) "стать смелым", kaip šuns pašiktas (как собакой обгаженный) "состояние одиночества" (FŽ) и т.д.

Уникальным в литовской фразеологической системе является сочетание še tau šunie Devintinės (ах ты собака на Девятины) "выражение удивления, разочарования" (FŽ): происходит из обычая во время поминальной трапезы на девятый день после смерти давать просящим животным части со стола, чтобы они «поучаствовали» в прощании [8, с. 16]: «Še tau šunie devintinės... Pinigus sukišusi, plika brukasi man ant senatvės» (Granauskas. Novelės).

Необходимо отметить, что в литовском языке фразеологизмы с компонентом šuo не описывают животных, их поведение; в нём также невозможно встретить сочетание, характеризующее чувство ревности, в русском же языке существует оборот ревнивый, как собака.

Семантическое значение компонента-зоонима, безусловно, влияет на общее значение устойчивого сочетания. При этом область семантических значений названий животных и частотность их употребления во фразеологии непосредственно связаны со значимостью того или иного животного в народной культуре.

Значение фразеологизма с компонентом собака/šuo не всегда лежит на поверхности, потому как оно связано с национальной спецификой: изучение её, определение культурной символики компонентов может существенно повлиять на понимание фразеологизмов, их толкование и контекстуальное использование.

Компоненты-зоонимы в русской и литовской языковых картинах мира отличаются особой ментальной природой ассоциаций, объединяющих человека с животным миром, фразеологизмы с наименованиями животных в составе ярко отражают жизнь, дух народа, черты истории, обычаи – несут в себе огромную этнокультурную информацию, морально-эстетическую оценку явлений жизни, характеризуют национальные черты этноса.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
2. Зайнуллина Л.М. Композиционная семантика производного слова (на материале английского, немецкого, русского, башкирского и французского языков). Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 188 с.
3. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
4. Солодуб Ю. Л. Современный русский язык // Лексика и фразеология современного русского литературного языка. М.: Флинта, 2002. – 168 с.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
6. Трубаев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Издательство АН СССР, 2009. – С. 4–41.
7. Lyberis A. „Kur šuo pakastas“. Vilnius: Jaunimo gretos, 1968. Nr.5. – P. 11 – 15.
8. Sasnauskas V. Vaikučių kalendorius. Pavasaris, Kaunas: Šviesa, 2008. – 71 p.

Список сокращений

- ССРЯ – Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. – 608 с.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978. – 534 с.
- ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского языка: Под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1997. – 843 с.
- FŽ – Paulauskas J. Frazologijos žodynas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2001. – 191 p.
- LFŽ – Lietuvių kalbos žodynas XIX. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1999. – 949 p.
- LRKŽ – Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodinas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2001. – 951 p.

Интернет-ресурсы:

1. Национальный корпус русского языка: URL: www.ruscorpora.ru.
2. VDU Kompiuterinės lingvistikos centras: URL: tekstynas.vdu.lt.

ПАРОНОМИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМЫ В ГАЗЕТЕ

Гусейнова Татьяна Султанзиевна

Канд. филол. наук., доцент кафедры русского языка в национальной школе ДГПУ, г. Махачкала

АННОТАЦИЯ

Парономазия основана на звуковой трансформации и существенное значение приобретает голосовое выделение паронимического компонента, что позволяет раскрыть потенциал трансформы, не обращаясь к содержанию текста. Порождающая сила таких выражений очень велика: оттолкнувшись от традиционного выражения, можно обнаружить в трансформе имплицитные свойства фонетического, лексического, синтаксического характера

ABSTRACT

Paronomasia is founded on sound transformation and significant importance gets the voice allocation paronymic component that allows you to unlock the potential of the transform, not addressing the content of the text. The generative power of such expressions is very high: rebounding from traditional expressions that can be detected in the transform implicit properties of phonetic, lexical, syntactical nature

Ключевые слова: Парономазия, звук, фразеологическая трансформация, публицистический дискурс

Keywords: Paronomasia, sound, phraseological transforms, publicistic discourse

Парономазия, являясь основным содержанием термина паронимия, позиционируется в качестве особых отношений языковых единиц, обладающих сходным, но не тождественным звучанием и реализующихся в речи посредством семантической связи в неожиданной форме, которая в свою очередь генерирует каламбур [1, с.3]. В паронимическом выражении «нарочито сближаются слова, сходные по звучанию» [4, с. 435], что манифестирует формирование специфической стилистической фигуры, назначение которой заключается в придании тексту в целом и фразе в частности дополнительной выразительности, «подчеркивая игрой созвучных сочетаний сопоставляемых слов или самих слов авторскую мысль, образность высказывания, оригинальность художественной формы» [2, с. 327]. Фразеологическая же парономазия формируется за счет применения в процессе лексической трансформации паронимов как слов, подобных по звучанию, но при этом слабосвязанных или абсолютно не связанных по смыслу, в результате чего могут возникать даже каламбурные обыгрывания.

Парономазия как деструктивное использование одного (чаще) или двух (реже) компонентов ФЕ базируется

на установлении «точного соответствия между слышимым/читаемым словом и словом, хранящимся в ментальном лексиконе» [3, с. 210]. Парентезные изменения, включенные в этимоничную форму ФЕ, имеют многовекторное направление, одним из которых является ситуация констелляции, когда компонент, подвергшийся изменению, в силу своей деструкции, транспонируется в опорное слово для данного контекста: «Код в мешке на «Коде да Винчи»» (Завгородняя Д., МН, 12-18.06, 2006, с. 8) – о том, что на 59-м Канском фестивале можно было выпасться; «ПРО в Румынии ПРОтив нас» (Герматина Ю., Рудкова В., Донских Е., Осипов С., Тутина Ю., АйФ, 11-17 мая 2011, с.5) – о существовании потенциальной угрозы Российской Федерации с юга и создании в районе Ростова-на-Дону противоракетной базы, оснащенной военной техникой нового поколения; «Выть на Волгу» (ред., РГ, 25.05.2011, с.1) – о маловодье как проблеме реки Волги; «Мотаем на Гус» (Риван С., АйФ, № 43, 2007) – о победе России в футболе над Англией; «Охелла промахнулся» (Алешин М., АйФ, № 50, 2006) – об О. Маскаеве, защитившем свой чемпионский титул в поединке с П.Ахеллой и др.

Парономазия не применяется в многоаспектной и сложной с субъектно-объектной точки зрения структуре, поэтому речь идет об однозначных ФЕ, которые детерминируются как трансформы с пассивным содержанием. Безусловно, парономазия не отличается спорадическим характером, что обусловлено позиционированием данного приема трансформации как наиболее глубокого по сравнению с другими, например, с эллипсисом. Игра слов на началах звукового обыгрывания и продуцентом, и реципиентом воспринимается как достаточно сложный способ производства аллофразных или даже инновационных выражений, и в результате аналогичных изменений трансформы практически полностью утрачивают синхизисную выраженность, причем нарастает указательная функция и спонтанность трансформ.

Любой трансформированный элемент устойчивого оборота, как показывает анализ фактического материала, практически всегда обладает предельно выраженной эксплицитностью. Парономазия же, в отличие от подобных случаев, усиливает фонетическую значимость отдельных сегментов слов посредством апелляции к конкретным звукам слова, что генерирует расширение его смыслового объема. Нарушение эвфонической целостности узуальных ФЕ содействует диверсификации его общей семантики: «Чиновничьи надБабки» (ред., АиФ, 11-17 мая 2011, с.24) – об анализе газетой АиФ доходов замминистров; «Сами с Усамой» (Мартов В., АиФ, 11-17 мая 2011, с.7) – о главе Аль-Каиды, который и не думал скрываться в афганских подземельях, а жил в роскоши в особняке-крепости среди правительственных вилл; «Пригорючились» (Ярашкина Е., НВ, 08.05.2011, с.3) – о дефиците горючего в топливном кризисе в России и др. Следовательно, становится очевидным, что аналогичные трансформы дистанцируются от узуса как типизированного выражения, превращаясь в более конкретные языковые знаки, соотнесенные с определенными явлениями и регламентируемые дискурсом, который в таких случаях не просто регулятор, но и объяснительное расширение (т.е. эпексегезис) трансформированной ФЕ в роли заголовка. Эпексегетическое свойство подобных структур инспирируют значительную речевую экономию и сжатие рамок газетного материала: такие газетные статьи действительно очень кратки.

Звуковая трансформация, безусловно, актуализирует сверхсегментные синтаксические свойства, которые в свою очередь ведут к средоточию общей фонетической детерминации паронимического слова. При этом расширяется влияние фразового ударения как приема мелодики и сверхсегментной характеристики предложения в целом. Парономазия большей частью манифестируется субституцией звуков; новые слова оказываются по значению инклюзивно выраженными, что способствует исключению

из текста, следующего за подобным заголовком, гиперхарактеризации речевого оформления. Воздействие паронимической трансформации распространяется не на случайные слова и элементы слов: она осуществляется на базе конвергенции звуков по определенным аспектам, активно вовлекая в круг преобразований дифференциальные звуковые характеристики, которые в конечном счете благоприятствуют изменению в семантике не только отдельного слова, но в общем значении узуальной устойчивой единицы, позиция текста при этом определяется континуативным развитием заголовочной мысли.

Паронимическая трансформация в устойчивом обороте манифестирует эксплицитную смысловую бирему: с одной стороны, то, что «было», с другой стороны, что «получилось» как результат изменений фонетического плана выражения. Сопоставление узуса и трансформы определяет степень пассивного эффекта, в некоторых ситуациях парономазия генерирует зарождение неологизмов, в рамках традиционной формы, значение которых детерминируется тем, что звуковая сторона может оставаться прежней, а изменения осуществляются в написании: «СО-Чинение - 2014» (Кодзасова И., АиФ, 02-08 мая 2011, с.20) – об олимпийских стройках; «Маленькая вера» (К.Алешин, «КП», 14.02.91, с.1) – «вера» в значении «надежда» (в отличие от кинофильма «Маленькая Вера», где «Вера» – имя собственное) и т.д.

Итак, парономазия оказывает воздействие на контрарность суждений и узуса, и трансформы, а также способствует зарождению высокой степени пассивности, обнаруживающейся в консеквативном содержании самой заголовочной конструкции. Анализ фразеологических трансформ позволил установить, что парономазия разворачивает изменения не только семантическом плане, в вещественных сегментах слова, но и в отдельных морфемах, однако и в этом случае паронимические изменения воплощают функцию детализирующего компонента.

Список литературы

1. Акиншина Н.Ф. Парономазия в немецком языке (Окказиональное словообразование): Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1991. -21с.
2. Русский язык. Энциклопедия. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. Перераб. и доп. – М., 1998. -703с.
3. Филд Дж. Психоллингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами). Пер. с англ./Общ.ред. И.В.Журавлева. – М., 2012. -344с.
4. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. – Т.1 -М., 2008. -840с.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Гусейнова Татьяна Султанзиевна

Канд. филол. наук., доцент кафедры русского языка в национальной школе ДГПУ, г. Махачкала

АННОТАЦИЯ

Характер речемыслительной деятельности индивидуума обнаруживается в системе организации коммуникативных отношений между журналистом и читателем. Стимулом к восприятию фразеологических трансформ является самооценка, самопроверка читателя как творческого человека; трансформация готовых устойчивых оборотов обусловлена лингвистическими и психологическими традициями

ABSTRACT

The character of rehabilitating activity of the individual is detected in the system of the organizations to communicative relations between the journalist and the reader. The stimulus to the perception of phraseological transform is self-esteem, self-test of the reader as a creative person; the transformation of ready steady turns due to linguistic and psychological traditions

Ключевые слова: трансформация, фразеологические единицы, публицистика, творчество, пассионарность

Keywords: ransformation, phraseological units, journalism, creativity, passionaries

Возникновение трансформации фразеологических единиц (ФЕ) в СМИ детерминировано рядом особенностей, обусловленных природой самих ФЕ, а также свойствами и функциями заглавий публицистических материалов. ФЕ, будучи схемой/моделью с высокой степенью обобщенности, позиционируются в качестве готовых ситуативных блоков, с помощью которых характеризуются, описываются типичные явления. Однако для большей детализации в процессе изображения новых реалий, каких-либо отдельных случаев ФЕ конкретизируются с высвобождением пассионарного эффекта. Например: «Кому на Земле жить хорошо?» (ред., НГ, 27.01. 2006., с.4) – о десяти богатых странах, среди которых России нет; «Пираты XXI века» (Елисеев И., РГ, 20.11.08., с.2) – о захватах судов самалийскими пиратами; «Золотая птица удачи» (Федорова Н., КП, 28.02.2008, с.4) – покупательница, приобретя золотой кулон, выиграла автомобиль «Мерседес»; «Пища для ума» (Марков А., КП, 28.02.2008, с.5) – о 10-ти веществах, необходимых для активности мозга и т.д. К тому же, в сути самих ФЕ потенциально присутствует способность к трансформации, которая наиболее полно воплощается в газете. Трансформация ФЕ позиционируется в качестве вторичного использования традиционных выражений, позволяющего экономить речевые средства на основе психолингвистического пересмотра и эвристического подхода к узуальным формам.

Трансформация ФЕ формируется посредством реализации коммуникативной цепочки «автор — текст — реципиент», когда публицист, опираясь на обобщенный тезаурус личности потенциального читателя, транслирует некоторую информацию. Обобщенный тезаурус личности позиционируется как совокупность всех знаний о мире, приобретённых индивидуумом по общедоступным источникам информации. Солидная часть подобных знаний в памяти человека представляется в виде своеобразных ситуативных блоков [см. 3]. Для алгоритмизации обобщенных знаний применяется фрейм, коррелятом которого в языке считается ФЕ, что, безусловно, манифестирует абстрактный характер ФЕ. В ситуации, когда пассионарное восприятие действительности не позволяет привести фрейм/ФЕ в соответствие с изображаемой ситуацией, возникает необходимость сконструировать другой фрейм/ФЕ, иначе говоря, если имеющаяся в языке ФЕ не в полной мере соответствует существу обозначаемого ею явления, она модифицируется, подлаживаясь к новому содержанию. Например: «Преступление без наказания» (Федосенко В., РГ, 15.03.2005., с.1) – о не раскрытом до сих пор громком убийстве Д.Холодова; «Проснулась лицом в салат - кожа молодая-молодая!» (Матуха А., КП, 18-25. 10.2007, с.8) – об омолаживающих масках из натуральных продуктов; «Не худейте на скорую руку» (К.Соломонов, КП, 24.10.2007., с.9) – о вреде быстрого похудения и т.д. Данный подход к ФЕ в заголовочных

конструкциях детерминруется имманентным требованием читателя в помощи ориентирования в насыщенном информационном потоке.

Номинация газетного материала узуальной ФЕ, с одной стороны, способствует ослаблению и даже утрате интереса к нему, с другой – «ничего не говорящий» заголовок также может «отлучить» читателя от опубликованной статьи. Следовательно, необходимо найти такой способ организации газетного заголовка, чтобы он стал: а) рекламным, т.е. броским; б) конкретным, т.к. заголовок является конденсацией, сгущением содержания статьи; в) соответствовал пассионарному восприятию информации; г) заключал определенное процентное соотношение знакомой и незнакомой для читателя части информации. Анализ публицистического дискурса, показал, что данным требованиям отвечает заглавие газетного материала, выраженное трансформированной ФЕ: «Вороне бог послал ...» (Галкина Д., Поиск, 07.12.2007, с.6.) – о комплиментах Высшей школе экономике от передовых экономистов страны; «Лес рубят – щепки собирают» (Смирнов Д., Поиск, 31.10.2003, с. 5) – о Хабаровском ГТУ, получившем грант за плодотворное использование отходов переработки леса; «Будем капать на мозги» (Ермолаев О., Поиск, 12.12.2003, с.8) – о нейробиологах, научившихся путем нейротрансплантации клеток мозга у эмбриона от абортот в мозг больного лечить неврологические заболевания и т.д.

Итак, среди основных причин трансформации ФЕ можно выделить следующие: 1) экономия речевых средств; 2) поиск источников постоянной пассионарности, усиление которой способствует взаимодействию «между общественной и природными формами движения материи» [1, с. 447]; 3) стремление заполнить отвлеченную модель ФЕ конкретным содержанием; 4) способ установления особых коммуникативных связей между автором и читательской аудиторией (в последние годы значимость данной проблемы возросла, прежде всего, с точки зрения борьбы за читательское/зрительское внимание и влияния на сознание социума в целом); 5) трансформация ФЕ позиционируется как оперирование с уже готовыми языковыми блоками, с помощью которых можно формировать новые ситуативные «строения»; 6) трансформация ФЕ соответствует практически всем требованиям заголовка в газете.

Манифестация значимости речемыслительной деятельности индивидуума в процессе конструирования и восприятия фразеологической трансформы детерминирована его концептуальной системой и построением коммуникативного вектора при систематизации знаний индивидуума о мире, о себе, о своем положении в мире. Особенно ярко свойства речемыслительной деятельности человека обнаруживаются в особом порядке учреждения коммуникативных отношений, следующих от автора к читателю. Импульсом к восприятию и пониманию трансформиро-

ванной ФЕ является самооценка, самопроверка читателя/реципиента. Преобразованную ФЕ читатель в своем сознании соотносит с узальной формой, затем устанавливает «разницу» между ними, восстанавливая исходную ситуацию, далее соизмеряются обе формы, и строится умозаключение (прогноз) о последующем содержании статьи. Зародившийся в итоге конфликт между традиционной и новой «материей», пониманием, трактовкой ФЕ образует степень пассионарного эффекта заголовочной конструкции. Вообще конфликт между привычным и новым свойственен природе языка и осуществляется во времени: «Несмотря на кажущуюся логичность структуры и ясность законов, язык представляет собой весьма противоречивую динамическую систему, которая ощутимо меняется со временем» [3, с.10].

Трансформация данных традицией устойчивых единиц детерминируется как лингвистически, так и психологически: организация новых слов, терминов, названий, не может быть бесконечной и произвольной, мыслительный и интеллектуальный потенциал каждого индивидуума (хотя и при нарастающей технической, креативной т.д. деятельности) также имеют свои границы. Наиболее рациональным, обоснованным и целесообразным в этой связи видится пересмотр прошлого опыта, нацеленный на то, что новые явления могут именоваться уже имеющимися, но модернизированными словесными комплексами/фреймами. Развитие новых фреймов требует немалых творческих усилий, стараний и реципиента, и продуцента.

В процессе трансформации ФЕ применяется важнейший принцип трансляции информации - тема-рематические отношения, манифестированные спецификой речемыслительной деятельности индивидуума, при которой основная сложность в восприятии сообщения стоит в обратной зависимости от его новизны, поэтому продуцент, двигаясь от известного, посредством фразеологической трансформы дает читателю возможность для усвоения новой информации. Существующее разделение структурной и семантической трансформации ФЕ все же представляется условным, так как установить определенный вектор трансформации сложно, потому что реализация структурной трансформации способствует изменению семантики ФЕ и, наоборот, применение методов семантической трансформации определяет изменения и в структуре данных конструкций. Таким образом, отнесение трансформированной ФЕ к тому или иному способу модификации основывается на превалировании какого-либо способа в данном преобразовании.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. Этногенезис и биосфера земли. - СПб., 2013г. 672с.
2. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. -М., 1990. 152с.
3. Кузьмина Н.А., Амбросимова Е.А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени. -М., 2013. 256с.

THE RUSSIAN POET N. S. TIKHONOV'S CREATIVE AND FRIENDLY CONTACTS WITH THE AZERBAIJANI POET SAMAD VURGHUN

Kamran Kazimov,

Ph. D. on Philology, assistant professor, Lankaran State University

Кямран Казимов

АННОТАЦИЯ

Литературные и дружеские связи русского поэта Н.С.Тихонова и азербайджанского поэта С.Вургун

Видный русский поэт Н.С.Тихонов имел творческие и дружеские связи со многими поэтами и писателями Кавказа. Одним из таких поэтов является знаменосец азербайджанской поэзии XX века Самед Вургуна. В статье исследуются и литературные связи, и дружеские отношения этих поэтов, а также рассматриваются их роль в развитии русской и азербайджанской литературных связей

N.S.Tikhonov who was best known in the Soviet Russian poetry as a peace-seeker, had respect to Azerbaijan's literature, as well as to some of its poets and writers. One of these poets was our immortal poet, the leader of the Soviet-Azerbaijani poetry Samad Vurghun, whose poetry and personality were highly appreciated by N.S.Tikhonov. In his diary named "Pages from My memories" Tikhonov dedicated a certain part of it to the unforgettable days and meetings in Azerbaijan.

N.S.Tikhonov wrote: "S.Vurghun is an eternal symbol of life not only for me, but also for those who knew him. Vurghun's poems knew neither borders, nor directions. They flew to the North, South, East and West like birds. Vurghun's poems found their ways to the hearts of those who lived in Moscow, Leningrad and even abroad" (1).

N.S.Tikhonov had been to Azerbaijan many times. He was writing about Azerbaijan literature and culture with heart

of a poet, critic and publicist. One of his writings was dedicated to our immortal poet Samad Vurghun's personality and creative work. And this way the result of the great Russian poet Tikhonov's sincere attitude for Azerbaijan and its great poet S.Vurghun. Professor S.Q.Asadullayev wrote about this relationship: "This "Caucasian Russian" was a great friend of Azerbaijani people and Azerbaijan's literature and made friends with S.Vurghun personally" (2).

Tikhonov wrote about Vurghun as a national poet, as a classical poet of Soviet-Azerbaijani poetry and as a person. Whenever he wrote about Vurghun, Tikhonov connected him with Nizami. These genius poets bothered Tikhonov's

creative mind in positive way. Eight centuries separated two poets from one another. One of them is great thinker Nizami who lived and wrote in the XII century being presently known as Renaissance in the Eastern world. And the other one

is S. Vurghun who lived and wrote in the XX century being modern Renaissance epoch when science and technology progressed, and culture, poetry, education flourished. Both of these epochs were distinguished by their negative sides, such as bloody wars, political repressions. Both the positive and negative sides of these two centuries have become part of history. But over this historical precipice a poetic grandeur sparkles, profound philosophy and humane poetry stands. This poetry shows the right direction to the future generation of poets, becomes national property and enriches its moral treasury.

Our poetic peaks-Nizami and Vurghun's literary activity thrived from one root - from nation's talent and spirit. And nowadays creative works of these two geniuses are not considered the different historical stages of the literary process, but also considered to be the two peaks that are bound together and complement one another. Being respected figure in Soviet poetry Tikhonov accepted Nizami's and Vurghun's creative works this way, too. When Tikhonov wrote about Vurghun he either connected Vurghun's personality and poetry with Nizami, or compared their poetic traditions from historical predecessor point of view.

After having participated in Nizami's 800th anniversary Tikhonov dedicated an article called "Roads, footsteps" to Samad Vurghun, in which he united these two great men spiritually. Creating a special portrait of Vurghun, Tikhonov was

proud to write about him, as Vurghun was the first to write about such a thinker as Nizami. Tikhonov wrote: "Samad's thick eyebrows, his eagle – looking eyes, facial expressions betokened his great strength and fortitude. Who could be the first to write about Nizami other than him?! Wasn't it Vurghun who wrote very concisely about the bases of his creative work himself?! He considered Nizami to be his master" (3).

Now bronze monuments of these two great poets decorate Baku's different squares. Tikhonov said: "It's strange for me to think about Vurghun's monument which is standing in the center of a big park in front of a square. He looks with bronze eyes, and his bronze hands rest on his bronze chest. Underneath his feet there are written words expressing his love for his motherland. And this monument was sculptured by F. Abdurrahman – bayov who as well sculptured Nizami's monument. Ages and poets meet this way".

As it was mentioned above, Tikhonov said these words remembering the time he had spent during Nizami's jubilee. In that article Tikhonov further writes about the journey he made to Azerbaijan's different regions with Vurghun and

A. Fadeyev. Talking about the ceremonial jubilee highly pleased, Tikhonov called it a national holiday, a holiday of poetry and culture. He writes: "Great Nizami's holiday was just over, but the ceremonial jubilee's lively pictures were still in our thoughts... In Azerbaijan's young people we remembered Nizami's time. Verses were being recited about people who are in love". Among the participants and guests Tikhonov held two people apart in his mind. One of them was Alexander Fadeyev whom Tikhonov called "main guest", and the other one was Fadeyev's close friend and our prominent poet Samad Vurghun whom Tikhonov called "host of the celebration". Tikhonov considered: "Without any doubt, Vurghun was a national poet and he got the honour of introducing his master to the guests and the nation".

Tikhonov starts the story by describing the close friendship of two persons in ways that are accepted in Oriental poetry. Having great respect for poetry, Azeri people respected Fadeyev too. Tikhonov wrote: "He felt it, that's why he was pleased. He was tall, very quick and smiled heartily. He looked brave; he would look very nice if he dressed like Circassian. When Fadeyev was young he wore a black shirt, and a Caucasian silver belt. And he didn't do it in vain. His white hair sparkled his smile was tender and jingly. He smiled all the time".

Understanding Vurghun's great capability of an innovator, Tikhonov has created work in the context of Azerbaijan's poetic traditions. He describes Vurghun's poetic work by means of the latter's own poem:

Now nature every breath is here.

And also the name of everybody and everything.

Neither a poet nor an inhabitant of land.

Will exchange a handful of land.

Tikhonov wrote: "It's not an easy thing to find way into people's hearts in order to be famous in Azerbaijan, land of poets where such great poets as Nizami, Khagani, Vagif and others are highly appreciated and respected. Vurghun has shared all the griefs and troubles of his nation and gone through the revolutionary way that this people went. That's he had the right to say these words in a loud voice in one of his very well-known poems:

Who knows not you are mine,

You are my nest, my shrine,

My native land ever shines,

You are my heart, I am your son,

Azerbaijan, Azerbaijan.

So, this way Tikhonov opens the secret of Vurghun's innovation. Tikhonov describes Vurghun in a number of situations during their travels of different regions of Azerbaijan. He describes him as a poet, citizen, theorist, a close friend of hard – working country people, as a wise and modest man, passionate hunter and as a person who loves his motherland endlessly. Tikhonov created his character very sincerely, because he discovered all those qualities of Vurghun in real life experience. And their friendship became still stronger over the years that went by.

After Vurghun died Tikhonov recalled all his memories with him with pain on heart. Tikhonov created a real character of a hunter remembering the times when he went hunting with Vurghun: "When talking about my friendship with them I couldn't have helped mentioning the energy that they got if I didn't see them wear like hunters from head to feet, stepping forward without getting tired and leading the others behind them".

Tikhonov especially emphasizes Vurghun's ideas about "poetic character in poetry", "about national roots in literature" and "about great poetic heroes".

In his essay "Roads – footsteps" Tikhonov highly praises Azerbaijan's wonderful nature – its forests, rivers, Shamakhy's fields and mountains, Goychay, Ganja, Mingachevir, Shaki, Lankaran and the beauty of the river Kur. Tikhonov

Has created Vurghun's character who glorified Azerbaijan's fascinating nature and he proves his points by his friend's own poem:

Forest! Forest! You are indeed
Spring in summer and winter too.

You are what stops the wind

How kind you are!

Tikhonov also describes Vurghun as a unique person having great sense of humour and as a person being able to challenge his companion by recalling forgotten historical facts. "Vurghun is able to create a friendly atmosphere among his friends with these qualities" – Tikhonov says.

Tikhonov describes a scene about himself, S.Vurghun, A.Fadeyev and Georgian poet Sandro Shanshiashvili: "Samad Vurghun shouts in a loud voice looking with fake anger:

– Sandro, give back the gate!

Sandro understood the joke very well, but without imagining the real meaning of this joke he continued playing Samad's tricky game in a very professional way.

– Which gate shall I give back?! I don't have a gate. If you don't believe me, then go to the balcony and see it for yourself.

– If I had a gate, I'd have given it to you right away! What should I do? Where should I get it from?

– Samad answered swinging around spit like a sword:

– Give back the gate!

– Which gate do you mean, Samad?

– I mean the gate of Ganja. You came and took the gate away when there was a terrible earthquake and everything was destroyed.

– I haven't any gate away, my dear. I swear, I haven't. When has this happened?

– Samad laughed for Sandro's being confused and answered:

– Two hundred years ago.

They both laughed for acting out the scene well". Tikhonov's writings about Vurghun have attracted a number of critics' attention such as S.Asadullayev, M.Arif, K.Hasanov and so on. M.Arif wrote an article called "Nikolay Tikhonov" where he mentioned the two poets' friendship. "A lot of speeches have been delivered and a lot of articles written about S.Vurghun. But his pen-friend Tikhonov's article occupies a special place among the articles written. There's a special power in his article. His extraordinary ability of understanding Vurghun's poems, and ability of analyzing sensitively astonished even those who knew him from his childhood and those who research his life and work" (4).

Kamal Hasanov, researcher and scientist emphasizes Tikhonov's appreciation of S.Vurghun: "S.Vurghun and Tikhonov had been friends for long years. The former's death was loss for him. Tikhonov dedicated many articles to Vurghun and considered him to be the disciple of Nizami, Fuzuli, Akhundov" (5).

In autumn of 1975 "Soviet literature days" were held in Azerbaijan. This even was very important in terms of expanding relationships between nations. Tikhonov took an active part in this event, gave speech in front of the readers of Baku and Lankaran and even dedicated a number of poems to Azerbaijan's nature and its people. As Tikhonov traveled around our country and as he got to know its culture he thought of Azerbaijani nation, its culture and literature very highly. During "the literature days" in Baku S.Vurghun's house museum had been opened. Tikhonov participated in the opening ceremony, congratulated on behalf of the Soviet poets and called it "great event for our poetry". After stressing the nation's everlasting love for S.Vurghun he said: "We are happy to be the first to enter the poet's inspiration place. We are deep respect for the nation the cares about its poet and protects his memories" (6).

In the memories that Tikhonov dedicated to S.Vurghun's 70'th anniversary, he pointed out that Vurghun was "the classical poet of Soviet Azerbaijan poetry", "one of the prominent founders of poetry school in Azerbaijan", and "a person possessing a great heart and brave soul". Tikhonov expressed Vurghun's creative work in the following way: "Samad Vurghun has been the leader of the Soviet Azerbaijan poetry, great playwright, talented theorist and the organizer of literary process. He followed the traditions which were laid down by his genius predecessors and immortal masters such as Nizami, Fuzuli, Akhundov by creating a brilliant example of poetry" (7).

Besides, Tikhonov dedicated a number of poems to S.Vurghun. He expressed his thoughts in a poetic way in poem named "I remembered Samad Vurghun", also in essay named "Roads-footsteps". The poem consists of two parts. In the first part Tikhonov remembers his personal contact – meeting and hunting together with Vurghun. But in the second part he talks about meeting which took place in front of a bronze monument in the center of Baku. This poem is taught to pupils during Russian lessons at secondary schools. Tikhonov evaluated Vurghun's personality and creative work very highly. This was the result of their close friendship and their sharing common methods of writing. When writing about the principles of romantic poetry S.Vurghun said: "A romantic poet aggravates. He describes positive beginning of life consciously, often expresses the unusualness, and sometimes addresses to exceptional characters and events" (8).

These words have been taken from V.Soshin book dedicated to Tikhonov's creative work. According to it, we can say that Tikhonov learned the secrets of romantic poetic poetry from S.Vurghun as the other poets of other nationalities did.

Other researcher Y.Knipovich wrote that Tikhonov is one of those who brought "new Oriental characters to Occidental literature, avoiding the traditional Eastern and Western conflict in these works" (9). Researching these facts we can say that knowing of the features of national poetry helped the Russian poet Tikhonov to talk about Central Asian, Precaucasian and other Eastern nations, as well as Azerbaijani one.

Literature

1. N.Tikhonov. "Double rainbow", (in Russian), Moscow, 1964
2. S.Q.Asadullayev. "Nikholay Tikhonov about Samad Vurghun",
3. "Literary Azerbaijan" newspaper (in Russian), N 7, 2000.
4. N.Tikhonov. "Azerbaijan's notebook", Baku, 1979.
5. M.Arif. "Selected novels" (in Azeri), 3rd vol., Baku, 1967, page 416.
6. K.Hasanov. "Azerbaijan in Tikhonov's creative activity" book (in Azeri),
7. Baku, 1984.
8. "Friendsip song" book (in Azeri), Baku, 1978.
9. "Peoples and literatures brotherhood" book (in Azeri), Baku, 1981.
10. Soshin V.A "Poet of romantic heroism" (in Russian), Moscow.
11. E.Knipovich. "In proscenium", journal "Banner" (in Russian), 1969, №1

МИР КАК ХАОС В ФИЛОСОФИИ И ИСКУССТВЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ю. БУЙДЫ «ЕРМО»)

Карпова Василина Валерьевна

доцент, кандидат филологических наук, БФ ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Одним из ключевых понятий постмодернизма является «мир как хаос». Под хаосом понимается, прежде всего, такой тип, моделью которого может служить децентрированный текст. Хаос в философии постмодернизма не имеет сугубо отрицательной коннотации. «Постмодернистский хаос, - пишет И.С. Скоропанова, - самоорганизующийся (при определенных условиях), продуктивный, порождающий хаос. Это беспорядочная среда, обладающая потенциальной имманентной возможностью упорядочивания. Постмодернистское представление о хаосе противостоит традиционным теоцентристским и антропоцентристским детерминистским взглядам на мир, в котором возможны фиксированные смыслы и адекватное описание этих смыслов и отношений между ними..., а также - отождествление хаоса лишь с негативной по своему значению энтропией, бессмысленным началом бытия» [3, с. 42].

Хаос в постмодернизме отрицает не логос, а логоцентризм - он не позволяет утвердиться в качестве истины ни одной из созданных мировоззренческих систем. Таким образом, хаос утверждает плюралистичность. М.Н. Липовецкий пишет, что «постмодернизм воплощает принципиальную художественно-философскую попытку преодолеть фундаментальную для культуры антитезу хаоса и космоса, переориентировать творческий импульс на поиск компромисса между этими универсалиями. Диалог с хаосом, в конечном счете, в своем пределе, нацелен именно на такой поиск» [2]. Отказ постмодернистов от любой структуры приводит к тому, что текст строится по законам мира-хаоса. Хаос для постмодернистов - не страшный, разрушительный, а самоорганизующийся, порождающий. В мире-хаосе живут и звучат одновременно все эстетические системы и культурные коды. Диалог с хаосом нацелен на поиск одного общего, универсального «метаязыка, способного подчинить себе хаос многообразных культурных языков» [2], с одной стороны; а с другой, - на упоение животворящей, смыслообразующей свободой хаоса, в котором не может утвердиться в качестве истины ни одна из мировоззренческих систем.

Хаос в постмодернистском представлении - это не хаотичная беспорядочная среда, он обладает способностью смыслопорождения. Текст, строящийся по модели мира, также наделяется способностью множественного прочтения, текучесть истины проявляется в тексте на имплицитном уровне. Децентрированный постмодернистский текст изначально лишен единственной семантики, он принципиально не замкнут и представляет собой поле актуализации множасьихся потенциальных смыслов.

Шизофреническая личность, или гений, способен воспринимать мир-хаос и строить свой текст по его модели. Поэтому мир-текст и мир-хаос понятия синонимичные. Постмодернистский индивид с открытым сознанием слышит голоса разных культурных языков и воплощает их в интертексте. Кроме того, диалогическая, а вернее полилогическая, структура сознания художника заставляет его

вступить в диалог с хаосом. Смыслопорождение текста - результат такого диалога. Диалог с хаосом является принципом реализации любого постмодернистского текста.

Диалог с хаосом, как поиск равновесия между хаосом и космосом, вымыслом и реальностью, текстом и миром становится организующим началом романа Ю. Буйды «Ермо». Исследуемый «автором» писатель строит свое творчество на балансировании между сном и явью, жизнью и литературой. Через его творчество «автору» удается вступить в диалог с хаосом самому: «В своей последней книге «Als Ob» («Как если бы») (...) Джордж Ермо (Yermo) вновь возвращается к своей излюбленной теме, которую он начал разрабатывать еще в первом своем произведении - романе «Лжец» («You story!»): иллюзорность, выморочность, межеумочность человеческого существования в мире, где сон и явь той же природы, что и человек. Писателя всегда занимала проблема соотношения вымысла и реальности, искусства и действительности, и хотя в последние годы он не раз говорил с нескрываемым раздражением, что «как багаж коммивояжера невозможно представить без зубной щетки и дюжины презервативов, так и современную литературу - без зеркал, шахмат, лабиринтов, часов и сновидений», его самого игра притягивала с такой же силой, что и память сердца. Объяснение этому факту исследователи ищут в биографии писателя, русского по происхождению, американца по воспитанию, «венецианца скорее по мироощущению, нежели по месту жительства» [1, с. 10].

Космополит Ермо-Николаев открыт для хаоса бытия. Недаром Венеция, как город иллюзорности, зеркальности, прозрачности, входит в его жизнь. Точно также, как и Санкт-Петербург. Город, который стал мифическим в сознании любого русского человека, «умышленный» и «отвлеченный», как называл его Ф.М. Достоевский. Санкт-Петербург и Венеция, место начала и конца жизни писателя, определили мироощущение писателя: «Джордж Ермо, собственно Георгий Ермо-Николаев родился 29 августа 1914 года в Санкт-Петербурге, еще не переименованном из патристических соображений в Петроград, но уже переживавшем потрясения Первой мировой войны. Родился в городе, который некоторые называют северной Венецией, и прожил почти полвека в Венеции настоящей, - так что мы с полным правом можем сказать, что тема зеркальности вошла сначала в его жизнь, а уж потом - в творчество» [1, с. 13-14].

Наряду с зеркальностью, в творчество из жизни приходят и герои: «Полубезумная вспыльчивая мать Генри Слейтона из «Говорящих людей», «вечно не находящая себе места, в неряшливом халате с карманами, в которых непрестанно позвякивали пузырьки и флаконы с лекарствами - она принимала их не глядя, помногу, но без удовольствия, - с крупным белым носом, украшенным красными пятнышками от пенсне», - быть может, ее образ навеян детскими воспоминаниями о Лидии Николаевне,

пугавшей малыша Белым Карликом и панически боявшейся зеркал: цыганка предсказала, что в зеркале ей суждено встретиться со своей смертью» [1, с. 15].

Жизнь входит в литературу и на определенном этапе мир и текст начинают балансировать: «Свидания с нею (чашей Дандоло. – В. К.) бывали не каждый день. Иногда, уже дойдя до двери заветной комнатки, он вдруг передумывал и возвращался в кабинет. Что-то должно было случиться, чтобы час другой наедине с чашей стал полно прожитым временем. «Вещи нужно проживать так же тщательно, как мы пережевываем пищу, – лишь тогда они станут необходимой частью человеческой жизни, а не банальным антуражем, скрашивающим путешествие в ад» – эти слова произносит герой «Als Ob» – явный alter ego Георгия Ермо-Николаева. Чашу он проживал трепетно, жадно, эгоистично. Он смаковал ее, как хороший коньяк или женщину» [1, с. 40].

Тема творчества пронизывает весь текст, она важна для героя – Ермо, и для «автора» романа: «В английском языке слово «уагп» выступает в двух значениях: это «пряжа» и это «сюжет, история», а выражение «to spin уагп» (буквально – «пряхть») по-русски можно передать словосочетанием «рассказывать истории, плести сюжет».

С древнейших времен искусство повествования связывалось с вымыслом, преувеличением, наконец – с ложью. Не случайно русские литераторы в конце концов отказались от титула «сочинитель» в пользу пресного «писатель»: в русском языке «сочинять» – значит лгать. «Ну, насочинял! Ну, наплел!» – с усмешкой говорят фантазеру. Английская мама грозит пальчиком малышу: «You story!» – «Ах, мальчишка!» Рассказчик – story-teller – лжец, сочинитель. (...) Ничтожно малый элемент мира – книга – вбирает в себя весь мир, становится всем миром, наконец, замещает собою мир» [1, с. 58-59].

Мир-текст, таким образом, подменяет собою мир-хаос. Хаос, творящий, порождающий смыслы, требует интерпретации. Поэтому наряду с темой творчества в текст входит, и тема поиска означающих: «В литературе, которая предшествовала психологическому роману, писатель не стремился к осмыслению «душевного праматериала» (Юнг) при построении сюжета и характеров: произведение как бы истолковывало себя само, было самодостаточным, поскольку автора и читателя объединял общезначимый опыт. Автор же психологического романа относится к «душевному праматериалу» как к чему-то чуждому, требующему разъяснений. Читатель-читатель превращается постепенно в читателя-истолкователя, а любое истолкование остается в сфере Als Ob, в сфере предположений и догадок.

Рассуждая о двоичности (которая «принадлежит как области видимого, так и области невидимого»), Гумбольдт говорит, что «в самой сущности языка заключен неизменный дуализм» и «человек стремится, даже за пределами телесной сферы и сферы восприятия, в области чистой мысли, к «ты», соответствующему его «я»...» [1, с. 74-75].

Итак, литература входит в жизнь, подменяя ее собой. Отрывки из творчества Ермо-Николаева совпадают с «авторским» описанием его жизни: «Раз в месяц с юга к острову подходил катер со святым Георгием на флаге, на берег по мягко проседающему трапу спускался чуть сутулившийся старик в легком плаще до пят и шапочке вроде

армейской пилотки. На крытой галерее или в уютной комнате для свиданий, выходящей окнами в сад, они с Лиз молчали час-другой, иногда отщипывали ягоду от виноградной грозди, пока не являлся ангел-хранитель Лиз, следивший за тем, чтобы она не пропустила процедуры. Поцеловав жену в тщательно выбеленную щеку, Ермо отправлялся к катеру» [1, с. 140-141]. Примерно такое же описание свиданий старика с женой мы находим в цитируемом романе Als Ob, о котором Ермо писал: «Действие? Действие разворачивается там, где звуки речи пытаются облечь смыслы языка – и нередко терпят поражение, – <...>. – Точнее других выразился в этой связи русский поэт Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь». Мы обречены, однако, вечно стремиться к тому, чтобы преодолеть пропасть между Логосом и речью, этой бледной тенью идеальной реальности, тенью – единственным нашим достоянием... – И далее: – Люди слышали, и большинство даже понимало, что хочет сказать Иисус из Назарета, тем не менее язык его был темен для всех, пока он не зазвучал с вершины Креста. Быть может, впервые мысль, язык и речь, утратив естественные перегородки, слились в некое новое целое, так потрясшее людей, что эхо того потрясения мы слышим до сих пор, и оно, вызывая тоску по утраченному, время от времени побуждает людей искать пути к новой целостности...» [1, с. 142].

Художник обречен на поиск смысла, на поиск правильной интерпретации мира-хаоса, наделенного Логосом, а не логоцентризмом. И в этом смысле художник обречен на вечное возвращение, как графoman Палисандр, герой Саши Соколова, на вечные инкарнации. Именно поэтому Ермо, а вместе с ним «автор» романа, подменяя жизнь литературой, начинает строить её по эстетическим законам: «Он участвовал почти во всех карнавалах, зачастую – в роли некоего патриарха, освещающего действо: вечером под занавес праздника открывали изукрашенные ворота палаццо Сансеверино и на набережную выезжала старинная карета, запряжённая шестернёй в сопровождении герольдов с гербами Ермо и Сансеверино на груди и спине, с полицейским эскортом, в глубине кареты, обложенный кожаными подушками, набитыми конским волосом, покачивался старик в лиловом бархате и горных мехах, в золотой маске безо рта, но с прорезями-полумесяцами для глаз, – патриарх, благословляющий всю эту шуштуру смешную, что кривлялась на улицах и площадях города святого Марка, – сухая ладонь золотой рыбкой выплывала из темноты экипажа, и этот жест давно стал одним из непременных символов или знаков праздника прощания с мясом...» [1, с. 168-169]. Так строит жизнь Ермо-Николаев и герой его романа, цитата из которого открывает произведение.

Таким образом, коррелятивная пара «хаос-космос» в постмодернизме приобретает другие, не иерархические отношения. Хаос – это не отсутствие смысла, а смыслопорождение множественности Истины. Хаос, преодолевая логоцентризм, отрицает однозначность и предполагает множественность интерпретаций текста. Диалог с хаосом является основополагающей стратегией постмодернизма, наряду с диалогизмом и интертекстуальностью. Хаос и текст сливаются воедино в процессе диалога художника с миром-хаосом. Хаос организуется по эстетическим законам, а текст, в свою очередь, наполняется хаосом. Творя-

щий хаос, врываясь в текст, наполняет его дополнительными оттенками смысла. Текст становится также смыслопорождающим. Диалог «автора» с миром-хаосом является одним из условий смыслового бессмертия текста.

Список литературы

1. Буйда Ю.В. Ермо // Буйда, Ю.В. Скорее облако, чем птица: Роман и рассказы. М.: Вагриус, 2000. – 444 с.

2. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики // <http://philosophy.ru/library/misc/lipovecky.html>
3. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. - М.: Флинта; Наука, 2000. – 607 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ИКТ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Кайдашева Галия Гатауовна

Преподаватель русского языка и литературы, Уральского колледжа газа, нефти и отраслевых технологий, Г.Уральск, Западно-Казахстанская область, Республика Казахстан

Процессы обновления системы образования, целью которых является поиск наиболее эффективных форм её функционирования, связаны с целым рядом тенденций, определяемых современной действительностью.

Модернизацию образования невозможно представить без применения информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Именно они являются одним из важнейших инструментов обеспечения доступности образования, именно они обуславливают эффективность всех процессов школьной жизни от обучения до воспитания.

Долгое время я скептически относилась к применению ИКТ на уроках, считая, что они урезают роль учителя на уроке, а на уроках литературы нужно воспитывать и развивать эмоциональную сферу ребёнка, а не «технотизировать» его личность. Но постепенно, начиная делать первые шаги в освоении компьютера, поняла, как я заблуждалась. Теперь компьютер мой первый советчик и помощник.

Стремительное развитие общества, распространение мультимедийных и сетевых технологий позволяют расширить возможности использования ИКТ на уроках в современной школе.

Использование ИКТ при обучении учащихся общеобразовательным предметам ведёт к повышению качества образования. Практика показывает, что дети с большим успехом усваивают учебный материал, если в урок включаются ИКТ, более значимой становится роль ИКТ в плане интеллектуального и эстетического развития обучающихся, формируется их информационная культура, которая так необходима учащемуся для его будущей жизни, расширяется духовный, социальный, культурный кругозор детей.

В.Г. Белинский говорил: «Без стремления к новому нет жизни, нет развития, нет прогресса». Слова эти сказаны очень давно. Тогда о компьютерных технологиях никто и не помышлял. Но, мне кажется, эти слова о нём, о современном учителе, об учителе, который стремится вперёд, который готов осваивать всё новое, инновационное и с успехом применять в практике своей работы.

Минимальная оснащённость кабинетов, из оборудования на уроке – тексты, учебник, тетрадь, в лучшем случае, разрезные карточки для индивидуальной работы, часто старенькие репродукции или иллюстрационный ма-

териал к художественным произведениям. Как это знакомо? Теперь на уроках многих учителей это картина из прошлого. В настоящее время на помощь учителю пришли ИКТ, которые дают возможность оживить урок, вызвать интерес к предмету, лучше усвоить материал.

Чтобы организовать качественное использование ИКТ на уроке необходимо учителю иметь достаточную подготовку в области использования средств ИКТ, а также должную мотивацию по переводу учебного процесса на современный уровень.

Мне в этой области пришлось работать в нескольких этапах:

1. Овладение компьютером на уровне пользователя (самообразование).
2. Прохождение краткосрочной курсовой подготовки в областном ресурсном центре по теме «Создание сетевого информационного пространства педагога»
3. Участие в работе дистанционного областного семинара по данной теме.
4. Обучение использованию сети Интернет в учебном процессе (теоретическая подготовка). Изучение специальной литературы.

И, самое главное, моими учителями очень часто были мои ученики. Не секрет, что они сегодня компетентнее во многих вопросах, касающихся компьютерной техники. Мы учились вместе – учили друг друга!

Своими основными целями и задачами при обучении русскому языку и литературе я определила такие пункты: повышение мотивации обучения, развитие познавательной активности учащихся, стимулирование самостоятельности учащихся при подготовке к урокам, воспитание у учащихся познавательной активности через умение работать с дополнительной литературой, используя возможности компьютера и Интернета, выработка умения самостоятельно анализировать, отбирать главное, а затем использовать на уроке, повышение эффективности урока, развитие мотивации, применяя ИКТ.

Информационные технологии не только облегчают доступ к информации, открывают возможности вариативной учебной деятельности, её индивидуализации и дифференциации, но и позволяют по-новому, на более современном уровне организовать сам процесс обучения, построить его так, чтобы ученик был бы активным и равноправным его членом.

Внедрение ИКТ на уроках русского языка и литературы позволили мне реализовать идею развивающего обучения, повысить темп урока, сократить потери рабочего времени до минимума, увеличить объем самостоятельной работы, как на уроке, так и при подготовке домашних заданий, сделать урок более ярким и увлекательным. Именно ИКТ позволили мне вместе с моими учащимися погрузиться в другой мир, увидеть языковые и литературные процессы другими глазами, стать их участниками. Компьютер обладает достаточно широкими возможностями для создания благоприятных условий для работы по осмыслению орфографического и пунктуационного правила.

В своих презентациях к урокам русского языка и литературы я использую разнообразные формы наглядности в виде таблиц, схем, опорных конспектов, предлагаю ученикам некоторые из них дополнить или создать одну из недостающих частей, давая тем самым целевую установку в начале урока. Кроме того, я демонстрирую не только статичную информацию, но и различные языковые явления в динамике с применением цвета, графики, занимательности, «оживления» иллюстраций.

Построение схем, таблиц в презентации позволяет экономить время, более эстетично оформлять учебный материал. Задания с последующей проверкой и самопроверкой активизируют внимание обучающихся, формируют орфографическую и пунктуационную зоркость. Использование кроссвордов (иногда их придумывают мои учащиеся сами и предлагают использовать на уроке), иллюстраций, рисунков, занимательных и обучающих тестов, воспитывают интерес к уроку, делают урок интереснее.

В качестве домашнего задания я предлагаю найти учебный материал в Интернете, подготовить презентацию.

Очень часто в свои уроки литературы я вставляю видеоролики из электронных учебников, музыкальные произведения, созданные на слова стихотворений поэтов, творчество которых изучается. Так, под музыкальное сопровождение проходят мои уроки по творчеству С.А.Есенина, А. Фета, Тютчева и других.

Не секрет, что в наше время ученики не очень любят читать. Как же познакомить их с содержанием программных произведений? Здесь приходят на помощь диски с записями фильмов по их мотивам. Конечно, на уроке нет времени посмотреть фильм в полном объеме, но отдельные эпизоды всё же можно использовать и сопоставить с авторским текстом, тем самым включить в анализ литературного произведения даже слабоуспевающих учеников, а ещё заинтересовать им ребят, предложив фильм для домашнего просмотра. Так, мои учащиеся в полном объеме просмотрели дома фильм Сергея Бондарчука «Война и мир» и новую версию этого фильма, совместный проект -Франция и Россия, фильм «Бесприданница» и её современную версию «» Позже на уроках их обсуждение вылилось в бурную дискуссию о их достоинствах и недостатках.

В течение нескольких лет я создаю домашнюю видеотеку, её материалы часто использую на уроках литературы. Показав один из эпизодов фильма по одноимённому произведению А.С.Пушкина «Барышня-крестьянка», я сумела заинтересовать детей творчеством поэта так, что в течение нескольких дней в школе после уроков устраивались сеансы по просмотру фильмов по произведениям А.С.Пушкина, на них приходили дети из других классов.

Помню, какую бурю впечатлений в детстве вызывало посещение театра! Именно там, а не на уроках литературы в школе мы узнавали творчество Гоголя, Островского, Грибоедова, Чехова. У нас была такая возможность! А у моих учеников такой возможности нет! ИКТ и здесь приходят на помощь! Прочитать драматическое произведение это одно, а увидеть его на сцене – совсем другое. Теперь на уроке литературы есть возможность познакомиться с театральными постановками великих драматургов. На урок пришёл «Ревизор» Н.В.Гоголя, «Гроза» Н.А.Островского, «Вишневый сад» А.П.Чехова. Не жалею времени на просмотр пьес в полной версии!

Интернет пришел на урок! И вот мы уже в Ясной Поляне, бродим по толстовским местам или слушаем экскурсовода в музее С.А.Есенина в селе Константиново, читаем дневники М.А.Булгакова.

Хочешь проверить свои знания. Опять на помощь придёт Интернет. «Штурмем» тесты ЕНТ! Никто не сомневается в объективности компьютера – оценит быстро и точно, укажет на ошибки, над которыми позже можно будет поработать.

А как Интернет облегчил подготовку докладов и рефератов. Именно здесь можно быстро найти биографический и фотоматериал.

Хочу привести несколько примеров использования средств Интернета на своих уроках. Сразу отмечая, что чаще всего я использую их на этапе самостоятельной подготовки учащихся к урокам. В процессе работы я поняла, что, прежде чем предлагать задания с использованием Интернета, необходимо соблюдать следующие требования:

- в процессе постановки учебной задачи должны быть упомянуты, а лучше в письменном виде предложены сайты, рекомендованные для выполнения данного задания. На самом деле – это достаточно сложно, так как из всего многообразия предлагаемой информации нужно выделить и выбрать только самое главное и необходимое – «отделить зёрна от плевел»;
- прежде чем предлагать задание ученикам, связанной с использованием не только Интернета, но и любой ИКТ, первоначально самому учителю, хотя бы эскизно представлять, что в результате он должен получить;
- нацелить обучающихся на трудоёмкость выполнения задания, предупредить о неожиданностях, с которыми они могут встретиться в процессе работы над ним;
- обеспечить достаточный ресурс времени для выполнения задания (я его предлагаю примерно за 1-3 недели до планируемого проведения урока, иногда больше);
- предупредить учеников о критериях оценивания работы;
- показать практическую значимость выполняемого учащимся задания, упомянув о том, что их работы могут потом использоваться как учебные пособия на уроках в других классах. Здесь же я чаще всего даю понятие об авторском праве, а после того, как ученик сдал работу прошу разрешения для её использования;
- список тем для подобного вида работ лучше предложить заранее перед изучением большой темы, творчества конкретного писателя, чтобы у учащегося было право выбора;
- программа реализации задания Word, PowerPoint;

- объём работы.

Предлагаю несколько видов работ, которые могут выполнить ученики с использованием средств сети Интернет:

1. Поиск рецензии на какое-либо литературное произведение, творчество поэта или писателя определённого литературного направления.
2. Создание мультимедийной презентации по теме.
3. Подбор картинок или фотографий по теме с комментариями к ним.
4. Подбор тематических или наиболее понравившихся стихотворений поэтов, творчество которых будет рассматриваться на предстоящем уроке.
5. Подготовка словарной работы. В Интернете сейчас есть разнообразные словари, справочники, энциклопедии. В сельских библиотеках не всегда можно найти необходимый материал.
6. Создание докладов и рефератов по теме. Это далеко не самый лёгкий вид работы. Хорошо продуманный и обсуждённый с учителем материал доклада, сопровождаемый иллюстрациями, таблицами на слайдах вполне может заменить лекцию учителя. Я предпочитаю работу в содружестве – «учитель – ученик»: доклад ученика + презентация учителя, часто вместе с учащимися находим готовые презентации к урокам в Интернете и используем их.
7. После самостоятельной работы со средствами Интернет я предлагаю наиболее удачные работы оценить и учителю информатики, поэтому ученик может получить сразу две оценки за качественно выполненное задание. А за создание исторической галереи по роману «Война и мир» учащиеся могут получить оценки ещё и по истории.

Ещё я использую Интернет для подбора музыкального сопровождения к урокам литературы. Не очень часто, но всё же необходимый материал можно найти. Романы на стихи Сергея Есенина, Ф. Тютчева, которые редко можно найти на CD дисках неоднократно в этом учебном году звучали на наших уроках.

Ещё один из приёмов применяя ИКТ на уроках русского языка и литературы – это использование электронных учебников.

Программа комментирует правильность ответа сообщениями: «гениально», «вундеркинд», «ещё подумай» и т.д.. По завершению компьютер оценивает ученика баллами – 100 % -«5», 90 % -«4», 80 % -3. В награду за хорошие результаты откроется страница «Перемена», где можно прочитать школьный анекдот или интересную историю из жизни знаменитых людей. Урок заканчивается,

а желание поработать с учебником остаётся – дети приходят для этого в компьютерный класс после уроков.

Мой опыт работы обучения орфографии и пунктуации при помощи компьютера говорит об эффективности данной технологии, что, мне кажется, объясняется следующим:

- ученик работает активно и самостоятельно;
- изменяется форма контроля знаний: ученика контролирует компьютер, тщательно проверяя и сразу же оценивая работу;
- применяется индивидуализация и дифференциация обучения: парные виды работы сочетаются с групповыми и индивидуальными;
- у ученика вырабатывается умение работать соблюдая тишину, не мешая другим, развивается его коммуникативная культура;
- формируется иная, чем на традиционных уроках, культура поведения учителя - он наблюдает за ходом работы, оказывая помощь только в случае необходимости, поощряя самообразование и саморазвитие детей.

Несомненно, достичь хороших результатов помогло, в том числе, и внедрение в практику моей работы ИКТ.

Использование ИКТ на каждом уроке, конечно, не реально, да и не нужно. Компьютер не может заменить учителя и учебник, поэтому эти технологии необходимо использовать в комплексе с имеющимися в распоряжении учителя другими методическими средствами. Необходимо научиться использовать компьютерную поддержку продуктивно, уместно и интересно.

Современный педагог обязательно должен научиться работать с новыми средствами обучения хотя бы для того, чтобы обеспечить одно из главнейших прав ученика – право на качественное образование.

Библиография

1. Бабич И.Н.. Новые образовательные технологии в век информации \ Материалы XIV Международной конференции «Применение новых технологий в образовании». – Троицк: Фонд новых технологий в образовании «Байтик». – 2003. – с.68-70.
2. Леведь И.Н. «Афоризмы великих о...». Москва: «Дрофа».2007. с.12, 34.
3. Н.Баловсяк «Видеосамоучитель создания реферата, курсовой, диплома на
4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Под ред. Е.С. Полат. - М., 2000.

ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЗМА В ВОЕННОЙ ЛИРИКЕ Г. ПЛИЕВА

Хамикоева Луиза Автандиловна,

аспирантка кафедры русской и осетинской филологии Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ (Россия),

Будтуева Зарема Яновна,

Студентка Б-АН 1 курса факультета лингвистики Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ (Россия)

THE PROBLEM OF PATRIOTISM IN MILITARY LYRICS OF G. PLIEV

Hamikoeva Louise, a graduate student of the department of Russian and Ossetian philology North-Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz (Russia)

Budtuyeva Zarema Yanovna, 1st year student, group BAN, the Faculty of Linguistics of North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz (Russia)

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются лирические произведения Гриса Плиева в соотносительности с атмосферой военных лет, которая способствовала освобождению и раскрепощению творческой мысли поэта. Поэзия Гриса Плиева свойственна глубинная верность психическому складу, художественному мышлению родного народа и нравственным устоям его национального характера.

ABSTRACT

The article explores the lyrical works of G. Pliev in correlation with the atmosphere of the war years, which contributed to the liberation and emancipation of creative thought of the poet. Poetry of Gris Pliev is characterised by deep loyalty to psychological makeup, artistic thinking of the native people and the moral principles of its national character.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная лирика, монолог, патриотизм, национальный характер
Keywords: Great Patriotic War, the military lyrics, monologue, patriotism, national character

В осетинскую литературу в конце 20-х и в начале 30-х годов пришло целое поколение молодых прозаиков, поэтов, драматургов. Одним из самых крупных представителей этого поколения являлся поэт и драматург Грис (Григорий) Дзамболатович Плиев.

В начале Великой Отечественной войны Г. Плиев ушел на фронт и прослужил в армии до 1947 года. Он участвовал во многих боях и был награжден тремя боевыми орденами и медалями.

Лирика Плиева очень содержательна, тематика ее разнообразна. Но у каждого поэта бывают темы, наиболее близкие его сердцу, душе, темы, где наиболее полно раскрывается его талант. Таковыми для Гриса являются война и искусство.

В нашей работе мы остановимся на теме войны. Талант поэта закалился на войне, освящен трагизмом войны.

Стихотворение «Поэма о победе» («Уæлахизы кадаг») было первым военным стихотворением поэта. Это был призыв к битве, клятва, слова, дающие надежду. В нем противопоставлялись ненависть и любовь, насилие и свобода, трус и герой, бесславие и слава. Произведение показывает благотворный свет свободы и опасные последствия рабства. Но в нем еще не было войны как таковой, не было мук и боли, которые несет с собой война, оно написано на высоких риторических интонациях.

Зæххыл рæсугъд цæрынаг фидар

Дыууæ стыр ныфыс ис лæгæн:

Фыдыбæстæ æмæ сæрибар, -

Циу цард æнæ сыхах? – Ингæн [1. с. 15].

На мотивах набата и призывов построено и стихотворение «Цом, фæцæуæм» («Пойдем»):

Уæ, ма хæлар, рабад, райс дæ гæрзтæ! –

Нал ис бирæ сагъæстæн рæстæг, -

Сиды, хъус-ма, сиды нæм нæ бæстæ,

Сау фыдгул æрбабырста хæстæг [1. с. 9].

Автор этого стихотворения, а, следовательно, и его лирический герой, еще не видел истинного лица войны, еще не ощутил дыхания смерти, поэтому легко, можно сказать даже, вдохновенно говорит о войне. Герой стихотворения осознает лишь, что настал час испытаний и он, не задумываясь, четко понимая свой долг, во весь рост встает на битву с заклятым врагом.

Но вот он ощутил на себе все тяготы и лишения военной жизни. В стихотворении «Фæраз, салдат» («Терпи, солдат») перед читателем предстает такая картина:

Арвæй хур нæ зыны,

Бантъиснаг и бон.

Уары зæгъ... дæ быны

Уæрмы смал и дон, -

Де ‘фцæгготыл уайы,

Сæрды йæ цыфæй...

Ницыуал уæлдай и

Сыджытæй, дæуæй.

Цæстытыл фæлладæй

Хуыссæг тых кæны.

Иу дæ сæр ма цадаей

Портийæу зыны [1. с. 23].

Стихотворение «Ныстуан» («Завещание») – это обращение поэта к своему читателю, в котором он определил свою позицию: он пишет о войне без прикрас, без героической патетики, он как будто спорит с теми, кто не ощутил на себе реалий войны:

Ныббар, фæлæ, уæд мауал фенон амонд:

Кæд иутæм каст хæрз хъæлдзæг аргъæу хæст,

Уæддæр дзы мах нæ дзыллæйы сæраппонд

Уытæм зынтæ фыдхызæмар æрмæст [1. с. 8].

Солдат Г. Плиева – не просто воин, а гражданин, мыслитель и поэт. Как гражданин, он защищает свою страну, свой народ его свободу, честь и достоинство. Как мыслитель, он сознает всю сложность причин и целей войны, ее характер, ее всемирно-историческое значение, понимает ее как войну двух идеологий двух типов морали, будущего и прошлого, рабства и свободы гуманизма и мракобесия. Как поэт, он чувствует тонко и мужественно всю меру страданий в жестоком единоборстве свободного народа и кровавых захватчиков.

Именно эта глубина и сложность характера, внутреннего мира солдата дают особую привлекательность военной лирике Г. Плиева. Идет бой «не ради славы, ради жизни на земле», поэтому в раздумьях солдата большое место занимает противопоставление жизни и смерти. Поэтому так естественно и чуждо сентиментальности звучат заключительные строфы о «солдатских слезах», о слезах солдата-победителя:

Салдат ныджджих и, бацыд дисы:

Зæххыл цы дисæгтæ и, цы!

Цыма æцæг уой, æви – фыны?

Йæ зæрдæ байдидта кæрзын,

Æмæ йæ цæстытæн сæ быны

Дыууæ егъæу сыджы фæзынд [1. с. 34].

Говоря о теме патриотизма в лирике Г. Плиева нельзя не отметить один важный момент. Поэт и его лирический герой, идя на поле брани, поклялись себе и своему народу, что не покроют позором ни себя, ни свой осетинский народ («Хæцæны»):

Æгад нæ фæкæндзынаг хæсты

Рæсугъд ирон дзыллæйы ном [1. с. 29].

Отечество поэта - весь Советский союз, но Родина его - Осетия, поэт любит и уважает все народы, но дороже всех для него — его осетинский народ. Он защищает всю страну, но, прежде всего, думает о славе и чести своего народа, он держит ответ, прежде всего перед ним. Если бы было иначе, патриотизм Поэта был бы ложным, пафосным. И ярким доказательством тому является стихотворение «Акъоппы» «В окопе»:

Уарзын саг, адджын æфсымæрты уарзтæй,
Райсин сæ сæрыл мæлæт.

Фæлæ «ирон лæппу басгуыхт!» - куы 'рхæссы
Исчи нæ карз хæстæй цау -

Зæрдæмæ хицæн цыдæр рухс ныккæсы,
Уалдзыгон хуры тынау [1. с. 25].

Хрестоматийным, программным произведением является и монолог «Солдат», давший название книге, вышедшей в 1948 году.

Это необыкновенное произведение - является центральным во все поэзии Плиева. В нем в виде системы отражена вся военная философия поэта, его художественные образы дышат жизнью, поэтическая мысль его свободна и крылата. Именно в этом произведении осетинское слово показало всю свою силу, мощь, естественным образом здесь слились поэтическая фантазия и правда жизни.

Войну уничтожает народы, разрушает, разоряет города, села, еще больший вред - это моральный урон. Война будит в людях худшие стороны: жадность, злобу, склонность к насилию. Совсем другими были последствия Великой Отечественной войны. Наш народ вышел из нее закаленным, чистым. Патриотическая война и Победа дали людям надежду, разбудили в них жажду жизни, усилили советский гуманизм. Эти обстоятельства Плиев показывает разносторонне, показывает оптимизм народа:

Уалдзæгмæ зымæджы сæрты кæсын,
Æмæ зарæг мæ зæрдæйы зæлы.

Лирический герой Плиева сердечный и красивый душой человек. Война не смогла потушить огонь любви в его сердце. Солдат Свободы радуется жизни. Бой утих и солдат видит красоту природы. Солдат плачет - и это не признак слабости, это свидетельство красоты чувств. Воин - защитник высоких идеалов - и на войне остался гуманистом. Он видит побежденного врага и жалеет его - это свойство доброго, щедрого сердца. Теперь он не воин, он - строитель новой жизни. Но в час опасности он готов снова одеть шинель и встать на защиту отчего дома:

Фæлæ та знаг куы кала маст мæ цыныл,
Йæ ныхмæ мын уæд амынд у бынат:

Фæстæмæ та ыскæндзынæн мæ цинел
Æмæ та ног фæцæудзынæн салдат [1. с. 8].

И многие годы спустя тема войны не отпускала Гриса Плиева. Миллионы советских людей отдали свои жизни на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них, конечно, были и сыны Осетии. Многие семьи отправили на войну по трое, четверо, пятеро и даже семеро воинов. Среди них были пять братьев Каллаговых, пять братьев Дигуровых, семь братьев Кобегкаевых и многие-многие другие... Грис Плиев нашел нужную поэтическую форму для того чтобы показать подвиг семи братьев Газдановых. Его баллада «Семь черкесок» («Авд цухъхъайы») стала поистине народной.

Семеро сыновей Осетии, мало того, семеро сыновей одной матери, отдали свои молодые жизни во имя

мира, свободы. Но и подвиг матери ничуть не меньше. Автору удалось очень колоритно передать это горе, тяжелые думы. Художественные возможности баллады безграничны, они объединяют эпические и лирические средства. С их помощью автору удалось трагедию матери и сыновей поднять на уровень высокой поэзии.

Особое место в балладе занимает образ матери. Много красивых слов и глубоких мыслей было сказано с незапамятных пор о матери, о беззаветной материнской любви, о ее готовности отдать жизнь за детей... Безграничную любовь матери смог показать и Грис Плиев. Он создал удивительный, яркий образ.

Баллада пронизана идеей патриотизма. Семеро молодых осетин погибли в разных краях нашей страны. Старший - а Севастополе, второй - под Москвой, место гибели третьего осталось неизвестным, четвертый погиб в сражении на Кавказе, близнецы сгорели в танке, а младший дошел до Берлина и сложил свою голову там...

Мах хæларæй радтам бæстæн

Авд æфсымæрæй нæ цард [9. с. 180].

Оценивая военную лирику Плиева в одном ряду с произведениями поэтов - современников, Н. Джусойты пишет: «В осетинской поэзии военных лет немало великолепных стихотворений Гафеза, Б. Муртазова, Х. Калоева. Р. Асаева и др., но поэзия Г. Плиева как бы воплотила в себе лучшие черты военной лирики и явилась ее вершинным достижением» [11. с. 334]. Война сыграла огромную роль в становлении Плиева-поэта - «она сделала более обстоятельным его поэтический опыт, расширила его мировоззрение, выразительней и ярче стала его поэтическая палитра».

Военная лирика Гриса вся пронизана размышлениями трагического напряжения. Воин - жителю не находит в душе примирения между тем, что он должен совершать ежедневно и совершает в силу необходимости, и тем, что является сутью его характера, его психологии, его мироощущения и идеала. И если солдат находит в чем утешение, так только в том, что данное состояние всего лишь эпизод в его настоящей судьбе. Правда, он сознает, что для него лично война может оказаться последним событием в недолгой жизни, но это не меняет соотношения вещей. Война - общенародное бедствие и проблемы ее решаются в масштабе общенародной судьбы. Отдельные жизни, сложившиеся трагически, - та великая жертва, которую народ приносит во имя «жизни на земле» вообще.

Грис никогда не рекламирует свою национальную принадлежность. Чувство национальной гордости - обязующее чувство. Свою любовь он выразил, как и подобает художнику, отношением к языку своих произведений. Мало кто из современных осетинских поэтов может соперничать с ним в богатстве и чистоте языка, в разнообразии стилистических возможностей, открытых им в родном языке и блистательно реализованных в целом ряде произведений. Родной язык он рассматривает как святое оружие, предназначенное для поэтического подвига. Вторая черта национальной самобытности поэзии Гриса Плиева - глубинная верность психическому складу, художественному мышлению родного народа и нравственным устоям его национального характера. Третья черта национальной самобытности поэзии Плиева заключается в естественной преемственности национальной художественной тради-

ции Гриса Плиева. Он весь пронизан любовью, сокровенным знанием и тончайшим чувством осетинской художественной культуры в самом широком смысле слова.

Нация живет и развивается лишь тогда, когда ценит по достоинству своих лучших представителей.

Одним из виднейших, ярчайших представителей нашего народа был и будет поистине народный поэт Грис Плиев. Известный журналист Хазби Цгоев писал о нем: «Если бы Грис написал только книгу «Солдат», он бы оказал неоценимую услугу осетинскому народу, его имя бы обязательно осталось в истории осетинской литературы; если бы он написал только трагедию «Чермен», было бы то же самое; то же было бы, напиши он лишь драматическую дилогию «Сослан Царазон»; и если бы он всего лишь перевел на осетинский язык произведения Шекспира, не говоря уже о других его переводах, имя его навеки было бы вписано в историю осетинской литературы». Невозможно переоценить тот вклад, который внес Грис Плиев в сокровищницу осетинской литературы, осетинской культуры.

Список литературы

1. Ардасенов Х. Базырджын азы поэт // Мах дуг. 1963. № 10. - С. 92-94.
2. Асаева Н., Бежаева Ф. Литературоведческие термины. Краткий словарь (для учащихся 5-11 классов). Владикавказ: Орион, 2012. - 90 с.

3. Булкаев М. Наш учитель и наставник // Рæстдзинад. 1993. 19 марта.
4. Джикаев Ш. История осетинской литературы (1917-1956 годы): Учебное пособие для студентов филологического факультетов СОГУ и ЮОГУ.- Владикавказ: Ир, 2002. - 463 с.
5. Джикаев Ш. Ныхасы фарн: Зонадон уацтæ æмæ эссе. - Дзауджыхъæу: Ир, 1996. - 284 ф.
6. Дзусова Б.Т. Национальный речевой этикет – важнейший компонент духовной культуры осетин. Владикавказ. Изд-во СОГПИ, 2009.- 106
7. Казиев (Казиты) М.Р. История осетинской литературы. 1 книга. Владикавказ: Изд-во «Орион», 2013.- 484 с.
8. Кантемирова Р.С. Хрестоматия по осетинской литературе, 10 класс. Владикавказ: Изд-во «СЕМ», 2012.- 544 с.
9. Плиев Г.Д. Атака: Стихотворения, поэмы, баллады. - М.: Менеджер, 1995. - 216 с.
10. Плиев Грис и литературный процесс. – Владикавказ: Ир, 2013 – 328 с.
11. Плиев Грис. Писатели. Сост. Нафи Джусойты. – Владикавказ: Ир, 2013. – 295 с.
12. Царазон Сослан: Пьесæтæ. - Владикавказ: Ир, 1993. - 606 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Кудайбергенова Жанат Мукановна, Белеуханова Корлан Магауяновна
Егубаева Гульстан Базевна*

*Преподаватели кафедры русского и иностранных языков Государственного медицинского университета г. Семей,
Республика Казахстан*

Термин «концепт» относится к эпохе средневекового концептуализма, основоположниками которого были Т.Гобс, П.Абеляр, У.Окам и другие.

Актуальность использования термина «концепт» связана с развитием когнитивного направления в психологии, в языкознании и появлением специальных дисциплин: когнитивной психологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики. Как известно, существенный вклад в развитие когнитивистики внесли исследования зарубежных ученых: Ж.Р.Андерсона, Т.Р.Андерсона, Л.В.Барсалоу, Б.Шварца, С.Шифера, С.Стила, Р.Джекендорфа, Дж.Лакоффа и др. В связи с современной антропоцентрической научной парадигмой этот термин как центральная единица активно развивающейся когнитивной лингвистики актуализировался, но ввиду сложности данного феномена до сих пор не получил однозначного определения. Попытки более емкого определения данного термина отмечаются в работах российских лингвистов: С.Аскольдова, Д.С.Лихачева, Р.М.Фрумкиной, Ю.С.Степанова, Е.С.Кубряковой, Н.Н.Болдырева, В.Н.Телия, В.И.Карасика, В.В.Колесова, З.Д.Поповой, И.А.Стернина, А.П.Бабушкина, Г.Г.Слышкина, С.Г.Воркачева, Г.И.Берестнева, Л.О.Чернейко и многих других. И это не случайно, поскольку лингвокогнитивные исследования наиболее активно ведутся в американской и российской

лингвистике. Представляется уместным в этой связи привести одной из первых определений концепта, данное в 1928 году С.А.Аскольдовым в статье «Концепт и слово»: «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, 1997:269].

Социальные, культурные, духовные, этнические концепты представляют собой интерес для семантического анализа, поскольку именно они дают наиболее интересный материал для осмысления картины мира носителей данного языка, национального менталитета.

Концепт, репрезентируемый в русском языке словом дружба весьма важен для сознания русского человека, тяготеющего к соборности, к слиянию с другими людьми.

Дружба – одна из самых важных ценностей в человеческих отношениях, будучи сложным переплетением социальных, нравственных, психологических аспектов, реализуется в коммуникации людей. Многие социологи и психологи обращались к изучению дружбы. Известно, что образ дружбы изменяется в зависимости от «духа» эпохи, доминирующей в ней культуры, например, рыцарская дружба – верность; у гуманистов дружба ассоциируется с совместной радостью и весельем; сентиментализм создает образ чувственной дружбы, способной разделить радость

и скорбь; романтизм культивирует интимную дружбу; в новое время дружба приравнивается к товариществу, т.е. сотрудничеству, участию в общем деле. Современности присуща тенденция к установлению множества кратковременных дружеских связей. Следовательно, понятие дружбы исторически изменчиво и отражает динамику в развитии социума.

В России культ дружбы связан с историческими процессами, происходящими в стране. Фактический интерес к дружбе в царской России в большой степени подтверждает представление, согласно которому отсутствие политической свободы может значительно способствовать развитию и сохранению тесных отношений между людьми. В связи с этим позволим себе обращение к классической литературе. Так, прославление дружбы в поэзии А.С.Пушкина непосредственно связано с политическим противостоянием царскому деспотизму и жадой свободы. Дружба – божественный дар, ниспосланный на землю:

И я слышал, что божий свет
Единой дружбою прекрасен,
Что без нее отрады нет,
Что жизни б путь нам был ужасен,
Когда б не тихой дружбы свет.

В этих строках заложено характерное для XIX века понимание дружбы как братского союза людей, освященного Богом.

Дружба сейчас часто связывается с другим важным чувством, возникающим между людьми – любовью. Дружба может сопровождать любовь, а порой даже переходить в нее:

Эти хребты нам сулили и радость и беды,
Издавна звали нас, чтобы мы их прошли.
Эти снега нас не раз приводили к победам,
А иногда приводили от дружбы к любви.

Дружба затрагивает самые сокровенные, интимные стороны человеческой жизни, поэтому часто расценивается людьми как неконтролируемое чувство, подобное страсти:

Не ревновать и не клясть,
В грудь, призывая – все стрелы!
Дружба! – Последняя страсть
Недосожженного тела.

В XX веке значение дружбы в жизни общества возросло. Советская система, ужесточившая политическое давление на своих граждан, только усилило важность дружбы в России. Именно потому, что публичная жизнь русских находилась под пристальным надзором и люди часто не могли себе позволить быть откровенными с большинством людей, дружбе придавалось большое значение. Дружба – это единственная часть жизни, в которой люди сами делают свой выбор. Человек часто не может выбирать в политике, литературе, работе. Всегда кто-то сверху влияет на его выбор. Но с друзьями не так. Друзей он выбирает сам.

При тоталитарном режиме понятие дружба актуализировалось в связи желанием большинства людей выразить загнанные внутрь чувства тем, кому можно довериться. Г.Марков, советский писатель, считал дружбу одним из «наивысших украшений человеческой жизни» и говорил, что «ее благотворное влияние на человека подобно любви». В данном высказывании тонко подмечена суть дружбы, потребность в которой ощущается в любом обществе.

Мы видим, что в русском языковом сознании сложилось неоднозначное, порой даже противоречивое понимание дружбы.

В рамках когнитивно-лингвистического исследования, лишь небольшим фрагментом которого является данная статья, нам необходимо выявить и проанализировать средства объективации данного концепта в русском языке, чтобы попытаться раскрыть содержание концепта в русском национальном языковом сознании.

В структуре данного концепта выделяются этические, социальные, психологические и лингвистические аспекты феномена, что помогает обозначить свойства и признаки дружбы. В частности, в социальном аспекте обращается внимание на такие модусы дружбы, как равенство, верность, прочность, бескорыстие и др. В рамках этического аспекта можно выделить признаки дружбы, данные в оппозиции: возможность – невозможность, безобидность – вред, корысть – альтруизм. В рамках психологического аспекта важным являются причины и цели дружбы, роль эмоций в генезисе дружбы. Лингвистический аспект подразумевает описание вербальных средств выражения дружбы. Как уже отмечалось, концепт дружба многоаспектен и отличается разнообразием, что отражено в пословицах, поговорках, афоризмах и в различных литературных произведениях. Паремология, вобравшая в себя особенности национального менталитета, национальную культуру и многовековую историю народа, является благодатной почвой для концептуальных исследований.

Как известно, лингвокогнитивное исследование концепта начинается с установления значения основной лексемы, репрезентирующей его в языке. Так, в рассматриваемом концепте основными лексемами, представляющими рассматриваемый концепт в русском языке – «дружба», являются следующие: дружок, приятель, товарищ, спутник, подруга, кореш, наперсник, побратим, брат. Концепт представлен также производными словообразовательными единицами, обозначающими:

1. лиц (дружок, подруга);
2. качества (дружелюбный, дружеский, дружный);
3. действия (дружить (-ся), подружить (-ся), сдружить (-ся);
4. состояния (дружно).

Однако значение слова обычно представляет в языке лишь часть концепта. Получить о концепте более полное представление, выявить дополнительные присущие ему признаки можно путем анализа парадигматических связей основной лексемы – репрезентанта, особенностей ее употребления, а также путем изучения устойчивых единиц языка, включающих данный репрезентант – фразеологизмов, пословиц, поговорок.

Своеобразные «эталоны» концепта «дружба» выявляются при наблюдении за лексической сочетаемостью. Так, например, можно сказать «друг детства», «друг юности», но невозможно «друг зрелости». Отсюда следует вывод, что одним из «эталонов» настоящего друга является в сознании говорящих длительность дружбы. Весьма частотное сочетание «настоящий друг», но невозможно «настоящий приятель». Друг и приятель может быть «закадычным», но не товарищ. Отсюда следует, что степень эмоциональной близости – тоже один из важных эталонов концепта.

Распространенное выражение «будь другом» (сделай для меня то-то или то-то) указывает еще на один признак – друг, это тот, кого можно попросить об услуге.

Интересно пронаблюдать и за синтаксическими формами выражения концепта. Замечено, что в последнее время характерная для слова товарищ конструкция с предлогом по (по оружию, по институту и т.д.) распространилась и на слово друг. Стало возможным употребление сочетаний типа «друг по даче», «по гаражу» и т.п. Это может служить свидетельством стирания четких границ между понятиями друг, товарищ и приятель в сознании людей.

В говорах сохраняется значение понятия друг в номинации супругов (ср. дружка «каждый из супругов по отношению друг к другу» Курск. [СРНГ, 1972, 212]; дружина «жена» Курск. [СРНГ, 1972, 214]; дружка 2) одно из двух лиц, связанных какими-либо отношениями (дружбы, супружества и т.п.): молодой женатый парень, новожен; невеста, жена. Волог., Калуж., Влад. [СРНГ, 1972, 217]), как обозначение приятеля, товарища, т.е. значение присущее этому слову в современном русском литературном языке «друг» «В формах мн. ч. друговья, дружевья, дружья, друзевья, «друзья» Костром. [СРНГ, 1972, 206]; другиня «подруга» Тул. [СРНГ, 1972, 209]; дружишушка «ласк, друг, товарищ, супруг» Смол. [СРНГ, 1972, 213]). Для русской культуры дружба - это 1) «друг, подруга» Акм., 2) «дружеская услуга, дружеский поступок». || Дружба учинить. Оказать дружескую услугу, поддержку Смол. [СРНГ, 1972, 212] (ср. дружить и дружить 1) проявлять дружбу, оказывать, дружеские услуги, поддержку; угождать || дружить «помогать кому-либо» Волог., Нижегород., Салтр. [СРНГ, 1972, 214-215], то есть сохраняются значения, характерные для старославянского языка, где друг мыслился прежде всего как товарищ по работе (дружность «дружба, единодушие, взаимная поддержка; слаженность»). Дружность обязательна должна быть на работе и в семье. Урал. [СРНГ, 1972, 218]).

Интересно отметить, что лексема друг в русских говорах выступает как дублет слова любимый, возлюбленный (ср. дружень «возлюбленный; любовник»: У каждой девки есть дружень. Пек. [СРНГ, 1972, 212]; дружинка «подруга, возлюбленная» Вят. [СРНГ, 1972, 214]; дружиночка «уменьш.-ласк. к дружина; возлюбленный, возлюбленная; милый, милая» Арх. [СРНГ, 1972, 214]; дружник «то же, что дружень»: Да у ей дружник есть, так она замуж собирается. Новг. [СРНГ, 1972, 218]).

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о том, что концепты дружба и любовь довольно глубоко освоены русским языком. Их судьба в истории русского языка, логика выстраивания их смыслов свидетельствует о глубоком интересе человека к сфере межличностных отношений и доказывает, что концепт

дружба в некоторых своих значениях является частью концепта любовь.

Экстралингвистическую информацию о содержании концепта содержит его интерпретационное поле, которое отражается в пословицах и поговорках, афоризмах. Проанализировав массив русских пословиц, посвященных дружбе, мы выделим ряд установочных суждений, содержащих понимание русским народом понятия «друг». Приведем пример: Друзья познаются в беде (пословица) восходит к разным античным источникам и встречается у различных писателей древности: Энния («Гекуба»), Эврипида («Гекуба», «Орест», Петрония, цитируется (по Эннию) Цицероном, в частности, в трактате «Лемит». Аналогичные мысли выражены многими народными пословицами в разных языках, встречаются также в Ветхом завете: «Если хочешь приобрести друга, приобретай его по испытанию и не скоро веряйся ему. Бывает друг в нужное для него время, и не останется с тобою в дни скорби твоей».

Рассматривая степень разработанности исследуемой проблемы в аспекте ее актуальности, следует отметить, что при всем многообразии лингвокогнитивных исследований проблема концептуальной организации социокультурного феномена дружба в русском до сих пор не была предметом специального изучения. Можно констатировать отсутствие работ, в которых рассматривался бы весь комплекс языковых средств вербализации концепта дружба в языках разной типологии и национальных культур; анализировался бы как лексикографический, так и текстовый материал; выявлялись бы разноуровневые (функциональные, ситуативные, гештальтные) элементы концептов; концепт интерпретировался бы как ядерно-периферийная структура. Вышеизложенное позволяет утверждать об актуальности проблем выявления универсального и национально специфического в вербализации концептов, способствующих экспликации ценностной ориентации русской лингвокультурной общности.

Список литературы

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под ред. проф. В.П.Нерознака. – М., 1997. – С.269.
2. Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ КРИСТОФЕРА ПАОЛИНИ «ЭРАГОН»

Кудрявцева Елена Анатольевна,
Студент ИФМК КФУ, г. Казань
Варламова Елена Валерьевна

Канд. филол. наук, доцент кафедры германской филологии, г.Казань

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются способы перевода фразеологических единиц с английского языка на русский язык в произведении жанра фэнтези. Фразеологические единицы, употребляемые в данном жанре, ранее не подвергались детальному изучению. Жанр фэнтези характеризуется содержанием фразеологических единиц, которое требует тщательного исследования с точки зрения перевода.

ABSTRACT

This article is devoted to the ways of translating phraseological units from the English language to the Russian language in compositions of the fantasy genre. Up to now, there has been insufficient research on phraseological units, used in this genre. The fantasy genre is characterized by certain units which require a careful analysis in terms of translation.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеология, способы перевода, перевод, эквиваленты, аналоги, калькирование, фэнтези.

Keywords: phraseological units, phraseology, ways of translation, translation, equivalents, analogues, loan translation, fantasy.

Фразеология – лингвистическая дисциплина, изучающая фразеологические единицы и фразеологический состав языка [4, с. 33]. Использование фразеологических единиц (далее – ФЕ) как в устной, так и в письменной речи делает язык более выразительным и экспрессивным. Перевод ФЕ являет собой одну из самых привлекательных и сложных проблем в рамках современной теории перевода. Трудность перевода ФЕ объясняется сложностью их семантической структуры.

Многообразие фразеологизмов, которое встречается в текстах англоязычной художественной литературы, а в особенности способы их перевода обратили на себя внимание отечественных лингвистов, среди которых А.В. Кунин, В.В. Виноградов, Н.Н. Амосова, В.Н. Комиссарова, Е.Ф. Арсентьева, В.П. Жуков и другие.

Данное исследование посвящено определению способов перевода ФЕ в романе Кристофера Паолини «Эрагон» (2003 г.). Кристофер Паолини – американский писатель, автор тетралогии «Наследие» (2003-2011 гг.) в жанре фэнтези. Роман «Эрагон» является первой книгой тетралогии. Его Кристофер Паолини написал в возрасте пятнадцати лет. Сначала роман был издан семьей писателя в 2002 году на личные средства малым тиражом, но популярности не приобрел. В 2003 году издатель Альфред Кнопф опубликовал роман. Произведение сразу приобрело популярность. За одну неделю было распродано 250 тысяч экземпляров книги. В общей сложности роман переведен на 37 языков.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что перевод фразеологических единиц до сих пор является не до конца изученной проблемой. Новизна заключается в том, что исследование способов перевода ФЕ в произведениях современной детской литературы в жанре эпического фэнтези является малоизученным аспектом.

Объектом исследования послужил роман Кристофера Паолини «Эрагон» (перевод на русский язык И.А. Тогоевой (2005 г.)). Предметом исследования стали 127 фразеологических единиц, выявленных в тексте произведения. ФЕ были выбраны методом сплошной выборки. При идентификации ФЕ мы пользовались ресурсами «Англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина, McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs, Cambridge Idioms Dictionary, American Heritage Dictionary of the English Language.

Исследуя способы перевода ФЕ в произведении Кристофера Паолини «Эрагон», мы обратились к классификации, предлагаемой Е.Ф. Арсентьевой. Е.Ф. Арсентьева выделяет следующие типы межъязыковых соответствий:

1. Фразеологические эквиваленты (совпадение ФЕ в языке-рецепторе с ФЕ в языке-источнике по смыслу и образу):

- 1.1. Полные эквиваленты (тождественны по семантической структуре, образной основе, компонентному составу, структурно-грамматической организации);
- 1.2. Частичные эквиваленты (характеризуются незначительными расхождениями компонентного и морфологического состава в плане выражения ФЕ тождественной семантики).
2. Фразеологические аналоги (выражают одинаковое или близкое значение ФЕ, но характеризуются полным различием или приблизительным сходством внутренней формы):
 - 2.1. Полные аналоги (допускают расхождения в компонентном составе, грамматической структуре и образной основе);
 - 2.2. Частичные аналоги (имеют значительное расхождение на всех уровнях и практически являются промежуточным звеном между полными аналогами и безэквивалентными ФЕ)
3. Безэквивалентные ФЕ (ФЕ, не имеющие соответствий во фразеологической системе другого языка) переводятся с помощью:
 - 3.1. Описательного перевода (семантика ФЕ передается с помощью словосочетаний, развернутых описаний; подбор переводческих эквивалентов проводится способами калькирования и дескриптивно);
 - 3.2. Лексического перевода (ФЕ языка-источника имеет семантическое соответствие в языке-рецепторе в виде отдельной леммы или набора лемм);
 - 3.3. Комбинированного перевода (ФЕ может быть переведена как с помощью отдельных лексем, так и с помощью словосочетаний, развернутых описаний) [1, с. 97-120]

Однако классификации способов перевода ФЕ составляли и другие исследователи, такие как А.В. Кунин, В.Н. Комиссаров, А.О. Жолобова и т.д. К примеру, А.В. Кунин выделяет шесть основных способов перевода ФЕ: полный фразеологический эквивалент, частичный фразеологический эквивалент, калькирование, буквализм, окказиональный перевод, описательный перевод [4, С. 45-46]. Однако именно классификация Е.Ф. Арсентьевой представляется нам наиболее учитывающей семантический, структурно-грамматический и компонентный уровни ФЕ.

Попытаемся применить данную классификацию к способам перевода английских ФЕ на русский язык в романе Кристофера Паолини «Эрагон».

Перевод ФЕ полным эквивалентом

Фразеологизм «Between a hammer and an anvil» имеет значение «Между молотом и наковальней» [7, с. 345], «with the choice between two unpleasant or distasteful options» [10]

"I warned you that I wouldn't go to the Varden, but you went ahead and trapped me between a hammer and an anvil!" [6, p. 367]

"А я ведь давно предупреждал тебя, что к варденам ни в коем случае не собираюсь, но теперь по твоей милости оказался между молотом и наковальней!" [5, с. 464]

В данном примере представлена моноэквивалентная ФЕ, совпадающая лексически, грамматически, образно и стилистически. У переводчика не возникло трудностей при переводе, так как данные ФЕ полностью совпадают по форме и образу в обоих языках.

Перевод ФЕ частичным эквивалентом

Идиома «Catch one's breath» переводится как «Перевести дух, дыхание, отдышаться» [7, с. 108] и имеет толкование "to struggle for normal breathing after strenuous activity" [10].

"It won't happen again," assured Eragon, bending over to catch his breath" [6, p. 191]

"Я больше не буду, - пролепетал немного испуганный Эрагон, с трудом переводя дыхание" [5, с. 248]

В данном примере ФЕ, переведённая на русский язык, является частичным эквивалентом. Различие заключается в том, что английская ФЕ содержит компонент, характерный для английского языка, - местоимение "one's". Компоненты "catch" и "переводить" не совпадают в значении. Английская ФЕ, выраженная в тексте оригинала инфинитивом, переводится на русский язык дееспричастным оборотом. Таким образом, данная ФЕ является частичным эквивалентом, имеющим морфологические различия (в компонентном составе и в структурно-грамматической организации).

Данная ФЕ в романе встречается не один раз. Примечательно, что переводчик каждый раз переводит её по-разному. Например:

"He ran for over a mile before he had to stop and catch his breath" [6, p. 259]

"Еще прибавив скорости, он пробежал примерно милю, окончательно выдохся и вынужден был остановиться" [5, с. 334]

В этом примере ФЕ переведена дескриптивно, и это придаёт более экспрессивный и эмоциональный характер предложению.

Следующий пример показывает другой способ перевода.

"His breath caught as he looked into the Shade's face" [6, p. 297]

"Дверь отворилась, и у Эрагона перехватило дыхание: перед ним возникло лицо шейда, более всего похожее на маску Смерти" [5, с. 378]

Здесь переводчик для передачи семантики английской ФЕ воспользовался другой русской ФЕ – "перехватить дыхание". Данные ФЕ можно считать полными эквивалентами, так как они характеризуются аналогичным лексическим составом, грамматической структурой, образностью и стилистической направленностью.

Перевод ФЕ полным аналогом

Фразеологизм «Twiddle one's thumbs» имеет значение «Сидеть сложа руки, бить баклуши» или «бездельничать, лодырничать» [7, с. 759], «to have nothing useful to do while you are waiting for something to happen» [9].

"Sparring, practicing magic, or sitting around twiddling my thumbs aren't good options right now, so I choose to ride" [6, p. 283]

"Фехтовать, осваивать магическую премудрость, драться наконец – но не сидеть на месте, ковыряя пальцем в носу!" [5, с. 361]

ФЕ являются полными аналогами, имея различия в компонентном составе, морфологии, а также в стилистической окраске. Так, в русской ФЕ появляется конструкция предлог + существительное "в носу", которой нет в английской ФЕ. Также при переводе в русской ФЕ появляется существительное "палец", которого нет изначально в русской ФЕ. Стоит отметить морфологическое различие. Слово "thumb" в английской идиоме употребляется во множественном числе, тогда как в русской ФЕ слово "палец" в единственном.

Перевод ФЕ частичным аналогом

"The room was chilly; goose bumps formed on his arms and shoulder" [6, p. 90]

"В комнате было холодно; голые руки и плечи тут же покрылись мурашками" [5, с. 119]

ФЕ «Goose bumps» имеет значение "a prickly feeling related to having bumps

on one's skin due to fear, excitement, or cold» [10], а в русском языке имеет соответствие «гусиная кожа» [7, с. 327].

В русском предложении вариант перевода, предложенный словарем А.В. Кунина, не является уместным, поэтому переводчику пришлось прибегнуть к использованию фразеологизма-синонима. Приведённые ФЕ имеют различия на структурно-грамматическом и компонентном уровнях, однако схожи на семантическом уровне. Их можно назвать частичными аналогами.

Безэквивалентные способы перевода ФЕ

1. Описательный перевод при помощи калькирования

Фразеологизм «Woe unto you» переводится на русский язык как "Ни дна вам на покрывахи!" в значении "будьте вы прокляты!", "вам плохо придется", "пеняйте на себя" [7, с. 829]. В английском языке имеются следующие значения данного фразеологизма:

1) used to express the wish for someone to experience misfortune;

2) used as a warning or allusion to negative consequences [8].

"If he, in all his wisdom, were to withdraw that support, woe unto you!" [6, p. 28]

"Но если он в милосердии своем все же лишит вас своего покровительства – тогда горе вам!" [5, с. 40]

ФЕ "woe unto you" является авторской трансформацией ФЕ "woe betide you". Данный способ перевода сохранил структурно-грамматическую организацию, компонентный состав, а также семантический уровень ФЕ, которые остаются в основном неизменными. Переводчик решил использовать дословный перевод, дабы показать настроение и правильно описать эмоции, с которыми была произнесена приведённая идиома.

2. Описательный перевод свободными конструкциями (дескриптивный перевод)

Идиома «Stand a chance» переводится как «иметь шансы» [7, с. 139] и толкуется как «to have a chance of doing something» [10].

Данная ФЕ в тексте произведения встречается неоднократно, и переводчик каждый раз переводит её по-разному:

1. "What chance did the old man stand?" [6, p. 114]

"Интересно, на что он рассчитывает?" [5, с. 150]

2. “And you’re right; you wouldn’t stand a chance against Galbatorix” [6, p. 252]

“И ты совершенно прав: у тебя нет ни малейших шансов на победу в схватке с Гальбаториксом” [5, с. 325]

Переводчик перевел данную фразеологическую единицу максимально близко к её значению, пытаясь сохранить эмоциональное воздействие на читателя.

3. Лексический перевод

ФЕ «clear like a crystal bell» является авторской трансформацией двух ФЕ “clear as crystal” и “clear as a bell”. Произошло слияние двух раздельнооформленных ФЕ в одну ФЕ.

Первая идиома «Clear as crystal» имеет значение «прозрачный как кристалл; кристально чистый; четкий, ясный» [7, с. 188], «very clear, transparent» [10].

Вторая идиома «Clear as a bell» переводится «ясно, отчетливо» [7, с. 75], и толкуется как «very clear, as with the sound of a bell» [10].

“It was not fuzzy and filled with pain as he had anticipated, but lucid and clear, like a note from a crystal bell” [6, p. 338]

“Она отнюдь не была полностью поглощена своими физическими страданиями, как ранее предполагал Эрагон, мысли ее были ясными и прозрачными” [5, с. 428]

В связи с отсутствием эквивалентного фразеологизма в русском языке, переводчик постарался максимально правильно и убедительно передать значение используемой фразеологической единицы и её образное выражение, не уступающее подлиннику по яркости.

В данной исследовательской работе мы выделили 7 основных способов перевода фразеологических единиц:

- 1) Полный эквивалент
- 2) Частичный эквивалент
- 3) Полный аналог
- 4) Частичный аналог
- 5) Описательный перевод (с помощью кальки, дескриптивно)
- 6) Лексический перевод
- 7) Комбинированный перевод

Рассмотрев все способы перевода обнаруженных фразеологических оборотов в романе, мы провели анализ с целью определения наиболее употребляемого способа перевода ФЕ в данном произведении. Анализ ФЕ показал следующие данные: не переведённые ФЕ (11) составили 9% от общего числа ФЕ, полный эквивалент (4) – 3%, частичный эквивалент (7) – 5%, полный аналог (3) – 2%, частичный аналог (5) – 4%, описательный перевод (76) – 60%, лексический перевод (21) – 17%. Проведённый анализ позволил определить, что наиболее употребительным способом перевода ФЕ в романе Кристофера Паолини

«Эрагон» является безэквивалентный (описательный и лексический) перевод. Это объясняется тем, что автор произведения употребил наибольшее количество тех ФЕ, которые не имеют соответствий в русском языке. Однако всё чаще встречаются примеры ФЕ окказионального образования, полученные путем калькирования при переводе. Они не являются фразеологизмами в русском языке, но в дальнейшем имеют шанс войти во фразеологический фонд, так как довольно часто употребляемы. Примером из романа могут служить следующие ФЕ: sands of time – пески времени, time will settle everything – время все расставит по своим местам. Примеры комбинированного перевода не были выявлены, так как переводчик предпочел выбрать один способ перевода.

Список литературы

1. Арсеньева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (На материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в англ. и рус. языках) / Е. Ф. Арсеньева. Казань: Изд-во Казан. КН-та, 1989. – 123с.
2. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Изб. Труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. - С. 118 – 161.
3. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М.: Изд-во Международ. Отношения, 1972. – 288 с.
4. Кунин А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Кунин. М., 1964
5. Паолини К. Эрагон: Роман. Пер. с англ. И. А. Тогоевой. М.: РОСМЭН, 2015. – 640 с.
6. Paolini C. Eragon (Inheritance; bk. 1)/ C. Paolini/ NY.: Alfred A. Knopf, 2003. – 514 p.
7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Издание 4-е. М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
8. American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition. NY: Houghton Mifflin Harcourt Trade, 2011. - 2112 p. [Электронный ресурс - www.thefreedictionary.com]
9. Cambridge Idioms Dictionary, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 519 p. [Электронный ресурс - www.thefreedictionary.com]
10. Richard A. Spears. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. NY: McGraw-Hill, 2002. – 1098 p. [Электронный ресурс - www.thefreedictionary.com]

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ МЕСТОИМЕНИЙ В ПОВЕСТИ А.И.КУПРИНА «ОЛЕСЯ»

Лобачева Марина Игоревна

студентка 4 курса Южного Федерального университета,

Шейко Елена Владимировна,

к.ф.н., доц. кафедры теории языка и русского языка, г. Ростов-на-Дону

Прагмалингвистика – филологическая дисциплина, область лингвистических исследований, которая является самостоятельным разделом коммуникативной лингвистики. Центральный объект данной науки - речевой акт, а

объект - отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве. [3, с. 4]

Один из методов прагмалингвистики – контент-анализ. Данный анализ подразумевает, что с помощью количественных характеристик можно выявить истинные мотивы и мысли автора или героя. [2, с. 6]

Для анализа прагмалингвистических особенностей была выбрана повесть И.А.Куприна «Олеся».

Сравним показатели «Олеся» и «Автор».

1) Семантико-прагматический репрезентант [1, 273] категории «Свой–Чужой»: эксклюзивность – ориентация говорящего на себя, на свои мысли, желания, на свое прошлое и будущее. На языковом уровне «эксклюзивность» представлена, прежде всего, формами личного местоимения «я» и притяжательного местоимения «мой».

Во время первой встречи молодые люди сразу обратили друг на друга внимание. Олеся была смущена, потому что они жили с бабушкой в глуши, люди их сторонились, даже боялись. А молодой человек проявил интерес, завязал разговор. Автора в свою очередь привлекла непохожесть красавицы из леса на других деревенских девушек. Оба молодых человека довольно часто используют личное местоимение «я» в своей речи. Каждый говорит о своих чувствах и переживаниях, эмоциях, намерениях. Олеся употребляет «я» 157 раз и 34 раза «мой»: «Ну, уж я б ни за что не променяла своего леса на ваш город. Я и в Степань-то приду на базар, так мне противно сделается... И такая меня тоска возьмет за лесом...», «Помнишь, я тебе говорила про трфовую даму? Ведь эта трфовая дама – я, это со мной будет несчастье, про что сказали карты...»

Автор применяет местоимение «я» 102 раза и местоимение «мой» 6 раз: «Я ни урядник, ни писарь, ни акцизный, словом — я никакое начальство...», «Я слабею, у меня голова кружится, я не ручаюсь за себя...».

Однако если сравнить показатель частотности, то он у обоих молодых людей практически одинаков: 0,051 к 0,056. Следовательно, и Олеся, и молодой человек используют в своей речи относительно одинаковое количество местоимений «я». Они оба направлены на самих себя, свои мысли в равной степени.

2) Семантико-прагматический репрезентант категории «Свой – чужой»: инклюзивность [1, 274]. «Эксклюзивность» тесно связана с «инклюзивностью» – включенностью в свою личную сферу. Сюда входит то, что говорящий считает важным, существенным для себя, с чем он в какой-то мере себя отождествляет. Языковыми репрезентантами этого компонента оказываются в первую очередь формы местоимений «мы» и «наш». «Эксклюзивное» вместе с «инклюзивным» фактически формируют ядро ЛИЧНОЙ СФЕРЫ говорящего – это «мое Я» и то, что я связываю или отождествляю с собой.

Олеся в своей речи примерно в три раза чаще, чем автор, употребляет местоимение «мы» или «наш»: 0,0105 к 0,006. Однако девушка не подразумевает под «мы» себя и молодого человека. Практически на протяжении всего повествования она говорит о себе и своей бабушке. «Чего же нам бояться? Волки сюда не заходят», «А мы разве трогаем кого-нибудь! Нам и людей не надо». Используя местоимение «мы» для обозначения себя и своего возлюбленного, она описывает настоящее, развивающиеся отношения между ними. Однако Олеся понимает, что будущего у них нет, и не строит никаких надежд и планов, девушка живет сегодняшним днем, наслаждается своей влюбленностью. «Нам надо проститься с тобой, Ванечка»,

«Только... видишь ли... не судьба нам вместе быть... вот что!.. Значит, не хочет судьба нашего с тобой счастья...»

«Ничего нам, кроме горя, не будет...» Стоит отметить, что все использования данного местоимения имеют место в отрицательном контексте: проститься, нельзя, не судьба, ничего, что также подчеркивает настроение Олеси по поводу совместного будущего, а именно его невозможность.

Молодой человек, в отличие от Олеси, видит совместное будущее и под «мы» в своей речи подразумевает себя и девушку. «Мы с тобой вместе прочитаем много хороших книжек, познакомимся с добрыми, умными людьми, мы с тобой весь широкий свет увидим, Олеся... Мы до старости... будем идти рука об руку...».

Он искренне считает, что Олеся сможет жить с ним в городе, научиться манерам, правилам хорошего тона. Но автор «видит все в розовом цвете», он не понимает, что его желаниям не суждено сбыться, что Олеся не сможет жить в городе, постоянно находиться в обществе, не сможет оставить бабушку.

3) Семантико-прагматический репрезентант категории «Свой-чужой»: чужое [1, 275]. Свое, личная сфера противопоставлены чужому. Наиболее очевидные представители этого компонента – формы личных местоимений «он, она, оно, они», а также притяжательных местоимений «его, ее, их».

Так как основные диалоги в повести происходят между двумя главными героями, то оба в своей речи под местоимениями «он», «она», «оно» подразумевают третьих лиц. Олеся использует местоимения 3-го лица, рассказывая, например, о своих способностях, упоминая деревенского мужика, потусторонние силы: «Трофим... в позапрошлом... удавился, а я его только за два дня перед тем видела и тогда же сказала бабушке: «Вот посмотри, бабуся, что Трофим на днях дурной смертью умрет», «Как же я посмею в церковь показаться, если уже от самого рождения моя душа продана ему.... Да вы посудите сами: кто же нам помогает, как не он? Вся наша сила от него идет...»

Молодой человек употребляет местоимение «она» и его формы, упоминая в разговорах с Олесей ее бабушку: «Чего же она боится?», «Значит, она много видела на своем веку? Откуда она родом? Где она раньше жила?».

Также в 3-ем лице автор говорит об уряднике: «Почему же он раньше позволял тебе жить...?», о людях из деревни, о которых рассказывает Олеся «Что же ты видишь у него в лице? ... Отчего же ты ему не сказала, что его беда ждет?», а также в беседе с девушкой о церкви и ее нежелании и боязни там появляться: «Ты думаешь, что бог не примет тебя? Что у него не хватит для тебя милосердия»

4) Семантико-прагматический репрезентант категории «Свой–Чужой»: «Я» и «Ты» (Говорящий и Собеседник) [1, 276]. Еще одно измерение категорий Свой–Чужой и Личная сфера – отношение между говорящим и слушающим – «Я и Ты». Очевидными репрезентантами этого отношения в тексте оказываются личное местоимение «вы (ты)» и его притяжательный аналог «ваш (твой)».

С первой встречи автор называет девушку на ты. Возможно, автор хотел расположить Олесю к себе, но, с другой стороны, девушка младше по возрасту и ниже по социальному статусу, вероятно, и это могло послужить причинами для такого рода обращения. «Ты, пожалуйста, не тревожься, ... я никакое начальство. Даю тебе честное

слово», «Какая ты смешная, Олеся. Неужели ты думаешь, что никогда в жизни не полюбишь мужчину? Ты — такая молодая, красивая, сильная. Если в тебе кровь загорится, то уж тут не до зарок будет», «Перестань, Олеся... Что мне за дело до твоей родни, если ты сама для меня дороже отца и матери, дороже целого мира?»

Олеся первоначально обращается к молодому человеку на вы, что подчеркивает ее уважение, почтение. Можно отметить, что девушке прививали хорошие манеры, обучали правилам поведения и хорошему тону. «Да вы сами-то, кто будете?», «Да что у нас вам делать? Что ж, заходите... только вы уж если, когда к нам забредете, так без ружья лучше...», «Вышло вам вот что: человек вы хотя и добрый, но только слабый... Доброта ваша не хорошая, не сердечная.» После объяснений в любви с молодым человеком, Олеся говорит с ним на ты. Девушка чувствует духовную близость с этим человеком, чувствует себя увереннее. «Теперь мне все равно, все равно!.. Потому что я люблю тебя...», «Что такое сегодня с тобой? Ты думаешь о чем-то неприятно... Ты молодой, свободный... Неужели у меня хватило бы духу связать тебя по рукам и по ногам на всю жизнь...» Главный герой использует местоимение «ты» и его формы чаще, чем местоимения «я», «себя». Это свидетельствует о большей ориентации не на личную сферу, а на своего партнера. Автор употребляет «я» в своих репликах 102 раза, а «ты» 120 раз. Кроме того, молодой человек очень часто обращается к героине по имени, 54 раза, в том числе используя ласковые слова: «Ну, а ты, Олеся, умеешь гадать?», «Какая ты смешная, Олеся», «Ах, Олеся, если бы ты знала, какую ты причиняла мне боль...», «Олеся... что с тобой? Олеся... милая!», «Олеся... Девочка моя славная, успокойся...» Данный факт указывает на характер отношения автора к Олеся: девушка небезразлична ему, он пытается расположить ее к себе, уверить в своих чувствах, показать свои эмоции по отношению к ней.

Сама Олеся использует в речи местоимения «я» и «ты/вы» примерно одинаковое количество раз: 157 к 164. Это говорит о том, что девушка одинаково ценит чувства героя и свои собственные, она ставит их на одинаковый для себя уровень. Олеся очень нравится молодой человек, это ее первая любовь, первое сильное чувство к противоположному полу, первые отношения. Ее эмоции очень искренние и чистые. Однако она осознает невозможность продолжения отношений, их быстротечность и их прекращение.

По имени она обращается к мужчине только 5 раз. Причем имя героя девушка узнает только спустя некоторое время после знакомства, но использует его только во время их романтических отношений, причем в ласковой форме. «Иван Тимофеевич? Ну, вот и отлично. Так до свиданья, Иван Тимофеевич! Не брезгуйте нашей хатой, заходите!», «Ванечка! Подожди минутку... Я тебе что-то скажу!», «Нам надо проститься с тобой, Ванечка», «Ваня, послушай...»

5) Интегральный показатель категории «Свой–Чужой»: «Коммуникативный эгоцентризм» [1, 278]. Для вычисления этого показателя необходимо найти отношение суммы относительных частот форм личного местоимения «я» и притяжательного местоимения «мой» к сумме относительных частот форм личного местоимения «вы (ты)» и его притяжательного аналога «ваш (твой)». Данный интегральный показатель отражает кроме личностных качеств героев, также их культурный уровень, возраст, социальное положение, гендерный аспект, контекст коммуникации, которые необходимо учитывать в исследовании. Формула вычисления: $(Я+мой)/(Ты+твой)$

У Олеся данный показатель равен 1,45, что превосходит показатель автора - 0,83. Олеся больше ориентирована на внутренние переживания, на свои эмоции. Впервые испытывала светлое чувство, девушка пытается всеми силами справиться с ним, так как сразу понимает их исход. Но чувства берут верх над разумом, и девушка позволяет любовным отношениям начаться.

Автор очарован красотой колдуньи, ее характером, отношением к жизни. Он считает, что она сможет уехать с ним в город, выйти замуж и вести светский образ жизни.

Рассмотрев данные, полученные в результате контент-анализа, мы можем согласиться с большинством исследователей творчества А.И. Куприна. Иван Тимофеевич и Олеся не могли быть вместе, не смотря на искреннюю любовь.

Проведенный прагматический анализ повести А.И. Куприна «Олеся» показал, что традиционная точка зрения на данное произведение и отношения главных героев друг к другу по большей части верна. Оба героя действительно были влюблены друг в друга, испытывали искренние чувства. Однако Олеся сразу осознавала невозможность совместного будущего, однако, зная все наперед, девушка все же решила окунуться в свои чувства с головой. Иван Тимофеевич, несмотря на солидное положение и не юношеский возраст вел себя не так мудро и прагматично. Мужчина надеялся на семейную жизнь с Олесей, однако не понимал несбыточность своего желания. Он надеялся на переезд Олеся в город, ее обучение манерам и светскому этикету, не понимая, что для Олеся такое положение дел было бы губительно.

Оба героя в практически равной степени ориентированы как на сферу личного, так и на своего партнера. Оба задумываются не только о себе, своих чувствах и эмоциях, но принимают во внимание желания, ощущения своего возлюбленного

Показатели отражают все это. Можем сделать вывод, что контент-анализ помог нам не только понять истинный смысл романа, посмотреть на героев и их диалоги с другой стороны, но и изучить функционирование местоимений в тексте и цель их использования.

	Олеся		Автор	
	кол-во	частотность	кол-во	частотность
я	157	0,051	102	0,056
мой, свой	34	0,032	6	0,003
ты, Вы	164	0,053	120	0,066
твой, Ваш	13	0,004	11	0,006
мы	32	0,0105	11	0,006

	Олеся		Автор	
	кол-во	частотность	кол-во	частотность
он, она	61	0,02	23	0,012
имя	5	0,001	54	0,030
Итого словоупотреблений	3044	0,131	1795	0,510
я+мой,свой	0,083		0,060	
ты, Вы + твой, Ваш	0,057		0,072	
коммуникативный эгоцентризм	1,45		0,83	

Список литературы

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 360 с.
2. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации. М.: РИП-Холдинг, 2004
3. Сусов И. П. История языкознания Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия, 384 стр. Москва, АСТ, Восток - Запад, 2007.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Любезнова Наталья Владимировна

Канд. фил. наук, доцент кафедры «Иностранные языки и культура речи», Саратовский государственный аграрный университет, г. Саратов

Русская официально-деловая речь имеет многовековые традиции и глубокие исторические корни. Традиционно в официально-деловом стиле русского языка выделяют три подстиля: административно-канцелярский, дипломатический и законодательный. Такое деление, на наш взгляд устарело. В данном стиле можно выделить гораздо больше подстилей и, в частности, военный подстиль [1].

Военную деловую речь можно определить, как разновидность русского литературного языка, которая обслуживает сферу официальных военных отношений, реализуется в устных и письменных формах речевого общения в военной сфере и среде, во внутренних и внешних речевых контактах армии с обществом и государством, в международных контактах ВС РФ с армиями суверенных государств. Она используется для осуществления связи и руководства ВС РФ в повседневной деятельности штабов, учреждений, учебных заведений, подразделений, воинских частей [3]. Характерным признаком военных текстов является их стилистическая однотипность (однозначность), строгость, объективность. Функции военных текстов заключаются в том, что они, требуя соблюдения жесткой формы при изложении содержания, отражают в различные стороны военно-уставных отношений, которые традиционно относятся к разряду официально-деловых отношений.

Военным текстам присущи стилистическая одноцветность и строгость, объективность и отчасти обезличенность изложения.

Все эти особенности военных текстов присутствовали и в текстах времен Великой Отечественной войны. Но были здесь и свои особенности. Анализируя официальные тексты военных лет (приказы, постановления, обращения, письма, сообщения Совинформбюро и др.) можно выделить основные особенности, которые характеризуют официальный военный язык этой поры [2, с. 215-223]:

1. Резко пополнился лексический состав деловых документов. Военная лексика обновляется за счет неологизмов, а также за счет возрождения и переосмысления старых слов и терминов. Ср. новые названия органов власти, военных должностей и воинских званий: Государственный Комитет обороны, Ставка Верховного Главнокомандующего, Органы полевого управления Фронтом и Армией, Верховный Главнокомандующий, маршал авиации и т. д.
2. Создается ряд новых слов путем словосложения и суффиксации. Ср. Совинформбюро, бронбойщик, светомаскировка, тридцатьчетверка (танк), кукурузник (небольшой ночной бомбардировщик) и под.
3. Возрастает роль аббревиатур, необходимых при оперативных коммуникациях военного времени (ГорКО – Городской Комитет Обороны, ЛФ – Ленинградский фронт, ПТО – противотанковая оборона, НП – наблюдательный пункт, КП – командный пункт, ППС – полевая почтовая станция, БО – боевое охранение и т. д.).
4. Большое влияние на деловой военный язык оказывают элементы публицистического стиля: в официальную речь проникают элементы образности, патетической приподнятости, средства литературно-художественной изобразительности. Ср. в тексте приказа (от 3 августа 1943 г. Военный совет армии издал приказ, в котором призвал весь личный состав напрячь все силы для стремительного удара по Орлу):
«Бойцы и командиры! На ваших глазах уничтожается гитлеровскими бандитами Орел. Вы находитесь в 6 – 10 километрах от него. Два-три часа быстрого наступления не только сохранят вас от лишних потерь, но и не позволят окончательно разрушить наш родной город.

Вперед, за скорейшее его освобождение!»

Ср. в тексте указа (Указ Президиума Верховного совета СССР от 2 ноября 1942 г.):

Вероломно напад на Советский Союз, немецко-фашистские захватчики и их сообщники совершают на временно захваченной ими советской территории чудовищные преступления – пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увоз в иноземное рабство сотен тысяч советских граждан...

5. Возрождаются такие жанры деловой речи, как обращения и декларации, представляющие в стилистическом отношении синтез делового и публицистического начал.
6. Стиль деловых документов по сравнению с предыдущим периодом стал проще, экономнее и свободнее. Например, наряду с именными двусоставными предложениями, для деловой речи начала 40-х годов в высшей степени характерны односоставные, инфинитивные повелительные предложения. Частое употребление инфинитива вместо отглагольного существительного и односоставных инфинитивных повелительных предложений привело к тому, что в деловой речи стали реже использоваться сложные синтаксические периоды. Вероятно, здесь сказалось и влияние жанра военного приказа на другие жанры деловой речи этого времени.
7. Большая свобода и большее жанровое своеобразие в отборе языковых средств при составлении деловых документов в 40-е годы – естественный этап дальнейшего развития официально-делового стиля на фоне исторического развития всего литературного языка советской эпохи. Процесс стабилизации деловой речи, происходивший в 30-е годы и закрывший путь разговорно-просторечной стихии в язык официальных документов, связан со стабилизацией общелитературных форм. Для словарного состава в 40-е годы характерно полное отсутствие сниженной лексики в документах, что обусловлено как общим повышением культурного уровня населения, так и повышением культуры делопроизводства.

8. Несмотря на проникновение в официально-деловой язык элементов других стилей (в частности, публицистического, художественного) общей чертой стиля документов военного времени является строгость и точность выражения.

Ср. из сводок Совинформбюро:

«Днем 2 июня немецкая авиация крупными силами произвела пять налетов на железнодорожный узел и город Курск. В этих налетах участвовало до 500 самолетов противника. Некоторое число немецких самолетов прорвалось к городу и беспорядочно сброшенными бомбами нанесло материальный ущерб. Есть жертвы...». «...За истекшую неделю, с 2 по 8 мая включительно, в воздушных боях и на аэродромах противника уничтожено и повреждено 930 немецких самолетов. Наши потери за это же время — 235 самолетов...» (от 9 мая 1943 года).

«В районе Белгорода разведывательный отряд Н-ской части, действуя под прикрытием артиллерийского огня, выбил немцев из небольшого населенного пункта. Разрушено 2 вражеских дзота и уничтожено до 40 солдат противника» (от 10 июня 1943 года).

Публицистический характер некоторых документов способствовал незначительным отклонениям от усвоенных деловой речью в 30-е годы стандартов: частичный возврат к использованию высокой книжной лексики и к элементам специально построенных в экспрессивных целях синтаксических структур.

Список литературы

1. Воронов Ю.С., Любезнова Н.В. Российское военнополитическое красноречие. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. – 130 с.
2. Логинова К.А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. – С. 215-223.
3. Шаталова Н.С. Лингвистика и стилистика военной речи. М: ВДА, УВО МО РФ, 1998. – 255 с.

К МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРСОНИФИКАЦИИ, АНИМАЛИЗАЦИИ И ОДУШЕВЛЕНИЯ – КАК СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ

Вазира Мирзаева Муродовна,

студентка III курса отделения французского языка и литературы, Республика Узбекистан Андижанский

Государственный Университет доцент кафедры французского языка и литературы

Ахмадали Мамадалиев, Ирода Анарбоева Ориповна

старший преподаватель кафедры французского языка и литературы

Методика определения персонификации как стилистического явления, показывает, что в лингвистической литературе, посвященной данному вопросу, и особенно в учебной литературе по стилистике различных языков, персонификация определяется весьма противоречиво. Противоречивость определения персонификации ведёт к тому, что единица, подвергающаяся персонификации трактуется, в самом деле, либо как одушевление и очеловечивание, либо как одушевление, либо как очеловечива-

ние. Своеобразная «типология» определений данного стилистического явления несомненно ведёт к искажению явлений языка, к неправильной трактовке стилистических приёмов, которые особенно ощущаются на теоретических курсах по стилистике и на семинарских занятиях.

В учебной литературе определение самой персонификации и единиц подвергающихся персонификации различается от языка к языку. Если в учебной литературе по стилистике английского языка сама персонификация

обычно определяется как «очеловечивание», а персонифицирующимися единицами считаются неодушевленные предметы и явления. [1. 158. 17], то в учебной литературе немецкого языка под персонификацией понимается «очеловечивание», тогда как персонифицирующимися определяются животные, растительные организмы и неодушевленные предметы [2. 204]. Во французской литературе персонификация определяется двояко: а) одушевление [3.207]; б) одушевление и очеловечивание [4.135]. Персонифицирующимися единицами считаются неодушевленные предметы и абстрактные понятия [3.207], [4.135].

В учебной литературе по стилистике русского языка, появляющейся в последнее время, вопрос персонификации не ставится. В толковых словарях русского языка персонификация обычно определяется как «одушевление». Таким образом, персонификация определяется тро-яко:

- а) очеловечивание;
- б) одушевление и очеловечивание;
- в) одушевление.

Персонифицирующиеся единицы, в свою очередь, рассматриваются двояко:

- а) неодушевленные предметы и абстрактные понятия;
- б) животные, растительные организмы и неодушевленные предметы. Следовательно, под рубрикой персонификации попадает такие предложения как *les bruits courent, le vent hurle, l'eau chantonait* и т.п.

Представляется, что в определении персонификации определенную роль играет разграничение грамматических категорий конкретных языков. Потому что в английском языке граница грамматических категорий у существительных проходит в основном между антропонимом и неантропонимом, так как антропонимы в английском языке имеют определенные формальные показатели (личные местоимения, особенно в 3 лице, вопросительные местоимения, суффиксы и т.п.). В немецком языке также относительно четко проявляют себя формальные показатели антропонимичности (вопросительные местоимения, личные местоимения, суффиксы, различие сильного и слабого склонения и т.п.) Поэтому в этих языках под персонификацией в основном понимается «очеловечивание». Однако в стилистической литературе английского языка о персонификации фаунонимов ничего не говорится. Что касается французского языка, в нем категориальное различие проходит между антропонимом и неодушевленным предметом [5.122], формальными показателями которых могут служить личные местоимения, вопросительные местоимения, неопределенные местоимения, некоторые суффиксы, а также косвенные указатели антропонимичности (глаголы и прилагательные сочетающиеся только с антропонимом). Однако в отличие от предыдущих языков, во французском фаунонимы образуют «пустую клетку» между антропонимом и неодушевленным предметом [6.104], т.е. фаунонимы находятся на границе этих двух

подклассов [5.122], что по-видимому и обусловило понимание под персонификацией в этом языке «одушевление и очеловечивание».

В русском языке же граница грамматической категории проходит между одушевленностью и неодушевленностью, так как кроме вопросительных и личных местоимений и т.п. она имеет четко дифференцирующие маркеры одушевленности и неодушевленности в склонении существительных (синкретизм родительного и винительного падежей для одушевленных предметов и именительного и винительного падежей для одушевленных предметов и именительного, и винительного для неодушевленных предметов). Такая специфика русского языка в разграничении грамматической категории одушевленности и неодушевленности в определенной мере отразилась в определении персонификации как «одушевление». Естественно персонифицирующимися единицами в таком случае оказались только неодушевленные предметы и абстрактные понятия, так как фаунонимы в русском языке относятся к грамматической категории одушевленности. Таким образом у существительных русского языка одушевленность / неодушевленность является явно выраженной категорией, тогда как у существительных французского языка антропонимичность / неантропонимичность считается «скрытой», близкой к функционально – семантическим категориям [5.126]. Следовательно, перед тем, как объяснять явление персонификации и метафору вообще, необходимо установить семантические классы существительных, иерархию их сем и их оппозиции, так как именно в оппозициях семантических классов обнаруживаются персонификация и все возможные разновидности метафоры.

Семантическая классификация существительных может быть осуществлена оппозитивным методом, считающимся в современной лингвистике одним из плодотворных методов при изучении семантического аспекта лексики [7.40.], [8.285]. На основе привативной и эквивалентной оппозиций можно выделить такие семантические классы, как, если считать сему «субстанциональность» высшей ступенью в семантической иерархии существительных, «абстрактность» ~ «конкретность», «одушевленность» ~ «неодушевленность», «антропонимичность» ~ «фаунонимичность» (знак ~ обозначает эквивалентную оппозицию). Продолжая таким образом деление семантических классов абстрактности, антропонимичности и фаунонимичности можно дойти до семы на уровне отдельной лексемы, где отчетливо обнаруживается сама иерархия сем семантической структуры существительных и их оппозиция.

Кроме привативных и эквивалентных оппозиций семантические классы или отдельные семы находятся в градуальной и многомерной оппозициях. В градуальной оппозиции находятся семантические классы (стрелки обозначают переходить в):

Фаунонимичность	↔	абстрактность
Одушевленность	↔	абстрактность
Неодушевленность	↔	абстрактность

В многомерной оппозиции находятся семы занимающие одинаковые положения в иерархии сем разных семантических классов. Например, семы «мужской пол», «упрямство», «глупость» и т.п. в семантической структуре *un homme, un âne*.

Как показывает языковой материал, семантические переходы наблюдаются между семантическими классами (семантические переходы возможны и в более мелких подгруппах, но они в решении данного вопроса не релевантны), находящимися в эквивалентной и градуальной оппозициях.:

А) Антропонимичность	↔	фаунонимичность
Антропонимичность	↔	неодушевленность
Антропонимичность	↔	абстрактность
Б) Фаунонимичность	↔	антропонимичность
Фаунонимичность	↔	неодушевленность
Фаунонимичность	↔	абстрактность
В) неодушевленность	↔	антропонимичность
неодушевленность	↔	фаунонимичность
неодушевленность	↔	абстрактность
Г) Одушевленность	↔	неодушевленность
Одушевленность	↔	абстрактность
Д) конкретность	↔	абстрактность
Е) абстрактность	↔	антропонимичность
абстрактность	↔	фаунонимичность
абстрактность	↔	неодушевленность.

Таким образом можно выделить персонификацию, анимализацию (фаунонимизацию), овеществления, одушевления, конкретизацию и абстрагированию.

Следовательно, могут персонифицироваться единицы семантических классов фаунонимичности: “Unl ièvre, qui passait m’imita: il riait; sa lèvre était fendue, a force d’avoirri” (R.Rolland. Colas Breugnon);

- неодушевленности: “Sur la mère, au large, se baisesaient, se quittaient et gesticulaient les projecteurs ” (J.Cocteau)
- абстрактности: ”Comme tu fuis avril! Si tôt finie, journée ! N’importe ! J’ai bien jouis de vous, je vous ai eus, et je vous ai tenus... Et maintenant à toi ! Bonjour, la nuit ! Je te prends chacune à son tour! Nous allons coucher ensemble... Ah! Sacrebleu, mais entre nous, une autre aussi sera couchée... Ma vieille rentre...(R.Rolland. Colas Breugnon).

Анимализируются единицы семантических классов антропонимичности: C’est bien la pleine de mettre un policier jour et nuit devant la maison! Il dormait, je suppose, votre chien de garde ? (Simenon. Maigret se fache).

– неодушевленности: Dans la sale voisine de la sale des fêtes, un clairon qui répétait, beuglait des notes discordantes(Vailland.Beau masque).

– абстрактности: Mon âme galopait, malgré nos jambes jointes (Cocteau.Thomas l’imposteur).

Овеществлению могут подвергаться антропонимы, фаунонимы и абстрактные понятия, тогда как одушевляться могут только неодушевленные предметы и абстрактные понятие:

Dans le même tiroir, côte à côte, dormaient d’autres paquets de lettres. (R.Rolland. L’ame enchantée).

Ma vieille méchancité ouvrait l’oeil (Mauriac. ThérèseDesquéroux).

При этом они рассматриваются как живые существа, не различаясь ни на антропонимы и ни на фаунонимы. Конкретизоваться могут только абстрактные понятия. Процессу абстрактности могут подвергаться антропонимы, фаунонимы и неодушевленные предметы.

Таким образом надо различать персонификацию от одушевления и анимализации, так как персонификация – это придание фаунонимам, неодушевленным предметам и

абстрактным понятиям свойств, признаков и действий антропонима. Анимализация же – это придание антропонимам, неодушевленному предмету и абстрактным понятиям свойств, признаков и действий фаунонимов. Одушевление в отличие от них – это придание неодушевленным предметам и абстрактным понятиям свойств, признаков и действий присущих всем живым существам, не указывая их вид.

Решение вопроса методики определения персонификации анимализации и одушевления даёт теоретическую и практическую основу преподавателям практикам, ведущим семинарские занятия по стилистике, по интерпретации текста.

Использованная литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973; Кузнец М.Д.; Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка.

2. Ризель З.Г. Персонификация, аллегория, символ: сб. науч. трудов. МГПИИЯ. им. М. Тореца. М., 1975.
3. Морен М.К. Тетеревникова Н.Н. Стилистика современного французского языка (на французском языке). М.: 1970.
4. Потоцкая Н.П. Стилистика современного французского языка. М.: 1974.
5. Басманова А.Г. Есть ли грамматическая категория одушевленности во французском языке. в кн. Лингвистика и методика в высшей школе, вып. VI. – М., 1974.
6. Pohl J. Animaux et Pronoms. – Le français moderne. 1970. № 2
7. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. В. кн.: Очерки по семантике русского глагола (Башкирский гос. ун-т вып. 43 №16, 20. Уфа. 1971.
8. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.

ФУНКЦИИ КОММЕНТИРУЮЩИХ КОНСТРУКЦИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ БИЗНЕС-ТЕМАТИКИ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ СБОРНИКОВ HARVARD BUSINESS REVIEW)

Машанова Ксения Владимировна,

*Специалист по работе с иностранными студентами, Сколковский институт науки и технологий
Выпуск из аспирантуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова в 2012 году*

Вставная комментирующая конструкция, или парантеза, принадлежит коммуникативно-синтаксическому уровню языка и представляет собой особую структуру, которая нарушает линейность высказывания и вносит в предложение дополнительные семантические оттенки. Парантетические конструкции характеризуются рядом структурных, семантических и коммуникативно-прагматических особенностей и являются одним из наиболее типичных средств речевого воздействия в текстах бизнес-тематики. Первой особенностью выступает пунктуационное обособление данных конструкций на письме: парантезы, стоящие в предложении на первом месте, выделяются запятой, а внутри предложения — парным тире либо скобками, что обеспечивает им особое графическое и интонационное оформление [10]. Второй характерный признак — это отсутствие формально-грамматической связи между парантезой и самим предложением, из-за чего данное включение осложняет структуру высказывания. Однако, как отмечают в своих трудах И.Р. Гальперин [11], О.В. Александрова и С.Г. Тер-Минасова [9], благодаря своей грамматической, пунктуационной и интонационной изолированности, парантезы обычно наполнены живой экспрессией и подчеркивают информацию логически и эмоционально.

Поскольку в речевом воздействии языковое оформление высказывания наиболее тесно связано с его прагматической функцией, то в качестве основы для анализа уместной представляется разработанная О.В. Александровой классификация парантез с точки зрения их содержания [8]. Сюда входят три основных вида комментирующих конструкций: парантезы отсылки; парантезы экзemplификации; парантезы делиберативности.

К категории отсылки относятся лексические маркеры и синтаксические конструкции, используемые с целью сослаться на какой-либо факт, источник, предыдущие исследования или чью-то стороннюю точку зрения. В анализируемых текстах авторитетность мнения и образ автора напрямую зависят от достоверности и надежности источников, на которые он ссылается. Благодаря этому, данный вид введений может играть решающую роль для преодоления барьера недоверия адресата через воздействие на его логику. В то же время неаккуратное или неточное обращение с источниками может произвести обратный эффект и сформировать негативное отношение как к тексту, так и к его автору.

Итак, авторы могут обращаться к исследованиям, связанным с освещаемой в тексте проблематикой, маркируя отсылку следующим образом:

This findings confirms that power motivation is important to management [2, с. 19].

In another major research study, we found out that the signs of controlled action, or inhibition, that appear when a person exercises imagination in writing stories tell a great deal about the king of power that person needs [2, с. 112].

Примером парантез-отсылок также может служить обращение к источникам, оперирующим числовой информацией. Это могут быть статистические данные, выраженные в процентах и служащие подкреплением к основной информации:

When men leave the workforce, they do it for different reasons. Child-care and elder-care responsibilities are much less important; only 12% of men cite these factors as compared with 44% of women. Instead, on the pull side, they cite

switching careers (29%), obtaining additional training (25%), or starting a business (12%) as important reasons for taking time out [5, с. 6]

We found out that the power motivation scores for most of managers – more than 70% – were higher than those for the average person [4, с. 110].

При использовании различного рода чисел воздействие на реципиента оказывают два основных фактора. Эксплицитно на него влияют непосредственно сами данные: процентное соотношение или размер денежной суммы, однако для адекватного понимания немаловажен и тот имплицитный предтекстовый выбор, который совершил автор, предпочтя включить в текст именно эту информацию.

Парентетические внесения, представляющие собой слова и синтаксические конструкции, с помощью которых вводятся примеры и пояснения, принадлежат к категории экзemplификации. Для создания текстов, тематически связанных с концептами успех, достижение, самосовершенствование, авторам часто приходится обращаться к описанию личного опыта или опыта людей, входящих в их окружение. История из жизни, биография известной личности или изображение случаев из профессиональной практики автора вводят в текст яркие запоминающиеся образы и создают набор необходимых ассоциаций, а также придают тексту более доверительную тональность.

As the case of Amazon.com illustrates, the WEB is an incredibly rich channel for direct dialogue [3, с. 14].

A variant of needs-based positioning arises when the same customer has different needs on different occasions or for different types of transactions. The same person, for example, may have different needs when traveling on business than when traveling for pleasure with the family. Buyers of cans — beverage companies, for example — will likely have different needs from their primary supplier than from their secondary source [7, с. 13].

С помощью парантез экзemplификации происходит маркировка текстового отрезка, содержащего эту историю или пример, благодаря чему формируется архитектура внутритекстового пространства.

К категории делиберативности относятся слова и синтаксические конструкции, с помощью которых выражаются сомнения, раздумья, оценка, то есть формируется модальный план произведения. Благодаря им в микротексте может быть отражена авторская уверенность в том или ином факте:

There is little doubt that we learn best through experience and, very often, from hard experience [1, с. 5].

In short, as we expected, affiliate managers make so many ad hominem and ad hoc decisions that they almost totally abandon orderly procedures [4, с. 113-114].

It is understandable that managers worry about setting off waves of entitlement and resentment [6, с. 25].

By contrast, the latter scored higher on authoritarian or coercive management styles [4, с. 116].

This is not to say that if you are turned down the first time, you may not try again, but it will be harder [1, с. 4].

Кроме того, при изучении парантез ученые сталкиваются с проблемой разграничения «вводности» и «вставности» комментирующих конструкций. Как указывает О.В. Александрова, в английской синтаксической традиции вводные и вставные элементы не подвергаются разграничению [8, с. 49]. В синтаксической школе МГУ имени

Ломоносова на основе анализа текстов различной стилистической принадлежности был сделан вывод о том, что можно трактовать вводные конструкции как дополняющие, комментирующие, а вставные – как более самостоятельные, менее зависимые от основной части текста [12, с. 80]. От того, к какому типу относится комментирующая конструкция, также зависит ее текстовое оформление: вводные элементы будут находиться в просодической связи с речевым потоком, а вставные конструкции, наоборот, будут просодически выделены [13, с. 80]. О.В. Александрова отмечает, что позиционные параметры парантезы в предложении также не являются произвольными. Позицию парентетических внесений обуславливает их функциональная перспектива (актуальное членение) и ритмическая организация текста [1, с. 48]. С точки зрения позиционного расположения парантезы могут использоваться в начале, середине или конце высказывания. Считается, что разные позиционные варианты включения парентетических внесений изменяют степень синтаксической глубины предложения [14].

При интерпозитивном введении в предложение парантеза может разъединять составные элементы предикативного ядра предложения. По мнению Л.Х. Лустрэ, такое расположение нарушает плавное развитие повествования и задерживает реализацию предикативной связи: часть предложения, представленная группой подлежащего, порождает эффект ожидания структурного и смыслового завершения. Композиция такого построения – разорванное строение предикативного ядра и пунктуационная выделенность парентетической группы – привлекает к себе внимание, обеспечивает активизацию восприятия текста читателем [14].

And they try to create an environment – in terms of norms and values – in which people are willing to work hard on GM's agenda and cooperate for the greater [2, с. 51-52].

Иногда внедряемая в парантезу информация не только уточняет информацию, но и помогает выделить наиболее важный смысловой элемент общего концепта. В данном случае в общем понятии «Customers' experiences» (опыт клиента, связанный с определенным продуктом – перевод наш) особый акцент ставится на элементе judgment (суждение о продукте или сервисе):

Customers' experiences of a technology, product or service – and therefore their judgment of that product or service – will vary accordingly to their skills as users [3, с. 11].

Стилистический эффект парантезы может быть обыгран автором и с помощью параллельного введения нескольких анафоричных элементов подряд:

Purpose (which should last at least 100 years) should not be confused with specific goals or business strategies (which should change many times in 100 years) [7, с. 86].

При начальном и постпозитивном включении парантезы, последняя не нарушает плавного развития повествования, не разрывает основную линию сообщения и синтаксические связи, а представляет собой присоединение к структурно и семантически завершенному предложению.

The most basic information that is necessary to control a business is its profitability and cash flow – current and future [2, с. 56].

Contrast this with the experience of highly qualified men, only 24% of whom have taken off-ramps (with no statistical difference between those who are fathers and those who are not) [5, с. 6]

В следующем примере автор обеспечивает образное восприятие информации целым рядом стилистических средств – вначале цель (a purpose) сравнивается с путеводной звездой (a guiding star), а потом происходит вставка построенной на контрасте парантезы:

Whereas you might achieve a goal or complete a strategy, you cannot fulfill a purpose; it is like a guiding star on the horizon — forever pursued but never reached [7, с. 86].

В своей совокупности на протяжении построения текстового произведения комментирующие парентетические вношения выступают тем лингвистическим инструментом, с помощью которого формируется модальность текста, переключаются временные перспективы внутри текстового отрезка. Благодаря им также создается оценочный план и передаются эмоциональные оттенки, то есть в нейтральный информационный фон интегрируется авторское присутствие. Данные конструкции служат средством когезии и позволяют членить текстовое целое, не теряя логической и композиционной связи между отдельными частями. Они также способствуют компрессии информации, что облегчает восприятие текста и делает его более наглядным.

Список литературы

1. Finch B. How to write a business plan. – Kogan Page, London and Philadelphia, 2006. – 140 p.
2. Harvard Business Review on Becoming a High Performance Manager / Oncken W. Jr., Wass D. L. et al. – Harvard Business School Publishing Corporation, USA, 2003. – 175 p.
3. Harvard Business Review on Customer Relationship Management / Prahalad C. K., Ramaswamy Patricia B., Lederer C., Katzenbach Jon R. et al. – Harvard Business Press, 2002. – 208 p.
4. Harvard Business Review on Motivating People / Manville B., Kerr S. – Harvard Business School Publishing Corporation, USA, 2002. – 212 p.
5. Harvard Business Review on Women in Business / Hewlett S. A. et al. – Harvard Business Press, 2005. – 208 p.
6. Harvard Business Review on Work and Life Balance / Friedman S. D., Christensen P., Degroot J. – Harvard Business Press, 2000. – 232 p.
7. Harvard Business Review's 10 Must Reads on Strategy / Porter M. E. et al. – Harvard Business Review, 2011. – 288 p.
8. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 211 с.
9. Александрова О. В., Тер-Минасова С. Г. Английский синтаксис: коллокация, коллигация, речь / Александрова О. В., Тер-Минасова С. Г. – М.: МГУ, 1987. – 185 с.
10. Валгина Н. С. Орфография и пунктуация / Н.С. Валгина, В.Н. Светлышева. – М.: Большая Медведица, 2002. – 320 с.
11. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: 1981. – 139 с.
12. Ксензенко О. А. Как создается рекламный текст: Функционально-экспрессивные аспекты рекламного текста. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 168 с.
13. Ксензенко О. А. Роль парентетических вношений в рекламных текстах // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2000. Вып. 11. – С. 78-86.
14. Лустрэ Л. Х. Структурные типы парантезы во внутреннем монологе художественной прозы: (На материале произведений У. Фолкнера). – Ростов н/Д, 1994.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА «ИГРОВЫМ» МЕТОДОМ АНАЛИЗА

Медвецкий Игорь Евгеньевич,

заместитель директора ГБОУ СПО (ССУЗ) «Миасский машиностроительный колледж», г. Миасс

Проблема адекватного понимания и интерпретации художественного текста существует всегда. Привычная ситуация: перед среднестатистическим читателем – текст гениального автора, и он пытается постичь его, опираясь лишь на собственный жизненный и духовный опыт. Роман «Улисс» Д. Джойса, произведения Ф. Кафки и Г. Гессе до сих пор вызывают раздражение у массового читателя, «Лолиту» В. Набокова и сейчас поборники этических норм относят к «эротической» литературе. Вывод прост – все великое слишком свободно и многогранно, чтобы «рядовой читатель» смог принять его, не разрушив свою философию, жизненные принципы, лояльность к общественным нормам. На такое способен далеко не каждый читатель, поэтому проще – отторгнуть произведение как «маловразумительное». Разумеется, значительное произведение не может быть адекватно понято без учета личности его создателя: его мирозерцания, этики и эстетики. Понимание текста, по мысли Г.-Г. Гадамера, это такое ис-

толкование, которое должно дать читателю код его восприятия, должно «действительно помочь тексту заговорить» [10, с.461]. Однако во все времена читатель или самодовольный критик пытается подогнать то, что он понимает под общественной моралью и этикой, к литературным шедеврам, пытается судить гениальные произведения судом обывателя.

В своей статье мы предлагаем наиболее полный, на наш взгляд, метод анализа художественного текста, учитывающий все важнейшие моменты создания и функционирования литературного произведения. Ключевым понятием в методе является понятие «игра». В разработке метода мы опирались на фундаментальный труд голландского культуролога И. Хёйзинги «Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры» [32], на исследование культурологов и литературоведов о значении «игрового элемента» в создании и функционировании произведений искусства (М.М. Бахтин [4;5], Г.-Г. Гадамер [10],

Ю.М. Лотман [20], М.Н. Эпштейн [33] и др.), на произведения и теоретико-литературные работы значительных писателей XX века Х. Борхеса, В. Набокова, Г. Гессе, А. Роб-Грийе, Э. Паунда, Г. Гессе, на методику анализа повествовательного текста, предложенную Р. Бартом [2; 3] и Р. Якобсоном [34].

С помощью понятия «игра» в широком смысле можно универсально описывать различные состояния Вселенной, природы, человеческого общества и животного мира. Й. Хёйзинга, анализируя рамки того явления, которое определяется как «игра», справедливо замечает в первой главе «*Homo ludens*»: «Мы можем назвать игру, с точки зрения формы, некоей свободной деятельностью, которая осознается как "ненастоящая", не связанная с обыденной жизнью и тем не менее могущая полностью захватить играющего; которая не обуславливается никакими ближайшими материальными интересами или доставляемой пользой; которая протекает в особо отведенном пространстве и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами...» [32, с.32]. В этом определении Хёйзинга прояснена двойственная сущность игры: 1) свободная, не связанная с обыденностью деятельность человека; 2) деятельность организованная, ограниченная определенными правилами и условиями.

М.М. Бахтин в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» через понятия «серьезность» и «карнавал» определяет две основные формы жизни людей средневековья. С одной стороны, это жизнь официальная, связанная с четким исполнением людьми уготованных им ролей в иерархически организованном обществе, с другой – это существование в период карнавала, это «сама жизнь, но оформленная особым игровым образом» [5, с.12]. М. Бахтин справедливо замечает, что карнавал не был для средневекового человека лишь обрядово-театральным действием, карнавал являлся «как бы реальной (но временной) формой самой жизни, которую не просто разыгрывали, а которой жили на самом деле» [5, с. 12]. Для человека средневековья равноправно существовала как официальная жизнь, т.е. серьезная игра в рамках принятых в обществе условностей и законов, так и «праздничная жизнь» [5, с.13], т.е. свободная игра.

М.Н. Эпштейн в своей книге «Парадоксы новизны», развивая идеи Хёйзинга и Бахтина, предлагает различать игру импровизированную и игру организованную. Учитывая существование в английском языке двух разных слов, обозначающих понятие «игра» (“play”, “game”), М. Эпштейн определяет “play”-игру как «свободную игру, не связанную никакими условиями, правилами» [33, с.281], а “game”-игру как «игру по правилам, о которых заранее договариваются между собой ее участники» [33, с.281]. При этом исследователь считает, что и тот, и другой вид игры отличается от реальности: «В одном случае игра есть система запретов, отделяющих ее от реальности, в другом - зона вольности, тоже отделяющая ее от реальности» [33, с.282].

Если применить данные наблюдения не только к общественной жизни, но и к художественному творчеству, мы увидим недостаточность определения только двух разновидностей игры. Если для художника существует состояние спонтанное, неорганизованное (условно – “play”, Хаос, «полет духа») и состояние организованное,

упорядоченное (условно – “game”, Космос, «законы творчества»), то должно быть и преломление этих состояний в некий «продукт искусства», художественное произведение (“art”). Таким образом, само слово «игра» передает, на наш взгляд, тройственную суть как состояний природы, так и существования человека-творца:

- плей- игра (свободное состояние, спонтанность; свободная деятельность, не ограниченная правилами);
- гейм- игра (организованное состояние, упорядоченность мира; игра человека по «правилам»-законам);
- арт- игра (модель, сочетающая спонтанность и организацию; произведение искусства, интерпретирующее реальность).

Применение подобной «триады» к литературному творчеству и функционированию художественного текста в читательском восприятии позволяет выделить девять разновидностей (модификаций) игры.

Итак, игра художника в жизни (творческое поведение) описывается как гейм-игра писателя по законам того общества, в котором он находится, следование им избранным жизненным правилам; плей-игра писателя в жизни, его свободное поведение; арт-игра – моделирование художником в жизни ситуаций своих будущих произведений. Три эти модификации являются первым уровнем литературы, своеобразным пред созданием текста. Игра писателя в процессе творчества может быть представлена как плей-игра творческого сознания художника при создании произведения, спонтанность творения; гейм-игра писателя при обработке текста, применение определенных литературных приемов и средств; арт-игра – художественная реальность созданного произведения. Это второй уровень литературы, процесс создания текста.

Наконец, игра в пространстве текста может быть описана как плей-игра произведения (иллюзия существования «реальной» жизни в пределах текста), его гейм-игра (установки текста, по Р. Якобсону; движение персонажей по законам «всесильного» автора) и арт-игра (модель в модели; создание персонажами «новых» произведений в пределах текста). Это последний уровень литературы, то есть текст непосредственно, текст, существующий в контексте определенного читательского восприятия. Проиллюстрируем этот «игровой» метод анализа произведения примерами из мировой литературной классики и русской литературы XIX–XX вв.

По замечанию М. Пришвина, «творческое поведение всегда отличает подлинного художника от того, кто лишь силится им быть» [17, с.79]. Гений неподвластен меняющейся политической конъюнктуре, он всегда несет в себе определенную степень свободы, которая позволяет ему быть независимым в оценках и создавать шедевры. И в тоталитарных государствах существовали великие писатели, и в демократиях плодились приспособленцы. Н. Карамзин, А. Радищев, А. Пушкин, К. Рылеев, Ф. Достоевский, Л. Толстой – эти писатели, отличавшиеся по степени литературной одаренности, в полной мере могут считаться великими русскими, т. к. сумели и своей жизнью, и своим творчеством осуществить самое трудное – быть свободными людьми в несвободной стране. По мнению Ю.М. Лотмана, «Карамзин всю жизнь “творил себя”» [20, с.17], согласившись на роль придворного историографа,

но сохранив свободу суждения и независимость поведения. А.С. Пушкин, повинаясь жизненным обстоятельствам, согласился в 1833 г. на должность камер-юнкера, но при этом декларировал весьма ироничное отношение к перемене своего статуса. На поздравление великого князя Михаила Павловича, брата царя, Пушкин резонно заметил ему: «Покорнейше благодарю, Ваше высочество; до сих пор надо мной все только смеялись, Вы первый меня поздравили» [27, с.210]. Люди, подобные Карамзину и Пушкину, следовали в жизни неписаному закону, что «гений и злодейство – две вещи несовместные», несмотря на относительность морали окружающих людей.

Подобная гейм-игра русских писателей сочеталась, однако, с их плей-игрой – раскованным актерством, «веселостью», по словам писателя Г. Гессе. «Веселость» – это принцип поведения в дружеском окружении, ощущение «звериной» полноты бытия. В поэтической форме это свободное состояние передано А. Пушкиным в его стихотворении «Не дай мне Бог сойти с ума...» [25, с.313]:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез...

Известно, как раскованно вел себя Пушкин в кругу холостой молодежи, как потрясали своими «загулами» современников С. Есенин и В. Высоцкий, как изумлял странными выходками «изысканную публику» К. Бальмонт. Вообще, склонность к жизненной плей- игре была присуща значительному числу писателей в совершенно разные эпохи. В достаточно явном виде такая игра предстает в поведении русских поэтов «серебряного века». Так символисты поразили в свое время зрителей не только своей «новой» поэзией, но и не в меньшей степени своими экстравагантными выходками. К.Д. Бальмонт еще довольно безопасно для окружающих «ложился в Париже посреди мостовой, чтобы его переехал фиакар» или «лунной ночью, в пальто и шляпе, входил, замороженный луной, по горло в пруд» [1, с.14]. В 1913 г. поэты-футуристы В. Маяковский, Д. Бурлюк, А. Крученых своими эпатажными выходками переступали границы «хорошего тона», обрушивая на головы собравшихся не только «заумь» своих поэтических творений, но и нарочито вычурно одеваясь и «извиваясь» на сцене. Как вспоминает об одном из выступлений футуристов перед зрительным залом, первые ряды которого занимали офицеры, Б. Лившиц: «Только звание безумца, которое из метафоры постепенно превратилось в постоянную графу будетлянского паспорта, могло позволить Крученых выплеснуть в первый ряд стакан горячего чая...» [19, с.435]. Очевидно, гейм-игра и плей-игра в жизни художника одинаково важны для развития и свободы его творчества.

Что же представляет собой арт-игра писателя в жизни? Уместно вспомнить здесь замечание Ги де Мопассана об И.С. Тургеневе, что уж кто великий писатель, так это «старик Тургенев», который, заболев, думал не о том, как выздороветь, а о том, как лучше описать свои страдания, сделав их предметом нового рассказа [29, с.189]. Ф. Достоевский, обдумывая план очередного своего произведения, зачастую «проигрывал» возможные сюжетные ситуации в собственной жизни. Так перипетии страстных

взаимоотношений Алексея Ивановича и Полины в романе «Игрок» во многом повторяют «сложную историю отношений самого Достоевского и Аполлинарии Суловой» [14, с.778]. О воплощении в романе «Игрок» некоторых реальных событий из жизни Ф.М. Достоевского позже вспоминала и А.П. Сулова в своей книге «Годы близости с Достоевским». Такое сублимативное отношение к собственной жизни свойственно художникам XX века – века, который еще раз указал на относительность многих «общественных» ценностей.

Роман В.В. Набокова «Дар», по существу, представляет собой запись жизни молодого писателя в Берлине 192... года: «только русские авторы – в силу оригинальной честности нашей литературы – не договаривают единиц» [22, с.72]. Все три романа Ф. Кафки являются великолепным самоанализом жизни Кафки в разные годы его жизни (особенно, «Замок»). Сцены в романе «Улисс» Д. Джойса, посвященные преподаванию Стивена Дедалуса в колледже, воспроизводят период жизни самого ирландского гения. Наконец, ряд рассказов и эссе Х. Борхеса представляют собой «самоанализ» жизни и творчества писателя Борхеса («Борхес и я», «Анализ творчества Герберта Куэйна», «Аналитический язык Джона Уилкинса»). При этом Х. Борхес вполне серьезно сообщает читателю о малоизвестном писателе Г. Куэйне и его «замечательных» произведениях, анализирует некоторые из них. В начале рассказа автор вскользь замечает: «Он вполне отдавал себе отчет в экспериментальном характере своих книг – возможно, примечательных и по новизне, и по особой лаконической прямоте» [7, с.76]. Видимо, сверхзадача автора – напомнить гипотетическому читателю о том, что в мире существуют писатели и произведения, о которых тот ничего не знает либо не хочет знать.

Приступая к анализу второго уровня литературы – игре писателя в процессе творчества – следует отметить, что проблема «тайнства» при создании великих произведений издавна волновала как самих писателей, так и исследователей литературы. Многие работы современных литературоведов также посвящены разгадке тайны «дара» художника. С другой стороны, для литературоведения XX века особое значение приобрела проблема изучения писательского приема. Исследования, посвященные проблеме, имели влияние и на литературу – тексты обэристов, «новый новый роман» (А. Роб-Грийе, Ж. Рикарду, Ф. Соллерс и др.), отечественная постмодернистская проза (С. Соколов, А. Битов, Вик. Ерофеев, Б. Акунин, В. Пелевин, Г. Беар и др.). Попробуем рассмотреть эти вопросы в контексте нашей концепции игры.

Наиболее адекватное представление о двух сторонах художественного творчества дает знаменитая трагедия А. Пушкина «Моцарт и Сальери». С одной стороны, «творческое парение» гения, создание божественной музыки в порыве вдохновения (образ Моцарта), а с другой – «алгебра гармонии», «холодная» техника творца (образ Сальери). Безусловно, для создания подлинного шедевра необходимо и то, и другое, но у Пушкина эта антиномия: божий дар – «бездущная» техника – сознательно доведена до крайней степени. Ремесленник от искусства Сальери, объясняя свою зависть к гениальному Моцарту, восклицает [26, с.280]: «О небо! Где ж правота, когда священный дар, // Когда бессмертный гений – не в награду // Любви го-

рящей, самоотверженья, // Трудов, усердия, молений послан —// А озаряет голову безумца?...». С одной стороны, очевидно, что поэт — свободный творец, художник, не знающий над собой иного закона, кроме артистического совершенства. Об этом же феномене говорят пушкинские строки из стихотворения «Поэт и толпа» [25, с.167]:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв...

Процесс творчества — служение красоте, истине и любви, что поэт проявляет в свободном парении плей-игры. Отвечая в интервью А. Аппелю на вопрос о процессе собственного творчества, В. Набоков заметил: «Как сочинитель, самое большое счастье я испытываю тогда, когда чувствую или, вернее, ловлю себя на том, что не понимаю... как и откуда ко мне пришел тот или иной образ или сюжетный ход» [23, с.414]. По мнению писателя, поэт в принципе не подражает реальности, а творит ее заново. Он создает «новый» мир, населяя его выдуманными «людьми» — персонажами. Точно такая плей-игра писательского воображения характерна для многих новелл Х. Борхеса, который, по словам И. Тертерян, демонстрирует, «сколь далек может быть «отлет фантазии» от реальной жизни» [30, с.8]. В новелле «Алеф» персонаж Борхеса видит в двухсантиметровом отсвечивающем шарике весь мир: «Я видел густо населенное море, видел рассвет и закат, видел толпы жителей Америки, видел серебристую паутину внутри черной пирамиды... видел всех муравьев, сколько их есть на земле... видел со всех точек в Алефе земной шар, и в земном шаре опять Алеф...» [7, с.195]. Писатель прозревает вечное в повседневности, в плей-игре его воображения моделируется земной мир.

Однако, с другой стороны, совершенство художественного произведения достигается именно гейм-игрой художника — закреплением «полета фантазии» в тексте при помощи «партитуры знаков» (языка текста). По мнению представителя «нового нового романа» Ж. Рикарду, создание произведений искусства предполагает двоякую возможность: отражение внешней реальности и отражение самих средств отражения, «причем современная литература следует по второму пути» [33, с.199]. Действительно, если в предшествующей XX веку литературе «обнажение приема» было более чем редкое явление (можно назвать Д. Свифта, Н. Гоголя, Л. Кэрролла и др.) и считалось недостатком, то многие литературные шедевры 20 века связаны с нарочитой демонстрацией художником своих повествовательных приемов. Такие разные по стилистике авторы, как В. Набоков, Д. Джойс, Э. Паунд, Х. Борхес, Т.С. Элиот, часто определяют технические приемы, используемые ими для создания произведения, как неделимую и значимую часть текста.

Так американский поэт Э. Паунд уже в зачине поэмы «Близ Перигора» проясняет для читателя истоки реконструкции образа поэта-трубадура Бертрона де Борна. Паунд ссылается как на современника Бертрона, итальянского поэта Чино де Пистойя, так и на знаменитого составителя жизнеописаний трубадуров Юк Сен Сирка [24, с.216]:

Вы, подобрав в пыли сердца,
Секреты их раскрыли, Чино,
Ведь так? Тогда, мессир,

Меж строк читая Юк Сен Сирка,

Разгадку дайте байки, нам известной...

Цитируя строчки из кансон Бертрона, сопоставляя с ними известные факты его биографии, Э. Паунд предлагает читателю нарочито авторский, поэтически реконструированный образ Бертрона, основанный не столько на истории, сколько на «вымысле»: «Прочь факты. Смотрим вымысел, Пред нами// Отфорт, светелка в башне, Эн Бертран...// По рифмам судя, тощий тип он? Желчный?// С растрепанной бородкой рыжей...» [24, с.216].

Французский писатель и кинорежиссер А. Роб-Грийе доводит в своих романах «Соглядатай», «В лабиринте», «Ревность» ситуацию разрыва между реальностью жизни и человеческим сознанием до конца, нарочито освобождая свои произведения от жизненного правдоподобия. В статье «О нескольких устаревших понятиях» Роб-Грийе замечает: «Сила романиста состоит именно в том, что он создает нечто новое, создает совершенно свободно, без всякого образца... вымысел, воображение в пределе сами становятся сюжетом книги» [28, с.117]. Демонстрация таких приемов «сотворения текста», на наш взгляд, еще раз дает возможность писателю ощутить себя демиургом, создателем параллельного реальности мира. В этом моделированном мире (арт-игре) уже не действуют привычные земные законы, но действуют законы эстетики писателя. Пятнадцатый эпизод «Улисса» Д. Джойса — это не просто поход Блума и Стивена по кварталу публичных домов Дублина, не просто набор театральных представлений на подмостках дублинских улиц. По замыслу автора, это путешествие обывателя и художника по сконцентрированному до размеров квартала большого города миру людей. Все сцены этого эпизода, по словам С. Хоружего, «должны исчерпать этот мир, представить его полную экспликацию, развертку» [13, с. 639]. При этом Джойс постоянно апеллирует к памяти читателя, вводя в текст реминисценции из Гомера, Шекспира, Теннисона. Мир «Улисса» оказывается организованным по законам Д. Джойса, и роман может быть понят только по этим законам. Таким образом, соединение плей-игры писательского вдохновения и гейм-игры литературного приема образует художественный мир, сотворенный посредством языка, — текст.

Третий уровень литературы — игра в пространстве текста. Здесь уместны два замечания: во-первых, далеко не все заложенные в тексте возможности ясны при написании самому автору (едва ли Рабле мог бы написать о себе книгу, подобную той, что создал М. Бахтин); во-вторых, текст после публикации начинает «жить» независимо от воли писателя, создавшего его (текст обрастает комментариями). Так, персонаж Х. Борхеса Менар из новеллы «Пьер Менар, автор «Дон Кихота»» пытается перевести великий роман М. Сервантеса на современный ему язык. Для того, чтобы реализовать этот план, Менар по существу должен написать нового «Дон Кихота»: «Всю свою добросовестность и часы бдения он посвятил тому, чтобы повторить на чужом языке уже существующую книгу» [7, с.67]. Без объяснения плей-игры, гейм-игры и арт-игры в художественном произведении невозможно объяснить феномен воздействия на читателей разных эпох великого текста с персонажами-фантомами писательского воображения. Продолжим пример с романом М. Сервантеса. Во второй части «Дон Кихота» сам Дон Кихот и его верный

Санчо Панса читают первую часть романа: по словам Борхеса, это внушает нам, что «если вымышленные персонажи могут быть читателями или зрителями, то мы, по отношению к ним читатели или зрители, тоже, возможно, «вымышленны» [7, с.213]. Подобная игра воображения, легко сочетающая в себе текстовую реальность «Дон Кихота» и реальность Борхеса-читателя, на наш взгляд, и является плей-игрой в художественном тексте.

Комментируя роман А. Пушкина «Евгений Онегин», Ю.М. Лотман замечает, что Пушкин в первой главе романа, стремясь окружить своих героев реальным пространством, «вводит их в мир, наполненный лицами, персонально известными и ему, и читателям» (Каверин, Истомина, сам поэт). Именно поэтому современники Пушкина увидели и в Онегине, и в других персонажах романа вполне реальных людей. Но, даже если герой произведения историчен (Наполеон в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого, Ленин в очерке М. Горького «В.И. Ленин» и т. д.), дистанция между ним и реальным человеком бывает достаточно значительна. Персонаж – «дитя» автора, и он получается таким, каким писатель хотел его видеть. Это также примеры внутритекстовой плей-игры.

Гейм-игра в тексте предстает, на наш взгляд, в установках произведения, выделенных в свое время Р. Якобсоном [34]. Попытаемся пояснить эти установки на материале новеллы Ф. Кафки «Превращение», опираясь при этом на системный анализ новеллы, сделанный исследователем Т. Виннером [9]. Установка на контекст реализуется в новелле в «языке мифологических систем и фольклора» [9, с.319]: параллели с волшебной сказкой типа «Красавица и Зверь», атрибуты Христа в облике Грегора Замзы. Превращение Замзы в жука (заметна аллюзия: Замза – Кафка) – это последняя степень отчаяния героя новеллы в его существовании среди людей, которые отказываются замечать ценность талантливого человека. Любовь сестры Греты, вероятно, еще могла бы спасти Грегора – жука, но его трагедия в том, что Грета не испытывает к нему даже прежней привязанности. Замза изначально обречен на смерть, и сюжетные повороты новеллы всякий раз подтверждают это: Грегора не понимает никто – ни отец, ни мать, ни сестра. «Если бы Грегор мог поговорить с сестрой и поблагодарить ее за все, что она для него делала, ему было бы легче принимать ее услуги...» [18, с.314]. Но Грета и не желает понимать брата, превратившегося в жука, более того – предлагает избавиться от него: «Пусть убирается отсюда! – воскликнула сестра. – Это единственный выход» [18, с.332]. Подсознательно-психологический уровень новеллы (инцестуальный код) лишь осложняет отношения Грегора с сестрой, реализуя установку на код в «Превращении». Сестра, музыкальный талант которой может оценить только изменившийся брат, постепенно начинает испытывать к Грегору чувство омерзения, в отличие от сказочной героини, обычно целующей Зверя и возвращающей ему человеческий облик.

Еще две установки текста – на адресата и на адресанта – присутствуют в тексте Кафки, по мнению Т. Виннера, в изображении общественных взаимоотношений (Грегор – Управляющий) и в отражении писателем «общекультурных систем» Праги тех лет [9, с.319]. Иерархические отношения между Замзой и Управляющим осложняются до предела после превращения героя: Грегор

пытается, будучи жуком, выполнить свои служебные обязанности, тогда как Управляющий сразу «отсекает» ему всякую возможность отступления: «Это был голос животного, – сказал управляющий, сказал поразительно тихо...» [18, с.301]. Бегство Управляющего при виде нового облика Замзы и его отказ признать в нем человека предопределяют трагическую судьбу героя. Ф. Кафка – мастер «напряженного» повествования, на протяжении чтения «Превращения» читателя не покидает чувство трагичности бытия. Все усилия Грегора-жука, направленные на его повторную «социализацию», оказываются напрасными, так как герой потерял доступные средства коммуникации с окружающими его людьми. Несмотря на вариативность размышлений Замзы о своем состоянии, его постепенное угасание и смерть в конце новеллы представляются читателю практически неизбежными. С произведений Кафки и Джойса по существу начинается литература XX века – с ее тотальной открытостью (описанию подвержены все стороны бытия) и неизбежной трагедийностью.

Другой уровень гейм-игры в пространстве текста – движение персонажей по «правилам» всемогущего автора. Признанный мастер «игры с читателем» В. Набоков, отвечая на вопрос А. Аппеля в знаменитом интервью, могут ли герои завладеть своим автором и «диктовать» ему развитие сюжета, сказал: «Никогда в жизни. Вот уж нелепость!.. Замысел романа прочно держится в моем сознании, и каждый герой идет по тому пути, который я для него придумал. В этом приватном мире я совершеннейший диктатор, за его истинность и прочность отвечаю я один...» [23, с.415]. Другое дело, что многие герои Набокова действуют, как правило, в соответствии со своим имиджем, поэтому их поступки и выходки психологически оправданы. Персонаж Борхеса Г. Куэйн в «своих» книгах рассыпает экстравагантные литературные рецепты, давая другим писателям шанс ими воспользоваться. Однако вполне реальные писатели использовали рецепты Куэйна, прочтя, разумеется, само эссе Х. Борхеса. Такое взаимовлияние литературы и жизни парадоксально, но иногда бывает в действительности: вспомним, сколько поэтов вдохновлялось образами шекспировских Гамлета и короля Лира, Дон Кихота Сервантеса, байроновского Чайльд-Гарольда!

Вероятно, можно выделить довольно значительное число видов гейм-игры персонажей даже в творчестве отдельного писателя. Герои авантурных романов всегда играют «на выигрыш», поэтому нераскрытая тайна в произведениях подобного жанра вызывает раздражение читателя. Рамки подобного жанра предполагают успех главного героя и торжество добродетели в конце произведения, поэтому некоторые тексты («Тайна Мари Роже» Э. По, «Подвиг» В. Набокова и др.), не реализующие до конца формат жанра, порой не оцениваются массовым читателем. Подмена естественного в определенной жизненной ситуации поведения героев противоположным (не-естественным) также может быть отнесена к гейм-игре: так ведут себя порой персонажи Шекспира, М. Лермонтова, Ф. Достоевского, А. Чехова, М. Булгакова.

Еще одна разновидность подобной игры – игра персонажей в других персонажей. По замечанию исследователя А. Зорина, в ряде произведений воспроизводится «ситуационное» поведение, когда «литературная маска прикрепляется не к лицу, а к некоторой бытовой ситуации» [16,

с.217]. Так, например, герои пушкинской «Метели» Бурмин и Марья Гавриловна объясняются в любви, используя клише из романа Ж.Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». При этом Бурмин цитирует фрагмент письма Сен Прё «не потому, что отождествляет себя с ним. Отождествляется ситуация, что позволяет найти готовые формулы выражения чувств...» [20, с.318].

Наконец, последняя выделяемая нами модификация игры – внутритекстовая арт-игра («текст в тексте»). С одной стороны, этот «текст персонажа» можно рассматривать как двигатель сюжета (роман Мастера в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова) или одну из характеристик героя (описание внешности плюс поступки героя плюс его «произведение» – таковы «исповеди» героев в романах Ф. Достоевского). С другой стороны, «текст в тексте» может нести особую смысловую нагрузку, иметь собственную художественную ценность: роман-биография Чернышевского в «Даре» Набокова, «Легенда о Великом Инквизиторе» в романе «Братья Карамазовы» Достоевского. «Текст в тексте» приобретает здесь самостоятельное, а не вспомогательное значение и является своеобразной «моделью мира по персонажу». Именно поэтому не корректны те критики, которые судят автора за «произведения» героев, зачастую в них представлен совершенно иной взгляд на жизнь, нежели у автора. Отличие «самостоятельных» «текстов в тексте» от «вспомогательных» довольно условно: то, что для писателя было лишь характеристикой героя, может обрести особую ценность для читателей или профессиональных толкователей.

Главным критерием выступает мастерство писателя, его умение перевоплотиться в собственного персонажа и создать текст, полностью учтя «психологию», «воспитание» и «привычки» сотворенного им «человека-универсума». Примерами подобного рода в русской литературе могут служить великолепные «исповеди»: журнал Печорина в «Герое нашего времени» М. Лермонтова, исповедь «подростка тогдашнего смутного времени» [15, с.692] в романе «Подросток» Ф. Достоевского. В последнее время проблема арт-игры в пространстве текста становится актуальной в литературоведении, что связано и с потоком произведений современных писателей в интернет-пространстве, где «маска» героя порой трудноотличима от лица автора.

Итак, мы закончили анализ трех уровней функционирования «триады» игры применительно к художественному творчеству и непосредственно к тексту. По словам Г. Фазыльяновой, текст на уровне языковой деятельности «представляет собой специализированный продукт, ткань которого сплетается из дискурсов, реплик, диалогов, он... обладает свойством обращенности к определенному субъекту» [31, с. 19]. Адекватная интерпретация текста по-прежнему остается ключевой задачей для любого грамотного читателя или интерпретатора. «Игровой» метод анализа художественного текста предполагает рассмотрение девяти модификаций игры (при создании, существовании и интерпретации произведения), учитывающих все его уровни.

Применение данного метода позволяет, на наш взгляд, дать полный, исчерпывающий комментарий литературного произведения. «Игровой» метод анализа текста поможет внимательному читателю досконально исследовать отношения: художник – искусство – текст.

Список литературы

1. Банников Н. Жизнь и поэзия Бальмонта// Бальмонт К.Д. Солнечная пряжа: Стихи, очерки/ Сост., предисл. и примеч. Н.В. Банникова.– М.: Дет. лит., 1989. – С.5–20.
2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы 19-20-го вв. Тракаты, статьи, эссе. – М., 1987. – С. 387– 422.
3. Барт Р. Драма, поэма, роман// Называть вещи своими именами: Прогр. выступления мастеров запад.- европ. лит. 20 века. Сост., предисл., общ. ред. Л.Г. Андреева.– М.: Прогресс, 1986. – С.133–150.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979.– 320 с.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
6. Брагина Н.Н. Н.В. Гоголь: Симфония прозы (опыт аналитического исследования). Глава III: «Петербургские повести»- Скерцо (Об игровых приемах в художественной прозе). – Иваново: Талка, 2007. – С. 68-104.
7. Борхес Х.Л. Проза разных лет: Сборник/ Составление и предисловие И. Тертерян; Комментарий Б. Дубина.– М.: Радуга, 1989. – 320 с.
8. Бродский И. Бог сохраняет все/ Состав, предисловие и примечания В. Куллэ. – М.: Миф, 1992. – 302.
9. Виннер Т. Литература как семиотическая система: «Превращение» Кафки как метасемиотический текст// Res Philologica. Филологические исследования/ Отв. редактор Д. С. Лихачев.– М.; Л.: Наука, 1990.– С.317–329.
10. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988.– 704 с.
11. Гессе Г. Игра в бисер// Гессе Г. Избранное. Сборник/ Составл. и предисл. Н. Павловой. – М.: Радуга, 1991. – С.77-433.
12. Греймас А.-Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. – М., 1983. – С. 483-485.
13. Джойс Д. Улисс: Роман/ Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. – М.: Республика, 1993.– 671 с.
14. Достоевский Ф. М. Игрок// Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15-ти тт. Т. 4 /Редактор В.А. Туниманов. – М.: Наука, 1989. – 783 с.
15. Достоевский Ф. М. Подросток// Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15-ти тт. Т. 8 /Редактор И.Д. Якубович. – М.: Наука, 1990. – 815 с.
16. Зорин А. Новые аспекты старых проблем// Вопросы литературы. -1985, № 7. – С.208-219.
17. Исупов К. Г. Две модели творческого поведения (Достоевский и Пришвин) // Проблемы творчества Ф. М. Достоевского: поэтика и традиции.– Тюмень, 1982. – С. 77–87.
18. Кафка Ф. Замок: Роман; Новеллы и притчи; Письмо отцу; Письма Милене: Пер. с нем./ Авт. предисл. Д. Затонский. – М.: Политиздат, 1991.
19. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. –Л.: Сов. писатель, 1989. – 720 с.

20. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – 336 с.
21. Медвецкий И.Е. «Игра ума, игра воображения...»: Метод анализа художественного текста// Октябрь. – 1992, № 1. – С.188–192.
22. Набоков В. Дар. Роман. – М.: Азбука-классика, 2007. – 416 с.
23. Набоков В.В. Из интервью, данного Альфреду Аппелю// Набоков В.В. Рассказы. Приглашение на казнь: Роман. Эссе, интервью, рецензии. – М.: Книга, 1989. – С.408–436.
24. Паунд Э. Из стихов 1908–1912 годов (перевод с англ. А. Парина и А. Наймана) // Иностранная литература. – № 1991, № 2. – С.208–221.
25. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1974.
26. Пушкин А.С. Моцарт и Сальери// Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 4. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 279–287.
27. Разговоры Пушкина/ Собрали С. Гессен и Л. Модзалевский: Репринт. воспроизведение издания 1929 г. – М.: Политиздат, 1991.
28. Роб-Грийе А. О нескольких устаревших понятиях// Называть вещи своими именами: Прогр. выступления мастеров запад.-европ. лит. 20 века. Сост., предисл., общ. ред. Л.Г. Андреева. – М.: Прогресс, 1986. – С.112–119.
29. Сквозников В.Д. Стиль и художественная ценность произведения// Контекст-1987: литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1988. – С.182 – 206.
30. Тертерян И. Человек, мир, культура в творчестве Хорхе Луиса Борхеса// Борхес Х.Л. Проза разных лет: Сборник/ Составление и предисловие И. Тертерян; Комментарий Б. Дубина. – М.: Радуга, 1989. – С. 5–20.
31. Фазыльзянова Г.И. Понимание художественного текста как креативно- онтологический феномен: Автореф. диссертации на соиск. уч. степени доктора культурологии. – СПб., 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/ponimanie-khudozhestvennogo-teksta-kak-kreativno-ontologicheskii-fenomen>
32. Хейзинга Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры/ Составитель, переводчик и автор вступительной статьи Д. В. Сильвестров. Научный комментарий Д. Э. Харитоновича. – М.: Прогресс-Традиция, 1997.
33. Эпштейн М. И. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. – М.: Сов. писатель, 1988. – 416 с.
34. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика// Структурализм: «за» и «против». – М., 1975 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/philology/jakobson-75.htm>

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ БЛОГАХ РФ И США

Миргалимова Л.М.
магистр, 1 курс, К(П)ФУ
Салиева Р.Н.

канд.фил. наук., доцент кафедры германской филологии, К(П)ФУ

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждаются вопросы видов и особенностей трансформаций в правительственных блогах РФ и США. Материалом исследования стали 87 английских и 64 русских модификаций ФЕ. Целью нашей работы является выделение типов и функций трансформаций в этих блогах.

ABSTRACT

The article discusses the questions of types and peculiarities of phraseological transformations implied in Russian and American governmental blogs. We analyzed 87 English and 64 Russian modified phraseological units to distinguish types of transformations and their function in these blogs.

Ключевые слова: фразеологическая единица, устойчивость, трансформация.

Key words: phraseological unit, stability of phraseologisms, transformation.

Исследования фразеологических трансформаций являются популярными на сегодняшний день, но, несмотря на то, что они популярны, трансформации фразеологических единиц остаются малоизученной сферой науки, они остаются вопросом обсуждения многих ученых, что обуславливает актуальность данной работы. Предрасположенность фразеологических единиц к трансформациям представляет собой особый интерес для исследования, поскольку трансформированные фразеологические единицы являются особой нагрузкой для читателя, для писателя же трансформация представляется способом

передачи его субъективного восприятия действительности. Очень важен тот факт, что писателю необходимо быть осторожным, чтобы сохранить связь между фразеологической единицей существующей (закрепленной словарной единицей) и фразеологической единицей трансформированной, чтобы обеспечить «узнаваемость» в модифицированном варианте следы фразеологической единицы оригинала и «понимаемость» читателем намерений автора. Актуализация трансформирования фразеологических единиц, как правило, является эмотивно-экспрессивным средством воздействия на аудиторию слушателей или читателей.

Трансформированные фразеологические единицы являются предметом изучения не только типологии, переводоведения, стилистики, но и психолингвистики, т.к. механизмы формирования трансформаций сравнительно мало изучены. В своих трудах трансформированные фразеологические единицы рассматривают многие учёные.

А.Ф. Артемова (2009) рассматривает в своей работе так называемые «авторизированные» фразеологические единицы, которые представляют собой своего рода трансформации, при этом нужно упомянуть, что трансформации подвергаются как содержание, так и форма фразеологических единиц. Особое внимание уделяют трансформированным фразеологическим единицам, воспринимаемым двояко, при этом создавая юмористический эффект, который называется каламбур [1, с. 173].

Р.А. Аюпова (2012) уделяет внимание окказиональному употреблению фразеологических единиц (*“occasional use of idioms”*), и рассматривает основные типы и примеры использования трансформированных идиом. Среди рассматриваемых типов трансформации: внесение дополнительной информации (*insertion*), фрагментация (*breaking*), замещение (*substitution*), инверсия (*inversion*), актуализация (*actualisation*) [2, с. 29-30].

А.С. Гадакян (2013) анализирует трансформирование фразеологических единиц в современных англоязычных средствах массовой информации с точки зрения лингво-прагматического и коннотативного аспектов, выделяя при этом следующие трансформации: простое, усложненное и составное атрибутивное расширение, эллипсис и фразеологическую аллюзию [4, с. 186-190].

А.В. Кунин (1972, 2000) изучает вопросы «устойчивости» фразеологических единиц. Он был одним из первых отечественных ученых, который рассматривал окказиональное использование пословиц и поговорок, в частности на случаи нарушения синтаксической обусловленности, что вызывает эффект неожиданности и смысловое изменение высказывания. К примеру, употребление *“Queen Anne is dead?”* вместо *“Queen Anne is dead!”* в произведении Б.Шоу [5, с. 244].

М.Д. Степанова и И.И. Чернышева (2003) освещают вопрос фразеологической деривации (*“phraseologischer Derivation”*), которая представляет собой образование фразеологизмов, на основе уже существующих и закрепленных в словаре фразеологических единиц. Процесс заключается в основном в составлении производных фразеологических единиц из предложений типа пословиц, новые единицы получили название «дериват» [6, с. 209-210]. Вопрос о фразеологической деривации также рассматривается в работе А.В. Кунина, новообразования при этом именуются «фраземами». Фраземы образуются из пословиц и поговорок [5, с. 20-21]. Ученый также уделяет внимание деформированию фразеологических единиц, образованных на основе библейских сказаний, приводя пример из *«Times»*: *«Factor said in effect: «I will swallow all the camels you have said about me, but I strain at this gnat»* («обращать внимание на мелочи, а не на основное») [5, с. 66].

Трансформации не были бы возможны, если бы все фразеологические единицы были абсолютно устойчивы и подмена тех или иных компонентов или изменение структуры вызывали изменения ФЕ, и она становилась бы неузнаваемой. Учитывая то, что наша работа рассматривает

трансформации, особое внимание нужно уделить вопросу устойчивости, поскольку трансформирование предполагает изменение структурного, семантического, грамматического или других компонентов существующей фразеологической единицы.

А.В. Кунин рассматривает проблему устойчивости комплексно, выделяя при этом виды «инвариантности»:

- «устойчивость употребления» подчеркивает «общественность» фразеологической единицы, при этом, и индивидуальные крылатые изречения способны с течением времени стать общественным достоянием и превратиться в устойчивые единицы;
- «структурно-семантическая устойчивость» указывает на то, что любая фразеологическая единица состоит из двух или более слов/компонентов, и структура фразеологической единицы не может служить моделью для создания других аналогичных данной фразеологических единиц;
- «семантическая устойчивость» предполагает «стабильность переосмысления значения», «наличие тождественного значения и лексического инварианта, наличие фразеологических вариантов и семантических инвариантов»;
- «лексическая устойчивость» обусловлена «неподменяемостью компонентов или возможностью нормативной замены компонентов только в рамках фразеологической вариантности или структурной синонимии при обязательном сохранении семантического и лексического инвариантов»;
- «синтаксическая устойчивость» предполагает «полную неизменяемость порядка компонентов фразеологических единиц или изменяемость в рамках вариантности» [5, с. 5-7].

В работе лингвистов А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского наряду с категорией устойчивости упоминается категория нерегулярности, которую ученые относят к области синтеза языковых выражений. Они определяют категорию нерегулярности как процесс и результат «использования при формировании языкового выражения менее общего правила при наличии более общего. В частном случае менее общее правило оказывается уникальным» [3, с. 55].

Удивительная способность языка иметь набор четко ограниченных элементов, обозначенного набора правил и в то же время способность к изменениям, его живость и гибкость, его развитие как живого организма не могут остаться незамеченными. Как набор неизменных и изменяемых элементов язык рассматривался Б. де Куртэнэ. Одним из ярких примеров таких изменений в жестко обозначенных структурах является трансформация фразеологических единиц. Трансформация всегда целенаправленна и обязательно привносит изменения структурные, стилистические и прагматические.

Мы считаем, что трансформации используются в большинстве случаев исключительно в стилистических целях.

Трансформацией является нарушение лексической устойчивости, которая выражается в следующих формах:

- замещение компонента;
- атрибутивное расширение
- опущение компонентов.

Замещение компонента «освежает фразеологическую единицу, придавая ей новое звучание. Рассмотрим замещение слова “chat” словом “hangout”, в выражении “fireside chat”, известном как «беседа у камелька», беседа президента с населением (по радио и телевидению):

«President Obama also took part in a “fireside hangout” not too long ago».

Значение слова “hangout” и его принадлежность к разговорному слою лексики, меняют стиль выражения, осовременивают его, хотя первоначальное денотативное значение ‘беседа президента с населением’ сохраняется, меняется ракурс этой самой беседы: во-первых, мы можем предположить, что это была личная встреча президента с населением, двусторонняя, а не «разговор» по радио и телевидению, во-вторых, трансформированный вариант указывает на то, что президент и его народ общаются в равноправных условиях.

В следующем примере, в коллокации “digital innovations” происходит замещение существительного, которое превращает «цифровые инновации» в «цифровых первенцев»:

«Take a look at just some of our Administration’s digital “firsts”».

«Birthdays are truly special occasions, celebrating a milestone of achievement», образованный от “pass a milestone” (перейти рубеж») пример замещения, который не выполняет стилистических функций.

В некоторых случаях, причиной замещения может стать желание избежать использования заимствованных слов, как в примере из речи президента:

«Собственно, это и есть инструмент, который в течение последних двух лет набирает обороты, который даёт возможность садиться совместно и приходить к единому пониманию», вместо «прийти к консенсусу».

Опущение компонентов в рассмотренных нами случаях не преследует каких-либо стилистических целей:

«Together, we can make sure that every Native young person is treated like a valuable member not only of your nation, but of the American family-- that every Native young person gets an equal shot at the American Dream» вместо “get a shot in the arm” (получить импульс к развитию).

К примеру, нарушение лексической устойчивости происходит также в следующих высказываниях, в которых наблюдается атрибутивное расширение:

«President Obama Signed A New Executive Order — The First Part Of The New Buysecure Initiative — That Takes Critical Steps To Protect Consumers’ Financial Security And Improve Confidence In The Marketplace».

«In Remarks At The Consumer Financial Protection Bureau (Cfpb) Announcing The New Buysecure Initiative, The President Highlighted Some Of The Specific Steps That His Administration And The Private Sector Are Taking To Improve Americans’ Financial Security...».

«...Additional Steps That The Government Is Taking...»

« We Applaud The Administration For Taking Proactive And Positive Steps By Adopting Pin And Chip Technology For Government-Issued Debit And Credit Cards, Among Other Things».

«...And Called On Congress Again To Enact Overdue Cybersecurity Legislation That Will Protect Americans,

Particularly By Clarifying Companies’ Obligations When Sensitive Data Is Breached».

Атрибутивное расширение возможно в коллокациях такого рода, поскольку они слабоидиоматичны. Употребление в коллокациях семантического компонента в прямом значении позволяет применить в данных случаях эпитеты к нему. То же самое наблюдается и в русских коллокациях:

«Мы видим, что результаты приносят хорошие плоды».

«Роскосмосу (И.А.Комарову), Спецстрою России (А.И.Волосову) и Минтрансу России (М.Ю.Соколову) принять исчерпывающие меры по обеспечению реализации в 2015 году указанных программ соответственно и доложить в Правительство Российской Федерации».

«А сейчас украинские сельхозпроизводители не по своей вине оказываются в заведомо проигрышном положении».

По природе своей to take (a) step(s)(принять меры), enact a legislation(ввести законодательство), принять меры, приносить плоды, оказаться в выигрышном/проигрышном положении являются нейтральными до тех пор пока авторы не вносят свои коррективы в виде эпитетов, которые призваны менять отношение читателя к определенным проблемам, проникнуться определенными ситуациями происходящими в стране.

Нарушение структурно-семантической устойчивости проявляется использовании моделей пословиц для создания других изречений:

«В этом году мы этого не сделали по согласованию с профсоюзами, и нас в этом отношении поддержал и Аркадий Владимирович Дворкович, и Председатель Правительства, потому что, образно говоря, одну и ту же овцу дважды не стригут, ничего не получится».

Прототипом этого изречения могли стать «В одну и ту же реку дважды не войти» или «На одни и те же грабли дважды не наступают», главным остается то, что сохраняется образность.

Нарушение семантической устойчивости в нашем случае представлено метонимией.

Переосмысление (изменение) значения имеет место при употреблении фразеологической в нехарактерном для него контексте:

«Zeros & Ones» (a group of budding computer scientists)... - в предложении сочетание «нули и единицы» обозначает не двоичную систему кодирования, а является обращением к группе ученых-программистов. В данном случае имеет место метонимия, обращение к группе людей термином, присущим к сфере деятельности этих самых людей.

В отдельную группу мы решили выделить морфологические трансформации фразеологических единиц. В случаях модификаций морфологического устройства ФЕ, мы имеем дело с эмоционально экспрессивной деривацией.

Добавление/замещение аффиксов представляет собой ещё один способ трансформаций. Одним из результатов добавления аффиксов может стать «эффект неожиданности»:

«I Guess You Can Say It Exceeded My Non-Expectations,” Says Audrey».

Отрицательный префикс в следующем примере выражает недовольство сложившейся ситуацией:

«В результате по целому ряду программ подушевое недофинансирование имеет место по сравнению со среднероссийским».

Также недовольство сложившейся ситуацией выражает следующий пример:

«Даже самой качественной макроэкономической политики бывает недостаточно, если назрели структурные проблемы, а у нас они, по сути, перезрели», где добавление префикса пересоздает градацию, в этом случае изменения грамматической категории не наблюдается.

Во всех случаях трансформаций мы имеем дело с авторскими модификациями фразеологических единиц. Одной из трудностей, с которой мы столкнулись во время анализа фразеологических трансформаций, стала «размытость» границ между фразеологической «нормой» и «отклонением». К сожалению, понятие нормативного использования, указанное в словарях, очень часто является субъективным и «интуитивным» как указывают сами авторы (к примеру В.В. Виноградов (1977), А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский (2006)). Мы считаем, что нам удалось выявить некоторые тенденции модификаций в русском и английском языках: самым распространенным способом модификации как в русском, так и в английском является нарушение лексической устойчивости; среди нарушений лексической устойчивости, атрибутивное расширение

присуще коллокациям, поскольку коллокации слабодидоматичны по своей природе.

Список литературы

1. Артемова А.Ф. Английская фразеология: спецкурс. М.: Высшая школа, 2009. – 208 с.
2. Аюпова Р.А. Фразеология английского языка: учебно-методическое пособие. Казань: Отечество, 2012. – 60 с.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. – 656 с.
4. Вестник Челябинского государственного университета, 2013 №1(292). Филология. Искусствоведение. Вып.:73
5. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.
6. Stepanova M.D., Cernyeva I.I. Lexikologie der Deutschen Gegenwartssprache. М.: Academia, 2003. – 256.
7. Блог правительства Российской Федерации. Электронный ресурс. - [Режим доступа]: <http://government.ru/news/>
8. Блог правительства Соединенных Штатов Америки. Электронный ресурс. - [Режим доступа]: [https:// www.whitehouse.gov/blog](https://www.whitehouse.gov/blog)

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ-СТАТУСОВ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Непомнящих Екатерина Александровна

Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Международного института экономики и лингвистики, Иркутского государственного университета, г. Иркутск

*Парк Сангил
г. Иркутск*

АННОТАЦИЯ

Цель статьи - изучение текстовой специфики статуса в социальной сети как особого субжанра интернет-коммуникации. В статье проанализировано 120 текстов-статусов в социальной сети "ВКонтакте". В результате исследования составлена их семантическая типология и описаны текстовые признаки и особенности.

ABSTRACT

The purpose of the article is study of llinguistic specifity of status in social network as a special subgenre of internet communication. 120 status texts from "vkontakte.com" are analyzied. The result of study is making the semantic classification of these texts, linguistic description of their features.

Ключевые слова: социальная сеть, субжанр, текст-статус, малоформатный текст.

Keywords: Social network, subgenre, text-status, small-sized text.

Изучение речевых жанров актуально прежде всего в связи с функциональной направленностью лингвистической парадигмы.

М.М. Бахтина понимал под речевыми жанрами "относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказывания" [1: 241-242], которые зависят от ситуации общения и имеют формально-синтагматические и функциональные особенности. Важнейшими признаками жанра являются характерные условия и цели высказывания, желание говорящего выразить собственный замысел, зависимость от сферы употребления.

В современном отечественном языкознании определение речевого жанра переформулировано В.В. Дементьевым и К.Ф. Седовым: речевой жанр - "вербальное оформление типичной ситуаций социального взаимодействия людей" [2: 6], "системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некой особой целесообразности" [3: 37].

Поскольку текстовое воплощение речевых жанров довольно разнообразно, В.В. Дементьев и К.Ф. Седов предложили типологию, в соответствии с которой выделяется собственно жанр, где совпадают типы и реализации;

субжанр - жанровые формы, "представляющие собой одноактные высказывания, которые состоят из одного сверхфразового единства и которые способны входить в собственно жанры на правах тактик"; жанроиды - гибридные, "переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве"; гипержанр - жанр, характерный для определенного социума, культуры [2:62-63].

Учитывая вышеизложенное, мы считаем возможным выделить статус социальной сети как субжанра интернет-общения, который отличается специфическими конструктивными, содержательными и формальными свойствами.

В субжанре статусов наблюдается обилие вариантов текстового воплощения, однако проанализировав 120 текстов-статусов, мы можем констатировать следующие особенности.

Текст-статус представляет собой некоторую презентацию его автора. Такое послание имеет конкретную форму (текстовую, визуальную, символическую) и поступает к адресату с помощью конкретного канала коммуникации.

В текстах-статусах количество символов ограничено, текст может состоять не более чем из 64 печатных знаков. Это влияет на реализацию интенции автора, который должен сформулировать мысль кратко, лаконично, что даёт нам основание считать указанные тексты малоформатными.

Тексты статусов являются креолизированными, несмотря на то, что не всегда содержат какие-либо графические символы или рисунки, однако такие тексты не существуют изолированно, вне профиля (электронной страницы пользователя социальной сети), а выполняют свою коммуникативную функцию только в непосредственной сфере употребления. Страницы большинства пользователей содержат фото, то есть статус практически всегда сопровождается каким-либо изображением, поэтому очень часто понимается как авторский текст пользователя страницы.

Текст-статус - это первое текстовое сообщение, которое видит гость на электронной странице. Пользователи стараются привлечь внимание гостей страницы для того, чтобы гость был заинтересован и просмотрел другую информацию страницы (личную анкету пользователя, посты - сообщения и т.д.).

Мы выяснили, что многие пользователи используют статус в рекламных целях. Почти половина исследованных нами методом сплошной выборки текстов-статусов носят рекламный характер со свойственными ей языковыми особенностями, слоганом, эмоциональной лексикой и т.д., например:

Утром - звонок, вечером - праздник! +79027679069;

Инвестирую под 240% годовых, каждый вторник выплаты на карточку сбер банка! Подробности в лс!:) С ув. Жирайр Вардазарян;

"Авто Приморье - Регион" - Все для Вашего Авто!;

Обучаю игре на ударной установке!! Информация на странице. Просто нажмите "Показать подробную информацию");

Всем добра!) www.penguin-media.ru tel.: 205-666 (service) tel.: 648-458(Penguin) и т.д.

Также встречаются рекламные объявления, содержащие только фактуальную информацию. Чаще всего это либо адреса сайтов (<http://meowthnails.ru/>; www.950050.ru), либо контактные данные с указанием вида услуг:

Татт00 Joker. карла маркса 30 т. 678-092;

Костюмы, реквизит, аксессуары для фотосессий и мероприятий! Магазин "Воображариум". Тел: 602-152. Ул.Горького 42, 3 эт, пав.4. С 10-19ч.

Однако другие пользователи предпочитают указывать в статусах информацию о себе, личных переживаниях, эмоциях, планах, взглядах на мир и т.д. То есть в этом смысле статус воспринимается в своём прямом значении (статус как состояние). Такие тексты нередко носят аксиоматичный характер, где адресант сообщений выступает либо в качестве "нравоучительного всезнайки":

не надо жить кому-то на зависть... надо жить себе в удовольствие));

Нас спасёт только честность;

Быть не поздно;

Всё только к лучшему!);

Либо в качестве друга-советчика:

Если тебе роют яму, подожди: закончат - сделаешь бассейн.

В этом смысле тексты-статусы обычно воспринимаются как слова, принадлежащие непосредственно создателю электронной странички и воспринимаются чаще всего как авторские. Однако авторство - большая проблема текстов-статусов. Пользователи, которые хотят зафиксировать авторство высказывания, используют специальный символ, подтверждающий авторские права:

Никогда не бойся своего возраста! Будешь делать всё то же самое, что и раньше! Только медленней! (с);

"Мне кажется, что ты ко мне не ровно дышишь....- Отдай инголятор, дура!"(с).

Довольно редко пользователи используют высказывания известных людей с указанием их авторов. Такие примеры единичны: "Когда умрет последний конь - мир рухнет, потому что самые лучшие люди - это кони" (В. Шукшин).

Тематически проанализированные нами тексты-статусы можно типологизировать следующим образом:

Философские (аксиомы), в которых высказываются жизненная позиция автора, взгляды и убеждения, хотя это не означает, что текст создан автором страницы:

Люди только чай пьют, а в их душах совершается трагедия.

Быть лучшей версией себя.

Уметь, стремиться и хотеть.

В субботу можно всё

Нередко в таких текстах используются конструкции с императивом, в которых даётся прямой совет, рекомендация:

Делай, что можешь с тем что имеешь там где ты есть создавай мир вокруг

Статусы о себе, содержащие собственную презентацию, новости пользователя, обращения к гостям страницы:

если я кому-то не ответил, напишите ещё раз: я просто прочитал ваше сообщение, а потом его засыпало сверху другими...

Строю рожи перед зеркалом и планы на будущее!)

Благодарю всех кто поддержал мою кандидатуру на выборах! Мы победили! спасибо за честную конкурентную борьбу!

два солнца у меня

Хочу любить и быть любимой!!!

Я хочу убивать.. 📍💀💀💀

Нужно уметь баловаться! Я умею)))

Рекламные статусы, в которых часто для привлечения внимания используются графические символы, знаки, смайлики и т.д.:

BUYER, CHINA, South China Int., sci_brand.
+8613229404140, sci_mail@bk.ru;

✓ Свадьба 🎉 ✓ Корпоратив 🎊 ✓ Юбилей ✓

Праздники-праказники 🎆🎇 Ведущий Р 🤖 ман Берсенёв

Современный Диджей 📞 8 9 0 2 5 6 9 9 7 9 2;

принимаю заказы на видеосъёмку (свадеб) 8 964 222 5551 портфолио <http://vk.com/voytik89>;

Довольно часто встречаются тексты-статусы на иностранных языках, что, очевидно, вызвано желанием пользователя быть более презентабельным:

my soul to burn

What Is Dead May Never Die

Warrior/ 我是坚强的石头 (石头) /相信我有能力/

相信我敢/ Jaz sem dobro

jeder stirbt für sich allein

#Cosmix (Podcast)

Бывает, что статусы не содержат вербальной информации, а представляют собой только графические рисунки, схемы, смайлики (Рисунок 1).

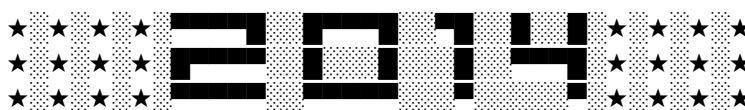

Рисунок 1

Некоторые пользователи предпочитают использовать как метатекст (то есть текст о тексте, например:

Здесь должна быть умная мысль

Мысли транслируются... Транслируются мысли...

Сменить статус...

Встречаются также такие тексты, значение которых, очевидно, понимает только автор, а адресату приходится только догадываться, например: [Обійми]; 82,9 (о весе?); 2015.

Таким образом, можно утверждать, что статусы существуют как сформированный субжанр интернет-коммуникации, представляют собой малоформатный текст, ограничение объёма которого влияет на структурную и содержательную специфику. В связи с этим в перспективе

исследования стоит вопрос об анализе прагматического потенциала текстов-статусов в on-line коммуникации.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. - 423 с.
2. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998. 107
3. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37-55.

МЕТАТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЗЫКАНТОВ

Оберемченко Елена Юрьевна

Канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии ЮФУ, г. Ростов н/Д

Друзьева Анастасия Александровна

Студентка 5 курса ИФиМЖК ЮФУ, г. Ростов н/Д

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является исследование актуализации метатекстовых единиц в текстах немецкоговорящих авторов-музыкантов. Тексты анализируются в аспекте прагмалингвистики. Результаты прагмалингвистического эксперимента позволяют идентифицировать степень эмоционального реагирования авторов текстов.

ABSTRACT

The aim of this article is to research meta-text units' actualization in texts of German-speaking authors-musicians. The texts are analyzed in terms of pragmalinguistics. The pragmalinguistic experiment results allow to identify the degree of emotional response of authors.

Ключевые слова: метатекст, метатекстовая единица, прагмалингвистика, эмоция, эмоциональная сфера, музыкант.

Keywords: meta-text, meta-text unit, pragmalinguistics, emotion, emotional sphere, musician

В данной статье рассматривается понятие метатекста, в частности функции, типы и потенциал метатекста в

тексте, а также приводятся полученные в ходе прагмалингвистического анализа результаты исследования речевого поведения немецких музыкантов.

Прежде чем перейти к раскрытию понятия метатекста, обратимся к истокам возникновения данного термина. Метатекст, «мета» от греческого „meta” интерпретируется как «после», «за», «позади» [10, @]. В современной филологии термин метатекст имеет различное толкование. Однако большинство лингвистов опираются на идеи М.М. Бахтина, который выделяет главный показатель метатекста как отношения коммуникантов в диалоге [1, с. 227-244].

По мнению Т.В. Шмелевой в любой коммуникации, то есть в каждом высказывании говорящего, существует «метасмысл» или другими словами «коммуникативное намерение», что означает, какой цели адресант желает достичь в диалоге [14, с. 189].

Ю.М. Лотман определяет метатекст как метаязык-код. Данный метаязык-код служит в целях хранения, дешифровки и передачи информации [6, с. 5-6]. Р.М. Грановская отметила, что главным показателем эмоций является их субъективность [4, с. 88]. В прагмалингвистике субъективное отношение рассматривается через речевой опыт, который «формируется из субъективного осмысления своего поведения и который в свою очередь, оказывает влияние на поведение» [9, с. 152].

Н.В. Лукина считает, что метатекстом является совокупность вербальных и невербальных знаков, передающих рефлексию говорящего относительно особенностей собственного речевого поведения [7, @]. Стоит подчеркнуть, что в скрытой прагмалингвистике исследование данных особенностей речевого поведения позволяет диагностировать личностные качества отправителя текста.

В своих работах А. Вежбицкая рассматривает метатекст как подразумеваемый компонент. Данный компонент преобразуется из различных метаэлементов, которые используются в произведении. Эти метаэлементы несут две важные функции в тексте: структурирующую и коммуникативную [3, с. 402]. Коммуникативная функция метаэлементов находит свое выражение в оценке текста говорящим [3, с. 403], а структурирующая функция заключается в связи частей или, как отмечает А. Вежбицкая, в переплетении нитей высказывания. Под нитями высказывания ученый понимает метатекстовые нити, к которым относятся 5 групп метатекстовых средств [3, с. 407]:

- выражения, в которых эксплицитно упоминается сам акт речи (кстати говоря, по правде говоря, иными словами; übrigens, ehrlich gesagt)
- выражения, с помощью которых говорящий отнеживается от произносимых слов (как будто, якобы; als ob..., angeblich)
- выражения, с помощью которых говорящий указывает на дистанцию по отношению к отдельным элементам (он довольно худой, он довольно высокий; er ist ziemlich...)
- выражения, указывающие на логический субъект высказывания (что касается, если речь идет о...; was... anbetrifft, wenn es um... geht)
- выражения, которые «указывают на направление хода мысли» (между прочим, во-первых; argorpos, erstens)

«Широкий» подход к метатексту наблюдается в работах А. Крисмора, который выделил два типа метатекста: информативный и метатекст отношения автора [18, с. 210]. По его мнению, метатекстом является проявление

«социального, коммуникативного, психологического характера» выполняющие различные функции. Информативный текст предназначен для установки цели текста, метатекст отношения автора служит для выражения значимости содержания или для убеждения истинности сообщаемого [18, с. 210].

В лингвистике выделяются также такие типы метатекста как индивидуально-авторский и стереотипный. Существует несколько типов стереотипного метатекста, в которых каждый тип выполняет свою определенную функцию в тексте [7, @]:

- Метатекст оформляет текст как единое целое, подразумеваются конструкции композиционно-логической структуры: erstens, zweitens, drittens

Пример №1. [Erstens ist Wodka Belvedere deutlich bekömmlicher und zweitens hat unser Song entschieden mehr Techno-Syrtaki]

(Geerdes, 2014, №30,31)

- Метатекст сигнализирует о переходе от одной части изложения к другой (абзацирование, выражение – сигналы типа: weiter betrachten wir, dann kommen)

Пример №2. [Da kommen dann eindeutige Signale]

(Geerdes, 2012, №176)

Индивидуально-авторский метатекст формируется с помощью использования автором таких метатекстовых единиц, которые содержат в своей смысловой структуре не только собственно языковое значение, но и дополнительно смысловое содержание, которое тем самым помогает выразить точку зрения автора [7, @].

- Метатекст реализует субъективное отношение автора к собственному речевому поведению: ehrlich gesagt, so zu sagen, ganz ehrlich, ganz sicher

Пример №3. [Ganz ehrlich]: Ich trinke selten Wodka, aber wenn, dann immer mit Red Bull

(Geerdes, 2014, №39)

- Метатекст выражает степень уверенности автора текста в истинности сообщаемого: vielleicht, wahrscheinlich, natürlich

Пример №4. [Wahrscheinlich wegen der Melancholie]

(Lindemann, 2013, №41)

В лингвистике метатекстовые единицы исследуются также в связи с выражением их эмотивной, экспрессивной функции. Эмотивная функция направлена на получателя текста. Данная функция заключается в способности выражать эмоциональное состояние говорящего. Целью эмотивной функции является произведенный эффект эмоций [16, с. 89].

В исследованиях психологов «эмоции», «эмоциональность» представлены в определенных структурах. Так, одним из главных компонентов данных структур является эмоциональная возбудимость [11, с. 89-90]. Эмоциональная возбудимость проявляется в реагировании на раздражители, а формой поведения является вспыльчивость, раздражимость [11, с. 89-90]. Феномен эмоциональной возбудимости идентифицируется в воздействии на поведение получателя текста посредством реализации особых языковых единиц, определяющим признаком которых являются образность, интенсивность признака, действие [2, с. 25].

В нашем случае мы говорим об интенсивности эмоционального реагирования, то есть о динамичной категоричной и нединамичной категоричной степени выражения эмоционального состояния отправителей текстов. Исходя из вышесказанного, нами было проведено исследование динамичных категоричных / нединамичных некатегоричных личностных эмоциональных качеств методом прагмалингвистического эксперимента [8, с. 82].

В нашем исследовании мы проанализировали частотность метатекстовых единиц в текстах конкретных авторов и идентифицировали степень эмоционального реагирования отправителей текстов. Результаты представлены в таблице 1 (см. табл. 1).

Таблица 1

Актуализация метатекстовых единиц в текстах немецкоговорящих авторов-музыкантов

Авторы текстов	Кол-во МСГ во всём тексте	Мет.единицы во всем тексте		«+»				«-»				«0»		Показатель эмоциональности %
				Положительный план				Отрицательный план				Нейтральный план (эмоциональная устойчивость)		
				уверенность		неуверенность		уверенность		неуверенность		Кол-во	%	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%			
Till Lindemann	470	44	9,4	21	47,7	3	6,8	1	2,3	0	0	19	43,2	56,7
Hans-Peter Geerdes	461	56	12,2	23	41,1	1	1,8	5	8,9	3	5,4	24	42,8	57,2
Ralf Hütter	427	37	8,6	15	40,5	0	0	10	27	1	2,7	11	29,7	70,3
Dieter Bohlen	461	56	12,2	32	57,1	1	1,8	5	8,9	1	1,8	17	30,3	69,6
Klaus Meine	403	71	17,6	29	40,8	2	2,8	13	18,3	1	1,4	26	36,6	63,4

В таблице под МСГ (малая синтаксическая группа) понимается предикативно-модальная группа (подробнее о прагмалингвистическом эксперименте см. Матвеева, 1999).

Как видно из таблицы, в целом среди всех авторов самые высокие показатели частотности употребления метатекстовых единиц во всём тексте встречаются у таких авторов-текстов как Klaus Meine (17,6%) и Dieter Bohlen (12,2%) и Hans-Peter Geerdes (Baxxter) (12,2%).

Но рассмотрим подробнее исследуемую группу авторов текстов. Обратимся к положительному плану. В категоричном (уверенном) плане с положительной оценкой выше всех показатели наблюдаются у авторов Dieter Bohlen (57,1%) и Till Lindemann (47,7%), что характеризует данных людей, как людей энергичных, импульсивных и, возможно, торопливых в принятии решений. В интервью журнала «Stern» Тилль Линдеманн, размышляя о жизни, говорит о своём позитивном настрое к жизни, о своей вере в динамичный первоначальный потенциал мужчины, характеризует свою жизнь как охоту ("Ich glaube an die Urtriebe", an das "das gewaltigste Potenzial, das der Mensch in sich trägt, ...") [17, @]. В оценках близких и окружающих Дитер Болен - это человек, которого или ненавидишь, или боготворишь, но в любом случае он удивляет [22, @], а в свои 57 лет он стал ещё увереннее, презентабельнее, успешнее и забыть его невозможно, он этого не допустит [22, @]. Личностные характеристики Дитера Болен и Тилля Линдемманна из средств массовой

информации подтверждают их мощную энергетику и эмоциональную динамичность.

Высокие показатели некатегоричного (неуверенного) плана с положительной степенью выявлены у авторов Till Lindemann (6,8%) и Klaus Meine (2,8%). В данном случае автора-текста Клауса Майне можно охарактеризовать как человека позитивно настроенного к получателю текста, неторопливого в принятии решений и осторожного. В своём профиле в социальной интернет-странице Клаус Майне отмечает, что не любит нетерпимость в людях и с удовольствием проводит время в кругу семьи [21, @]. Участие в музыкальных конкурсах, как, например, на MTV, для него – это не проявление эгоцентризма или не из-за денег, а чистое удовольствие в музыке [23, @]. Необходимо отметить, что автор текста Т. Линдеманн выявляет по результатам анализа одновременно и неуверенность, и импульсивность. Как отмечает Д. Зиглер, иногда импульсивность и нерешительность могут «протекать» одновременно. В данном случае автор не знает, как реагировать, как начать или закончить коммуникативный акт [25, с. 362].

Обратимся теперь к показателям «отрицательного плана» (см. таблица №1). Категоричный (уверенный) план с отрицательной степенью наблюдаются у R. Hütter (27%). При этом, необходимо отметить, у автора по положительному уверенному плану – 40,5%. Данные показатели идентифицирует у музыканта вероятность проявлений вспыльчивости, склонность к горячности. Вспыльчивость проявляется в быстром реагировании на раздражители, в

неумении сдерживать отрицательные эмоции [12, @]. Реакцией на раздражители становится также и мир иллюзорных экстравертных фантазий, которыми, по словам Карла-Густава Юнга, он увлекается и которые могут приобретать детерминирующую силу. Следствием столкновения с безусловными факторами внешнего мира становятся отстранённость, попытки себя «защитить» [15, @].

В интервью журналу «Spiegel», Ральф Хюттер говорит о тесной взаимосвязи современного мира технологий и человечества, о взаимопроникновении роботов-машин и людей, которые ими управляют, но и «роботы-машины нами играют» [19, @]. Возможно предположить, что мир цифровых технологий для автора текста более реален, и он позволяет ему отстраниться и защититься от мира живых людей.

Один из сотрудников журнала «Musik Express» делится своими воспоминаниями от встречи с Ральфом Хюттером. Он замечает, что Хюттер производит совершенно другое впечатление, нежели то, которое ожидаешь от человека богемы. Хюттер, по словам журналиста, ранимый «тонкокожий» человек. Он едва может скрыть свою нервозность, скуп на слова, вносит очень корректно замечания по тому или иному вопросу [24, @].

Некатегоричный (неуверенный) план с отрицательной степенью мы видим у авторов-текстов Hans-Peter Geerdes (5,4%) и Ralf Hütter (2,7%). Высокие показатели позволяют говорить о неуверенности, о возможном безответственном небрежном отношении к коммуникативной и социальной ситуации, или, возможно, нежелании лично контактировать с получателем текста в определённый момент. Но исследуемых авторов текстов мы можем отнести к данной группе людей лишь отчасти, так как у них показатели по положительному уверенному плану намного выше: Hans-Peter Geerdes – 41,1%, Ralf Hütter – 40,5%.

Так, в интервью газете „die Welt“ Ханс-Петер Гердес (Баххтер) признаётся, что он всё держит под контролем, но при этом он человек привычки, всегда остаётся верным себе и своим целям. На вопрос, «душный» ли он человек, Ханс-Петер Гердес уклончиво отвечает, что он многогранен, но умеет разделять сцену и жизнь. Да и фанатам всё равно, какой он в жизни, когда Scooter выступает [20, @].

Поэтому для данных авторов Ральфа Хюттера и Ханса-Петера Гердеса неуверенность, возможное небрежное отношение к ситуации, или, возможно, проявление нежелания личного контакта с получателем текста по отрицательному плану свойственны условно. Условность заключается в их уклончивости, приверженности определённым привычкам, как «защитный» психологический механизм в определённых сложных или неприятных для них ситуациях.

Как отмечают исследователи в области музыки, музыканты часто на уровне подсознания говорят на языке эмоциональных чувств и переживаний [13, с. 61]. И их эмоциональная реакция становится порой непредсказуемой, особенно в коммуникации с окружающими людьми [13, с. 61]. Такая эмоциональная реакция объясняется их насыщенной публичной творческой деятельностью [5, @]. Музыканту необходимо регулярно менять поведение на сцене, интенсивность движений, характер и темп. Поэтому музыкант должен уметь быстро абстрагироваться и

выйти из одного эмоционального состояния в другое. Такие состояния откладывают свой отпечаток и на личностные качества, особенно на эмоциональную сферу.

Рассмотрим полученные данные по нейтральному плану (см. таблица 1). В нашем исследовании нейтральный план мы отнесли к эмоциональной устойчивости. В данном случае высокие показатели мы видим у авторов Till Lindemann (43,2%) и Hans-Peter Geerdes (42,8), что свидетельствует о невозмутимости авторов текстов, о нереагировании авторов на эмоциональные раздражители. Так, в медиаисточниках о Линдеммане отмечается, что он стал в настоящее время спокойнее, рассудительнее, держит под контролем свои порывы и настроение [17, @] что сопровождается уже упомянутыми такими характеристиками как энергичность, импульсивность и торопливость в принятии решений.

Таким образом, в исследовании мы проанализировали актуализацию метатекстовых единиц в текстах пяти немецкоговорящих авторов-музыкантов. Исходя из полученных нами результатов, можно сделать вывод, что данные авторы-музыканты соответствуют характеристике социально-профессиональной группы музыкантов. Данной группе присущи такие качества как эмоциональное реагирование на раздражители, уверенность, настойчивость на своём мнении, стремление управлять вниманием получателя текста.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. — С. 227-244 с.
2. Брыкина Е.В. Коммуникативные параметры диалектной речи: Вестник Челябинского государственного университета, 2013. — 25 с.
3. Вежибицкая А. Метатекст в тексте: Новое в зарубежной лингвистике. М.: Вып. VIII, 1978. — 402-431 с.
4. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. Л.: 1988. — 88 с.
5. Ильин Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. М.: 2003. — URL: [Uhttp://sbiblio.com/biblio/archive/ilin_difi/05.aspx](http://sbiblio.com/biblio/archive/ilin_difi/05.aspx) Дата обращения 12.04.2015
6. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 567, 1981. — С5-6
7. Лукина Н.В. Смысловая структура метатекста, 10.02.01 — URL: <http://cheloveknauka.com/smyslovaya-struktura-metateksta> Дата обращения 12.10.2014
8. Матвеева Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. - Ростов н/Д: ДЮИ, 1999. — 82 с.
9. Матвеева Г.Г. Способы выявления «образа» отправителя текста в рамках прагмалингвистики//Личность, речь и юридическая практика. Вып.9.Ростов-на-Дону, 2006. — 151 - 157с.
10. Русский орфографический словарь. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова —URL: <http://www.orthographical.slovaronline.com/> Дата обращения 20.04.15

11. Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека: Мотивационно-эмоциональные аспекты. М.: 1975. – 89-90 с.
12. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений, 1999 – URL: <http://synonym.slovaronline.com/> Дата обращения 20.04.15
13. Цыпин Г. М. Психология музыкальной деятельности. М.: 1994. – 61 с.
14. Шмелёва Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании// Вопросы идеографической грамматики русского языка. М.: 1988. – 189 с.
15. Юнг К.В. Психологические типы. Глава X. Общее описание типов, 2001 – URL: <http://lib.ru/PSIHO/JUNG/psytipes.txt> Дата обращения 23.04.2015
16. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика. М.: 1975. – 89 с.
17. Animalische Triebe. Till Lindemann: "Ich glaube an das Tier im Menschen", 01.10.2013 – URL: http://www.t-online.de/unterhaltung/musik/id_65776646/till-lindemann-ich-glaube-an-das-tier-im-menschen-.html Дата обращения 23.04.2015
18. Crismore A. Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act [Text] / A. Crismore. – New York: Peter Lang, 1989. – 210 с.
19. Der Spiegel. Spiegel-Gespräch „Maschinen sind einfach lockerer“, 50/2009, 07.12.2009 – URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-68074001.html> Дата обращения: 20.04.2015
20. Die Welt. Goys Gespräche "Ich hab' gern alles unter Kontrolle", Lange verlacht, aber erfolgreich - und plötzlich doch anerkannt: H.P. Baxxter, 10.11.11 – URL: http://www.welt.de/print/die_welt/hamburg/article13708759/Ich-hab-ger-n-alles-unter-Kontrolle.html Дата обращения 20.04.2015
21. DW. Die Geschichte einer Band, die Geschichte eines Traums. Ein Dokumentarfilm der Deutschen Welle. – URL: <http://www.the-scorpions.com/german/band/klausmeine.asp#sthash.1otu8x9C.dpuf> Дата обращения 20.04.2015
22. FOCUS Magazin. Nr. 16 (2011) Menschen „Ich weiß, ich habe einen schlechten Ruf“, 06.05.2011 – URL: http://www.focus.de/kultur/musik/tid-22209/menschen-ich-weiss-ich-habe-einen-schlechten-ruf_aid_624518.html Дата обращения 20.04.2015
23. Frankfurter Allgemeine Feuilleton. Scorpions-Sänger Klaus Meine "Wir müssten den deutschen Kritikern dankbar sein", 01.05.2014 – URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/pop/scorpions-saenger-klaus-meine-im-gespraech-12911774.html> Дата обращения 20.04.2015
24. Musik Express. Kraftwerk: Ralf Hütter im Interview 1991 – URL: <http://www.musikexpress.de/fundstuecke/article682309/kraftwerk-ralf-huetter-im-interview-1991.html> Дата обращения 20.04.2015
25. Ziegler D. Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications 3th ed.: McGraw-Hill, 1992; СПб.: Питер Пресс, 1997. – 362 с.

РЕФЛЕКСИВЫ МНЕНИЯ

Окушева Кульсун Капасовна

Канд. фил. наук, доцент кафедры казахского и русского языков, г. Усть-Каменогорск, РК

Одним из главных проявлений интеллектуальной деятельности человека является языковая рефлексия, отражаемая в речевой деятельности человека. Термин «языковая рефлексия» получил более узкое толкование: это рефлексия над самим языком, воплощаемая в метаязыке, которая рассматривается в рамках антропоцентрического подхода, когда в поле зрения исследователя попадает языковая личность в ее отношении (реакции) к языку (дискурсу, высказываниям, отдельным словам и т.п.), получающем языковое выражение [2]. Рефлексия – осознание информации о мире и о человеке в центре мира, о самом себе, включая анализ собственной мыслительной деятельности.

Изъяснительная конструкция, имеющая типичную манифестацию в форме сложноподчиненного изъяснительного предложения, является специфическим способом выражения языковой рефлексии, становясь своеобразным средством отражения интеллектуальной (рефлексивной) деятельности человека говорящего. Термин «рефлексив» понимается в его узком значении – как лексема, выражающая рефлексии над рефлексией в составе (изъяснительной) конструкции, семантически интерпретируемая как способ оперирования информацией говорящим, или субъектом рефлексии.

Анализ языкового выражения рефлексии, именно в том ее виде, который представляет изъяснительная конструкция, т.е. через рефлексивы (термин Н.Н.Чайковской) показал, что ИК в аспекте понятия рефлексии имеют особенности функционирования в разных типах речи [3]. Весьма ярко эта специфика проявляется в текстах научного стиля.

В творческо-аналитической деятельности ученого имеют место рефлексивы мнения. Глаголы мнения привлекают внимание исследователей в логико-семантическом аспекте. Рассматриваемые здесь глаголы мнения, а шире – рефлексивы мнения, включающие также модально-безличные предикативы, интересны нам в когнитивно-прагматическом аспекте как единицы, непосредственно выражающие рефлексии креативно-аналитической интеллектуальной деятельности человека, отражаемой в научных текстах, организация которых подчинена в соответствии с коммуникативной установкой требованиям научного стиля. В состав рефлексивов мнения мы включаем глаголы мнения «думать» [1], «полагать», «считать», «признать», «предполагать», «ожидать», «надеяться», «опасаться», «имплицировать», модально-безличные предикативы «возможно», «естественно», «несомненно», «неудивительно», «общепризнанно», «очевидно»,

а также особые глаголы, употребляемые в безличной форме – «бывает» и «разумеется».

Если глагол «полагать» определить (исходя из семантики слова «мнение») как «иметь мнение, заключающее отношение чему-либо»), то глагол «думать» отличается от «полагать» модальностью «сомнения», и его можно толковать, как «полагать с долей сомнения», а глагол «считать» – модальностью уверенности, то есть «уверенно полагать».

В силу своей роли в отображении интеллектуальной деятельности и функции в научном тексте (дискуссионно-доказательной) эти рефлексивы мнения характеризуются высокой степенью авторизованности (обращением к Я-автору), поэтому форма 1 лица для глагола «полагать» является естественной. Более того, такие глаголы допускают форму 1 лица ед. числа, сочетающуюся с местоимением «я» или подразумевающую его, то есть автор (как правило, в силу своей известности в научном мире) полностью берет ответственность за свое мнение на себя: В свете высказанных соображений я полагаю, что самой фундаментальной нашей целью в начале XXI в должна быть смена главной цели нашей политики на национальном и на международном уровне (ВФ), см. также с глаголом «считать».

Глагол «считать» в силу своей семантики (уверенное мнение) менее активен в форме 1 лица мн. числа. Более того: в математических текстах нам встретился этот глагол в форме сложного будущего времени (будем считать...), которая затемняет значение мнения и привносит в него значение специально употребляемых преимущественно в технических текстах процедурных глаголов типа «допускать» (допустим, что): Будем считать, что эти сообщения находятся в источнике повторных вызовов (ИПВ) (Вестник ВКГТУ).

Авторы научных текстов в силу значения «неуверенного мнения» у глагола «думать» избегают его использовать в форме 1 лица мн. числа, то есть в позиции прямой рефлексии (когда автор формально обнаруживает себя как рефлексирующий субъект (мы считаем, что ...; отметим, что ...)).

«Думаем, что...», в то же время безличная форма этого глагола, представляющая собой скрытую рефлексивную, связывающую информацию, излагаемую автором, с его личностью, является более естественной в текстах научного стиля, как правило, гуманитарного «характера», например: Думается, что в свете приведенных выше сопоставлений для этого корня также может быть найдено промежуточное звено, позволяющее восстановить его связи с корнем *егэ - (ВЯ).

Как синоним словоформе «думается» значительно чаще выступает словоформа «представляется» – для «выражения ненавязчиво внушаемого собственного мнения». Рефлексивы «думается» и «представляется» фактически не употребляются в текстах, относящихся к точным наукам, – встречаются в естественно-научных и технических текстах, в фрагментах, не имеющих отношения к расчетам, формулам и т.п., т.е. оператором точности, например: Однако на особенности этих почв вертикальной зональности новая российская классификация никак не отреагировала, хотя представляется, что на Северном Кавказе есть материал для этого (Известия МОиН РК, НАН РК) и т.п.

Если за рефлексивами «думается», «представляется» стоит Я-автор, то и безличная форма глагола «считать/считается» с модальностью «уверенного мнения» – средство обращения Я-автора к мнению 3-их лиц, представляемому как сложившееся (общее) мнение.

Как видим, семантика формы рефлексива (сложившееся общее мнение) соотносится с модальностью уверенности в значении глагола «считать», восходящей к основному (математическому) значению. Различные нюансы модальности вообще характерны для семантики мнения. Видимо, поэтому наиболее «частотным для глаголов мнения «полагать» и «считать» является употребление в лексико-синтаксических формулах (своего рода клише) с модальным компонентом возможности, то есть иметь право: «можно», «позволить/позволять» (т.е. дать – давать возможность), необходимости: «надо», правомерности: «иметь основание» (т.е. иметь право), давать основание: (т.е. разрешить, предоставить право), долженствования: «заставить» (обязать). Можно полагать, что...; можно считать, что...; можно думать, что... – с модальностью допущения собственного мнения автора («осторожности» в суждении, соответствующей научному поиску).

Характерно, что модальный компонент «можно» в сочетании с рефлексивом «думать» уместен в таких контекстных условиях, в которых «можно» приобретает противоположное значение (невозможности), так как модальность возможности плохо согласуется модальностью неуверенности в семантике глагола, ср.: Едва ли можно думать, что все остальные топонимы относятся к землям, не описанным в начале XVII в – речь идет о несовершенстве нашей методики сопоставления и о высокой неустойчивости топонимики в светских землях (Вестник МГУ).

С модальным компонентом «надо» сочетается только глагол «полагать», при этом «надо» теряет значение категоричности и вносит в нейтральное значение глагола элемент утверждения во мнении: Надо полагать, что и в настоящее время направление этой тенденции сохраняется, прежде всего, в связи с ростом количества автотранспорта (по данным статуправления за 10 лет – 20%), являющегося мобильным источником загрязнения воздуха (Вестник КазНУ).

«Есть» (имеется) основание (повод) «полагать», «считать», «думать» с модальностью правомерности (обоснованности) мнения. Есть основание считать, что плюсквамперфект – поздняя грамматическая категория и по происхождению представляет собой вторичное образование от основы будущего (ВЯ).

С глаголом «считать» достаточно часто сочетается модальный компонент «позволять» (делать возможным). Однако общая высокая степень связи и близость коэффициента в уравнении линии связи к единице позволяют считать, что условия измерений осадков в обоих местах были довольно сходны (Вестник МГУ).

«Считать» в сочетании с модальным компонентом «заставлять» (сделать необходимым): Такое расхождение заставляет считать, что будущее II унаследовало от сигматического будущего флексии, но не грамматическое значение (ВЯ).

Особенностью глагола «предполагать», употребляемого в текстах научного стиля, является его способность служить механизмом передачи рефлексии Я-автора (1 лица) конструктам (понятиям), выражаемым языком,

благодаря чему автор как источник рефлексии полностью уходит «в тень», освобождая текст от субъективности в пользу объективности изложения и т.п., где слова «принцип», «логика» - обозначение конструктов как плода мысли человека. Можно говорить, что здесь имеет место случай делегированной (когда автор научного текста передает собственную рефлексию 3 лицу (в том числе конструктам – продуктам мыслительной деятельности ученого), представляя его в качестве рефлексии субъекта (исследователь считает, полагает, указывает, отмечает и т.п., что ...; расчеты показывают, что ..., анализ свидетельствует, что ...) и одновременно скрытой рефлексии (когда автор, фактически являясь рефлексии субъектом, в целях подчеркивания объективности изложения сознательно не обнаруживает себя в этом качестве (можно полагать, необходимо отметить) Я-автора.

Так, глагол «надеяться» - как рефлексив в научном тексте имеет значение 'предполагать, что желаемое существует как факт'. Они надеялись, что к университетской реформе удастся привлечь хотя бы часть профессуры (Вестник МГУ).

«Ожидать» - как рефлексив в научных текстах – предполагать, веря в осуществление предполагаемого. Компонент «уверенности» в значении глагола «ожидать» позволяет ему функционировать в текстах, относящихся к точным наукам.

«Опасаться»: словарное определение – 2 'Испытывать опасение, беспокойство по поводу чего-либо', как рефлексив в научном стиле: 'предполагать, результат, не соответствующий ожиданиям'.

Также связь между рефлексивами мнения и глаголами «представить/представлять» и «казаться/показаться», а также «бывать» в безличной форме «бывает», хотя в научной речи эти рефлексивы нетипичны (особенно в точных науках). Тем не менее их нельзя исключить из описания: «представить/представлять» - 'мысленно воспроизвести вообразить'; «представить» как рефлексив в научной речи – сформировать мнение с помощью воображения; «казаться/показаться» - 'представляться воображению', как рефлексив в научном стиле – 'сформировать мнение на основе неточного представления'. Заметим, что употребление указанных рефлексивов в научных текстах регулируется рядом факторов: 1) областью научных знаний – гуманитарные науки; 2) научным жанром – мемуарного характера; 3) семантическими и формальными условиями употребления. Так, глагол «представить» в нашей выборке (4 случая употребления) встречается с модальным компонентом невозможности или затруднения возможности этого ментального действия.

Квазибезличная форма «казалось» употребляется только в текстах мемуарного жанра и представляет случаи скрытой рефлексии как недегированной, например: Как и Василий Иванович, Олег Николаевич всегда был молод, подтянут, строг, немногословен, обязателен; казалось, что этот внешний эталон академичности вечен (ВЯ), так и делегированной, например: Ему казалось, что хватит сил выдержать, как он позже писал, «растущий поток информации, растущую сложность современной науки и современной жизни с ее стрессами, дистрессами и самообслуживанием» (ВЯ) и т.п.

Глагол «бывать» в форме «бывает» - 'случаться, происходить' как рефлексив в научной речи (только в безличной форме) – 'называет мнение говорящего основанное на выборе им случайных фактов', например: Однако часто бывает, что доминируют традиции одного из материнских народов (Вестник ВКГТУ).

Особо следует выделить рефлексивы-предикативы, которые, не выражая ментального действия-мнения (способ оперирования информацией - отношение к ней), соотносятся с глаголами мнения по модальной семантике (возможность, невозможность, правомерность, необходимость того, что заключено в придаточной части), т.е. мнение как ментальное действие трансформируется в мнение как ментальное состояние – мнение-отношение, исходящее исключительно от Я-автора. Речь идет о предикативах «возможно», «естественно», «неудивительно», «несомненно». Перечисленные рефлексивы-предикативы содержат имплицитный компонент мнения и сближаются с тем или иным глаголом мнения: возможно = считаю возможным; естественно = считаю нормальным, правомерным; несомненно = считаю неоспоримым и т.п. Приведем случаи употребления подобных рефлексивов. Возможно, («предполагая») что одним из способов сохранения вируса гриппа А в человеческой популяции служит его персистенция в организме человека (известия МОиН РК, НАН РК). Естественно, что подтверждение наиболее интересных и тонких экспериментальных результатов не может быть получено в рамках рассматриваемых моделей (Вестник ВКГТУ). Неудивительно, что слово *tammi* финские ученые относят к типовым топонимобразующим основам (ВЯ). Несомненно (ср. считаем), что понять чернозем мы сможем лишь в тесной связи с целинной растительностью, а понимание чернозема – прямой шаг к поднятию урожайности (Известия МОиН РК, НАН РК).

Таким образом, рефлексивы мнения отражают в креативно-аналитическом процессе автора научного текста дискуссионно-доказательную базу. На этапе дискуссии и аргументации эксплицированное мнение Я-автора текста и представляемое им мнение третьих лиц – авторов других научных текстов, совпадающее или противоположное по отношению к позиции Я-автора, является одним из ключевых компонентов научного текста, призванным воздействовать на реципиента: убедить в правоте Я-автора, подготавливая к положительному восприятию его выводов. Коммуникативная роль рефлексивов мнения подтверждается их активной употребляемостью в научных текстах: рефлексивы мнения – наиболее яркие и прямые выразители субъективной линии – линии Я-автора в научном изложении.

Список литературы

1. Вежицка А. Язык, культура, познание. – М., 1997. – 416 с.
2. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: Олма-пресс, 2005. – 383 с.
3. Чайковская Н.Н. Рефлексивные конструкции и их роль в самовыражении автора научного текста // Слово в языке и речи. – 2006. – С. 171.

РОЛЬ ПАУЗЫ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ИНТОНАЦИИ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

Ормаханова Енлик Нурлановна

Докторант PhD 1 курса совместной образовательной программы, Института языкознания им. А. Байтурсинова и КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

PAUSE ROLE AS FUNCTIONAL COMPONENT OF INTONATION IN A TELEVISION DISCOURSE

Yenlik Ormakhanova, 1st year PhD student joint educational program, Institute of Linguistics named after A. Baitursinov and Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

Цель исследования состоит в выявлении семантической особенности паузирования в телевизионном дискурсе и определении роли паузы как функционального компонента интонации. Источниками фактического материала послужили расшифровки записей развлекательно-публицистической программы «Талант-шоу» (2011 г). Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют углубленно изучить особенности паузирования в казахском языке и установить семантическую связность паузы в телевизионном дискурсе. Научно-практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования в таких сферах, как сравнительное языкознание, фонология.

Ключевые слова: паузы, речь, интонация, телевизионный дискурс

ABSTRACT

The research objective consists in detection of semantic feature of a pause in a television discourse and definition of a role of a pause as functional component of intonation. Interpretations of records of the entertaining and publicistic program «Talent show» (2011) were sources of the actual material. The results received during research allow to study profoundly features of a pause in the Kazakh language and to establish a semantic link of a pause in a television discourse. The scientific and practical importance of work consists in possibility of use of results of research in such spheres as a comparative linguistics, phonology.

Keywords: pause, speech, intonation, television discourse

Одним из важных интонационных компонентов является пауза. Паузирование представляет собой временную остановку, перерыв в звучании. Пауза является семиотическим средством, выполняющим определенную семиологическую функцию. Актуальность темы исследования обусловлена нехваткой теоретического материала в области паузирования в телевизионном дискурсе и не изученности данной темы в казахском языкознании. По своему назначению паузы могут быть физиологические, эмоциональные, интеллектуальные, ситуативные [5, с.355]. Лингвистической функцией паузы является разграничение текста на фразы, синтагмы, ритмические группы, слова, а также выражение дополнительных смысловых и эмоциональных отношений в сочетании с другими компонентами интонации. Абсолютная величина пауз зависит от темпа разговорной речи и, как правило, прямо пропорциональна ему. Включение в речь пауз, а также различного рода психологических проявлений человека: плача, кашля, смеха, вздоха и т. д. относится к экстралингвистике. В русском языкознании отмечается выполнение интонационной паузой между компонентами сложных предложений функции предупредительного сигнала, который определяет поясняющий характер последующего компонента. В казахском языке смысл высказывания зависит от местонахождения паузы. Например: 1. Балапан/торғай ұясында отыр. 2. Балапан торғай/ұясында отыр. Первое высказывание с паузой после слова балапан означает: Птенчик сидит в гнезде воробья. В данном случае речь идет о двух синтагмах. Первая синтагма состоит из одного слова. Вторая из трех. Следовательно, перенос паузы на другое место сразу меняет смысл. Если сделать паузу после слова торғай, то высказывание распадется на другие две синтагмы: первая –

балапан торғай, вторая – ұясында отыр. Теперь оно означает: Птенчик воробья сидит в своем гнезде. Из всего вышесказанного, следует вывод, что для ритмического членения казахской речи пауза обязательна. В казахском языке пауза всегда присутствует, сильно различаясь по длительности [2, с.41].

В свою очередь, Л.К. Цеplitis различает асемантические и семантические паузы. К асемантическим относятся усилительные, ситуативные, индивидуальные и физиологические [4, с.42]. Рассмотрим каждый вид паузы по отдельности:

1. Усилительные паузы находятся перед или за словом, несущим логическое ударение, и представляют собой одно из акустических средств увеличения интенсивности логического ударения. Например: Сахнада/Жалғас Қалменов. Қошетеңеттеріңіз!
2. Дословный перевод: На сцене/Жалғас Қалменов! Встречайте! После слова «сахнада» ведущий программы сделал паузу, чтобы сделать акцент на личности участника шоу. С помощью усилительной паузы сделано логическое ударение в речи адресанта.
3. К ситуативным относятся паузы, замедляющие произносимый текст. Ситуативные паузы чаще всего используются при чтении диктантов, или для того, чтобы слушающие успели подготовиться к исполнению какого-нибудь приказа. Например: Ал енді/дауыс берулеріңізге болады. В переводе на русский язык данное высказывание звучит как: А теперь/ вы можете голосовать. Ведущий делает паузу для того, чтобы активизировать внимание зрителей на главном действии (голосовании).

4. Индивидуальные паузы связаны с разными привычками произношения. Например: Мен/қатты қобалжып тұрмын/өйткені/өйткені/ қарсыластарым мықты екенін түсіндім. Перевод: Я / очень волнуясь/потому что/потому что/ понимаю, насколько сильны мои соперники. В данном случае в речи говорящего пауза отмечается чуть ли не за каждым словом. Это связано с индивидуальными особенностями личности.
5. Физиологические паузы вызываются недостатком воздуха в легких, например, при одышке, или задержками в процессах центральной нервной системы. Например: Тапсырма/өте қиын болды/қатты шаршадым. Перевод: Задание/было очень трудным/ я утомлен.
6. Конкурсант делает частые паузы из-за физиологических причин (усталость, одышка).
7. Интеллектуальные значения паузы тесно связаны с выделением в речевом потоке относительно самостоятельной группы слов - синтагмы или речевого такта. Хотя пауза – перерыв в звучании, она наделена смысловой нагрузкой. Паузы – следствие смысловой функции речи. Например: Менің шеберлігімнің құпиясы неде деген сұраққа/ былай деп айтар едім/ қауыпті болса да, бұл іспен айналысу маған өте ұнайды. Перевод: На вопрос/как же мне удастся мастерски выполнять эти трюки/ я бы ответил так/ несмотря на опасность, мне нравится заниматься этим делом. Слова и интонация в плане выражения появляются потому, что у говорящего имеется какое-то содержание, которое он хочет сообщить другим.
8. Эмотивные паузы обладают семантикой, так как они придают высказыванию некоторый эмоциональный смысл, не давая информации о какой-то конкретной эмоции, они указывают на общее эмоциональное состояние говорящего.

Например: Участник1 - Біз/оларды қарсыластарымыз ретінде қарастырмаймыз/өйткені... Участники всей команды (отвечают хором)- Өйткені біз ең күшті/ең мықтымыз!

Перевод: Мы/не считаем их своими соперниками/потому что... Участники всей команды (отвечают хором) -Потому что мы самые сильные/ самые лучшие! В данном примере эмотивную паузу можно отметить внутри синтагмы. Эмотивная составляющая совмещается с интеллектуальной паузой, под влиянием эмоционального состояния, говорящего становятся более длительными. В порыве эмоций, чувствуется командный дух участников, что отразилось на их речеворении.

Необходимо отметить, что с паузой в речевой интонации нельзя путать некоторые акустические компоненты, так называемые мнимые паузы. К категории подобного паузирования следует отнести: перелом мелодического контура, перепады тона, резкое изменение значений длительности и интенсивности на стыках анализируемых сегментов. Кроме действительных и мнимых пауз существуют вокализованные паузы хезитации, которые

можно расценивать как средство текущего контроля во избежание ошибок в речи, для обдумывания последующей фразы. Доказано, что просодика оказывает непосредственное влияние на семиологическую функцию вокализованных пауз [3,с.38]. Так, например, если тон является низко-нисходящим, то вокализованная пауза выражает согласие. Если он падает с большей начальной высоты, то согласие приобретает эмотивную окрашенность. Если же звуки произносятся в восходящем тоне, то имеется в виду вопрос.

Таким образом, исследование паузы как компонента интонации можно вести с разных аспектов, учитывая ее многообразие функций. Для казахского языкознания эта тема требует специального глубокого изучения. Необходимость правильного интонационного членения текста, в том числе его паузирования, в речи очевидна. Во-первых, паузы вместе с другими просодическими средствами участвуют в передаче синтаксических и смысловых отношений. К тому же, немаловажным является тот факт, что пауза часто выступает как средство смысловоразличения. С другой стороны, при восприятии звучащего текста слушающему необходимо линейно обрабатывать звуковую информацию, производить её интерпретацию. Именно паузы позволяют осуществлять все ментальные манипуляции с потоком информации. Поток не прерывается, не замедляется, но членится. При этом в целях сохранения целостности речевой континуум диалектически дробится. Среди лингвистов и практиков, не занимающихся проблемами разговорной речи, традиционно преобладает негативная оценка междометий и восклицаний типа «э-э», «м-мм», «ну» и т.д По их мнению, такие элементы «засоряют» речь, свидетельствуют о недостаточных умениях «обуздать мысль» и выразить ее «правильным языком», к тому же, затрудняют восприятие дискурса и нередко раздражают слушателя [1,с.132]. Чрезмерное использование этих элементов может не только испортить впечатление о говорящем из-за недостаточного уровня владения им речью, но и затруднить понимание смысла высказывания, повысить уровень коммуникативного стресса, потому что слушатель должен приложить дополнительные усилия, чтобы не потерять смысловую нить). А это, в конечном счете, сказывается на успешности конкретного коммуникативного акта.

Список литературы

1. Антипова А. М. Направление исследований по интонации в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1986. - №1. – 132 с.
2. Базарбаева З. М. Казахская интонация. А.: Дайк-Пресс, 2008.-41с.
3. Жунисбек А. Қазақ фонетикасы. А.:Арыс,2009.-38 с.
4. Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974.- 42 с.
5. Торсуева И. Г. Определение языковых функций компонентов интонации//Уч. зап.1-го МГПИИЯ, 37, 1967. -355с.

АДРЕСАТ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ У ЛОРЕНСА СТЕРНА И НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА

Дыханова Б.С.

доктор филол.наук, профессор, г.Воронеж

Овчинникова И.В.

канд.филол.наук, г.Ноябрьск

АННОТАЦИЯ

данная статья посвящена сравнительному анализу отношений между повествователем и читателем в произведении английского классика Лоренса Стерна и в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне».

ABSTRACT

The article is devoted to the comparative analysis between the narrator and the reader in the novel of the English classic Laurence Sterne and in Leskov's novel-chronicle "Soboryane" (The Folk People).

Ключевые слова: повествователь, читатель, игра словом.

Key words: narrator, reader, word game.

Постоянный диалог с гипотетическим читателем – органическая часть повествования – имеет особую художественную функцию в романе английского классика Лоренса Стерна “Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена”. Майк Хардин, один из исследователей стерновского романа, остроумно отметил, что рассказчик с читателем взаимодействует гораздо больше, чем со своей семьей, заключая, что стерновский роман – это книга не о “Жизни и мнениях” Тристрама, а о взаимодействии читателя и текста. Включение читателя в текст, по мнению этого исследователя, позволяет рассказчику управлять чтением текста: “поскольку читатель не существует вне романа”, Стерн сужает возможности последнего в субъективной интерпретации текста. Читатель как неотъемлемое лицо романа становится “действующим лицом в игре, которой управляет рассказчик, и только рассказчик знает правила затеваемой игры” (“...the reader does not exist outside the novel <...> but is a player in a game which the narrator directs and alone knows the rules”) [4,187].

На страницах стерновского повествования живут Мадам (читательница) и Сэр (Благородный читатель): первая не столь сведуща и внимательна, как второй. Вступая в беседу с Мадам, Тристрам общается с ней как с “неподходящим” читателем, пропускающим подробности и намеки повествования. И потому функция Мадам – предупредить Благородного Читателя о том, как не следует читать, и в то же время беседы с ней дают Тристраму возможность показать, что главный для него тот из читателей, который вникает в текст (здесь и далее курсив – О.И.).

Ричард А. Лэнхем указывает на особый характер отношений повествователя с читателем, ибо стернианское повествование – “вид соревнования, не предполагающий никакого конечного результата”. Заведомо не имея возможности когда-нибудь завершить свое жизнеописание, Тристрам не оставляет читателю возможности прочитать всю его “жизнь”, и без определенных границ, обозначающих начало и конец, “роман заставляет читателя переместить его/ее фокусирование на процесс рассказывания, а не на его результат или окончание” (“Richard A. Lanham writes that the narrative is a game, "the kind of contest offering no final result. The game is only over to begin again. <...> Without a definite beginning or ending, the novel forces the reader to shift his/her focus to the process, and not to the product or end”) [4,188].

По наблюдениям зарубежных исследователей, таких как Г. Вернер, М. Нью, Дж. Паркера и др., техника повествования у Стерна включает замораживание движения

сюжета, его документацию через графические образы и, наконец, фрагментацию целого. Эта техника используется Стерном, чтобы обеспечить визуализацию повествования и вовлечь читателя в активное взаимодействие с текстом: чтобы заставить читателя видеть модели, рассказчик замораживает или останавливает мгновения. Как наблюдает Флюшэ, можно “едва избежать сравнения с жонглером, управляя огромным количеством предметов, к которым каждый момент добавляются новые причуды, все связано согласно законам тяготения, но каждый артист желает, очевидно, остановиться на секунду прежде, чем он продолжит движение снова” (“In order to make the reader see the patterns, the narrator freezes or immobilizes moments, as Fluchere observes: "One can hardly avoid the comparison with a juggler, managing countless different objects, to which every moment new oddities are added, all bound by the laws of gravity, but which the will of the artist can apparently immobilize for seconds together before he sets them in motion again”) [5,146]. Эти “стоп-кадры” романа представлены как через вербальные, так и экстра-вербальные образы. Рассказчик привлекает внимание читателя к этим остановкам, когда он перемещается от одного фрагмента рассказа к другому, как тогда, когда движение дяди Тоби заморожено посреди вытряхивания его трубки.

В той же самой манере оставляют госпожу Шенди, стоящую в коридоре, ведущему к комнате Вальтера Шенди, где “она слушала со спокойным вниманием и продолжала бы так слушать: – как послушная раба, с Богиней Тишины за ее спиной, возможно, не создала бы более прекрасной мысли для глубины понимания”. Леди представлена, как изваяние из камня или металла, а Тристрам объявляет: “В таком положении я решил позволить ей постоять минут пять: до того момента, пока я не улажу дела на кухне...” (“The lady is seen as if cut in stone or metal, and Tristram declares: "In this attitude I am determined to let her stand for five minutes: till I bring up the affairs of the kitchen... to the same period”). [там же, 146]. Здесь движение рассказа заморожено, а действие уменьшено до превращения образа в камень. Через эту технику визуализации, как предполагает Ганс С. Вернер, “рассказчик усиливает тот или иной фрагмент” [там же, 146].

Вот почему читатель “Тристрама Шенди” должен принять роль активного участника; он не может быть пассивным потребителем, потому что структура повествования беспорядочная и непростая, а необходимость определения смысла рассказанного мешает читателю завершить процесс осмысления читаемого. Читатель не может быть

независимым создателем смысла. Как подчеркивает рассказчик, он (Тристрам) “оставляет многое для воображения читателя”. Подобно археологу, изучающему фрагментированный объект, читатель должен использовать информацию, которую он получил, и в какой-то мере подключить свое воображение, заполнять промежутки и соединять прерывания в цепи сообщения. Но одного воображения недостаточно: чтобы привнести вклад в создание смысла, читатель, подобно рассказчику, должен использовать множество стратегий.

Интенсивная игра с читателем, которого постоянно информируют о многих вещах, прямо не связанных с биографией рассказчика, включает у Стерна и другие парадоксальные приемы вроде чистых или “уничтоженных” страниц текста, мраморных или черных страниц, звездочек, тире и других вербальных символов, когда Тристрам заставляет читателя останавливаться, расшифровывать и рассуждать, почему те или иные слова зашифрованы. Он заставляет читателя принимать позицию персонажей. Иными словами, писатель искусно манипулирует своей читательской аудиторией способами, которые самолично прогнозирует и контролирует.

Мадам-читательница у Стерна является не такой сведущей, как Благородный Читатель, и часто упускает смысл, поэтому ей делаются замечания и её направляют. Такая стратегия служит предупреждением Благородному читателю, как следует читать, вникая в текст. Чистая страница, на которой читатель мог бы изобразить госпожу Водмен так, как она ему представляется, демонстрирует преувеличенную роль последнего в тексте Стерна. Втягивая читателя в роман, Стерн добивается фиксации его внимания на процессе рассказывания, а не на его результате.

Повествователь и читатель в стернианском и лесковском нарративе “Соборян” оказываются в специфических отношениях. Лесков, отказываясь от эротических ассоциаций и двусмысленных намеков, которыми изобилует стернианский текст, строит свои отношения с читателем в зоне прямых обращений и скрытых рефлексий на стернианские приемы. В “Демикотоновой книге” в *randant* к черной странице есть чернильное пятно, которое сохраняется пишущим как мемориальный знак пережитых потрясений, но главной заменой стерновских “крестов” и “звездочек” у Лескова становятся кавычки и курсив, воплощающие особую авторскую концепцию чтения и письма, не совпадающую с аналогичной концепцией Стерна, но также создающую риторическую ситуацию.

Впервые на эстетическую информативность кавычек и курсива в “Соборянах” (равно как на сам графический прием) обратила внимание в 1974 году автор статьи - Б.С.Дыханова [1], а спустя десятилетия – её ученики (так, в диссертации И.В.Рудометкина кавычкам и курсиву в “Очарованном страннике” и “Заячем ремизе” посвящен особый раздел). Если с этой точки зрения посмотреть на бытование курсива в тексте “Соборян”, то подобная графика письма встречается и в слове повествователя, и в слове героев, всякий раз оказываясь контекстуально зависимой.

Курсивом автор передает интонационный нажим в устной речи героя (“...вы так и запишите: “Четвертого июня мир и благоволение...””); курсивом в “Демикотоновой книге” отмечены все хронологические даты (1833 года, в восьмой день февраля, выехал с попадьей из села Богодухова в Старгород...); Туберозов выделяет курсивом всяческие курьезы и несообразности (“Пишу замечательную и назидательную историю о суррогатах”).

Очень часто курсив употребляется как указание на чужое слово. Говоря о невежестве собственной матери, Препотенский с особым нажимом произносит одно из слов её поминальной записки: “помяни господи раба твоего имрека” и, объясняя опасность, сопряженную с “полицейскими инстинктами” приходского попа (“что это за люди имреки, без имен”), обнаруживает собственную неосведомленность относительно этимологии понятия “имярек”.

Комическая игра смыслов, подразумеваемого говорящим и отрицаемого в цитате, усиливается благодаря комментарию другого лица: “...Он (Ахилла – О.И.) сейчас застучал по столу ладонью и закричал: “Ой, гляди, математик, не добрались бы когда-нибудь за это до твоей физики!” Во-первых, что такое он здесь понимает под словом “физики”? Цитируя дьякона, Варнава всякий раз интонационно выделяет то, на что, по его мнению, следует обратить особое внимание собеседника: “...Мне комиссар Данилка вчера говорил, что он, прощаясь, сказал Туберозову: “Ну, говорит, отец Савелий, пока я этого Варнаву не сокрошу, не зовите меня Ахилла-дьякон, а зовите меня все Ахилла-воин”.

“Игру слов” обнаруживают и некоторые лексические повторы в диалоге персонажей, например, в богословском споре, затеянном дьяконом по поводу молебна, который карлик отслужил “не тому святому” (“...я в первый раз как пришел по этому делу в церковь, подал записочку о бежавшей рабе и полтинник, священник и стали служить Иоанну Воинственному, так оно после и шло”. – “О бежавшем рабе нешто Иоанну Воинственному петь подбодает?”

Неоднократно повествователь прибегает к курсиву в собственном слове, умножая его иронические и коннотативные ореолы. Например: “Молодая политическая дама (Бизюкина – О.И.) была чрезмерно довольна собою, гости застали её, как говорится, во всем туалете”. Другой случай, когда курсивом выделяется “чужое слово”: “И Ахилла, опустив услужающую (речь идет об Эсперансе – О.И.), присел на корточки к окну...”.

В письме Борноволокова к кузине Нине курсивом обозначен намек на известные ограничения круга лиц обстоительства компрометирующего характера: “... просил кузину Нину <...> дать этому подлецу (Термосесов – О.И.) хорошее место в Польше или в Петербурге, потому что иначе он, зная все старые глупости, может надеть черт знает какого кавардаку...”.

Иногда курсивом отмечены эмоционально окрашенные повторы (“Ты трус, братец, трус. Презренный трус, понимаешь ли, самый презренный трус, – внушал на ухо учителю Ахилла”); или имеющие комический смысл иноязычные вкрапления в речь повествователя (“Сонная красавица взглянула внимательнее на этот *supplement* к её пледу и посреди странных бордюрок, сделанных по краям листа, увидела крупно написанное русскими буквами слово “Парольдонер”) или персонажа (“*Bon Dien, voila la veritable Russie!*”), либо искажения слов, имеющие знаковый смысл (“Это называется борьба (дьякон произнес это слово без ь) за существование”.

Совершенно очевидно стремление автора “Соборян” сохранить изустный характер высказываний героев, а также превратить слово в объект изображения и в словесной игре сам процесс словесной коммуникации представить во всей его подспудной сложности и “отзывчивости”, что впервые в литературе осуществил Стерн.

Опыт применения стернианской повествовательной техники в “Соборьях” оказывается эстетически продуктивным, хотя отношения с читателем хроники больше напоминают традиционные обращения, опирающиеся на условность этого приема. Читатель Лескова тоже включается в неопределенное множество, маркированное местоимением “мы”, объединяющим с повествователем: “Очутясь между протопопом Савелием и его прошлым, станем тихо и почтительно слушать тихий шепот его старческих уст, раздающийся в глухой тиши полуночи”. Или: “Теперь волей-неволей повинуюсь неодолимым обстоятельствам, встречаемых на пути нашей хроники, мы должны оставить на время и старгородского протопопа, и предводителя и познакомиться совершенно с другими лицами того же города. Мы должны вступить в дом акцизного чиновника Бизюкина, куда сегодня прибыли давно жданные в город петербургские гости: старый университетский товарищ акцизника Борноволоков, ныне довольно видный петербургский чиновник, разъезжающий с целью что-то ревизовать и что-то вводить, и его секретарь Термосесов, тоже некогда знакомец и одноклассник Бизюкина. Мы входим сюда именно в тот предобеденный час, когда пред этим домом остановилась почтовая тройка, доставившая в Старгород столичных гостей...” [2, Ч.2, гл.6, с.181]

Автор “Соборьян” не прибегает к эротическим ассоциациям, характерным для стернианского повествования, лишь крайне редко позволяя себе некоторые эвфемизмы, рассчитанные на догадливость читателя, вроде риторического вопроса: “Где-то ты теперь, бедный акцизник, и не чешется ли у тебя лоб, как у молодого козлика, у которого пробиваются рога?” Столь же единично упоминание Ахиллы о театральных петербургских впечатлениях: “Остальная же игра вся по-языческому с открытостью до самых пор, и вдовому или одинокому человеку это видеть неспокойно”.

У Стерна Лесков заимствует главное – ассоциативный метод повествования, когда авторская идеология постигается через стиль рассказчика: многочисленные отклонения от прямой сюжетной линии, осуществляя “разговорное взаимодействие” с читателем, тоже предписывают читателю “Соборьян” чтение, как бы не нуждающееся в рациональном интерпретировании, поскольку повествователь видит происходящее и слышит персонажей непосредственно “вместе” с читателем. Тристрам напрямую сравнивает свою риторическую технику с беседой: “Писание книг, когда оно делается умело (а я не сомневаюсь, что в моем случае дело обстоит именно так), равносильно беседе. Как ни один человек, знающий, как себя

вести в хорошем обществе, не решится высказать все, – так и ни один писатель, сознающий истинные границы приличия и благовоспитанности, не позволит себе все обдумать. Лучший способ оказать уважение уму читателя – поделиться с ним по-дружески своими мыслями, предоставив некоторую работу так же и его воображению” (“WRITING, when properly managed (as you may be sure I think mine is) is but a different name for conversation. As no one, who knows what he is about in good company, would venture to talk all; – so no author, who understands the just boundaries of decorum and good-breeding, would presume to think all: The truest respect which you can pay to the reader’s understanding, is to halve this matter amicably, and leave him something to imagine, in his turn, as well as yourself”) [3, т.2, гл.XI, с.116].

У Лескова тоже беседуют – и беседуют с разной степенью интенсивности общения на протяжении всех пяти частей хроники его герои, и читатель учитывает их “мнения” в границах взаиморефлексии беседующих, не выходя из круга ассоциаций, задаваемых в зоне повествователя, так как лесковские персонажи в основном не менее простодушны и наивны, чем окружение Тристрама. Но за их наивностью и детской непосредственностью просматриваются мудрость многих поколений и содержание их жизненного опыта.

Список литературы

1. Дыханова, Б.С. Об одной особенности романа-хроники “Соборьяне” / Б.С. Дыханова. // Проблемы эстетического анализа литературного произведения. – Воронеж, 1974. Т.142, С. 57–64.
2. Лесков, Н.С. Собрание сочинений: в 11 тт. / Н.С.Лесков. – М., ГИХЛ, 1956–1958. Т.4 с.5-320.
3. Стерн, Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. Письма: Пер. с англ. А.А. Франковского. Примеч. А.А. Франковского, К.Н. Атаровой, А.Я. Ливерганта/ Л.Стерн. – М.: “Издат. АСТ”, 2004. 835с.
4. Hardin, M. Is there a straight line this text? The homoerotics of “Tristram Shandy”// Orbis litterarum. – Copenhagen, 1999. – Vol. 54, N 3. – P. 185–202.
5. Werner, Hans C. The Chaos of Tristram Shandy: In Quest of Nonlinear Patterns // A Chaotics Reading of Rainforest, Transparent Things, Travesty, and Tristram Shandy – ACTA UNIVERSITATIS GOTHOBURGENSIS, Sweden.- 1999- с.131-150.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ АНАСТАСИИ СЫРОМЯТНИКОВОЙ

Пашкевич Ольга Иосифовна

Канд. филол. наук, доцент, Якутский институт водного транспорта (филиал) Сибирского государственного университета водного транспорта, г. Якутск

Национальный менталитет является комплексной проблемой, актуальность которой в последнее время возрастает. Её изучением занимаются многие социально-гуманитарные дисциплины, в том числе и литературоведение. Литературоведческий подход к категориям национального и инационального имеет свою специфику, так

как он связан с раскрытием не столько собственно этнических особенностей, а сколько художественного решения проблемы менталитета.

В.К. Трофимов определяет национальный менталитет как «присущие национальной общности устойчивые коллективные представления о мире, реализующиеся в

установках на предрасположенность к усвоению национальных социокультурных ценностей, что влияет на специфику поведения людей, социальные отношения и культуру» [7, с. 397].

Якутская писательница Анастасия Саввична Сыромятникова (1915-1997), чьё столетие со дня рождения было широко отмечено общественностью Республики Саха (Якутия) в этом году, ярко представила национальную картину мира народа саха в своём творчестве.

Говоря о национальном менталитете, выраженном в литературном произведении, А.К. Михайлов предупреждал, что «он трудно уловим. И язык, и сюжет, и характеры, и этнографический, исторический, фольклорный материал, и сама форма произведения – всё это вместе взятое в его органичных и опять же трудноуловимых связях составляет произведение, вызванное к жизни национальным самосознанием автора и народа» [2, с. 109].

Страницы книг Анастасии Сыромятниковой, их сюжеты тесно связаны с природой родного края. Рассматривая национальный космо-психо-логос, Г.Д. Гачев писал следующее: «Природа каждой страны – это не географическое понятие, не «окружающая среда» для нашей эгоистической человеческой пользы, но мистическая субстанция – ПРИРОДИНА...» [1, с. 63].

Природа в творчестве А. Сыромятниковой предстаёт одушевлённой, как самостоятельный живой образ. В этом проявилась такая черта национального менталитета народа саха, как анималистическое отношение к природе. По якутской натурфилософии, одушевленность природы трактуется более конкретно: обожествлённое понятие мира. То, что окружает человека, считается разумным. У каждой стихии есть свой дух-хозяин (иччи), имеющий душу. Духи считаются покровителями. Среди них наиболее почитаемы: дух Огня, дух Земли, дух Воды.

Данное представление нашло отражение в романе «Кыыс -Хотун». Необходимо отметить, что данное произведение увидело свет на русском языке благодаря переводу известного в Якутии белорусского поэта и прозаика Ивана Антоновича Ласкова [3].

Героиня романа Хоборос обращается к огню с просьбой: «- Дух огня, спаси меня! ... Духа земли позови, духа тайги позови, духа воды позови. Помоги мне!» [5, с. 126].

В другом месте романа писательница рассказывает о сохранившемся до сих пор обычае «одаривания» духа Воды: «В старину, когда суда, плававшие по Лене, были неуклюжими и хрупкими, много их разбивалось об эти замшелые камни. Оттого люди, пытаясь откупиться от духа глубины, швыряли в воду целые туши мяса, целые туеса масла» [5, с. 156].

Много рек в Якутии, но самая величавая из них красавица Лена. Изображение Ленских просторов часто встречается в текстах А. Сыромятниковой. Свойства реки используются автором для сравнения. Например, для передачи звучащей девичьей песни: «А голос у Ирины необыкновенно хорош. Чистый, ровный, так и хочется сравнить её пение с плавным течением великой реки Лены» [6, с. 13]. Человеческую жизнь напоминает судьба принесённых реке подарков: «И несёт их, и крутит вода до самого Ледовитого океана. Не так ли бросает из огня да в полымя и человека?» [5, с. 156].

Для народа саха характерен и культ коня. Он проявляется, в частности, в почитании якутами коновязей (сэргэ). Столбы коновязей считаются священными, с ними связано счастье дома. Раньше богатые якуты, меняя место жительства, выкапывали и увозили их с собой.

А. Сыромятникова описывает такую особенность украшения сэргэ, как «посаженные» на неё для охраны домашнего очага хищные звери и птицы. Например, волк, медведь, ворон, орёл и другие. По традиции, к богатой коновязи привязывали коней «лишь самые именитые гости, для прочих – сэргэ с простенькими узорами или чоронами» [5, с. 30].

Упоминается писательницей также особое восприятие якутами белого цвета. Эпитет «белый» в фольклоре народа саха выражает высшую степень чистоты и красоты: «Белый цвет – радость, успокаивает, создаёт хорошее настроение» [6, с. 172].

Особого внимания заслуживает описание А. Сыромятниковой игры на хомусе. Музыкальный инструмент варган знают во всём мире. Он изготавливается из разных материалов: металла, дерева и кости. Известно, что 160 народов пользуются этим инструментом. Он носит следующие названия: маультроммель в Германии, трумпи в Австрии, муккури в Японии, варган в России, якутский вариант – хомус. Якутские кузнецы сумели сохранить традиции изготовления прекрасных по звучанию хомусов.

В долгие зимние вечера мелодии хомуса согревало сердца слушателей. С радостным добрым взглядом, с песней и с игрой на хомусе ассоциируется героиня рассказа «Девушка Кырыппа». Рассказчица, от имени которой ведётся повествование, не может забыть Кырыппу, её владение хомусом: «Никто не мог сравниться с ней в игре на этом инструменте. Так играла, что женщины не вытерпели и стали глаза вытирать. Игра всё усиливалась. Кырыппа, ничего не замечая, раскачивалась из стороны в сторону, пальцы у неё так и мелькали» [6, с. 193].

Анастасия Сыромятникова передала и психологию, свойственную народу саха. Такие черты национального менталитета, как оптимизм, вера в будущее нашли воплощение в образах многих литературных героев. В трудные минуты люди делятся друг с другом бедами, стараются сообща найти выход из сложной ситуации.

Одной из ментальных черт якутского народа является гостеприимство. В произведении писательницы «Подруги» речь идёт о шестидесятых годах. Один из приехавших на строительство цементного завода «русоголовый» парень, делясь своими впечатлениями о Якутии, говорит, что больше всего его поразило гостеприимство: «Постарайтесь обязательно овладеть щедрым умением якутов принимать гостей» [6, с. 104].

Одной из основных тем писательницы была тема – «раскрепощения якутской женщины, её участие в созидании новой жизни» [4, с. 370].

Хотя героини её произведений зачастую являются смелыми, активными, А. Сыромятникова подчёркивает в них такое качество, как скромность: «Девушке не мешает держаться поскромнее, - резко заметила Феня» [6, с. 80]. «- Не становитесь впереди людей, не любят этого люди», - даёт совет бабушка внучке в рассказе «Майыска».

Писательница умело вводила в повествование легенды и поверья. Например, об оброченной в Лену предками дощечке, на которой было записано всё счастье якутского племени и предопределено будущее, о северном сиянии и другие.

Таким образом, можно сделать вывод, что особенность национального мировосприятия, переданная Анастасией Сыромятниковой в литературных произведениях, проявилась во многих ракурсах. Это изображение природы родного северного края, обычаев и традиций народа саха, его верований и этнопсихологии.

Литература

1. Гачев Г.Д. Национальный космо-психо-логос // Вопросы философии. – 1994. - №12. – С. 59-78.
2. Михайлов А.К. Проблема национального менталитета в литературе (на материале литератур народов

Севера) // Литературные традиции эпохи и преломление их в Якутии. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1995. – С. 104 – 113.

3. Пашкевич О.И. Две родины в творчестве Ивана Ласкова // Социосфера. – 2014. – №4. – С. 63 – 66.
4. Писатели Земли Олонхо: Библиогр. справочник /Сост. Д.В. Кириллин, В.Н. Павлова, С.Д. Шевков. – Якутск: Бичик, 2000. – 448 с.
5. Сыромятникова А.С. Кыыс – Хотун. – М.: Современник, 1981. – 287 с.
6. Сыромятникова А.С. Подруги. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. – 196 с.
7. Трофимов В.К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета. – Ижевск: ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2008. – 408 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ ДОШКОЛЬНИКОВ

Павлова Наталия Павловна

Кандидат филол. наук, доцент кафедры начального образования, г. Череповец

Дети дошкольного возраста чрезвычайно интересуются языком, в частности письмом. Видимо, этот новый вид деятельности привлекает ребенка очень рано, т.к. не только нами, но и большинством исследователей детского письма зафиксированы факты, когда дети задолго до написания первой буквы, рисуя «каракули», называют этот процесс письмом. В тоже время педагоги детских дошкольных учреждений уделяют письму детей слишком мало внимания. В школах учителя довольно часто высказывают следующее мнение: дети приходят в школу и как-то не так пишут, не так говорят, не так понимают, и все это потому, что их учили неправильными способами. Пусть ребенок придет в школу, ничего не зная, ничего не умея. Учитель все возьмет в свои руки. На самом деле все равно этот процесс начинается до школы, и ничего мы здесь изменить не можем по самым разным причинам. Тем-то, наверное, и интересен дошкольный возраст, что ребенок сам хочет писать, и родители заинтересованы в этом. В тоже время система русского письма весьма сложна для ребенка, приступающего к освоению грамоты.

«Теория письма, во всяком случае так называемого «звукового» письма, невозможна без учета устной речи, и все ученые, когда-либо занимавшиеся вопросами письма и правописания, естественно, обращались к вопросам произношения» – отмечал Л.Р. Зиндер [1, с.4]. Усвоение системы графики и орфографии самым тесным образом связано с усвоением фонологической системы, т.к. фонемный состав слов начинает нормально осознаваться носителем языка вместе с усвоением букв и элементарными навыками письма. Комментарии фонетического характера – лингвистическая составляющая при обучении грамоте.

Ознакомление с графикой как совокупностью правил отображения средствами алфавита фонем данного языка – следующая за фонетическим письмом ступень практического усвоения письма ребенком. Эта ступень предшествует усвоению орфографии, но это уже не ступень элементарного знакомства с письменной системой

языка. На этом уровне ребенок постигает сложные закономерности в направлении от звука к букве, которые обычно на начальном этапе освоения грамоты никем для ребенка не формулируются (в отличие от большинства правил орфографических). Между тем, система русской графики необычайно сложна для обучающихся письму. Не случайно А. М. Пешковский писал: «Графика наша здесь нарочно устроена так, чтобы по возможности затемнять взаимоотношения элементов устного языка» [3, с.39]. Природа русской графики сама предполагает наличие «неправильных» написаний, отклонений от графической нормы.

Между тем, отчетливое осознание того, как ребенок усваивает фонемно-графические соответствия, какие закономерности выделяются на этом этапе усвоения письма, важно, как в теоретическом, так и в практическом плане, потому что, исходя из этого понимания, строится и система дальнейшего обучения письменной речи. Понимание основ русской графики – еще одно условие успешного овладения грамотой.

Ребенок-дошкольник, освоивший правила начертания букв, способы передачи на письме фонемно-графических соответствий, способы обозначения мягкости согласных и передачи фонемы /J/, может обходиться без орфографических норм: его «письмо» социально не ориентировано. При этом письмо может длительное время иметь элементы транскрипционного письма, которое удобно и понятно большинству детей. Одновременно с этапом фонетического письма у детей складывается своя графическая (можно предположить, что идет формирование и орфографической) система, в которой отражается большинство особенностей русской фонологической системы. Ю.П. Князев назвал такое письмо детей этого периода «спонтанной орфографией» [2, с.23]. Можно выделить письмо дошкольников и как «алфавитную графику». Одной из главных характеристик письма ребенка в это

время (дошкольный возраст) является то, что знание особенностей нашей фонологической системы позволяет без труда предсказать, какие ненормативные написания может допустить пишущий ребенок в этом возрасте. Соответственно и рассмотрение способов передачи детьми-дошкольниками звучащей речи на письме невозможно без характеристики русской орфографии, анализ орфографических явлений позволяет по-новому взглянуть на природу большинства ошибочных написаний, понять те трудности, с которыми сталкиваются дети на определенных этапах обучения. Орфография, в отличие от графики, имеет дело с правилами написания смысловых единиц, и из всех возможностей выбирает одну, считая за ошибку все остальные. Наличие второстепенных значений букв является одной из причин ошибок, появляющихся в письме тех, кто только овладевает основами грамоты: возможность нескольких написаний одного слова в зависимости от его произношения порождает ошибочный выбор буквы для передачи звука у тех, кто не знаком с правилами орфографии, а руководствуется только возможностями графики. Понимание сущности морфологического принципа русского письма – залог успешного овладения системой письма.

Именно поэтому на факультетах дошкольного воспитания необходимо готовить грамотных людей, которые, изучив весь опыт вхождения ребенка в язык и сделав правильные выводы, могут применить его, при этом могут направить ребенка, и может получиться интереснейшая методика. Нужно с ребенком заниматься лингвистическим образованием, а не только речевым. Интереснейшие познания о языке ребенок получает именно в этом возрасте: от двух до пяти.

Исходя из этих крайне важных задач, нами разработан и внедряется в практику спецкурс «Освоение ребенком системы русского письма», предназначенный для тех, кто работает с детьми: будущих воспитателей, учителей начальных классов, педагогов-логопедов.

В ходе занятий находит отражение когнитивный подход к природе первоначального детского письма. Детское письмо рассматривается как обязательный компонент развития общей языковой системы ребенка. Отмечается, что процесс онтогенетического освоения письменной формы речи во многом сходен с процессом освоения устной формы речи ребенком: ребенок в состоянии самостоятельно построить основы графико-орфографической системы, подобно тому, как сам строит грамматику родного языка.

Предполагается, что в ходе занятий студенты смогут провести самостоятельные наблюдения за письмом детей-дошкольников и младших школьников. Разработанные задания направлены на выработку у студентов навыков анализа письменных работ, а также навыков проведения коррекционной и пропедевтической работы с детьми по предупреждению отклонений от норм письменной речи.

В ходе рассмотрения вопросов курса «Освоение ребенком системы русского письма» предполагается детальное повторение лингвистических основ русской графики и орфографии:

- трактовка понятий «письмо», «графика», «алфавит» в лингвистической литературе;
- особенности передачи отношений между буквами и звуками в русском языке;
- роль слогового принципа русской графики;
- трактовка понятий «орфограмма», «графограмма», их соотношение;
- основные принципы русской орфографии.

Кроме того, нами подробно рассматриваются вопросы соотношения устной и письменной речи, вопросы психологии усвоения орфографии.

Одной из главных задач данного курса является определение этапов освоения ребенком системы письма: от усвоения начертания отдельных букв до стихийного осознания морфологического принципа русского письма.

Подробная разработка этапов занятий призвана облегчить студентам работу по усвоению учебного материала спецкурса, приобретению практических навыков работы с письменными детскими текстами, которые собраны в картотеке.

Вопросы «лингвистического образования» будущих специалистов по работе с детьми, а также создание программы интегративного курса по лингвистическому образованию детей-дошкольников – одно из перспективных направлений совместной работы лингвистов и методистов.

Литература

1. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. 2-е изд. - М.: Просвещение, 1979.
2. Князев Ю.П. Спонтанная орфография дошкольника как фонетическая транскрипция // Проблемы детской речи - 1997. Материалы межвузовской конференции. - С-Пб. 1997.
3. Пешковский А.М. Реформа или урегулирование // Русский язык в советской школе. - 1930.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РАССКАЗА М. ГОРЬКОГО «О МАЛЬЧИКЕ И ДЕВОЧКЕ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАМЕРЗЛИ»

Плющ Виктория Николаевна

Аспирант НИУ Нижегородский Государственный Университет им. Н.И. Лобачевского, филологический факультет

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности жанрового своеобразия рассказа М. Горького «О мальчике и девочке, которые не замерзли». Анализируются особенности построения сюжета произведения, черты стиля автора, художественная трактовка автором жанра святочного рассказа.

Ключевые слова: святочный рассказ, М. Горький, образ ребёнка.

ABSTRACT

The article discusses the features of genre originality of M. Gorky's story 'About a boy and girl who were not frozen'. The article analyzes the characteristics of the plot construction, the features of writer's style, the artistic interpretation of the Christmas story's genre.

Tags: Christmas story, M. Gorky, the image of the child.

Жанр святочного рассказа появился в русской литературе как наследник быличек – жанра, представляющего русское устное народное творчество, – историй, рассказываемых в святочные вечера. «На Руси предшественниками литературного святочного рассказа явились устные истории, или былички, рассказываемые обычно в деревнях в святочные вечера» [8]; «К сожалению, жанры рождественского и святочного рассказов на протяжении XIX–XX веков не получили теоретического обоснования. Истоки святочного жанра – в русском фольклоре... В дни Святков в кругу родных, соседей, друзей было принято рассказывать былички или бывальщины» [5].

Явственный переход святочного рассказа из устной формы в письменную случился в девятнадцатом веке, в частности, после появления таких произведений, как «Рождественские повести» Ч. Диккенса. На волне популярности текстов этого писателя появились новые авторы и новые рассказы, как в Европе (Гофман), так в России (Достоевский, Телешов, Чехов, Куприн и др.). Косвенно судить о популярности жанра можно по рассказам А. Аверченко, который подмечал «тренды» и «документировал» их в своем творчестве.

По произведениям А. Аверченко «Тысяча первая история о замерзающем мальчике» и «История одного рассказа» можно судить, насколько жанр популярен. Возможно, именно поэтому в то время (конец XIX–начало XX вв.) святочный рассказ уже стал превращаться в клише, как видно из сатирических произведений Аверченко. Канун Рождества, противопоставление страданий одного и счастья других – эта схема была использована Диккенсом, и она позволила создать настолько выразительное произведение, что в дальнейшем без использования подобной схемы не обходился ни один автор, решивший обратиться к жанру святочного рассказа, который призван эмоционально воздействовать на читателя, проводя его от сострадания через сопереживание к облегчению.

В рассказе Аверченко «Тысяча первая история о замерзающем мальчике», написанном в 1914 году, показаны два героя: беллетрист и художник, спешащие на елку к издателю газеты. Они видят замерзающего мальчика, обсуждают сначала то, что страдания замерзающего ребенка являются «избитой темой», затем то, что сами насмешки над «избитой темой – замерзающим ребенком» уже также стали клише. В итоге герои рассказа Аверченко проходят мимо, ставя в своём сознании знак равенства между реальным ребенком и многократно использованным литературным образом.

Во многом клишированному восприятию святочного рассказа способствовало пресыщение однотипностью материала, а также популярность жанра и заслуженная критика в адрес многих произведений. Н. Лесков в 1888 году в письме к Суворину отмечал: «Форма рождественского рассказа сильно поизносилась» [6]. Критические замечания касались как рамок жанра в целом, так и конкретных произведений.

Помимо «классических» святочных рассказов, созданных как признанными мастерами, так и малоизвестными авторами, появлялись и такие произведения, которые, безусловно, имели генетические связи со святочными

рассказами, но выходили за традиционные рамки. Один из таких рассказов написан Максимом Горьким в 1894 году – «О мальчике и девочке, которые не замерзли». Без сомнения, Горький использует формальные рамки жанра святочного рассказа, выбрав в качестве времени действия святочный вечер, а в качестве места – городскую улицу. Однако хотя повествование и начинается как классическая святочная история, по сути, от нее остаются лишь внешние черты.

Горький намеренно начинает текст с того, что декларирует авторскую позицию, отличную от традиционной: «В святочных рассказах издавна принято замораживать ежегодно по несколько бедных мальчиков и девочек <...> Я понимаю хорошие намерения авторов святочных рассказов, несмотря на их жестокость по отношению к своим персонажам <...> Лично я не решусь заморозить ни одного бедного мальчика или девочки...» [3, с. 181]. Этот полемический настрой вполне соответствует горьковской жизненной и творческой позиции в целом. Полемический тон его произведений был отмечен и исследователями советской эпохи, и критиками, публицистами кон. XX – нач. XXI вв. Например, Дмитрий Быков в биографическом очерке «Был ли Горький» говорил об этом, правда несколько гиперболизируя: «Почти все ранние сочинения Горького <...> построены на нехитром, но действенном приеме: он берет традиционную литературную схему и выворачивает ее наизнанку» [2].

Начало рассказа «О мальчике и девочке, которые не замерзли» ориентирует читателя на восприятие как традиционного, так и оригинального в авторской концепции святочного рассказа. Это сразу же позволяет вести разговор о данном произведении в контексте проблемы интертекстуальности, поскольку явно прослеживается творческий диалог со знаменитыми предшественниками: Г.-Х. Андерсеном, автором «Девочки со спичками», и Ф.М. Достоевским, рассказ которого «Мальчик у Христа на елке» стал источником значительной литературной традиции. Горький берет героя-мальчика, героиню-девочку, те же улицы города, который равнодушен к героям, но вместо пассивности героев классики наделяет своих персонажей подходящими для выживания на улице чертами. С детей, погибающих от безразличия, с вызывающих слезы страданий акцент в рассказе Горького смещается на то, что дети всегда остаются детьми, даже в тяжелых условиях. В рассказе есть моменты, которые достаточно подробно иллюстрируют эту черту: диалоги Катьки и Мишки, авторские комментарии поведения героев, заключительная сцена в трактире. Кроме того, Горький специально наделяет героев специфическими чертами. Святочные рассказы, повествующие о тяжелой доле детей, обычно не оставляют места изображению характеров героев, но в случае Горького характеры особенно важны, и они не тождественны один другому, хотя на первый взгляд персонажи воспринимаются как единое целое. Катька, например, инертна, довольно пассивна, склонна не принимать собственное решение, а подчиняться чужому. Она способна проявить волю к жизни лишь при поддержке со стороны своего друга. Автор акцентирует внимание на её психологической зависимости от Мишки: он подсказывает ей «тактику» действий, легко может её переубедить, а кроме того, окажется она на улице одна – финал вполне мог бы стать

трагическим. В Мишке же Горький подчёркивает жизнестойкость, активность и запас энергии, позволяющий противостоять обстоятельствам.

Горький полемизирует с Андерсеном и Достоевским, как бы перемещая их героев в знакомые и психологически близкие ему реалии и предлагая вниманию читателей альтернативное развитие известного сюжета. Собственно, в названии рассказа и заложена антитеза: Горький пишет не о гибели из-за тяжёлых обстоятельств, а о торжестве жизни несмотря на обстоятельства.

Художественные особенности данного рассказа привлекали внимание многих исследователей: Д. Быков в очерке «Был ли Горький?» называет его «пародией на святочный рассказ» [2], А. Книжке в статье «Максим Горький: «О мальчике и девочке, которые не замерзли»» пишет о том, что жанр был выбран «с явной полемикой» [4]. Н. Старыгина [9] в статье «Святочный рассказ как жанр», впрочем, ограничивается тем, что проводит границу между святочными рассказами «старой школы» (где перед нами элемент чуда, создание авторами особой, сказочной атмосферы и т. д.) и «новыми» рассказами, особенность которых обусловлена реализмом как методом. В произведении М. Горького мы видим не просто воплощение реалистического подхода к действительности, но и нарочитое снижение реалий, которые у его предшественников эстетизированы. Вспомним горьковское описание детей, выглядящих как комки лохмотьев, имена героев: «Это были мои герои – бедные дети, мальчик – Мишка Прыщ и девочка – Катка Рябая...» [3, с. 182]. Далее автор иронизирует по этому поводу: «Не желая шокировать благовоспитанную публику, предлагаю переименовать героев моих в Мишеля и Катрин» [3, с. 182], причём ирония здесь выполняет концептуальную функцию: помогает акцентировать внимание на том, что авторская позиция в произведении несколько иная, чем в традиционном святочном рассказе, иной и эмоциональный настрой.

Итак, Горький создает такое произведение, которое можно отнести к святочным рассказам исключительно за счет «вводных данных»: места и времени действия, «типовых» для жанра героев – бедных детей. Развитие сюжета данного рассказа считать традиционным нельзя, причем причина этого – в том, что характер Мишки кардинально отличается от характера любого героя традиционного святочного рассказа. Например, у Достоевского в «Мальчике у Христа на елке» (именно он на долгие годы стал неким эталоном для авторов произведений, приуроченных к Рождеству и Святкам) герой ведет себя пассивно: он не осмысливает собственные действия даже на «детском» уровне, он ведом лишь голодом, холодом и страхом. Мишка в рассказе М. Горького тоже находится в трудных условиях, но его поведение осмысленно и активно: он выбирает оптимальный способ действий, проявляет способности психолога в общении со своей напарницей, демонстрирует жизненный опыт. Его образ – ключевой для всего произведения. И тип характера выбран в соответствии с творческим замыслом писателя. Авторы святочных рассказов, начиная с Андерсена, Диккенса и Достоевского, стремились вызвать сочувствие к героям. Горький намеренно идет другим путем: он вводит такие характеристики и использует такие детали, что образ «несчастливого ребенка» (Мишки) выглядит кардинально отличающимся от «лубочного» образа героя святочного рассказа. Описание героя характеризуется специфическим подбором лексики: Мишка в рассказе Горького говорит «тоном злого торжества», он является «мальчиком очень злым, невоспитанным и непочтительным к старшим» [3, с. 183]. Впрочем, такие характеристики, конечно, нельзя принимать

всерьёз, они ироничны, и ирония здесь – один из способов выражения авторской идеи: показать ребёнка-личность, пусть и «дитя улицы». Пожалуй, больше похожа на героиню святочного рассказа Катка, но в этом случае Горький, используя образ, близкий к традиционному, даёт иной вариант сюжетного развития: в «каноническом» святочном рассказе такая героиня, как Катка, должна была стать жертвой обстоятельств, тогда как у Горького судьба её относительно благополучна.

Рассказ «О мальчике и девочке, которые не замерзли», таким образом, формально можно считать полноценным святочным рассказом, в котором есть полный набор тех характерных деталей, которые позволяют идентифицировать данный жанр. Однако при этом Горький вводит и некоторые особенности: согласно реалистической традиции элемент чудесного полностью вытесняется жизнеподобным, даже, можно сказать, сниженным, герой (Мишка) наделен характером, который сформирован реальными обстоятельствами и укоренён в определённой социальной среде. Соединение всех этих элементов позволяет получить оригинальное произведение.

Творческая индивидуальность автора проявляется и в финале произведения. Как уже упоминалось, обычно святочные рассказы нацелены на то, чтобы читатель пережил катарсис, сначала сострадая герою, затем испытывая радость и облегчение от благополучного разрешения ситуации. В рассказе Горького подобный традиционный для святочных рассказов эмоциональный перепад нивелирован, хотя он существует: страдания героев становятся «фоном» развития действия, о них упоминается мельком, в финале же сделан акцент на благополучном исходе событий: «Теперь я спокойно могу оставить их оканчивать свой святочный вечер. Они – поверьте мне – уже не замерзнут» [3, с. 188]. Однако последняя фраза произведения: «По моему мнению, крайне нелепо замораживать детей, которые имеют полную возможность погибнуть более просто и естественно» [3, с. 188], – делает финал амбивалентным, что, безусловно, является ещё одной чертой, которая ставит горьковское произведение особняком в ряду святочных рассказов.

Список литературы

1. Аверченко А. История одного рассказа. Тысяча первая история о замерзающем мальчике.
2. [Электронный ресурс] Аркадий Тимофеевич Аверченко–Викитека: [сайт]. [2015] URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Аркадий_Тимофеевич_Аверченко (дата обращения: 22.11.2014).
3. Быков Д. Был ли Горький [Электронный ресурс] Онлайн-библиотека E-reading: [сайт]. [2015] URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=99574>
4. (дата обращения: 26.04.2015).
5. Горький М. О мальчике и девочке, которые не замерзли // Горький М. Полн. собр. соч.: в 25 тт. Т. 2. М.: Наука, 1969. С. 181-188.
6. Книжке А. Максим Горький: «О мальчике и девочке, которые не замерзли». //Блог «Неизвестный Горький» профессора славянской филологии А. Книжке. [Электронный ресурс] URL: Neizvestnyj-gorkij.de/index.php?e=61 (дата обращения 15.03.2015).
7. Козина Т.Н. Рождественский и святочный жанр в русской прозе // URL:
8. http://www.rusnauka.com/19_AND_2012/Philosophia/4_112441.doc.htm
9. (дата обращения 26.04.2015).

10. Лесков Н. С. Письма 1881-1895 // Проект «Собрание классики» Библиотеки Мошкова: [сайт]. [2013] URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1420.shtml
11. (дата обращения 26.04.2015).
12. Митрофанов М. Святочный рассказ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Покровской и Николаевской епархии. URL: Pravpokrov.ru/church_life/?ELEMENT_ID=4815 (дата обращения: 19.11.2014).
13. Сопова А. Праздничный жанр – святочные рассказы // Интернет-издание «Татьянин день». [Электронный ресурс] URL: <http://www.taday.ru/text/158221.html> (дата обращения 4.11.2014).
14. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Петрозаводский университет: кафедра русской литературы и журналистики URL: <http://philolog.petsu.ru/filolog/konf/1992/11-starygina.htm> (дата обращения: 10.11.2014).

СИНХРОНИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И СТРУКТУР СОЗНАНИЯ

Подгорбунская Ирина Геннадьевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков Сибирского государственного технологического университета, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются причины возникновения фразеологических единиц в языке с точки зрения синергетической парадигмы.

ABSTRACT

The article describes the causes of phraseological units in the language in terms of synergetic paradigm.

Ключевые слова: фразеологическая единица, абстракция, самоорганизующаяся система, эмоция, синхронный механизм.

Keywords: phraseological unit, abstraction, self-organizing system, emotion, synchronous mechanism.

Мне мило отвлеченное:

Им жизнь я создаю...

З. Гиппиус

Целью настоящей статьи является выявление причин возникновения фразеологических единиц (далее ФЕ) в языке через процесс синхронизации структур сознания и языка.

В последние годы мировая наука признает, что изучение таких сложных проблем, как сознание и язык возможно только при конвергенции различных областей знания. Функции мозга, разделенного на два полушария, также рассматриваются в единстве их функционирования. Анализ существующих единиц в языке не возможен без признания наличия определенных функций мозга. К таким функциям относится абстрактное мышление. Являясь одной из отличительных черт человека, оно, по мнению ученых, сформировалось одновременно с языковыми навыками и во многом благодаря языку.

Современная наука не просто расширила свой объектный мир, включив в него сложные исторически развивающиеся и самоорганизующиеся системы, но радикально «очеловечила» его, сделав человека системобразующим началом научного знания [4, с.18].

Не для кого сейчас не секрет, что язык является самоорганизующейся системой. В этой связи вспомним Т. Дикона, согласно которому – язык «оккупировал» мозг и адаптировался к нему в гораздо большей мере, нежели мозг эволюционировал в сторону языка [6]. Мозг и язык коэволюционируют, но главную адаптационную работу, по Дикону, делает язык. Язык развивается по своим законам, присущим любой открытой системе. И наша задача объяснить, причину существования определенных единиц в языке.

Фразеологический пласт языка не так давно начал выделяться, как самостоятельная дисциплина, но вследствие большого разнообразия его единиц до сих пор имеет больше вопросов, чем ответов.

В работах одного из первых исследователей вербального поведения Skinner'a говорится, что в новой ситуации, которая не может быть выведена и названа, исходя из имеющегося опыта, метафорический путь является единственным эффективным способом поведения. Он подчеркивал, что эмпирической основой метафоры является постоянный и непрерывный контроль языка над вновь открытыми свойствами или явлениями мира. Перенос значений с известного на неизвестное (описываемое), установление подобий, вероятно, является для человека естественной мыслительной операцией, одним из способов усвоения новой информации [5, с. 72].

Фразеологической единице как единице вторичной номинации присуща такая форма познания, как абстракция, структура которой значительно сложнее структуры лексической абстракции (Архангельский В.Л., Мелерович А.М., Кунин А.В. и др.). В связи с этим нужно отметить, что интересна и важна не абстракция как таковая, а абстракция особого рода – сознательно образуемая, как специфически человеческая форма отражения. Помимо этого, во ФЕ содержится коннотативная информация, которая «выражает эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности» [3, с.5].

Мир многогранен и непредсказуем и в ходе эволюции человек постоянно вырабатывает те механизмы, которые помогают ему приспособиться и выжить как виду. Одним из таких механизмов являются эмоции.

Эмоции возникают только тогда, когда имеют место какие-то непредсказуемые события и ситуации, к которым мы не подготовлены или подготовлены не в полной мере. Вследствие того, что для человека многие важные события оказываются непредсказуемыми, для него необходимо иметь механизм перестройки своего стереотипного поведения, настроенного на типичные, обычные окружающие события. Эволюция сложных систем проходит на границе хаоса и порядка, и функционирование именно в таком неустойчивом, критическом состоянии позволяет системе адаптироваться наиболее оптимальным образом к новым условиям.

Для сложной системы поведения человека таким механизмом, обеспечивающим его адаптацию к непредсказуемым событиям, как раз является механизм эмоций. Именно эмоции, по мнению И.А.Евина, выводят систему поведения человека в критическую область на границу хаоса и порядка [2, с.121]. С точки зрения ученых, эмоциональная реакция представляет собой упорядоченное макроскопическое поведение нервной системы как сложной нелинейной среды. Важно иметь в виду, что эмоциональная реакция является реакцией интегрального типа, т.е. захватывает не только головной мозг, но и весь организм в целом. Ясно, что мы имеем дело с синхронным механизмом адаптации человека и языка как кооперативным саморганизующимся явлением.

Говоря о синхронизации таких механизмов, можно предположить о неизбежности возникновения такой единицы в языке, как фразеологизм, что подтверждается законами синергетики о неустойчивости открытых систем. Динамика развития языка может быть связана с динамикой лингвистических событий, порождающих смысл, благодаря которому мир являет себя во всем своем разнообразии. Ж. Гийому, говоря о материализации

лингвистического события, благодаря разнообразию суждений, раскрывающихся в определенных способах выражения и адекватных переводу с эмпирического языка на абстрактный, утверждал, что «лингвистическое событие возникает в особых точках непрерывного потока, временно конкретизируется в состоянии свехъязыка, не утрачивая тем не менее свою собственную динамику.» [1, с.103].

Таким образом, возникновение ФЕ в языке стимулируется ситуацией, запускающей механизм приспособления и вызывающей синхронизацию функционирования языка и сознания.

Список литературы

1. Гийому Ж. Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий // История понятий, история дискурса, история метафор. М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 328 с.
2. Евин И.А. Искусство и синергетика. М.: Либроком, 2013. – 208с.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986, - 182 с.
4. Порус В.Н. Философия науки: изменение контуров // Язык, знание, социум: Проблемы социальной эпистемологии. М.: ИФРАН, 2007, - 180 с.
5. Черниговская Т.В. Деглин В.Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Ученые записки Тартуского Университета. Труды по знаковым системам, Тарту, 1986, вып. 19, С.68-84.
6. Deacon T. The Symbolic Species. The co-evolution of language and the human brain. London: Penguin Books, 1997, - 527с.

КЕТСКИЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ДИАХРОНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Поленова Галина Тихоновна,

проф., докт. филол. наук, профессор кафедры немецкого и французского языков, г. Таганрог

Есть ещё уголки на земле, где хранится далёкое прошлое человечества. Так, холическое мировоззрение характерно для енисейцев, протокультура которых отражает отсутствие противопоставлений «быть / не быть», «естественный / сверхестественный». Противопоставлялось только «бытие / бытие в другом виде», мир представлялся как целостность [10, с. 30, 59]. Небо и Земля были единым целым, что хорошо отражено в мифологии. Енисейцы сохранили до наших дней следы матриархата как в языке, так и в своих обрядах и обычаях, в том числе авункулат. В кетском пантеоне наблюдается обилие женских божеств, которые все содержат в конце своего имени слово *am* 'мать', их гораздо больше, чем мужских духов: *Hos'adam*, *Tomam*, *Dootam*, *Kolbasam*. Землю кеты называют матерью *ba-ŋ-am* (*baŋ* 'земля').

На небе, по представлениям кетов, живут невидимые рядовым людям существа. Большинство из них являются олицетворением природных явлений. Само небо олицетворяется в образе одноименного верховного начала

Еся (*Es'*) 'бог, небо'. К другим персонажам высокого мифологического уровня относятся Усесь (*Us'es'*) - Теплое небо, Хылесь (*Hiles'*) - Ясное небо, Боксейдесь (*Boks'ejdes'*) - Место огня и др. В целом на небе находятся есьденг (*es'den*) - духи-помощники шамана, все они мужского класса [см. 2, с. 22]. Вода (окружающие землю 'семь морей') и воздух (небо) выступают как бы извечными [там же, с. 35]. По мифологическим представлениям кетов, всеобщее материнское начало лежит в основе мироздания. Все основные стихии природы (земля, вода, огонь), а также страны света олицетворяются в женских, материнских образах. Как женское начало почитается солнце, звезды, заря. В кетской мифологии матриархату нужно отвести время, когда *Es'* и *Hosejdam* находятся на небе. Смена материнского рода патриархальным зафиксирована в фольклоре. Есь ('старик') ссорится с женой Хосейдам ('старухой') и сбрасывает ее 'вниз'. Старуха говорит: 'Теперь я внизу богом буду, а тыверху богом будешь' [5, с. 82]. Некогда единая супружеская пара *Es* и *Baŋam* заме-

няется у енисейцев на оппозиционные Es' и Hosejdam. Хосейдам становится отрицательной альтернативой Еся, олицетворением темных сил. Она живет на западе или на севере; под землей, к ней стекаются все реки, она хозяйка мира мертвых. Злые духи находятся у нее в подчинении [1, с. 171; 2, с. 23; 7, с. 599-600]. Постепенное вытеснение матрилейности и матрилокальности патрилейностью и патрилокальностью привело кроме нового распределения ролей между мужчиной и женщиной к появлению представления о сакральной нечистоте женщины.

Енисейских языков ещё в XVIII в. было много: ас-санский, аринский, пумпокольский, коттский, югский и кетский. К XIX в. вымерли первые три, в XIX в. – коттский, в XX в. – югский. Сейчас остался только кетский язык, на котором говорят около 700 человек. Кетский язык, как и остальные енисейские языки, бесписьменный. Он имеет архаичный строй, отражающий ещё эпоху палеолита. К отличительным чертам его грамматического строя относятся: сочетание элементов внутренней флексии с агглютинативными аффиксами, многочисленные следы именных классов, пронизывающих всю систему имени и глагола; реликты черт языка активного строя, отсутствие чёткого морфологического оформления частей речи и др.

В социологическом плане кеты имели родовой строй вплоть до начала XIX в. Мифологическая модель мира кетов содержит архаические представления о женщинах-созидательницах, Матерях Природы, которые генетически восходят к верхнему палеолиту (более 30 тысяч лет до нашей эры). По мифологическим представлениям кетов всеобщее материнское начало лежит в основе мироздания. Все основные стихии природы (земля, вода, огонь), а также страны света олицетворяются в женских, материнских образах. Как женское начало почитаются солнце, звезды, заря. В женском образе известны «хозяйева» отдельных мест. Это позволяет говорить об общем культе Матерей природы.

Поскольку енисейцы, как и другие аборигены Сибири, не имеют письменности, то тексты добывались только путём сбора во время экспедиций в места проживания кетов.

На основе изучения кетских текстов к глубинным структурам, восходящим к матриархату, мы отнесли словоформы на –am < am 'мать', исходя из образа матери как порождающего начала для всей живой и неживой природы, в том числе Земли и Космоса [8, с. 15]. Приведем примеры: *tajam* 'холодно', *bil'da kas'am* '(она) была беременная', *abaŋa axtam* 'мне нравится', *ad us'am* 'я есть, существую', *budaŋta us'am qus'* 'у него есть чум', *abaŋta hip us'am* 'у меня сын есть', *dus'am* 'отдохну, отдыхаю', *duul'am* 'я отдыхал', *itpadam* 'я знаю' – *iddaŋl'am* 'мы знаем'; *itkuŋam* 'ты знаешь' – *itkaŋl'am* 'вы знаете'; *ital'am* 'он знает', *itl'am* 'она знает' – *itaŋl'am* 'они знают'. Налицо предикативирующая функция форманта –am. Не случайно, философская категория «материя» (лат. *materia* – вещество, ср. лат. *mater* 'мать') обозначает субстанцию, обладающую статусом первоначала (объективной реальностью) по отношению к сознанию (субъективной реальности).

Из Еся (Es') 'бог, небо' развиваются, на наш взгляд, строевые элементы: *es'/is'-as'-us'*; *s'e/s'i-s'a-s'u*, т.е. форма-

тивы (предикативные и словообразовательные суффиксы), выражающие объективную сущность, не связанную с конкретным 'ego' и имеющие значение 'быть, существовать'. Сравним: *es'kogd'* 'осень', *kotes* 'зима', *es'tajyon* 'похолодало', *bis'es'* *kondep* 'стемнело', *es'ta bo?k* 'северное сияние', (букв. 'бога огонь'), *ul'es'* 'дождь' и т.п. Сравним также: *kide aŋa ho:s'* (*ho:s'i*) 'эта веревка крученая' (*ho:-* 'плести'). Сравним прилагательные: *tuoms'i* 'черный', *aets'i* 'грубый', *s'ul'ems'i* 'красный'; *l'ams'i* 'плоский' (*l'am* 'доска'), *s'is'i* 'ночной' (*s'i* 'ночь'); *inams'i* 'давнишний' (*inam* 'давно'), *kis'aŋs'i* 'здешний' (*kis'aŋ* 'здесь'). В грамматике si это суффикс предикативности, безразличный к лицу и роду, например: *a:tkups'i* 'остроконечный' (*a:t kup* 'острый конец'); *es'/-as'*, *-s'a* – деривационные аффиксы кетских наречий: *is'a* 'ежедневно' (*i?* 'день'), *qips'a* 'ежемесячно' (*qip* 'месяц') и т.п.

Таким образом, как в мифологии, так и в языке отражен дуализм в сознании кетов, основанный на двух началах: Земли (все, что связано с –am) и Неба (все, что связано с –es').

Исходные формы религиозных верований, как известно, были тотемизм, фетишизм, анимизм, магия и множество Божеств. Желая олицетворить каждое отдельное явление, человек «создает в своем воображении для каждого явления толпу духов (выделено нами – Г.П.), не имевших еще индивидуального значения и понятных им только как коллективы различных проявлений одной и той же силы природы. ... На второй ступени своего развития антропоморфизм для каждого общего понятия однородного явления создает отдельное лицо ... так, например, бог грома, бог дождя суть не что иное, как самые явления грома, дождя и пр.» [9, с. 13-15]. Третий период развития антропоморфического мифа – это эпоха богов-кумиров.

Первый этап в развитии мифа мы относим к матриархату и полагаем, что «толпа духов» нашла свое отражение в классном строе древнего языка [6, с. 14-30], ср. множество классных предикативных показателей в кетском языке: *-ma*, *-da*, *-na*, *-ja*, *-s'a*, *-l'a*, *-am*, *-aŋ*, *-s'i/-s'e*, *-ba*, *-bo*, *-no*, ср.: *has'a* 'режу, пилю, стригу' (я, ты, он, она) – *hal'a* 'пилил, резал, строгал' (я, ты, он, она) и личные предикативные аффиксы: *-di*, *-ku*, *-du* (м. кл.), *-da* (ж. кл.), *-daŋ*, *-kaŋ*, *-aŋ* (множ. число) [там же, с. 83-84], например: *at axtadi* 'я добр', *u axtaku* 'ты добр', *bu axtadu* 'он добр', *bu axtadu* 'он добр', *bu axtada* 'она добрая' и т.д.

Неудивительно, что классов было много, т.к. древние енисейцы поляризовали все явления и объекты окружающей действительности. Примерно так:

- на сверхестественном уровне – божества и духи, добрые и злые, мужского пола и женского, действующие и бездействующие;
- в человеческой среде – свой/чужой, опасный/неопасный, почитаемый/нейтральный/отверженный, большой/малый, мужской /женский, единственный/неединичный, присутствующий/отсутствующий, действующий/бездействующий, участвующий/неучаствующий и пр.;
- в животном мире – большой/малый, важный/неважный, опасный/безопасный, мужской/женский, единственный/неединичный, действующий/бездействующий, присутствующий/отсутствующий, полезный/нейтральный /вредный и т.д.;

- в растительном мире - большой/малый, мужской/женский, полезный/нейтральный/вредный и т.п.
- поляризация пространственно-временной ориентации выглядит, очевидно, так: близкий / далёкий, высоко / низко, здешний / нездешний, видимый / невидимый, настоящий / прошлый, дневной / ночной, летний / нелетний и т.д.

Ср.: qajdaŋa 'к лосю' (муж.кл.) - qajdiŋa 'к лосю' (жен.кл.); qok is' 'одна рыба' (живая) - qus is' 'одна рыба'(неживая); qok oks' 'одно дерево' (живое) - qus oks' 'одна дровина'; aqpaŋa 'к деревьям' - aqdiŋa 'к дровинам'.

Неживая природа воспринимается и сейчас как инертная масса, не имеющая поляризации.

Кетские тексты-рассказы и сказки позволяют судить о единстве людей и животного мира в представлениях кетов. Так, в рассказе про сироту старуху Халк говорится о том, что героиня рассказа воспитывает маленькую лисичку, как свою дочь [4, с. 6-7]. Почти в каждом таком рассказе фигурирует медведь, который помогает людям, попавшим в беду, а потом выясняется, что он был воспитан в семье кетов [там же, с. 7-9 и 16-18]. Добрым зверям противостоит коварная Колмасам-чертовка, воплощение той самой Nos'ejdām, которую сбросил Es' на землю [там же, с. 16-18 и 83-86].

По О.С. Ахмановой, голофрасис – то же, что инкорпорация [3, с. 111]. «Инкорпорация (голофрасис, инкапсуляция, агломерация, инкорпорирование) англ. Incorporation. Продуктивный способ образования слова (или особого рода синтагматической единицы) путём сочетания примыкающих друг к другу корней, совокупность которых оформляется служебными элементами» [там же, с. 177].

В свете этого определения рассмотрим небольшой кетский текст Hunaŋa hunaŋa – Доченька, доченька, записанный А.П. Дульзоном в посёлке Суломай:

Hun'aŋa, qoqhun' bahun'a, biles' ba eiŋ kuŋoŋon, kuŋoŋon.

Hun'a, aba, aba utpaŋ ba baŋoŋon.

Hun'a, hun'a, aba utpaŋ batanoq.

Hun'a, ama qoma atn e:skindaq, ama baŋ an bən' da:tun.

Hun'a, hun'a, hiŋa kan'gon.

Hun'a, hun'a, sej tap qa:ram ul'kal'guro, tal'desin ana kan' bən's'aŋ kal'daro, kal'daro.

Hun'aŋa, hun'a, tap un'utaŋ kal'guro, kal'guro.

Hun'aŋa, hun'a, amadə qa:ŋo senga tap ul'tes ul'get.

Hun'aŋa, hun'aŋa, ama anat kot us'oŋ qobdinga qaj da ?il'gutos'.

E:n' e:nnaŋa, amad kayodiŋa bənan ku:bes', bənan ku:bes' [4, с. 5].

Текст представляем в нашей транскрипции без учёта особенностей говора информанта. Приведём перевод А.П. Дульзона:

Доченька (песня)

Доченька, доченька, моя единственная дочь, куда ты идти собралась, идти собралась.

Доченька, дочь, я слепой становлюсь, доченька, дочь, я уже ослепла.

Дочь моя, маму не покидай, мама землю уже не видит.

Доченька, дочь, пол (место) подравняй, посматривай, посматривай, чтобы ни одной соринки не было. Доченька, дочь, успокойся пока, успокойся, слова матери крепко прими к сердцу (в печень прибири).

Доченька, дочь, мама тебя прежде в тёплых руках выращивала; теперь же, теперь же ты к маминым словам совсем не прислушиваешься, не прислушиваешься [там же, с. 79].

Голофрасисы в представленном тесте представлены почти в каждом слове: qoqhun' > qoq 'один' + hun'(a) 'дочь'; bahun'a > ba 'мой, моя, моё, мои' + hun'a 'дочь'; biles' > bil' 'далеко' + es' 'Бог, небо, погода, верх'. В глаголах инкорпорируется показатель лица: ba- 1-е лицо; ku-/k- 2-е лицо; da- 3-е лицо. Форма aba представляет собой слияние личного местоимения «я» и притяжательного показателя 1-го лица: a+ba. Слово «слепой» utpaŋ – это словосложение: ut 'мышь' + paŋ > baŋ 'земля'. Сочетание sej tap, на наш взгляд, можно писать слитно: sejtap > sej 'место' + tap 'кольцо, круг', поскольку речь идёт о чуме. Следующее слово qa:ram состоит из qa: 'большой, сильный' + -am – предикативный суффикс. Слово ul'kal'guro разлагается на ul' 'вода' + kal' 'война, борьба' + gu > ku – показатель 2-го лица + go > do многозначный корень, выражающий активное действие «рубить, выдалбливать, убирать»; tal'desin 'пылинка' > tal' 'мысор' + des' 'глаз'; amadə > ama 'мама' + də > di показатель притяжательного падежа; qa:ŋo > qa: 'слово' + ŋo > qo 'весь'; senga > seŋ 'печень' + ga показатель местного падежа; ul'tes > ul' 'вода' + tes' 'унты', ul'get > ul' 'вода' + get – многозначный глагольный корень. В предпоследней строке us'oŋ > us' 'тёплый' + oŋ – показатель множественного числа, омоним 'семь'; qobdinga > qobdi 'ладонь' + -ŋ- - показатель мн. числа + -ga – показатель местного падежа qaj 'почти'; da?il'gutos' > da – субъектный показатель + il' 'маленький, земной' + gu 'тебя' + tos' 'воспитывать, выращивать'. Последняя строка полностью соответствует переводу.

Полагаем, что на материале текстов такого архаичного языка, как кетский, можно реконструировать картину мира древних людей, а вместе с ней и черты строя языка первобытного общества.

Литература

1. Алексеев Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
2. Алексеев Е.А. Мифы. Предания. Сказки кетов. РАН. М., 2001.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Дульзон А.П. Сказки народов Сибирского Севера. I. Томск: ТГУ, 1972. - 204 с.
5. Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. КГУ. Красноярск, 1985.
6. Поленова Г.Т. Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). Таганрог: ТГПИ, 2002. - 202 с.
7. Поленова Г.Т. Отражение картины мира древнего человека в мифологии, фольклоре и этнографии кетов. Человек в современных философских концепциях. Материалы Четвертой международной конференции. 28-31 мая 2007 г. Том 2. Волгоград, 2007. Под эгидой ЮНЕСКО. - С. 599-603.
8. Поленова Г.Т. В поисках истоков языка. Таганрог: ТГПИ, 2011. -336 с.
9. Шепинг Д. Мифы славянского язычества. // Мифы и легенды народов мира. Древние славяне. М., 2004. – С. 7-148.
10. Werner, Heinrich. Zur Typologie der jenseitsischen Protokultur. LINCOM EUROPA. München, 2010. - 176 с.

ПОНЯТИЕ «ПРАВЕДНЫЙ ГНЕВ» В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

Приходько Виктория Константиновна

Канд. филол. наук, старший научный сотрудник кафедры русского языка и издательского дела ДВГГУ, г. Хабаровск

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрено понятие «праведный гнев» в русских говорах Приамурья, дана авторская типология разновидностей, входящих в данное понятие. Подробно описан «родительский гнев» как основной тип «праведного гнева», с точки зрения диалектной личности. На материале «Словаря русских говоров Приамурья», «Частушек, собранных Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области» выявлены и описаны причины возникновения родительского гнева и способы его проявления.

ABSTRACT

This article discusses the concept of the «righteous anger» in the Russian dialects of Amur region, the author's typology of species included in this concept given. The «parental anger» as the main type of «righteous anger» is described in detail from the point of view of the individual dialect. Causes and occurrence of parental anger identified and described on the material of the «Dictionary of Russian dialects of the Amur Region» and «Ditty are collected G. S. Novikov-Daursky in Transbaikalia and the Amur Region».

Ключевые слова: эмоции, лексема, семантика, «праведный гнев», русские говоры Приамурья, диалект.

Key words: emotions, lexeme, semantic, «righteous anger», Russian dialects of Amur Region, dialect.

Природа и сущность эмоции «гнев» осмысливается во многих культурах и религиях как сильное возмущение духа против ближнего. Притом, что эмоция гнева традиционно осуждается в религиозном дискурсе, все же нередко встречается мнение, что существует «праведный гнев» Бога на грешников, а также гнев верующих, направленный на собственные пороки. Не вступая в научно-философскую полемику о существовании или отсутствии «праведного гнева» как такового, заметим, что лексемы, выявленные в Словаре русских говоров Приамурья, в картотеке и полевых записях, хранящихся в диалектологическом кабинете ДВГГУ, позволяют выделить по крайней мере 4 типа эмоциональных состояний гнева, справедливых, с точки зрения диалектоносителя, жителя Приамурья:

- 1) «родительский гнев» на детей: Ленка, когда волос отрезала, я со злости её полотенцем протянула, а что теперь поделаешь [1; С.354];
- 2) «педагогический гнев» наставников: учителей, воспитателей, командиров, начальников: В старой школе учитель-то ещё вывалит по голове палкой: не надо дуреть! [1; С. 74]; Раньше как учили: жгут линейкой по голове - вот и учёба [1; С. 129];
- 3) «гнев благочестивых людей», представляющий собой крайнее отвращение к греху (к блуду, пьянству, лени): Рассержусь - говорю: вот плёшница, ничё не делат. Неряшка какá моя соседка, а мужиков водит [1; С. 260];
- 4) «священный гнев» к врагам Отечества, захватчикам, оккупантам. Скрозь снег ползли немца-то сничтожить. Наши солдаты захáпили немцев и утопили их. Это в войну было [1; С. 156].

Цель данной статьи – раскрыть причины возникновения «родительского гнева» через контексты, представляющие данную эмоцию дескриптивно, и описать некоторые проявления родительского гнева.

Гнев, как и любая другая эмоция, имеет фазы протекания: 1) каузация эмоционального состояния, 2) пребывание в нем, 3) проявление эмоции. Следует особо отметить, что в «эмоциональный сценарий» проживания эмоции неизбежно притягиваются лексемы, относящиеся

не к названию или описанию эмоции, а к причине ее появления. В православном, патриархальном сознании жителей Приамурья родительский гнев считался сродни божественному. О том, что родительского гнева боялись наравне с божьим гневом, свидетельствует информант Бакшеева Анна Андроновна, с. Союзное, 88 лет: «Мужа не видела. Понравился – не понравился, а жить надо. Раньше отца-мать не переступишь, как бога боялись». [Тетрадь 1966, № 25].

Осталось множество свидетельств информантов, что браки переселенцев на Дальний Восток заключались традиционно по велению родителей, а не по любви. Боясь родительского гнева, девушки и юноши соглашались на брак почти вслепую, не любя своего избранника или избранницу, обрекая себя на тоскливую, безрадостную жизнь с нелюбимым человеком. В сборнике «Частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области» находим четверостишия, свидетельствующие о родительском произволе: Девушки, не ваша воля, / Не посеешь в поле рожь / Девушки, не наша воля, / Не полюбишь, кого хошь [2; Ч. 1; С. 17]; Мать моя косматая, / Зачем меня просватала?! / Все подруженьки запели – Я одна заплакала [2; Ч. 1; С. 41]; Меня батюшка просватал, / Как посеял в поле рожь; / Дом большой, окошек много, / Только парень не хорош [2; Ч. 1; С. 37]. Когда родители были категорически против свадьбы, молодые или жили тайно, скрывая от всех свою любовь, или пускались в бег. Ср.: Там, там, по задам / Ласточки летают, / Третий годик милый ходит - / Маменька не знает; Ох! Мать, не поймать / Серого утенка. / Не узнать тебе, мать, / Моего миленька [2; Ч. 1; С. 13].

Словарь русских говоров Приамурья фиксирует фразеологизм бégловая свáдьба. Устар. Свадьба без родительского согласия на брак. Свадьба с честью есть, а есть бегловые свадьбы [1; С. 28].

Частушки Забайкалья и Амурской области также отражают частые случаи «бегловых свадеб»: Конь вороной, Ворона грива, Если хочешь жить со мной, / Собирайся живо; Моя милая Наташа, ты нопой меня водой, Я на серенькой лошадушке приеду за тобой; Иннокентьев-

ску деревню / Можно городом назвать / Архаринские ребята / Приезжали воровать / И не сумели мне сказать [2; Ч. 1; С.38].

В тетради № 328, 1988 г., зафиксировано свидетельство информанта Пазникова Михаила Егоровича, 1906 г.р., с. Квашнино: «Я тоже путем не женился. Взял, украл и все...». О том же свидетельствует информант Ференцева Александра Гаврильевна, 77 лет: «Отец не захотел за него отдавать. Не ндравился, не побежала бы» (тетрадь № 328, от 1988).

В Словаре русских говоров Приамурья фиксируется номинация, называющая девушку, отрекшуюся от родителей: отро́чница, -ы, ж. Устар. девушка, вышедшая замуж тайком, без согласия родителей. Убегут убёгом, такй девки отро́чницы звались. [1; С. 302]; Некоторых невест бегом воровали. Приглашали прокатиться и увозили в церковь. Потом к родителям приходили прощаться. Мать сразу не прощает, опять ездят, в ноги кланяются. Отсюда выражение и́дти с поклóном, то есть просить прощения у родителей невесты, которая вышла замуж без их согласия. Тада свадьбы не было. Бегом убегали, а потом шли с поклоном, прощения просили [1; С.164].

Родители могли серьезно обидеться и с первого раза не простить молодых, не простить и в другие их визиты. Гнев и обида родителей на дочерей-отро́чниц отражается в частушке: Ты не стой у ворот, / Не пори горячку - / Дочерям, сволочам, / Не давай потачку [2; Ч.1; С.16].

Обычай приходить с повинной к родителям после побега смягчить их гнев назывался «прости́нами»: ПРОСТИНЫ, ПРОЩИНЫ. Устар. Обряд прощения родителями молодоженов, обвенчавшихся тайно. Если убёгом

ходят, на простины сходят, их простят родители, потом венчаются. На простины, на ма́сленку ездили. А потом делают прощины, просят прощения, кланяются, просят благословения. Батка с ма́ткой стоят, коды молодые простя́тся. [1; С.353].

Таким образом, в статье рассмотрено понятие «праведный родительский гнев» как сильная эмоциональная реакция родителей на своеволие детей, выражающееся в неподчинении родительской воле. Праведный гнев родителей – это обида родителей на детей за самовольное решение жениться или выйти замуж, неудовлетворенность тем, что выросшие дети предпочитали родительским решениям бегство из отчего дома. Проявлением родительского гнева был отказ в благословении пары, нежелание справлять детям свадьбу, давать приданое, оказывать какую-либо материальную помощь.

Список литературы

1. Словарь русских говоров Приамурья / авт.- сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. - Благовещенск, 2007. – 528 с.
2. Частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области / сост.: Б. В. Блохин. – Ч. 1. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. – 136 с.
3. Частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области / сост.: Б. В. Блохин. – Ч. 2. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. – 192 с.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Салимова Ли́ра Марселевна

Канд. фил. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Башкирский государственный университет, г. Уфа

В настоящее время мы наблюдаем активное становление лингвоперсонологического направления, продолжающего лучшие традиции антропологических исследований. К одной из важнейших проблем, разрабатываемых в рамках названного направления, можно отнести построение типологии языковой личности.

Обратим внимание на то обстоятельство, что в процессе становления носителя языка как языковой личности, наряду с другими факторами, большую, даже основополагающую, роль играет его ощущение самого себя в профессии, иными словами – профессиональная подготовка и самореализация. В этой связи выглядит закономерным получившее распространение в научных исследованиях обращение к описанию языковой личности, репрезентирующей себя в профессиональном дискурсе, – так называемой профессиональной языковой личности. Данное понятие еще нуждается, на наш взгляд, в осмыслении и типологизации. Шагом в этом направлении может стать выделение в ряду типов профессиональной личности «академической языковой личности», под которой мы

предлагаем понимать профессиональную личность, сформировавшуюся в академической (научной) сфере, активно, полноценно реализующую себя в ней и способную транслировать свои профессиональные знания на большую аудиторию реципиентов.

Академическая языковая личность стала в последние годы одним из объектов изучения лингвоперсонологии. К подобным исследованиям относятся описания языковой личности ученых – представителей как гуманитарных, так и естественных наук: В. В. Виноградова [7; 17], А. Ф. Лосева [2], А. А. Реформатского [6], Д. С. Лихачева [12], Ю. М. Лотмана [11; 10; 13]; К. И. Бендера [5], В. И. Вернадского [9], Н. П. Бехтерева [8] и др.

В настоящей статье мы представляем некоторые практические результаты наблюдений над тем, какую роль играет академическая языковая личность в современной лингвокультурной ситуации.

Прежде всего следует напомнить, что ученые (особенно – представители гуманитарных наук), посредством своих трудов, традиционно принимали непосредственное

участие в формировании русской интеллигенции. Во второй половине XX века, благодаря распространению телевидения, расширились возможности для прямого воздействия на массовую аудиторию, состоящую из разных носителей речевой культуры. Академическая языковая личность тогда стала ярко проявлять себя в процессе создания текстов публицистической принадлежности (А. Д. Сахаров и др.), популяризаторской направленности (А. А. Реформатский и др.), просветительского содержания (Ю. М. Лотман и др.) и т. д. На рубеже XX–XXI веков мы стали свидетелями изменений как в социальном, так и в лингвокультурном плане, связанных, в том числе, и с формированием в обществе нового «языкового вкуса эпохи» (В. Г. Костомаров) [4].

В 2014–2015 учебном году в российские вузы пришли те носители языка, чье становление происходило в условиях обновленной лингвокультурной ситуации. Именно их можно, на наш взгляд, признать носителями информации о том, какую роль в современном обществе играет академическая языковая личность. Для выяснения этого вопроса мы провели лингвокультурологический эксперимент среди первокурсников, обучающихся в Башкирском государственном университете по направлениям «Химия», «Юриспруденция», «Международные отношения», которым мы предложили ответить на следующие вопросы: 1) отметить в предложенном списке (Н. А. Бердяев, Л. Н. Гумилев, В. И. Вернадский, А. А. Реформатский, Ю. М. Лотман, А. Д. Сахаров, С. С. Аверинцев, Н. М. Шанский, Д. С. Лихачев, В. Г. Костомаров), имена тех ученых, которые знакомы им по роду своей профессиональной деятельности; 2) назвать известные труды или обозначить круг проблем, рассматриваемых этими учеными; 3) указать источник, из которого получены знания о том или ином ученом. Из 274 участников смогли ответить на первый вопрос 198 человек; назвали труды (В. И. Вернадского, Ю. М. Лотмана, А. Д. Сахарова, Д. С. Лихачева) или их проблематику 112 человек; среди наиболее распространенных ответов на третий вопрос были «школа», «семья», несколько человек ответили «сам где-то читал или слышал».

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что в нынешней лингвокультурной ситуации влияние академической языковой личности на массовую аудиторию становится менее заметным, ограничиваясь стенами учебных заведений и конференц-залов или страницами специализированных изданий. Отметим еще одну особенность лингвокультурной ситуации, связанную с получившим распространение компетентностным подходом к обучению языку в общеобразовательных учреждениях [15], целью которого провозглашается формирование языковой личности выпускника, обладающего лингвокультурологической компетентностью.

В связи с этим современная лингвистическая наука, обеспокоенная, по определению И. А. Стернина, «настораживающими» тенденциями («... люди явно привыкают к низкой культуре речи окружающих, принимают ее за норму, снижают требовательность к чужой и своей речи, признают свой уровень речи достаточным, не требующим совершенствования» [16, с. 90]), в качестве приоритетного направления развития определила изучение языковой личности носителя элитарной речевой культуры, или элитарной языковой личности. Особую актуальность в этой

связи приобрела лингвокультурологическая проблема «Элитарная языковая личность в науке», изучение которой в рамках спецсеминара было предложено обучающимся в Башкирском государственном университете по направлению подготовки «Филология».

Участники спецсеминара получили возможность углубить имеющиеся у них знания по теории языковой личности в процессе выполнения научно-исследовательской работы, посвященной практическому описанию носителя речевой культуры, претендующего на признание элитарным.

Закономерным в этой связи стало то, что студенты в первую очередь обратились к изучению профессионального дискурса представителей науки (прежде всего – гуманитарной). Молодые исследователи подтвердили предлагаемые в настоящее время наукой пути решения лингвокультурологической проблемы «Элитарная языковая личность в науке» [5].

С одной стороны, это – написание исследовательских трудов об элитарной языковой личности ученых – представителей гуманитарных и общественных наук, деятельность которых признана успешной, в том числе благодаря их всесторонней (языковой и лингвистической, коммуникативной и речевой, лингвокультурологической) компетентности: Д. С. Лихачева, Н. А. Бердяева, А. Д. Сахарова, С. С. Аверинцева, Н. М. Шанского, Р. Г. Назирова и др. Подобные исследования имеют важную теоретическую направленность, поскольку на их основе в будущем возможно создание общей теории языковой личности представителя науки. С другой стороны, это – изучение индивидуальных личностных особенностей речевого поведения представителя науки, обусловивших эффективность его профессионального дискурса. В данном случае результаты наблюдений получают большие возможности их практического применения в условиях учебного процесса в общеобразовательных учреждениях и высших учебных заведениях, направленного на реализацию компетентностного подхода: «Практическая значимость культивирования элитарной личности заключается в действенности и оптимальности ее речи, что приобретает особую значимость в условиях современного огромного информационного потока, в котором важно уловить ключевую мысль» [18].

Отметим те аспекты работы спецсеминара, которые вызывают интерес с точки зрения описания роли академической языковой личности в современной лингвокультурной ситуации.

Во-первых, в рамках выполнения собственных научных работ участники спецсеминара считали важным обратиться к описанию лингвокультурных концептов, наиболее ярко характеризующих познавательный и поведенческий аспекты элитарной языковой личности представителя науки. Полагаем, что несомненный научный интерес представляют те концепты, ценностный и перцептивно-образный компоненты которых получили личностное переосмысление, то есть «единичные ЛК-концепты (лингвокультурные концепты – Л. С.) – это, преимущественно, единицы ... концептосферы определенного автора...» [1, с. 66]. Например, таким концептом может быть признана «Филология» в представлении С. С. Аверинцева. Интересным аспектом работы в этом направ-

лении может стать сопоставление индивидуального когнитивного пространства элитарной языковой личности и базовых, ключевых концептов, составляющих русскую языковую картину мира. Комплексный анализ концептов на основе использования методов, предлагаемых современной лингвистикой, даст представление о месте, роли и значимости изучаемых концептов в современной лингвокультурной ситуации.

Во-вторых, участники спецсеминара осознали необходимость в формулировании важнейших для понимания сущности академической, в том числе элитарной, языковой личности вопросов, для решения которых требуются серьезные размышления, способные привести к формированию собственного подхода к исследуемому явлению, а также – к воспитанию самого себя как языковой личности. Дискуссионными можно признать такие вопросы, как «Возможно ли в условиях современной лингвокультурной ситуации формирование элитарной языковой личности?», «Все ли критерии, предлагаемые учеными для определения элитарности речевой культуры, следует считать безусловно, обязательно реализуемыми?», «Можно ли признавать элитарным носителем речевой культуры того, кто, по восприятию окружающих, не всегда к ним уважителен, в т. ч. и в области языка?», «Влияет ли на признание той или иной языковой личности элитарной степень известности ее имени?», наконец, «Какова роль академической языковой личности в современной лингвокультурной ситуации?» и т. п.

В-третьих, отдельные участники спецсеминара организовали проведение наблюдений (на данном этапе – пока единичных и не в полной мере научно выверенных) над уровнем восприятия текста, созданного элитарной языковой личностью, другими носителями языка, относящимися чаще всего к иным типам речевой культуры. Это обусловлено тем, что «носитель элитарной речевой культуры – интеллектуально одаренная личность, обладающая высоким потенциалом коммуникативной компетенции, базисными составляющими которой предлагается считать языковую, предметную и прагматическую компетенции, – стремится не просто навязать собеседнику свой тезаурус, то есть дать определенное число сведений о мире, но внушить ему те ценностные ориентиры, которые он считает важными для себя и для других» [3].

И, наконец, в-четвертых, в результате научной работы в рамках спецсеминара у обучающихся сформировалось осознание возможности и далее – необходимости лексикографического описания элитарной языковой личности на материале созданных ею текстов в качестве ближайшей перспективы, связанной с полномасштабным изучением поставленной научной проблемы. Лексикографическое описание элитарной языковой личности представляется как проект высокой степени значимости: в области лингвистики – как вклад в развитие новых направлений в науке о языке, в области культурологии – как демонстрация воплощения элитарности во владении речевой культурой, в области лингводидактики – как практическое пособие в процессе преподавания лингвистических дисциплин в образовательных учреждениях.

В целом изучение лингвокультурологической проблемы «Элитарная языковая личность в науке» в рамках спецсеминара позволяет обратить внимание на следующие

моменты. Прежде всего, обучающиеся получили возможность, посредством изучения речевой деятельности академической языковой личности, составить собственное представление о профессиональном дискурсе и его особенностях в академической сфере. Далее, обучающиеся проявили неподдельный интерес к понятию «элитарная языковая личность», связав его с конкретными носителями языка, представителями российского лингвокультурного сообщества в целом и науки в частности. Кроме того, на протяжении всей работы в рамках спецсеминара обучающиеся выражали уверенность в необходимости изучения особенностей дискурса представителей элитарного типа речевой культуры, чтобы иметь соответствующие ориентиры в собственном речевом поведении – как в профессиональной деятельности, так и в повседневном общении.

В целом на основании наших наблюдений можно сделать предварительные выводы, нуждающиеся впоследствии в более основательном осмыслении. Академическая языковая личность, особенно – признанная элитарной, должна занимать ведущее положение в типологии профессионально ориентированных личностей, что обусловлено тем влиянием, которое она может оказать на формирующуюся личность. В процессе формирования языковой личности в ходе обучения языку, в том числе русскому, как в школе, так и в вузе, большую значимость приобретает ориентация на определенную, признанную авторитетной в данной профессиональной (научной) сфере, элитарную языковую личность. Возможно, роль академической языковой личности в современном обществе стала менее заметной, но более значимой, так как знание ее имени и трудов может расцениваться как показатель уровня владения речевой культурой тем или иным членом лингвокультурного сообщества. Таким образом, названная лингвокультурологическая проблема представляется нам исключительно актуальной, поэтому в дальнейшем мы полагаем целесообразным расширение круга рассматриваемых вопросов, связанных с описанием академической языковой личности выразителей образцового, эталонного уровня владения речевой культурой и их роли в формировании лингвокультурной ситуации.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. – С. 64-74.
2. Дружинина В. В. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А. Ф. Лосев): дисс. ... канд. филол. наук. Сочи, 2004. – 215 с.
3. Карабулатова И. С. Эволюция русской речевой элитарной культуры на сломе эпох: XVII–XXI вв. [Электронный ресурс]. – URL: [http:// library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/Karabulatova-I.S.-Evoluciya-russkoi-rechevoi](http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/Karabulatova-I.S.-Evoluciya-russkoi-rechevoi) (дата обращения: 23.09.2014).
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.

5. Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 1999. – 53 с.
6. Крысин Л. П. Вспоминая Реформатского // Общественные науки и современность. 2008. № 3. – С. 151-155.
7. Кузнецова Л. Н. Языковая личность ученого-филолога В. В. Виноградова как носителя элитарной языковой личности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forum.aspu.ru/viewtopic.php?f=51&t=2841> (дата обращения: 20.08.2012).
8. Кузьмина Е. М. Н. П. Бехтерева как языковая личность: субъективная модальность в научном повествовании // Мир русского слова. 2011. № 2. – С. 58-63.
9. Курьянович А. В. Языковая личность ученого – носителя элитарной речевой культуры (на материале эпистолярного дискурса В. И. Вернадского) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. – С. 188-197.
10. Лаппо М. А. Кого можно назвать носителем элитарной речевой культуры? // Русская речь. 2014. № 4. – С. 67-72.
11. Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана): дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. – 223 с.
12. Романова Т. В. Языковая личность Д. С. Лихачева как элитарная языковая личность русского интеллигента (на материале книги Д. С. Лихачева «Воспоминания») // Мова. 2006. № 11. – С. 12-18.
13. Салимова Л. М. Перспективы изучения Ю. М. Лотмана как элитарной языковой личности: лингвокультурологический подход // Вестник Череповецкого университета. 2014. № 8 (61). – С. 98-102.
14. Салимова Л. М. «Элитарная языковая личность в науке» как лингвокультурологическая проблема // Актуальные вопросы в научной и образовательной деятельности: сб. научных тр. по материалам Междунар. научно-практ. конф.: В 11 ч. Ч. 11. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания ЮКОМ», 2014. – 164 с. – С. 84-85.
15. Саяхова Л. Г. Компетентностный подход к изучению русского языка в учебниках для 10–11 классов школ гуманитарного профиля с обучением на тюркских языках. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2009. – 127 с.
16. Стернин И. А. Отношение носителей языка к речевой культуре // Мир русского слова. 2004. № 3. – С. 88-90.
17. Федорченко И. А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В. В. Виноградова: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. – 246 с.
18. Шилова Н. В. Совокупность моделей языковой личности как единое личностное образование [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vash-psiholog.info/volna/222/18604-sovokupnost-modelej-yasykovoy-lichnosti-kak-edinoe-lichnostnoe-obrazovanie.html> (дата обращения: 23.09.2014).

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА STRENGTH IS MONEY В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Шеховцева Татьяна Михайловна

Канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации НИУ «БелГУ», г. Белгород

В современной лингвистической литературе концепт представляется как многомерное, многокомпонентное образование, обладающее сложной организацией, которая, однако, не является жесткой структурой, подобной значению слова. Разрабатывая проблематику моделирования концепта, И.А. Стернин подчеркивает, что структура того или иного концепта может быть описана лишь после того, как выявлены образующие его содержание концептуальные признаки, которые он называет также микрокомпонентами концепта. Микрокомпоненты, в свою очередь, объединяются в макрокомпоненты, которые определяются как образный компонент, энциклопедическое поле и интерпретационное поле [5, с. 100].

Рассмотрим содержательные особенности образного компонента концепта СИЛА в современном английском языке. Согласно концепции И.А. Стернина и З.Д. Поповой, образный компонент содержит перцептивные и когнитивные (метафорические) образы.

Перцептивный образ отражает результаты восприятия референта концепта органами чувств – зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом [5]. Содержание данного элемента структуры концепта определяется при помощи экспериментальных методик. Исследователями было установлено, что «те или иные образы обнаружены и для абстрактной лексики – они тоже имеют чувственный характер, но более субъективны, резче различаются у разных испытуемых» [4, с.75]. В настоящем исследовании экспериментальные методики не использовались.

Когнитивный образ формируется посредством метафорического осмысления соответствующего предмета или явления (то есть когнитивной, или концептуальной метафорой) [5]. Когнитивный образ представлен рядом метафорических моделей, получаемых в результате анализа сочетаемостных свойств лексем-репрезентантов концепта. Именно метафоры формируют тот чувственно-наглядный образ, который «приземляет» абстрактный концепт, наполняет его конкретным образным содержа-

нием, позволяющим закрепить его в универсальном предметном коде. Иными словами, когнитивный образ отсылает абстрактный концепт к материальному миру [4, с. 76].

Следует отметить, что исследование метафоры стало одним из важнейших направлений современной когнитивной лингвистики, которая в изучении рассматриваемого феномена полностью отказалась от традиционного (идущего еще от Аристотеля) взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», один из способов «украшения» речи, или от присущей структурализму ориентации на изучение «собственно языковых» закономерностей метафоризации. Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира [7, с.23].

Как известно, в основе большинства современных работ по теории и практике изучения концептуальной метафоры лежит классическое исследование Дж.Лакоффа и М.Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». Под концептуальной метафорой ученые понимают схему, унифицированную когнитивную структуру, соединяющую ментальные репрезентации с чувственной и опытной основой, в формировании которой существенную роль играют предшествующий опыт человека и культурная среда, в которой он живет. Осмысление нашего опыта в терминах объектов и веществ позволяет нам вычленять некоторые части нашего опыта и трактовать их как дискретные сущности или вещества некоторого единого типа. Мы можем ссылаться на них, объединяя их в категории, классифицировать их и определять их количество, тем самым мы можем рассуждать о них [2, с.406].

При анализе речевых контекстов нами был использован прием моделирования образного компонента концепта СИЛА, основанный на изучении сочетаемости субстантива, называющего рассматриваемый концепт, и его синонимов с конкретными предикатами. Данный прием концептуального анализа представлен в работах G. Lakoff (1993, 1995, 2004), Л.О. Чернейко (1995, 1997), М.В. Пименовой (2004, 2007, 2009), А.П. Чудинова (2001, 2003) и многих других западных и отечественных лингвистов.

Как правило, концептуальные метафоры (далее КМ) упорядочиваются исследователями в более крупные разряды в зависимости от категориального статуса концепта, выступающего в качестве сферы-источника при метафорическом отображении на сферу-мишень. Ученые выделяют антропоморфную, зооморфную, натуроморфную, фитоморфную/растительную, предметную/вещную/артефактную метафорические модели концептуализации абстрактных областей знаний. Подобную дифференциацию концептуальных метафор используют многие современные лингвисты, исследующие действие этого когнитивного механизма, например М.Н. Лапшина (1998), А.П. Чудинов (2001, 2004), М.В. Пименова (2004, 2007, 2008, 2009), Л.А. Шестак (2003) и другие.

В свете дальнейшего описания важно также уточнить, что метафоры функционируют на разных уровнях конкретности: некоторые на высшем, более общем уровне, а другие на более конкретном, причем между ними существуют иерархические отношения: метафоры более «низкого» уровня наследуют свойства метафор более «высокого» уровня. Метафоры более низкого уровня представляют контекст для метафор более высокого уровня, делая некоторые их аспекты более конкретными (например, КАРЬЕРА – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и ЛЮБОВЬ –

ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ являются конкретными вариантами общей, более универсальной метафоры СОБЫТИЕ – ЭТО ПЕРЕМЕНА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ [6, с. 352-354]. Н.Д. Арутюнова определяет метафоры более высокого уровня как ключевые, или базисные [1, с.14]. Ключевые метафоры задают аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождают более частные метафоры, что и будет показано нами далее.

Разные виды концептуальной метафоры имеют различные частотные показатели степени продуктивности. Мерой продуктивности является, во-первых, количество конвенциональных языковых выражений, кодирующих данную концептуальную метафору, а во-вторых, количество содержательных характеристик, перенесенных из области-источника на область-мишень [3, с. 496-497].

Результаты контекстуального анализа позволили установить, что предметная метафорическая модель объективации концепта СИЛА является одной из наиболее продуктивных в современном английском языке.

В большом количестве контекстов актуализируется представление носителей языка о силе как о ресурсе, принадлежащем субъекту и имеющем для него определенную материальную ценность. Осмысление данного фрагмента действительности осуществляется в рамках метафор STRENGTH IS MONEY, STRENGTH IS A LIMITED RESOURCE, STRENGTH IS A VALUABLE THING.

Необходимо отметить, что указанные метафоры образуют единую систему, основанную на категориальном вложении понятий, поскольку деньги входят в понятие ограниченных ресурсов, а ограниченные ресурсы — в понятие ценных вещей [8, с.392-394]. Эти отношения характеризуют и импликации метафор: STRENGTH IS MONEY имплицирует метафору STRENGTH IS A LIMITED RESOURCE, а STRENGTH IS A LIMITED RESOURCE имплицирует метафору STRENGTH IS A VALUABLE THING.

Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, мы применяем практику использования наиболее специфичной (узкой) метафоры – STRENGTH IS MONEY – для характеристики всей системы выделенных выше метафор.

Находящаяся в фокусе нашего внимания КМ STRENGTH IS MONEY вариативна и многоаспектна и может выводиться из:

- сочетаний с глаголами to possess, to have, to give, to get, обозначающими наличие либо определенные действия человека со своей собственностью:
 - (1) I grant an ugly woman is a blot on the fair face of creation; but as to the gentlemen, let them be solicitous to possess only strength and valour (J.Austen. Pride and Prejudice).
 - (2) The wish to have some strength and some vigour returned to me as soon as I was amongst my fellow-beings (J.Austen. Pride and Prejudice).
 - (3) I humbly entreat my Redeemer to give me strength to lead henceforth a purer life than I have done hitherto! (J.Austen. Pride and Prejudice).
 - (4) For our lives get their power from focusing or feeding on Jesus Christ (I. Gregory. Gods and Fighting Men).
- сочетаний с глаголами to waste, to spend, to squander, to lose, to exhaust, to run out of, указывающих на возможность истощения ресурса вследствие определенных обстоятельств:
 - (5) He was still the same gentle, attached, affectionate creature that he had been when pain and suffering had wasted his strength (Ch. Dickens. Oliver Twist or the parish boy's progress).

(6) "How some men waste their energies!" (H. MacGrath. Arms and the Woman).

(7) You squander half your force with women (D.H. Lawrence. Lady Chatterley's Lover).

(8) A disabled pensioner who has lost the strength in his arms has been told he will have to wait three years for an electric wheelchair ("The Harrow Times").

(9) The effect of such grief is that his strength was exhausted (I. Gregory. Gods and Fighting Men).

(10) Dear me, I seem to have run out of power! (T. Pratchett. Lords and Ladies).

- сочетаний с глаголами to need, to lack, to want, выражающими потребность человека обладать неким ресурсом или ценной вещью:

(11) Serious sailors need the arm strength to manoeuvre sails in the wind (British National Corpus).

(12) Paul Jewell's Derby County lack fortitude, resilience and stamina – qualities Savage has in abundance ("The Sunday Times").

- сочетаний с глаголами to lend и to invest:

(13) Any woman can have a confident and attractive aura if she is prepared to invest some time, energy and a little money into evolving her own personal style (British National Corpus).

(14) And indignation lent me additional strength (H. MacGrath. Arms and the Woman).

Придать, «одолжить» человеку сил способны разнообразные факторы, в том числе эмоции, причем как положительные, так и отрицательные (indignation).

- сочетаний с глаголами to find, to gather, to recover, to regain, to draw, указывающими на возможность восстановления ресурса:

(15) How lucky I was that he had found the strength not to leave me! (British National Corpus).

(16) My bodily health improved; I gathered flesh and strength (J. Austen. Pride and Prejudice).

(17) For those who draw strength from the idea of God it doesn't matter... ("The Times").

(18) She kept Jamie in bed for four more days, feeding him, changing his bandages and helping him regain his strength (S. Sheldon. Master of the Game).

(19) It allowed hunger strikers to be temporarily released to recover their strength ("The Sunday Times").

Несмотря на то, что сила позиционируется как ресурс, способный восстанавливаться, его необходимо экономить, что подтверждается сочетаниями с глаголами to husband, to save и to conserve:

(20) They swung on at their best pace, and for the most part in silence, husbanding strength and breath (I. Gregory. Gods and Fighting Men).

(21) The charity made sure, when funds allowed, that he got the medication he needed and guided him on a diet to conserve his strength ("The Guardian").

(22) Save your energy for the most important things (H. MacGrath. Arms and the Woman).

Приведенные выше примеры доказывают, что наличие у человека такого ресурса, который ассоциируется с сущностью, репрезентированной концептом СИЛА, оценивается носителями английского языка положительно. Напротив, его отсутствие – отрицательно, поскольку очевидно, что силы необходимы для любых действий и усилий – физических, умственных и волевых, для всякого душевного движения.

Подчеркнем, что важным условием развития метафорической модели является детальная структурированность исходной понятийной сферы и «общеизвестность» этой структуры, принадлежность исходной сферы к ближайшему кругу интересов человека. Именно это обеспечивает сохранение высокой частотности соответствующих образов и продуктивность модели – появление все новых и новых нетривиальных метафорических смыслов, как это и происходит в рамках KM STRENGTH IS MONEY.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
2. Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С.387- 415.
3. Лакофф, Джордж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
4. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. – 226 с.
5. Стернин, И.А. Макроструктура концепта // Труды по когнитивной лингвистике. – Кемерово: КемГУ, 2008. – С.100-106.
6. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления в современной американской лингвистике. Сб. обзоров / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секириной. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 455 с.
7. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
8. Lakoff, G. Metaphors We Live By. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

СПЕЦИФИКА ТРАВЕЛОГА В.В. РОЗАНОВА «ИТАЛЬЯНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ» С ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ И В АСПЕКТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Сибгатуллина Венера Фаридовна

Магистрант второго года обучения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является изучение травелога В.В. Розанова «Итальянские впечатления» с жанровой точки зрения; анализ места травелогов В.В. Розанова среди других современных им произведений этого жанра («По Италии» П.П. Перцова и «Образы Италии» П.П. Муратова).

В процессе работы использовались историко-литературный, сравнительно-исторический методы, а также элементы метода культурно-контекстуального анализа.

ABSTRACT

The aim of the article is to study the travelogue of V.V. Rozanov "Italian impressions" with the genre point of view; analysis of place of V.V. Rozanov's travelogue among others the contemporary works of this genre ("Italy" of P.P. Pertsov and "Images of Italy" of P.P. Muratov).

In the process we used literary-historical, comparative-historical methods, elements of the method of cultural and contextual analysis.

Ключевые слова: сравнительный анализ, жанр, травелог, диалог культур, межкультурная коммуникация, В.В. Розанов.

Keywords: comparative analysis, genre, travelogue, the dialogue of cultures, intercultural communication, V.V. Rozanov.

Жанр травелога, иначе говоря, книги путешествий, является одним из самых древних и в то же время популярных жанров литературы. Наибольшую популярность жанр обрел в XVII-XIX вв. Исследователи отмечают крайнюю зыбкость определения жанра – к травелогам традиционно относятся произведения самого разного содержания и выполненные в различных стилях. Четкое определение данного жанра представляет собой нетривиальную задачу. Травелог балансирует между публицистикой и художественной литературой, не являясь в чистом виде ни тем, ни другим [6, С. 5]. Трудно провести четкое разграничение, с одной стороны, между травелогом и путеводителем, с другой стороны, между травелогом и романом-путешествием [8, С.3]. Таким образом, травелог, при общем для всех произведений этого жанра предмете повествования – описании автором впечатлений, полученных в ходе путешествия в какое-либо место или страну, – является чрезвычайно гибким и открытым жанром. Кроме того, важной чертой травелога является его обязательная опора на реальность и выраженное личное начало рассказчика [8, С. 4].

Для выявления специфики «Итальянских впечатлений» В.В. Розанова мы проанализируем и сравним «Итальянские впечатления» с другими произведениями данного жанра, опубликованными в начале XX в., наиболее известными из которых являются книги «По Италии» П.П. Перцова и «Образы Италии» П.П. Муратова.

Наиболее сильно выделяется среди вышеперечисленных произведений книга П.П. Муратова «Образы Италии» – это интересный и объемный травелог, до сих пор не утративший актуальность и популярность. Книга представляет собой трехтомник. Первые два тома были изданы в 1911-12 гг. в России, полное издание было осуществлено уже в Берлине, в 1924 г. [3, С. 35]. Реплика – в случае с В.В. Розановым ситуация почти диаметрально противоположная. «Итальянские впечатления», не говоря уже о «Дневнике туриста» – сравнительно менее известны, нежели чем нашумевшие и, пожалуй, самые главные произведения В.В. Розанова – «Уединенное» и «Опавшие листья».

Книга «Образы Италии» – самое популярное произведение в творчестве П.П. Муратова. Книга неоднократно переиздавалась в России – издательством «Республика» в 1994 г., издательством «Галарт» в 2008 г. и др. Столь продолжительная популярность книги вызвана рядом факторов – наглядностью и простотой изложения, четкой структурой произведения, исчерпывающей подробностью в искусствоведческом плане и т.д. Однако главная причина популярности именно этого произведения – всецелая пре-

данность автора культуре Италии. В. Казак, немецкий славист и литературный критик, так писал о П.П. Муратове: «его духовная родина не Россия, а Италия эпохи Возрождения» [2, С. 269].

«Образы Италии» – фундаментальный и в первую очередь искусствоведческий труд, оформленный в виде последовательного травелога. В отличие от В.В. Розанова, поставившего в «Итальянских впечатлениях» задачу, в первую очередь, историко-философского описания Италии («взглянуть на Европу как на место чудовищной исторической энергии» [10, 84]), причем преимущественно в форме сравнения с Россией («родную русскую березку в сердце носил, т.е. не забывал, что я русский и что каждый человек имеет только одну родину» [10, 235]), П.П. Муратов с первых строк погружает читателя в культурный код Италии – в первом же абзаце насчитывается более 10 итальянских топонимов (Пьяцетти, Скьявони, мост дела Палья, torredell'Orologio, Прокурации и др.). О России П.П. Муратов вспоминает крайне редко и даже в какой-то мере отчужденно: в одном случае он говорит о пьесе Вебстера, драматурга и современника Шекспира, «Белая дьяволица или Виттория Коромбона», что ее «можно смело поставить рядом со многими произведениями Шекспира», но при этом в России пьеса неизвестна [7, 148]; в другом случае П.П. Муратов вспоминает о России в ключе противопоставления с Италией: ему напомнил Россию весенний воздух на лесных дорогах в Альбанских горах, который «был удивительно крепок, даже резок не по-итальянски» [7, 288]. В то же время В.В. Розанов начинает «Итальянские впечатления» сразу с философских размышлений о противопоставлении римского католичества («о Боже, сколько здесь римского!» [10 С. 87]) и русского православия, продолжая и развивая эту тему.

Сравнительный анализ показывает, что В.В. Розанов редко, гораздо реже, чем П.П. Муратов, использует чисто итальянскую лексику. Если П.П. Муратов, как уже упоминалось выше, с первых строк насыщает текст итальянскими языковыми реалиями, в частности нагружая текст топонимами, то у В.В. Розанова в книге про Италию с первых же строк речь идет об Александро-Невской лавре и православной службе: «я помню, в Петербурге, в Александро-Невской лавре, на отпевании покойного генерал-контролера Штрика, пение митрополичьих певчих...» [10, С. 87].

В книге «Итальянские впечатления» собственно итальянские топонимы почти не заметны, т.к. большую часть текста занимают авторские размышления. Впрочем, это вовсе не означает, что В.В. Розанов вообще не использовал в своей книге итальянские языковые реалии. В качестве примера можно привести упоминания в начале и

конце книги католического песнопения Страстной недели *Miserere* [там же, 90; 94; 234]. Также итальянские реалии встречаются, например, в названии глав («В садах Боргезе») и в самом тексте (например, названия итальянских музеев «Palazzodei Conservatori» и «Museo Capitolino», упомянутые несколько раз в главе «Умиравший гладиатор» и «Моисей» Микеланджело»). Названиями итальянских мест и реалий В.В. Розанов пользуется сравнительно редко, только в случае нужды. Эта особенность выделяет книгу «Итальянские впечатления» среди подобных произведений.

Несмотря на то, что оба произведения посвящены описанию Италии, «Итальянские впечатления» и «Образы Италии» – два в корне разных произведения. Ключевое различие данных произведений заключается в подходе авторов к описанию предмета книги путешествий – самой Италии. П.П. Муратов, как мы убедились ранее, с первых же строк погружает читателя в жизнь Италии. Наиболее весомую долю книги составляют искусствоведческие сведения, касающиеся живописи, скульптуры и прочих видов искусства. П.П. Муратов по эпохам отслеживает историю искусства в Италии, ярко и красочно описывает отдельных художников, дает советы по посещению важных и значимых в плане искусствоведческой ценности мест. В этом плане его книга оригинальна, т.к. автор советует читателю ознакомиться не столько с произведениями известных художников, как Рафаэль, Микеланджело и др., а скорее наоборот, рассказывает о незаслуженно забытых, но не менее ценных деятелях искусства (например, художника Тинторетто). В.В. Розанов, напротив, во многом отталкивается от самых известных мест и шедевров искусства, таких как Сикстинская капелла, вулкан Везувий, Колизей и др. При этом В.В. Розанов так строит текст, что описание банальных мест становится интересным для чтения. В.В. Розанов описывает свои личные впечатления, добавляя в большом количестве философские размышления. Так, посещение Колизея под пером В.В. Розанова превращается в целый исторический экскурс в жизнь древнего Рима, когда он был функционирующим объектом общественной жизни Рима. Вообще В.В. Розанов зачастую описывает не современное ему состояние посещаемых им мест, а их историческую перспективу – «В самом деле, все в религии и все религии умерли, кроме одного христианства. Никогда я этого не осознавал так ясно, как стоя перед храмом Януса» [10, С. 109].

Наиболее показательны различия между произведениями В.В. Розанова и П.П. Муратова в аспекте их работы с историей. И тот, и другой в своих произведениях обращаются к разным историческим периодам и эпохам. П.П. Муратов часто соотносит исторические эпохи с жанрами искусства. Так, одна из глав посвящена стилю барокко. П.П. Муратов понимает историческое развитие через развитие искусства. У В.В. Розанова все иначе. Он осведомлен в истории, но искусство играет для него второстепенную роль. Основная его задача – вскрыть пласты исторической энергии. Он погружается в историю Колизея, чтобы заново ощутить и понять чувства первых христиан, гонимых и терзаемых животными на потеху публике. Описывая языческий храм, он живописует языческие обряды и примеряет их на себя. По меткому выражению Г.К. Лукомского, историка и искусствоведа, со-

временника В.В. Розанова, «историческая осведомленность помогает автору [В.В. Розанову] во многих случаях понимать эпохи искусства (с которым он знаком так мало) и дает ему иногда возможность открывать новые горизонты для парадоксальных исследований» [5, С. 25]. Так, В.В. Розанов строит теорию, согласно которой Рафаэль – самый важный с точки зрения религиозно-философских поисков художник, т.к. он сам и его картины отражают идеал поиска вечного в античности.

Из вышеуказанного можно сделать вывод, что книги В.В. Розанова и П.П. Муратова при общем предмете фактически полностью различны: В.В. Розанов пишет о России и Италии, П.П. Муратов – только об Италии. Для В.В. Розанова Италия и ее жизнь фактически основа для собственных размышлений – П.П. Муратов целую главу посвящает, к примеру, художнику, большая часть работ которого находится в Венеции (см. глава «Тинторетто»). В.В. Розанов описывает, но по большей части рассуждает, П.П. Муратов больше описывает, чем рассуждает. У В.В. Розанова в итоге получается книга путешествий с уклоном философию, у П.П. Муратова – искусствоведческая книга путешествий. Не зря сам П.П. Муратов писал об «Итальянских впечатлениях» так: «в этой странной и такой чисто русской книге не слишком много Италии» [1].

Примерно таким же образом соотносится с творчеством В.В. Розанова книга «Путешествие по Италии» Иполлита Тэна, переведенная П.П. Перцовым. П.П. Перцов, по свидетельству А.Н. Николюкина, был другом В.В. Розанова: он вместе с ним участвовал в издании журнала «Мир искусства» и, помимо всего прочего, помог В.В. Розанову с публикацией его произведений: в 1899 г. П.П. Перцов «подготовил и выпустил четыре сборника статей Розанова: «Сумерки просвещения», «Литературные очерки», «Религия и культура», «Природа и история»» [9, С. 9].

Сама по себе книга «Путешествие по Италии» является более близкой по характеру к произведению П.П. Муратова – в ней тоже преобладает искусствоведческое описание культуры Италии. Автор, французский искусствовед и ученый-историк, описывает впечатления от поездки по Италии в 1864 году. Маршрут был немного путанным – сначала И. Тэн проехал через Рим и сразу уехал в Неаполь. Затем он вернулся, некоторое время пожил в Риме, затем посетил Милан, Венецию, Флоренцию, озера Северной Италии. Таким образом, начало маршрута И. Тэна совпадает с путем В.В. Розанова.

В своей книге И. Тэн описывает в основном те произведения искусства, которые видит в течение путешествия. Немалую часть повествования занимает искусствоведческий анализ. И. Тэн особое внимание уделяет стилям, стараясь проработать и аналитически захватить их развитие. Так, искусство он сравнивает с деревом, считая, что грек берет за образец ствол срубленного дерева, а германец – все дерево с ветвями и листьями. И. Тэн вникает в сущность различных эпох, как и В.В. Розанов он старается уловить дух эпохи, однако его подход остается чисто искусствоведческим и в некоторых аспектах излишне рациональным. Так, он часто выделяет спорные подстили, например, в готике; а также отдает предпочтение ранним стилям, считая большую часть позднейших – уродливыми. В этом смысле можно сравнить его подход с историческими экскурсами В.В. Розанова, который также

стремился во всем найти дух эпохи – от камней из катакомб до фресок и скульптур. Однако главной целью В.В. Розанова было не аналитически разделить историю, но, наоборот, понять ее в соединении с действительностью. Так, он проникается величественным духом античных памятников и сравнивает их с собой, со своим мироощущением («Что бы я сделал, если бы это видел?» [10, С. 110]). В искусстве В.В. Розанов также не стремится к аналитическому разделению, скорее его видение предметов искусства обращается по большей части к религиозно-философским смыслам.

В плане описания быта в книге И. Тэна сложно найти много сведений. Если В.В. Розанов регулярно как бы между делом сообщает о бытовой стороне своего путешествия, включая это в общую канву повествования и зачастую наполняя быт философским смыслом (как, например, описание музыки и световых представлений в Колизее в Страстную субботу), то у И. Тэна можно встретить лишь редкую отрывочную информацию, по большей части архаичного плана.

Исходя из вышесказанного мы пришли к выводу, что, по сравнению с другими травелогами, в «Итальянских впечатлениях» В.В. Розанов, во-первых, затрагивает религиозно-философскую тематику, во-вторых, ведет диалог с европейской культурой, отмечая недостатки и достоинства как своей, так и чужой культуры. Таким образом, «Итальянские впечатления» – яркий пример диалога культур в литературе.

Диалог культур является актуальной современной проблемой, т.к. он напрямую связан с проблемами межкультурной коммуникации. Диалог культур в литературе находит яркое выражение в литературном жанре травелога. Ю.М. Лотман выделяет две причины, по которым культура идет на диалог с другой, чужой для нее культурой: «1) нужно, ибо понятно, знакомо, вписывается в известные мне представления и ценности; 2) нужно, ибо не понятно, не знакомо, не вписывается в известные мне представления и ценности» [3, С. 111]. Другими словами, это «поиск своего» и «поиск чужого». В рамках диалога культур культура-реципиент внедряет в свою парадигму чуждый ей образ и в этом случае часто возникают коллизии: культура должна быть как «чужой» (чтобы сохранять диалогичность), так и «своей», потому что иначе невозможно восприятие инокультуры.

Именно такую коллизию в рамках жанра травелога описывает современный культуролог П. Вайль в статье «Перевод с итальянского». Он считает, что в России жанр травелога под влиянием всеобщего убеждения, что «за рубежом настоящих, глубинных проблем нет», развивался «как роман испытания, как аллегория» [1]. Заграница у русских путешественников подавалась как метафора России, большее предпочтение отдавалось эмоциям, нежели объективной информации. По мнению П. Вайля, «русский путешественник видит то, что хочет видеть, а перед его умственным взором одна страна – родина» [1]. Наиболее четкое выражение эта тенденция нашла в неизменяющемся «противопоставлении западного материализма и русской духовности» [1], с которым русские путешественники уезжали и с которым возвращались на родину. Очевидно, что подобный подход непродуктивен в рамках диалога культур и не способствует развитию межкультурной коммуникации.

Ключевой особенностью травелогов В.В. Розанова, по П. Вайлю, является преодоление шаблонов жанра травелога в России. «Эмоциональная и интеллектуальная честность» [1], отмеченная исследователем, не позволила В.В. Розанову оставаться в рамках предубеждений. Более того, при всем противопоставлении «своего» православия и «чужого» католичества как центра религиозно-философских размышлений В.В. Розанова в книге, В.В. Розанов все же сумел разглядеть в «чужой культуре» людей и их достижения и описал их предельно честным языком, выхватывая и запечатлевая наиболее яркие и хорошо удавшиеся, по его мнению, в сравнении с родной культурой моменты.

Книга «Итальянские впечатления» стоит особняком в ряду произведений своего жанра. Травелог В.В. Розанова отличается, во-первых, общей религиозно-философской направленностью, во-вторых, гораздо меньшей, по сравнению с аналогичными произведениями, роль описания и анализа произведений искусства в тексте травелога, в-третьих, внимание на быте (вплоть до замечаний о привычках и вкусах местных жителей, например, их нелюбви, по мнению В.В. Розанова, к чтению газет [10, С. 150]). Также в других известных травелогах конца XIX-начала XX вв. нет оригинального розановского сравнения российской и европейской культуры, представляющего собой пример интересного, интенсивного диалога культур. Если большинство авторов травелогов либо убеждены в бессмысленности диалога с Западом, либо, наоборот, погружены в него и в своих произведениях упоминают Россию мимоходом, то у В.В. Розанова мы видим постоянное сравнение, диалог «русского» и «европейского», который красной нитью проходит через всю книгу – от религиозно-философских размышлений о характере религии в Европе и России до культурно-исторических и бытовых моментов. Диалог культур у В.В. Розанова преодолевает коллизии рецепции инокультуры и делает возможным дальнейшее плодотворное развитие межкультурной коммуникации.

Литература

1. Вайль П. Перевод с итальянского / пер. В. Страды // «Иностранная литература» №3, 1996 [http://magazines.russ.ru/inostran/1996/3/vail.html]
2. Казак В. Лексикон русской литературы XX века = LexikonderrussischenLiteraturab 1917 / [пер. с нем.]. — М.: РИК «Культура», 1996. — XVIII, 491, [1] с.
3. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 5. — М.: Сов. Энцикл., 1968. — 976 с.
4. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х т., т. 1. - Таллинн, 1992.- С.111-121
5. Лукомский Г.К. Три книги об искусстве Италии // "Аполлон", No 3, 1909. - 207 с. - 25-26 с.
6. Мартынова О.М. «Итальянское путешествие» Гете: Автор, композиция, жанр: Дисс. ... канд. филол. наук. — СПб., 1995. - 170 с.
7. Муратов П.П. Образы Италии. - М.: Республика, 1994. — 592 с.
8. Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель // HomoLoquens: Актуальные во-

просы лингвистики и методики преподавания иностранных языков / под ред. И. Щемеловой, сб. статей. Вып. 5. - СПб.: Астерион, 2013. - 220 с. - 132-138 с.

9. Николукин А. Н. Живописец русской души // Розанов В. В.. Собрание сочинений: Среди художников. - М.: Республика, 1994. - 494 с. - 5-16 с.

10. Розанов В.В. Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899-1913 гг. М., 1994. - 736 с.

11. Тэн И.А. Путешествие по Италии В 2 т. - М.: Арт-родник, 2008

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭТНОНИМА «DEUTSCHE»: АНАЛИЗ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Сухарева Ксения Андреевна

Ассистент кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского, г.Нижний Новгород

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является комплексное изучение функционального потенциала этнонима, проведенное на анализе корпусных данных. В результате исследования раскрываются проблемы языкового статуса этнонима и границ содержания, исследуется феномен этничности, этнодифференцирующие признаки, когнитивная оппозиция «свой – чужой», стереотипизация и этнические стереотипы.

ABSTRACT

The purpose of the article is a complex study of the functional potential of the ethnonym, based on the corpus data analysis. The results of the research concern the issues of the language status and the content borders, the study of the ethnicity phenomenon and ethnodifferentiative marks, cognitive opposition «friend or foe», stereotypization and ethnic stereotypes.

Ключевые слова: Функциональный потенциал, этноним, этничность, этническая идентификация, когнитивная оппозиция «свой – чужой», этническое прозвище, стереотипизация, этнический стереотип.

Keywords: Functional potential, ethnonym, ethnicity, ethnic identification, cognitive opposition «friend or foe», stereotypization, ethnic stereotype.

В данной статье представлены результаты исследования функционального потенциала этнонима «Deutsche» на материале немецкого публицистического дискурса.

Прагматика играет важную роль в существовании и функционировании газетной статьи, в которой всегда проявляются коммуникативные и когнитивные установки языковой личности, реализуются информационная и воздействующая цели. Поэтому материалом исследования послужила сплошная выборка контекстов из статей газеты «Hamburg Morgenpost» (2010, 2013 гг.) с речевой актуализацией этнонима «Deutsche». Выборка производилась при помощи автоматизированной системы COSMAS II, которой снабжен немецкий корпус Института немецкого языка (г. Мангейм, Германия). Мангеймский корпус является крупнейшим собранием текстов и речевых записей на немецком языке и включает 1903 млн. употреблений и позволяет осуществлять поиск по морфологическим признакам словоформ. Корпус контекстов с речевой актуализацией этнонима «Deutsche» составил 11 147 единицы. В результате проведенной работы с корпусом были исследованы следующие проблемы.

Языковой статус этнонима в языкознании не определен и характеризуется наличием в их значении признаков как имен собственных, так и имен нарицательных. Так, например, В.А. Никонов [3] рассматривает этнонимы как онимы наравне с топонимами и др., а А.В. Суперанская [4] выступает категорически против такого понимания этнонимов и выделяет их в лексическую категорию, не входящую в ономастикон. Наше исследование позволило прийти к следующим выводам. Контексты, имеющие модели по аналогии с «arbeiten wie Deutsche», «feiern wie

Deutsche», «trinken wie Deutsche» являются подтверждением точки зрения, которая не включает этнонимы в ономастическое пространство из-за ярко выраженной коннотации. Прилагательное «deutsch» проявляет себя как качественное (а не притяжательное) в контекстах, где имеет сравнительную степень и в словосочетаниях по образцу «deutsches Werk», «deutsche Qualität», «deutsches Auto», «deutsches Bier», в которых оно придает определяемому предмету значение «высокое качество, признанное во всем мире».

Трудность исследования этнонима создает также неопределенность именуемого объекта, дискуссии о верхних и нижних границах содержания этнонима. Род, племя, народ, нация, государство, жители определенной местности становятся объектами обозначения этнонимов в зависимости от точки зрения исследователя. М.В. Крюков в своей статье [2] говорит о различных таксономических порядках этнонимов внутри своего класса, А.В. Суперанская полагает, что этнонимы обозначают племя или племенной союз, а остальные общности уже дают повод для дискуссии [4]. Как показывает наше исследование, эта проблема неопределенности денотата осложняется тем, что в немецком языке есть только одно слово «Deutsche», которое означает и государственную и этническую принадлежность, в отличие, например, от русского языка, где мы имеем «русский» и «россиянин» для различения этих значений. Носитель немецкого языка должен использовать дополнительные или альтернативные средства для однозначного толкования, которые также позволяют выделить корпус. Особое внимание привлекли этнонимы, образованные способом сложения из двух этнонимов, в которых

первый компонент обозначает государственную, а второй этническую принадлежность. «Deutsch-Türke» – турок-гражданин Германии. Можно сделать вывод, что современные названия часто обозначают «этнополитические организмы», состоящие из различных национальных групп. И таким образом, можно говорить о некой близости понятий «этническая» и «этнополитическая общность», что дает право применять термин «этноним» и для именованных жителей государств.

В.А. Никонов также подчеркивает, что ошибочно считать этнонимы лишь различителями. Они содержат историческую информацию, отражают оценки и характеристики носителей имени [3]. Изучая этноним, мы изучаем сложный многоаспектный феномен этничности, который привлекает внимание многих социальных и общественных наук. В результате исследования, мы не только выделили этнодифференцирующие признаки, т.е. каким образом человек относит себя или другое лицо к той или иной общности, но и распределили эти признаки по степени значимости для субъекта, опираясь на их частность. Этнодифференцирующие признаки меняются с развитием общества. Раньше религиозная принадлежность выступала как определяющая характеристика. Сейчас, опираясь на данные корпуса, можно сделать вывод, что для субъекта этническая идентичность может приобретаться, теряться или заменяться другой («Bin ich noch Amerikaner oder schon Deutscher?»). Субъект может быть представителем нескольких этносов. Бизническая идентичность свойственна людям, осознающим свое сходство с двумя группами и обладающими компетентностью в двух. Этническая принадлежность может иметь разную степень соотношения и интенсивность («Ich bin sicher 70 oder 80% deutsch»).

Названия народов не развиваются по одному преимущественному пути. Все они обусловлены потребностями этнического самосознания, отправная точка общая идентификация / дифференциация людей по принципу «мы – они». Семантические примитивы «свой – чужой» являются ключевыми для этнонимов. Использование этнонима в речи всегда влечет за собой актуализацию бинарной оппозиции. Особенно это заметно в таких выражениях как «südafrikanischer Fahrer», «deutsche Freunde», «US-Exmann» «heiraten Deutsche», «deutsche Frau». В контекстах всегда появляется этноним, обозначающий другой этнос, или слово, которое содержит имплицитно такой этнический компонент значения, «CIA», «Hollywood-Kommerz». Постулат количества Г. П. Грайса гласит, что высказывание должно содержать не больше и не меньше информации, чем следует. Мы можем заметить, что для говорящего интуитивно важно передать адресату информацию об этнической идентичности лица, о котором идет речь, будь то даже просто водитель из новостных сводок, попавший в ДТП, друг, бывший муж. Это говорит о глубинной потребности этнического сознания, прежде всего в процессе коммуникативного взаимодействия проводить границу между своим и чужим, важность этой информации для характеристики любого лица. Категория может быть передана имплицитно, специально вербализована или даже может быть усилена дополнительными средствами в зависимости от интенции говорящего. К дополнительным средствам относится использование иностранного языка в речи представителя другого этноса: «Ich bin black

German». Это – пример прямой речи, где имитируется разговор на иностранном языке, как это и происходило в реальности. Но есть примеры, в которых иностранные слова присутствуют в речи автора и выступают в роли стилистического приема. Такое использование иностранных слов при разговоре об иностранцах усиливает дистанцию между немцами и «чужими»: «Englisch ist out». Такое использование иностранных слов при разговоре об иностранцах увеличивает дистанцию между немцами и «чужими», усиливает эффект «чужеродного».

Этноним и этническое прозвище относятся к одному объекту референции, но выбор того или иного средства номинации зависит от прагматической цели говорящего. Этноним как результат развития межэтнических отношений делается объектом этнической нетерпимости в том случае, когда отношение к самому этносу перерастает из толерантного в интолерантное. Название этноса становится своеобразным громоотводом, когда негативные чувства по отношению к этносу переносятся на его этноним. В ходе исследования мы выделили следующие этнические прозвища для немцев: «Krauts», «Tanks» («Panzer»), «Teutonen», «Kartoffelfresser», «Deutsche Michel». В.А. Никонов, говоря об исчезновении этнических прозвищ вместе с исчезновением этнической обособленности и конфликтных отношений, подчеркивал важность сохранения их для этнографии и истории как образцов народной выдумки [3].

В.Б. Кашкин анализирует ретроспективную интертекстуальность этнонима. Исследователь полагает, что употребление этнонима вызывает в сознании свёрнутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах его употребления, контекстах общественной практики с участием носителей этого имени, оценку соответствующих референтов, отношение к ним и т. п. То есть, этноним «ведёт за собой» миф как свёрнутое руководство к действию [1]. Такая память слова присуща, разумеется, не только этнонимам, но и в принципе всем словам и фрагментам дискурса. Однако в данном случае лексема-этноним характеризует одного из возможных участников коммуникации. Более того, она приписывает возможному собеседнику классификационные признаки ещё до вступления в коммуникацию.

В результате исследования нами были выделены этнические авто- и гетеростереотипы. Какими видят себя немцы, как их видят другие этносы и как выглядят немцы в глазах других общностей по их мнению.

Функции стереотипа заключаются в реализации принципа экономии усилий, потребность в защите групповых ценностей, как в чисто социальной функции, реализующейся в виде утверждения своей непохожести, специфичности. Как показали данные корпуса, прилагательные и наречия «deutsch» и «typisch deutsch» можно назвать маркерами стереотипизации. Функция таких выражений категоризировать и систематизировать предметы и явления окружающего мира, обозначать, что можно и нельзя ожидать от национальности, как и что оценивать, выявлять национальные особенности.

Исследование на базе корпуса позволило сделать выводы как об особенностях этнонима как части языковой системы, так и о его функционировании в речевом взаимодействии, проанализировать работу этнического сознания конкретной общности, ее позиционирования себя в

картине мира. Эпоха миграции, этнических и национальных конфликтов, изменения отношения к этнической идентичности придает подобным исследованиям особую актуальность.

Список литературы

1. Кашкин В.Б. Этноним в наивной философии языка и картине мира, Парадоксы границы в языке и коммуникации, Издатель О.Ю. Олейников, Воронеж, 2012. – с.212 – 220.
2. Крюков М.В. Этнонимы: Об этнической картине мира в древнекитайских памятниках II – I тысячелетия до н.э., Наука, М., 1970. – с.34 – 46.
3. Никонов В.А. Этнонимия: Этнонимы. Наука, М., 1970. – с. 5–33.
4. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного, Книжный дом «Либроком», М., 2012. – с. 368.

РОМАНС КАК ЛИРИЧЕСКИЙ ЖАНР В ПОЭЗИИ К.Р.

Жаплова Татьяна Михайловна

доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью и журналистики, Оренбург

Толкачев Дмитрий

аспирант I курса кафедры связей с общественностью и журналистики, Оренбург

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению жанра лирического романса в творчестве К.Р., его стилистического и тематического своеобразия. В жанрово-тематическом контексте поэзии К.Р. произведена атрибуция стихотворных текстов поэта с точки зрения их принадлежности к романсу, произведен их анализ.

ABSTRACT

This article studies the genre of lyrical romance in the works of K.R., his thematic and stylistic originality. In the genre and thematic context poetry K.R. attribution made poetic texts in terms of their belonging to the romance and made their analysis.

Ключевые слова: поэзия, романс, стихотворения, К.Р.

Keywords: poetry, romances, a poet, K.R.

В современном литературоведении романс обращает на себя особое внимание как жанр, сыгравший важную роль в развитии лирической поэзии и способствовавший созданию музыкально-поэтической атмосферы, ставшей «визитной карточкой» русской культуры конца XIX–начала XX в. Под романсом понимают небольшое стихотворное произведение, которое излагает обыкновенное или необычное событие, оставившее яркий след в душе, сознании человека. Зародившийся в южных странах в начале XVIII века, романс отличается живым эпическим изложением несложного «внутреннего сюжета» [2; 45], изображая «прекрасное» в человеческой природе. В музыковедении XVIII век признается предысторией этого вокального жанра, при этом исследователи говорят о его синкретической природе, соединяющей музыкальную и поэтическую традиции, способные с течением времени интерферироваться в творчестве композиторов и поэтов.

Как лирический жанр, романс утвердился в России в эпоху сентиментализма, когда в литературе, по словам Г.А. Гуковского, совершалось «открытие чувствующей, изменчивой, безмолвно страдающей души» [3; 305] через обогащение «психологического содержания» исповедального монолога о любви, мечте, Родине, восторге и потере, прошлом и настоящем. По словам И.Н. Розанова, изучившего социальные границы популярности жанра среди образованного дворянства, как литературно-музыкальное явление, свое начало романс получил в дворянском быту в середине XVIII века, отвечая европейским бытовым нормам и удовлетворявший «потребность в изысканно-галантной песне, которая выполняла функцию фольклорной, но коренным образом от нее отличалась» [9; 36]. Это важное отличие полностью закрепилось за романсом к

концу XIX–начала XX столетия, когда он стал отвечать задаче поэтического воплощения «душевной действительности и постижения словом чувств с их амбивалентностью и музыкальными обертонами» [6; 75].

Сложность этих глубоких, затаенных, зачастую противоречивых переживаний преодолевалась, в первую очередь, благодаря поэтическому оформлению любовных, дружеских, ностальгических, религиозных, патристических чувств в трогательную сентиментальную форму, «однозначную для понимания и традиционную в вокально-музыкальном и поэтическом выражении» [7; 42]. По мнению Н.Л. Лейдермана, в конце XIX в. романс явился тем лирико-драматическим жанром, который во всей полноте определил романтическую поэтическую концепцию (объединяющую в себе поджанры салонного, цыганского, жестокого и русского романса) в «самостоятельном и самобытном русском художественном мире» [6; 140]. Немногочисленные, но мелодические, отмеченные национальным колоритом в духе русской музыки романсы, созданные князем Константином Романовым – поэтом К.Р. в конце XIX века (с 1883 по 1889 годы) отвечают стилистическим приметам жанра («легкому содержанию», приятной манере «салонной поэзии» с ее метафорами и образами) и открывают пока малоизученную страницу в творчестве поэта. Обладая драматической и художественной выразительностью, легкостью и романтичностью, романсы К.Р. представляют не только культурно-исторический и музыковедческий, но и литературоведческий интерес, часто выступая в тематическом единстве с литературной песней, элегией, посланием, мадригалом, а также с балладой, сочетающей драматизм и лиризм.

Общей и главной в работах литературоведов, посвященных изучению романса на рубеже столетий, является мысль, что отличительная функция этого жанра заключалась в «услажении утонченного слуха предстателей «взыскательного общества», прежде всего, непосредственного адресата романсов – «нежных слушательниц», тема любви в жизни которых занимала особое место» [8; 92]. Интимный по природе, романс предназначался для исполнения в сопровождении камерно звучащей музыки в уютной домашней обстановке и передавал сердечную муку влюбленного, изображая частное, личное чувство как всеобщее и вечное, тонко и медитативно воздействуя на впечатлительную женскую аудиторию. Благодаря своей нераздельности с музыкой и устремленности к эстетизации романического переживания, романс, по словам И.И. Дмитриева, заключал в себе «существенную для поэтов «чистого искусства» способность к эмоциональному воздействию на слушателя, к пробуждению в нем отзывчивости, сострадания, сопереживания» [4; 86]. Его ценителями становились люди высокого эстетического уровня, понимающие душевную боль, а знаменитые композиторы подбирали музыку к стихотворениям в жанре элегии, послания, баллады, превращая их в романсы.

Романсовое наследие поэта К.Р. по образному и жанровому наполнению можно разделить на драматические романсы-монологи, романсы-гимны и романсы-песни. В разное время авторами музыки к ним становились композиторы А.Глазунов (романс «Умер бедняга в больнице военной...»), Р.Глиэр, С. Рахманинов, А. Рубинштейн. Кроме того, будучи талантливым музыкантом, К.Р. сам сочинял музыку, превратив стихотворения Алексея Толстого «Верь мне, друг», «Горними тихо летела душа небесами...», «О, не пытайся дух унять тревожный...», Апполона Майкова «Он уже снился мне когда-то...», Виктора Гюго «Луч денницы», а также собственное стихотворение «Молитва» («Научи меня, Боже, любить...») в популярные песни о любви. Большую известность приобрел цикл из пяти отличающихся особой красотой романсов К.Р., музыку к которым написал Петр Чайковский (в него вошли романсы «Я сначала тебя не любила...», «Растворил я окно...», «Вот миновала разлука», «Уж гасли в комнатах огни...», «Серенада»). К.Р. благодарно и уважительно относится к индивидуальности этого композитора и его желанию воплотить поэтический замысел в музыкальную форму, о чем говорят следующие строки его письма П.И. Чайковскому: «Я боюсь, что вы приметесь перекладывать на музыку стихи только из любви, потому прошу не приниматься за романсы, если не чувствуете к тому охоты. А. Рубинштейн обещает написать музыку, если найдет в моей книжке подходящие слова. Очень любопытно, какие именно слова пригодятся вам...».

Среди менее известных романсов К.Р. – «Далеко, на самом море» (на слова А.Майкова) и «Я вам не нравлюсь» (на музыку П. Чайковского). Также следует назвать вошедшие в романсный цикл К.Р. вальсы П.Чайковского «Fis-Moll» и «Ната-вальс», которые использовались современниками в качестве музыкального фона к читаемым вслух стихотворениям К.Р. и иллюстрировали пример синкретизма поэзии и музыки. Тяготевшие к жанру светского романса, эти малоизвестные произведения поэта и

другие его стихотворения, ставшие впоследствии баркаролами, серенадами и балладами («О, дитя, под окошком твоим...»), «Плыви, моя гондола...», «Венеция», «Надпись на картине», избранные стихи из цикла «Времена года»), обращались к эмоциональной отзывчивости лирического героя на сложные жизненные ситуации, что воспринимается нами как характерная черта поэзии К.Р., связывающая его «замирающую лирику» с музыкально-поэтическим наследием поэтов «чистого искусства». По мнению П.Краснова, К.Р. был «одним из немногих, кто был посвящен в тайну писать стихотворения в духе А. Толстого и А. Фета, от которых он унаследовал музыкальное и поэтическое дарование» [8; 45].

Тему счастливого знакомства, «неминуемого часа» в судьбе молодой девушки, поначалу испытывающей страх от предопределенной «неведомым жребием» встречи с пленившем сердце человеком, открывает датированный 1883 годом романс-песня «Я сначала тебя не любила...», спустя полвека снискавший народную любовь и славу благодаря проникновенному исполнению оперной певицы Софии Преображенской. Откровения лирической героини, звучащие в четырех строфах романса, последовательно раскрывают эволюцию ее чувства: страх («Меня новая участь страшила и неведомый жребий смущал»), смятение («Твоего я боялась признания...»), обретение силы («И рассеялись вдруг опасенья, прежней робости нет и следа...»), торжество близости («Словно солнце любовь просияло, и немеркнувший день заблестал...»). Обращаясь к факту нежданно вспыхнувшей любви и поэтизируя ее, К.Р. не только передает впечатления влюбленной девушки как поэт, но и проявляет к ним интерес как психолог и гуманист, раскрывая особенности внутреннего мира ранимой и тонко чувствующей героини.

Свойственная этому романсу К.Р. проникновенность и неторопливая интонация, располагает к разговору с избранником о дальнейшей судьбе отношений, о праве выбора, которое оставляет любовь, о красоте природы в весеннем саду, летней беседке, у полуночного окна, изголовья кровати в спальне. Поэтическим ответом на вопрос является романс-гимн «Вот миновала разлука унылая...» 1883 года («Первое свидание», из сборника романсов П.И. Чайковского и П.П. Шенка), в котором К.Р. размышляет о коварстве времени и его воздействии на вспыхнувшую любовь и переживание «унылой разлуки», как о неизбежном в жизни томящегося ожиданием мужчины, для которого «свидания час» не менее волнителен, чем для его возлюбленной. Звучащая лейтмотивом мысль о чередующихся, сменяющих друг друга «днях одиночества» («днях испытания») и «светлого и полного счастья» воспринимается как гимн радости («Словно весенняя песнь соловьиная наша воспрянет любовь...»), неоднократно воспеваемой К.Р. также в жанрах элегии и послания (например, в послании «Великому князю Сергею Александровичу», элегиях «В разлуке», «Разлука») и обозначенной В.Калугиной как «трепетное очарование насыщенного чувством признания» [10; 14]. Также очень устойчивой для романсов К.Р. является традиция выражения сокровенных чувств в характере молитвы, смиряющей перед долгом искупления того, что обязательно произойдет в будущем («И во единое сердце биение наши сольются сердца...») через «томления и страдания» в настоящем. В

драматургическом плане такая установка лирического героя романа воспринимается как символ надежды, веры и покоя.

Продолжение любовной темы, развиваемой К.Р. в психологическом и религиозном аспектах, находит воплощение в дополняющих друг друга романах «Я вам не нравлюсь...» и «Научи меня, Боже, любить...», объединенных проблемой поиска бескорыстия как добродетели в любовном чувстве, дифференциации дружеского, бытового и непосредственно любовного, возвышенного в нем. Драматическая коллизия в романсе-монологе «Я вам не нравлюсь...», действующими лицами которой выступают благородный юноша («Мои надежды вы сгубили, и все-таки я вас люблю...») и избегающая близких отношений девушка («Вы любили лишь дружбу, не любовь мою...»), пронизана ностальгической интонацией прощения («Расцветают лишь раз весенние цветы...»). Надежда героя на раскаяние возлюбленной («И наметно в вашу грудь проникнет капля сожаленья...») сохраняет в нем романтическую попытку сберечь безответную любовь, чуждую предательства, хотя и вряд ли способную вернуться («Уж сердца вновь не приласкают перестрадавшие мечты...»). Основы нравственности и этики, в соответствии с которыми герой принимает это мудрое решение, заложены в его любовном признании Богу, в силах которого исцелить боль в душе поэта («Научи Ты меня соблюдать лишь Твою милосердную волю...»). Иступленная страстность, с которой К.Р. обращается к Богу («Всех, которых пришел искупить Ты Своей Пречистою Кровью...»), свидетельствует о его стремлении обрести святость веры в отвлеченную высшую идею («Чтоб и душу тебя посвятить и всю жизнь с каждым сердца биеньем...»), высокую мечту («Любить всем умом Тебя, всем помышленьем...»), в себя («Научи никогда не роптать на свою многотрудную долю») и жизнь в целом. Восторженное ощущение полноты жизни, охватившее лирического героя, ведет его навстречу счастью и любви, что отражается в предельно личном, интимном стихотворении К.Р. «Уж гасли в комнатах огни...», представляющем собой романс о долгожданной встрече влюбленных на «скамье в тени развесистой березы». Очарованный «благоуханием роз» в летнем саду – образом, олицетворяющем в романсе ощущение счастья, лирический герой чутко улавливает нюансы поведения своей возлюбленной («Безмолвно синих глаз твоих ты опускала взоры...»), вернувшейся из дальнего путешествия. Встреча с ней не была бы возможной без божественного провидения, вмешательства сил природы («Все эта песня соловья за нас договорила...») и самой любви, разгадавшей «тайну сердца».

В другом романсе-монологе, имеющем явный религиозный подтекст, – «Растворил я окно – стало грустно невмочь...» динамика внутреннего переживания, открывающаяся размышлениями лирического героя, в одиночку скитающегося на чужбине, усиливает эти мотивы и подчеркивает горькое «знание земных огорчений», пережитые потери, прощание с домом и любимой («И с тоскою о родине вспомнил своей, об Отчизне я вспомнил далекой...»), казалось бы, в самое поэтичное время года – весной («И в лицо мне пахнула весенняя ночь...»), но оттого тяжелее переносимое. Лирический герой К.Р., прислушивающийся к доносящейся издали песне соловья («А

вдали где-то чудно так пел соловей...»), вспоминает былое, отчего распахнутое окно становится не только посредником между замкнутым «внутренним миром» дома, светлой майской ночью, напоенной «благовонным дыханьем сирени», и человеком, но и принимает смысл и лик иконы («Опустился пред ним на колени...»), наделенной чудотворной силой избавлять от грусти, даровать пути избавления, основанные на христианском примирении, прощении, порой самовнушении (восприятие соловья «родным»), посланником оставленной Родины).

Образы соловья (воплощающей ангельскую душу птицы) и сирени (символизирующей слабость, уныние, затанное страдание) становятся символом душевного смятения героя, покинувшего родные места, где еще недавно он был счастлив. Искренний внутренний монолог лирического героя завершается вполне умиротворенно, как сама «песнь соловья», обнаруживающая стилистические черты «песни внутри песни», используемой в романсе для создания интонационной полифонической выразительности в сочетании изначально мелодических строк.

Сострадание к ближнему, испытываемое обостренно чувствующим несправедливость жизни героем романа К.Р. «Умер, бедняга! В больнице военной...», основанное на интересе к жизненному пути сраженного «тяжким недугом» солдата, превращается в центральный мотив истории, контрастно соединившей момент рождения («И протянул к нему с плачем ручонки мальчик-малютка грудной...») и безвременного угасания («Таял он, словно свеча, понемногу в нашем суровом краю...») безымянного солдата – способного ученика, любимца полка, талантливого стрелка, но, в первую очередь, сына. Линейный сюжет романа, сокращенный наполовину в песенном варианте, ориентируясь на тематику и стилистику народного плача («Была и плакала снежная вьюга с жалобным воплем таким...»), охватывает события из жизни солдата, предшествующие болезни: сцену прощания новобранца с «родной избенкой» («Рано его от семьи оторвали...», «Край он покинул родной...»), воспоминания о его матери («Полную чашу великого горя рано она испила...»), успехи «щеголеватого измайловца» во время царской службы («Был у ефрейтора он на поруке...», «А по стрельбе скоро в первом разряде ротный его записал...»), включая описание внешности («С виду пригожий он был новобранец...», «С честным открытым лицом, русыми волосами, голубыми глазами...»), черт и проявлений характера («Бойкий, смелый, живой...», «Сметливый был ученик», «Приноровился к военной науке...»), окупившиеся сторицей в условиях строгой дисциплины в «государевой роте».

В этом сюжете темы родового беспамятства («И ни одна о той жизни прожитой не пролилась слеза...») и беспомощности природы, не предпринявшей попытки спасти солдата («Серый спустился туман на столицу, льются дожди без конца...») подчеркивают мысль об исходе героя с религиозной и нравственной точек зрения («Кротко, безропотно Господу Богу отдал он душу свою...»), предвосхитившую декадентские настроения, воцарившиеся в поэзии после революции 1905 года. В рассуждениях о смерти как закономерном итоге мистическая интонация К.Р. («Всюду до первого лишь поворота надо за гробом идти...») объясняет похоронную традицию остановки военного взвода на перекрестке улицы, обычно сулящую

встречу с незнакомыми прохожими, по суевериям, даруемых вторым удачу, но не делающую их милосерднее и участливее. В то же время убежденность поэта в том, что живым так же больно, как и мертвым, проявляется в указании на печальную картину, запечатленную памятью проводивших солдата в последний путь близких и друзей («серая кляча», «немая печаль», «мерзлая земля»). Заключительная строфа с обращением к солдату, не лишенное братских чувств («Спи же, товарищ, ты наш, одиноко...»), роднит жанр романа с посланием, обращающимся к личности, знаковой в судьбе К.Р. лишь благодаря факту знакомства с ней.

Средством преодоления формы монологического повествования романов К.Р. становится песенное начало, осуществляемое с точки зрения безличного рассказчика-певца, олицетворяющего романтическое и музыкальное сознание. Повелевающий, обещающий, дающий совет, ласковый, но строгий (позиция родителя, воспитывающего ребенка, которому предстоит познать «много горестей», «невзгод и грехов»), лирический герой, о присутствии которого не говорится прямо, вполголоса поет дочери серенаду. В стихотворении «О, дитя! Под окошком твоим...» открывается лирическая картина, на которой засыпающий в качающейся колыбели ребенок постигает таинство жизни в царстве сна («Ты узнаешь, мой друг, и настанет пора испытанья...»). Музыкальные интонации К.Р., проявляющиеся в виде лексических повторов и рефренов, а также в использовании образного языка, создающего изменчивую художественную реальность, позволяют сравнить колыбельную с заклинанием, в котором происходит последовательная смена образов: недремлющая беда, земное страданье, «злых сомнений недуг». Ключом к пониманию семантики колыбельной становится анафора, задающая идейную и музыкальную логику композиции («Спи в безмолвьи ночном...», «Спи, пока еще спишься тебе...», «Спи же, милая, спи-почивай...», «Пусть приснится тебе светлый рай...») и синтаксический повтор («Пусть твой сон и покой в час безмолвный ночной...»). Качающийся, хрупкий, сулящий разрушиться в будущем мост между «сном» и «покоем» для еще не начавшего, но вынужденного жить в мире предательства и скорби «непорочного душою» ребенка, подчеркивает дистанцию между детством и взрослением, представляемую К.Р. как

«час неизбежной борьбы». При этом жизнь, за которую придется бороться, воспринимается как высшая данность, обязанная случиться во всей полноте для разрешения ее одной из главных тайн – достижения гармонии между «светлым раем» и адом, сном и правдой, отрадой и страданьем.

Таким образом, жанр романа в творчестве К.Р. в его разновидностях (романс-гимн, романс-монолог, романс-песня) представляет жанровое единство, силой творческого вдохновения К.Р. предвосхитившее отношение к этому жанру в эстетике следующего этапа в развитии русской поэзии в XX в. Психологическая природа человека, открывающаяся в романах К.Р., позволяет говорить о них как об образцах органичного сочетания слова и музыки.

Список литературы

1. Васина-Гроссман В.А. Русский классический роман XIX века. – М.: Изд-во АН СССР, 1956.
2. Гаспаров М.И. Романс // КЛЭ. Гл. ред. А.А.Сурков. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971.
3. Гуковский Г.А. Начало русского сентиментализма // Русская литература XVIII века. – Л., 1939.
4. Дмитриев И.И. Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен. Ч. 1–3. М., 1796.
5. Жаплова Т.М. Символизация, метафоризация в усадебной лирике Ивана Бунина и К. Р. // Вестник ОГУ. №11 (36). 2004.
6. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. – Свердловск, 1982.
7. Леонов Б.А. Романс как жанр в лирике // Вопросы стиля и жанра в лирике. М.: Наука, 1964.
8. Рабинович В. «Красивое страданье». Заметки о русском романсе // Русский романс. М.: Правда, 1987.
9. Розанов И.Н. Русская лирика. От поэзии безличной к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. – М., 1914.
10. Розанов И.Н. Песни русских поэтов // Песни русских поэтов. – М., 1936.
11. Финдейзен Н.Ф. Русская художественная песня (романс). Исторический очерк ее развития. М.; Лейпциг: 1905.

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. ШОГЕНЦУКОВА

Ципинов Идар Арсенович

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик

Али Шогенцуков намеренно создавал ясно видимые схемы конфликтного противостояния, подкрепляя их соответствующим образным, модалым и семантическим антуражем. Так, поэма «Мадина» может восприниматься как предельно прозрачная поэтическая иллюстрация причин, течения и последствий столкновения героев и однородных групп героев, анализируемых в плоскости социально-этических соотношений. Нет никакого сомнения, что автор обратился к проблемам социального неравенства сознательно и пытался представить читателю «политически грамотную» картину сословных и материальных

диспропорций традиционного кабардинского общества в проекции на личные судьбы героев – цель, сугубо утилитарная и вполне отвечавшая времени создания поэмы, – конца 20-х годов прошлого века. Однако у него получилось нечто иное. Явно стремление автора развернуть пафосное содержание в ожидаемое государством русло; как зачин поэмы, так и её сюжетная концовка говорят об этом вполне однозначно. Вероятна возможность, что первоначальный замысел «Медины» был достаточно прост – осуждение норм обычного права и шариата, которые именно в этот период стали камнем преткновения на пути

распространения новой советской идеологии и жизненных стандартов:

«Сыту тхьэмышкИэт Мадинэ:
ФЫуэ ильагъум ИзЮкI,
Пасэрей хабзэм цыхубзхэу
ЗыИзЮкIилъхьэхэм нэхъ ящхьэщ» [2, 201, 206].
«Где ты, Мадина родная?
Где твой красавец-возлюбленный?
Старым обычаем, знаю,
Чистые души загублены [2, 201, 206] (перевод).

Однако при художественном воплощении этой доктринерской идеи Али Шогенцуков столкнулся с необходимостью дифференциации героев по целому ряду признаков. Скорее всего, первоначально он хотел изобразить нефункциональность традиционных жизненных стандартов в сравнении с устоями нового социалистического общества – вступление поэмы, актуализирующее её события в прошлом, равно как и концовка с недвусмысленным указанием на социальные перспективы ребёнка героини в настоящем времени доказывают это. Но в итоге граница между героями пролегла не в социальной плоскости, вернее, не на том горизонте социальности, который предполагался вначале. Образы поэмы сгруппированы в отдельные, согласованно действующие блоки, каждому из которых свойственна определенная культурная и этическая константа. Мадина, её мать Дадуса, Заур и противостоящие им Касим и Джери представляют персонажный ряд конфликта, остальные образы сюжетно второстепенны, включая обеспечивающего общий эмотивный и пафосный фон рассказчика-автора. Однако ни первая, ни вторая группы не характеризуются с социальной точки зрения. Положительные герои произведения традиционны, как и отрицательные, все они существуют в пространстве обычного права и устойчивых национальных норм витальности.

Сознательно или бессознательно Али Шогенцуков, описывая героев, придерживается аксиологических стандартов кабардинского фольклора – положительный Заур «чернобров», молод, интегрирован в контекст кабардинских обычаев, отрицательные герои также обладают набором вполне ожидаемых качеств, главное же – и те, и другие черты и характеристики вполне вписываются в общее пространство кабардинского национального обычного права. Быть осужденными с точки зрения кабардинца 20-х годов они не могут – в системе обрисованных взаимоотношений нет ничего особенно отрицательного, как и ничего выражено положительно; поэтому автор и прибегает к внесюжетным семантическим имплантациям фольклорного происхождения – внешнее уродство и физические недостатки, прямая авторская номинация негативных составляющих: мулла у Али Шогенцукова «вор и обманщик продажный, скряга, проныра, длинноносый хитрец», Джери – «грязно-седой», «бесстыжий», «похотливый» и так далее. Попытки односторонней социализации негативных и положительных героев приводят к «обрушению» сюжета. Заур, будучи одной из ипостасей устойчивого образа адыгского мужчины, не может сюжетно существовать в рамках замысла писателя. Он удален демургиической волей автора – посажен в тюрьму. Сама Мадина умирает – достаточно неожиданно и беспричинно, опять-таки волей Али Шогенцукова. Вне социальной сетки, сформированной поэтом, остаётся большая часть

персонажей, окончательно определен в этом плане лишь упомянутый мулла.

В итоге Али Шогенцуков действительно создал произведение, организующим ядром которого был социально-этический конфликт, однако все оппозиционные коллизии последнего оказались локализованы внутри единого культурно-цивилизационного пространства – пространства адыгского традиционного мироустройства, и социальность противостояния героев реализовывалась в границах единого общества в виде различных интерпретаций норм обычного права.

«Дидактический посыл, содержащийся в эстетических доктринах советского государства» [1, 244-246] – воздействие, к которому Али Шогенцуков, по всей видимости, был достаточно чуток, – требовал произведений с более острой и классово определенной направленностью социального содержания. В принципе все последующие поэмы кабардинского писателя можно считать подходами к решению этой задачи. Профессиональный рост Али Шогенцукова как литератора в течение неполного десятилетия – с момента окончания в 1928 году «Мадины» и до появления окончательного варианта «Камбота и Ляцы» в 1936 году – несомненен, однако сам он, можно полагать, стремился к законченному художественному воплощению намеченной им конфликтной модели. Косвенным подтверждением сказанному может служить тот факт, что, хотя эволюция его художественного мышления еще к началу 30-х позволила отдалиться от безальтернативной дихотомии эпического типа настолько, что в его произведениях она встречается лишь в качестве реликтов, в «Камботе и Ляце» эта архаичная модель задействована сполна. Безальтернативный, безусловный конфликт в романе выступает в качестве организующего конструкта сюжета. Последний полностью строится вокруг непримиримых и немотивированных столкновений героев, и Али Шогенцуков сам устраняет Ляцу из категории причин этих войн. Действительно, озлобленность и агрессия Махашоко и Асланоко по отношению к Камботу и его возлюбленной вызваны не любовными чувствами, а сугубо статусными соображениями. Попытка крестьянина отстоять суверенность своей личности – вот причина их ненависти и поступков. Любовь в их систему ценностей не входит – для князей, изображаемых Али Шогенцуковым, важны иные вещи. Поэтому и взаимное неприятие героев двух различных социальных состояний имеет исключительно социальный же характер. Этот внешний конфликт произведения генетически восходит к эпической паре «свой-чужой», транслированной на идеологию большевизма и адаптированной к новым историческим условиям и новому уровню эстетического сознания.

Основное же содержание романа – конфликт социально-этического плана в едином этническом пространстве – то, что Али Шогенцуков попытался сделать в «Мадине» и других предыдущих поэмах. Жесткая привязка аксиологической системы произведения к сословной структуре кабардинского общества, тем не менее, не видится эволюционным художественным отступлением автора. Автор отказывается от обязательного соответствия качеств героев и их социальных статусов, по крайней мере – во внешних их чертах. Верховный князь и один из главных героев романа – Махашоко – в зачине произведения

вполне аутентичен с точки зрения традиционных воззрений адыгов на природного пши: он горд, властен, смел и озабочен политическим положением Кабарды – пусть даже и в своем лице:

«Бахсэ́н Іуфэм пшы и пшыжу
Махьэшо́кьуэр Іусыгъаш,...» [2, 61].

«Жил на берегу Баксана
Князь всеильный Махашоко.

Он мечтал, чтоб на Босфоре
Про него гремела слава...» [2, 61] (перевод).

Внешнее описание Махашоко выдержано в тонах традиционных хвалебных формул, проникших в поздний фольклор, но в том же виде использовавшихся в эпических текстах:

«Пшы и пшыжу шытыгъаш,
И сэшхуэ́жьыр ныбжьэгъу пэ́жши
Дэ́нэ кІуэ́ми ибгъу ищІащ» [2, 62].

«Был он князем над князьями,
Шашка на боку стальная –

Неразлучная подруга...» [2, 62] (перевод).

Необходимо сказать, что за исключением эмоционально-негативного «жаждал крови» и «злостью сдвинутые брови» все остальные строки, рисующие внешность героя практически без изменений перенесены из эпических и ранне-фольклорных текстов, что же касается жажды крови и злобы – они в полной мере присущи и героям «Нартов», и общественным мнением адыгов, скорей всего, не осуждались, когда речь шла о представителях аристократии. В принципе в этой же тональности даны первичные портреты других отрицательных персонажей. Но по ходу развития сюжета романа выясняется, что их воинские качества не абсолютны, они ситуативны, вот это уже – веское основание для их общественного, общего для слуг и феодалов, порицания:

«ЖаІэ́жынуш хьэщІэм, жаІэ́жынуш пшылІхэм:
УнэІу́тхэр пІщІа́нтІэм шы́зэблож...» [2, 73].

«Скажут гости, скажут слуги:

Чуть рабы пришли в движение,

Он попятился в испуге.

Будет он тогда унижен,...» [2, 73] (перевод).

Автор вполне осознанно нагнетает признаки этической недееспособности изображаемых дворян, в конце концов, представляя абсолютно неправдоподобную картину полной этической и моральной инверсии, – крестьяне ведут себя так, как этого требовал кодекс феодалов «уорк-хабзе», князья же и их ближайшие сподвижники оказываются в позиции отрицания норм воинского поведения. Поэт четко разводит и тех и других по нишам положительных и отрицательных оценок, но делает это опять-таки в координатах кабардинской традиционной этики, фактически подменяя ею постулаты большевистских классовых ценностей. Нет сомнения, что поэт четко понимал, что он имеет дело с различными культурными мирами, как и то, что пространство государственной идеологии и эстетики не может вместить в себя систему национальной культуры. Усиливая политико-идеологическую компоненту произведения, автор был вынужден пренебречь системными фактами кабардинской общественной истории. Взаимоотношения, взаимосвязи, права и обязанности сословий традиционного кабардинского социума представляли собой сложную и во многом уникальную структуру. Соответственно, права и обязанности социальных слоев в этой структуре не исчерпывались режимом прямого подчинения – властвования. Следовательно, таковыми были лишь взаимоотношения низшей социальной прослойки – унаутов, не имевшей никаких гражданских прав, с феодалами.

Список литературы

1. Писатели Кабардино-Балкарии. Библиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 417.
2. Шогенцуков А.А. Избранное. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 443 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДКЛАССОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИЕЙ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цветова Ирина Петровна

Канд. фил. наук, доцент кафедры иностранных языков, Ленинградский гос. университет им. А.С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена исследованию особенностей распределения подклассов древнеанглийских имен существительных по синтаксическим функциям. В исследовании поставлена задача определения наличия или отсутствия жанровых особенностей в синтаксическом функционировании подклассов существительных в древнеанглийском языке. Для реализации данных целей и задач в качестве анализируемого материала были взяты два разных по жанру источника: «Англо-саксонская хроника» и «Жития святых» Эльфрика. Количественный анализ проводился на основании выборки общим объемом около 6 тысяч предложений. Для исследования из каждого произведения было взято по 100 страниц текста.

ABSTRACT

The investigation is devoted to the analysis of syntactical functioning of noun subclasses in the Old English period. Finding of existence of genre characteristics is one of the goals realizing in this investigation. For the analysis two different in genre works were taken: "The Anglo-Saxon Chronicle" and "Aelfric's lives of saints". Quantitative analysis was produced on the basis of 6 thousand examples taken from 100 pages of each work.

Ключевые слова: подклассы существительных, синтаксические функции, существительные одушевленные, неодушевленные, собирательные, абстрактные, вещественные.

Keywords: noun subclasses, syntactic functions, animate nouns, inanimate nouns, collective nouns, abstract nouns, material nouns.

Исследования синтаксического функционирования подклассов существительных, проведенные на материале различных языков, показали продуктивность данного изучения, поскольку они выявили взаимоотношение между подклассами существительных и выполняемыми ими синтаксическими функциями [1; 2].

Общеизвестно, что для лучшего понимания языковых процессов, происходящих на современном этапе, необходимо знать истоки этих языковых явлений. Поэтому была сделана попытка установить различия в синтаксическом функционировании подклассов имени существительного в древнеанглийском языке. В проведенном исследовании также изучалось наличие жанровых особенностей при употреблении групп существительных, для чего в качестве изучаемого материала были взяты различные по жанру произведения.

В качестве объекта изучения были взяты подклассы существительных, выделенные на семантико-морфологической основе: конкретные неодушевленные, конкретные одушевленные, собирательные, вещественные и абстрактные. При распределении существительных по данным подклассам учитывалась специфика отношения к действительности людей в изучаемый период времени. Это в основном касалось вопроса выделения абстрактной лексики, так как трактовка ряда реалий в различные периоды развития общества не совпадает.

Результаты исследования распределения подклассов существительных в функции подлежащего выявили наличие тесной взаимосвязи подлежащего с категорией одушевленности. Анализились предложения, в которых сказуемое представлено переходными глаголами, и предложения со сказуемыми – непереходными глаголами. Наличие взаимосвязи категориального значения одушевленности с синтаксической функцией подлежащего выявлено в обоих типах предложений. Однако в большей степени данная взаимосвязь проявляется в предложениях со сказуемым – переходным глаголом.

Что касается жанровых особенностей, то здесь результаты анализа лексического материала выявили различия в распределении подклассов существительных по функции подлежащего как со сказуемым – переходным глаголом, так и со сказуемым – непереходным глаголом. Преобладание собирательных существительных в «Англо-саксонской хронике» объясняется характером произведения, содержащего описание военных действий с участием войск, племен и т.п., а в тексте «Жития святых» повествование религиозного плана является причиной высокой степени употребления абстрактной лексики.

Особенности употребления подклассов существительных в функции подлежащего представлены на нижеприведенных диаграммах:

Диаграмма 1

Исследование распределения подклассов существительных в функции дополнения показало, что в отличие от функции подлежащего, характеризующейся тесной связью с категорией одушевленности, функция дополнения более независима в выборе подклассов существительных одушевленных и неодушевленных. Соотношение подклассов конкретной одушевленной и неодушевленной лексики меняется в зависимости от типа дополнения: в прямообъектных конструкциях преобладают конкретные

неодушевленные существительные. Данный факт характерен для обоих проанализированных текстов. А что касается других подклассов существительных, то из представленных ниже диаграмм 3 и 4 видно, что присутствуют жанровые особенности в распределении подклассов по функциям прямого и косвенного дополнения.

Анализ обстоятельственных функций выявил наибольшую избирательность в использовании подклассов древнеанглийских существительных в данной позиции. Так, для функции обстоятельства места характерна

высокая степень взаимосвязи с подклассом конкретных неодушевленных существительных, который присутствует в 92,5% проанализированных примеров текста «Англо-саксонской хроники» и в 97% - «Жития святых».

Высокая степень взаимодействия семантики подкласса с выполняемой функцией характерна и для обстоятельства времени. Подкласс существительных со значением абстрактности является главенствующим в данной позиции в произведениях обоих жанров.

Для функции обстоятельства образа действия и обстоятельства логических отношений также характерна тесная взаимосвязь семантики подкласса и функции, поскольку данные обстоятельственные функции, как в

«Англо-саксонской хронике», так и в «Житиях святых» реализуются практически только абстрактными существительными.

Таким образом, исследование материала, в основу которого были положены древнеанглийские тексты «Англо-саксонской хроники» и «Жития святых» Эльфрика, дало возможность определить тот факт, что подклассы существительных имели особые синтаксические свойства уже в древнеанглийском языке. Результаты исследования показали, что существовала различная степень взаимодействия подклассов существительных с выполняемой ими функцией.

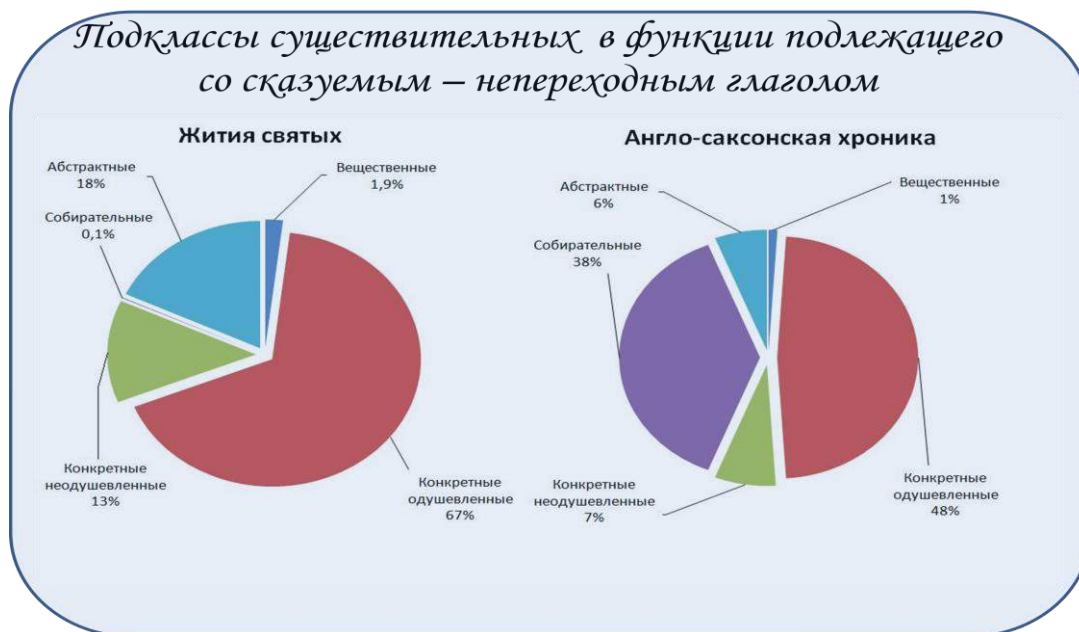

Диаграмма2

Диаграмма3

В результате изучения зависимостей, существующих в использовании подклассов древнеанглийских существительных в различных синтаксических функциях, изучение которых было проведено на материале разных по

жанру произведений, были выявлены жанровые различия в распределении подклассов существительных по функциям. Значительные колебания в использовании подклассов наблюдались в функциях подлежащего и дополнения,

которые проявили наибольшую независимость в отношении семантики подкласса существительного. В обстоятельственных функциях жанровые различия практически отсутствуют. В связи с этим можно сделать заключение, что отсутствие значительных колебаний, связанных с особенностями жанрового характера, свидетельствуют о высокой степени взаимодействия обстоятельственных функций с подклассами имени существительного, а также о семантической ограниченности данных функций в древнеанглийском языке. Чем больше возможно колебаний в

использовании подклассов в определенной позиции, тем более независима в семантическом отношении данная функция.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что закономерности функционирования подклассов имени существительного сформировались в основных чертах уже на ранних этапах существования английского языка.

Диаграмма 4

Список литературы

1. Евстафьев В.И. Соотношение между семантикой и синтаксической функцией имени существительного в простом предложении французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 24с.
2. Колыханова Е.Б. Частотность морфолого-синтаксических типов и факторы, определяющие их вы-

бор в сфере выражения обстоятельства образа действия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1971. – 19с.

3. Список источников:
4. The Anglo-Saxon Chronicle, according to the several authorities. London, Longman, 1861.
5. Ælfric's Lives of saints, being a set of sermons on saint's days, formerly observed by the English church. V.1? London, 1885.

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ ПИСАТЕЛЯ – ДЕМОКРАТА ЦОМАКА ГАДИЕВА

Туаева Лариса Ахсарбековна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и осетинской филологии, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ (Россия)

Кибизова Регина Аркадиевна,

студентка Б-АНЗ курса факультета лингвистики, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ (Россия)

TRADITIONS OF RUSSIAN LITERATURE IN THE FORMATION OF THE DEMOCRAT WRITER TSOMAK GADIEV

Tuaeva Larisa, candidate of pedagogical sciences, associate professor of Russian and Ossetian philology North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz (Russia)

Kibizova Regina Arkadevna, 3- year student, group BAN, faculty of linguistics North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz (Russia)

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются поэтические произведения известного осетинского писателя Цомака Гадиева с целью определения влияния традиций русской литературы на идейно – художественный мир его творчества.

ABSTRACT

The article analyzes the poetic works of the famous Ossetian writer Tsomak Gadiev in order to determine the influence of traditions of Russian literature in the ideological - artistic world of his work.

Ключевые слова: фольклорные традиции, синтаксическая природа, сюжеты, образы, структура, приемы, художественный язык, контаминация, писатель – сказочник.

Keywords: folk traditions, syntactic nature, stories, images, structure, techniques, artistic language, contamination, writer - storyteller.

Цомак Гадиев – выдающийся деятель осетинской культуры. Его личность и творчество вызывают большой интерес не только у массового читателя, но и у многочисленных критиков и литературоведов.

Он внес значительный вклад в осетинскую литературу: стихотворения, рассказы, драмы, переводы.

Цомак Гадиев – первый историк осетинской литературы, крупный литературный критик и воспитатель целого поколения осетинских писателей. Его историко – литературные портреты осетинских писателей и статьи по отдельным вопросам истории осетинской литературы до сих пор остаются авторитетным словом о науке и об осетинской литературе.

Изучение влияния традиций русской литературы на идейно – художественный мир творчества классика осетинской словесности диктуется, с одной стороны требованиями научного освещения истории литературы, с другой – задачами дальнейшего развития национальной литературы.

В период 1907-1917 гг. Цомак не изменил реалистическим принципам и социальной проблематике своего творчества. В некоторых его стихах звучали мотивы революционной поэзии, принципы которой отстаивались Демьяном Бедным.

Однако Цомак, не будучи еще коммунистом, попал под влияние всеобщего упадка настроений. Его охватило настроение горя и печали при виде свирепствующего террора и страданий народа. Но Цомак не поддавался таким настроениям, он не стал певцом ни «чистого искусства», ни клеветником на революционеров и социализм.

В своих стихах: «Рох бæсты хъарæг», «Царды фæйлауæнтæ», «Цъитийы цъуппытыл», «Зымæг» и в некоторых стихах цикла «Ахæстоны фыстытæй», Цомак дал потрясающие картины народного бедствия в период реакции. При этом Цомак, как и многие поэты, тогда часто прибегает здесь, по вполне понятным причинам, к аллегории и символическим образам, которые проходят почти через все его творчество. Так, например: «солнце» и «весна» у него символы революции и новой счастливой жизни, употребляемые в дооктябрьской поэзии как образы заветных чаяний и надежд своих и народа, а в послеоктябрьской, как использование лучших мечтаний людей – наступление свободной, счастливой жизни. Символическими образами врага народа – самодержавия – служили «зима», «черная скала», «черные тучи». А в «неистовых раскатах грома» дан символ свирепствующей реакции – «Рох бæсты хъарæг». Но это «раскаты грома» поздней осени, тогда как в символических образах весеннего благодатного грома (в стихотворении «Арв нæры») заключалась Октябрьская революция, несущая народам счастье.

В период реакции Цомак больше всего прибегал к символическому образу суровой зимы, т. к. она наиболее подходила к изображению положения бедствующего

народа. Именно зимой больше всего страдает горский народ от холода (т.к. в горах трудно с топливом), от голода (мизерные пашни не давали прокорма и до середины зимы) и губительных обвалов, которые так часто уносили человеческие жертвы.

Вот почему в стихотворениях «Плач забытой родины», «Зима», «Желание», «Сон» (из «Тюремных записей») даны с такой силой эмоционального воздействия картины трагического положения народа, и вызывающие у читателя глубокое сочувствие трудовому народу и жгучую ненависть к самодержавию:

От несчастья людей, от стонов бедняков вечно плачут ледниковые горы.

От неимоверного грохота неба рушатся крепости башни.

«Плач забытой родины» [6]
 Когда спускаются снежные обвалы,
 Когда воют звери,
 Когда реки замерзают в горах,
 Когда голодные и угнетенные
 Люди дрожат в своих холодных хижинах,
 Хотя бы, - говорю я тогда про себя, -
 Хотя бы весна наступила.
 «Желание» [6, с. 139]

В аллегорическом стихотворении «На ледниковых вершинах» поэт проливает слезы из – за обманутых надежд своих – поражения революции. В этом стихотворении поэт иносказательно передает долгий и тяжелый путь революционной борьбы своей и народа за свободу и счастье в виде трудного пути восхождения поэта к «давно влекущим» его горным вершинам «ослепительно – «Белых» ледников, расположенных «поблизости к солнцу». А поражение революции, которое сменило радость людей на еще большие страдания, Цомак изображает в виде спуска вниз с «сияющей вершины», при котором исчезла увиденная с вершины благодатная панорама неосуществленной мечты (обширные зеленые луга, добротные жилища и свободное, радостное, трудовое крестьянство).

Вместо этого он видит бедные аулы, облезлые клочки пашен и страдающий народ:

Горы с лысыми боками, склоны с оползнями,
 Люди обнищали совсем, нет, нельзя больше жить.
 Иду по ущелью. Глаза мои болят,
 Слеза опять упала, упала тяжело,
 Так плачет, роняя свои слезы,
 Тот, кто вернулся с ледниковых гор, как я.
 «На ледниковых вершинах» [6, с. 140]

В стихотворениях цикла «Из тюремных записей» печаль, тоска кончаются у него жизнеутверждающими мотивами. Например, в стихотворении «Дæ чиныг» от настроения смерти поэт переходит к оптимистическому настроению, в нем возродилась надежда. Цомак опять мечтает о «свободе» и «жизни»:

Опять желания рождаются в груди моей.

Моя надежда опять родилась...

Теперь мечтаю о свободе, а о жизни - сильнее
 «Хотя бы» и «О, если бы» - говорю я сейчас.
 «Дæ чиныг» [6, с. 142].

Из стихов периода реакции особо надо отметить как шедевр пейзажной зарисовки зимы в горах Кавказа стихотворение - «Зима». Это стихотворение, как широкая панорама, открывает перед нами суровый, но величественный зимний пейзаж в горах. Поэт применяет широкие мазки художника, но они до тонкости передают всю своеобразную прелесть зимы на Кавказе.

Неудивительно поэтому, что, как стихотворение Пушкина «Зимний вечер» с детства знакомо и любимо русским, так и стихотворение «Зима» Цомака с детства пользуется большой популярностью у каждого осетина.

Арестованный в 1908 г. в Дербте за революционную деятельность среди студенчества вместе с 23 товарищами Цомак не бросает своей литературной деятельности. За два года (1908 — 1909 гг.) пребывания в тюрьме поэт создал цикл стихов под названием «Из тюремных записей», написанных красивым, бисерным почерком на маленьких листках тонкой почтовой бумаги. Это семь изящных миниатюрных картинок, выхваченных из жизни в тюрьме и прочувствованно — тонко переданных поэтом. Сюда входят стихи: «Луч солнца», «Голубь», «Зависть», «Сон», «Твое письмо», «К брату», «Стемнело». Все стихотворения пронизывает одна мысль, одно стремление, отраженное в эпиграфе к ним, взятом из Гейне: «Только тот, кто побывал в тюрьме, познает до глубины души, как любима свобода».

Поэт в этих стихах дает реалистические картины нечеловеческих условий тюремной жизни, мысли и чаяния, преданных делу революции друзей по борьбе и по камере. Поэт не отделяет свое стремление к личной свободе от основной своей цели - освобождение народа. Но более полно, что именно мучило Цомака и что он хотел отразить в цикле «Тюремных записей», он выразил в стихотворении «Белон»:

Раздумья о жизни, ее лучших идеалах,
Радостная свобода и моя любовь [6].

Таким образом, несмотря на субъективные лирические мотивы, в «Записях» большое место уделено и общественно - социальным мотивам. Революция, на которую он возлагал так много надежд, которая разбудила самое прекрасное, что было в его поэтической душе, прозвучав мощным набатом по всей Осетии, потерпело поражение. Этот удар вместе с наступившей тяжелой реакцией особенно мучительно сказался на моральном состоянии Цомака в «Тюремных записях». Ко всему этому добавлялся голод, всяческое надругательство тюремных властей над человеческим достоинством заключенных и нестерпимая тоска по родине, по родне, что сильно выражено в стихотворении «К брату»:

Как люблю тебя, моя родина!

Мои соотечественники, как тоскую по вам!

В тяжелой неволе, в надежде увидеть вас.

Себя поддерживаю вестями и воспоминаниями о вас [6, с. 144].

Угнетающе действовала на молодого поэта и роковым образом оборванная любовь к Н. И. Мусьпан. Арестованный как политический преступник Цомак потерял надежду как на ее любовь, так и на согласие ее более состоятельных родителей на их брак, даже в отдаленном будущем.

В «Тюремных записях» не говорится о сердечных муках поэта, он никогда не забывал о своей любви и это еще более окрашивало его поэзию нотками грусти. Впрочем, разве в стихотворении «Твое письмо» в жалобе на то, что «все меня бросили в час заключения» не скрыт упрек

в адрес той, кого он считал самым дорогим и близким человеком. Или в выражениях жажды свободы разве не заключалась, и надежда на счастье с любимой девушкой?

В одном из писем тюремного периода Цомак завещал Наталью Ионовну, что, хотя «ужасно ослабел в тюрьме» и «чувствует себя больным», он готов вынести и «каторгу и ссылку», лишь бы «быть достойным ее». «Пусть закуют, пусть секут!», «я вынесу все, чтобы быть достойным любви твоей».

В «Тюремных записях» Цомак много внимания уделяет описаниям «своей чудесной родины», страждущих дорогих соотечественников и горем убитых родителей. В стихотворении «Завистник» он завидует даже пронесившейся тучке, ему хочется «полететь свободным на любимую родину», «насладиться встречей с близкими».

Особенно трогательно дана поэтом сыновняя любовь к родителям и родителей к нему в стихотворении «Сон». Не «находя себе покоя» от тоски по далеким родителям и от других давящих мыслей, поэт ночами не смыкал глаз. И вот однажды он «взмолился», чтобы хоть во сне увидел свою мать, своего отца, своих близких и сказал им слово утешения в их горе и бедности. Заснув он, правда, увидел сиротливо накренившийся отчий дом, сидящих вокруг огня постаревшего отца и плачущую мать. Проснувшись, он еще более встревожился и желал уже: «Ах, хотя бы избавиться в эту ночь от своих сновидений, душераздирающих сновидений».

В «Тюремных записях» отразился благородный, «вдохновенно - идейный» образ Цомака с его тонким и глубоким восприятием прекрасного.

Читая этот цикл стихов перед нами встает образ «Пушкинского узника». Он так же радуется, когда в его темной камере показывается луч солнца и в окошко залетает голубь, так же завидует тучкам, свободно проносящимся мимо его окна. Вот почему, зная какой дивной бывает весна на родных плоскогорьях и в красивых ущельях, он молит судьбу дать ему возможность еще увидеть любимую отчизну.

Вернувшись после Октябрьской революции на родину вместе с другими ссыльными, находившимися под «тяжестью мук леденящих цепей», в «ожидании рассвета, свободы», Цомак славит «цветущую весну родного народа». Долгожданная встреча с любимой родиной, ради счастья которой он столько претерпел, делает Цомака безмерно счастливым:

Осетия! От твоего вида сердце ныло,

Твое положение я помнил всегда,

И гнет, и голод, и горскую стужу,

Когда плач бедняка был слышен до небес...

Прошло это время. Права бедняка

Утвердились в жестоких боях,

Трудовой народ освободился тогда,

Когда показал свое невероятное мужество.

«Отечество» [6, с. 152]

Весенними мотивами и картинами природы полны стихотворения поэта: «Ерцуд, ныллаууд уалдзаг» (1924г.), цейские стихи 1925г.: «цъаг — дон», «Райсом», «Цъити», «Доны зарæг». Все они написаны в приподнятом духе с прекрасными, реалистическими видами чудесного курортного места Цей. Автор, прибегая к излюбленной аллегории и символике, поэт призывает трудовой народ быть, как цейская река, смелым и непреклонным, мужественным в борьбе за строительство новой жизни.

В стихотворении «Æрцъд, ныллæууыд уалдзæг», эпиграфом для которого Цомак взял слова из романса Мочарта «Тоска по песне», звучат те же мотивы весны, счастья и оживления природы:

В предгорьях и долинах,
В ущельях, на горах,
От края и до края –
Луч солнца золотой,
И ветерок играет
Весеннею травой.
Несется песнь ликуя,
И радости полна,
Таким же быть хочу я,
Как ты, моя весна! [6, с. 183]

Таким образом, Цомак в своем творчестве никогда не изменял традициям русской литературы. Он написал немногим более трех десятков стихотворений. Это были гимны свободе, рассвету, солнцу, весне. Это были стихотворения о торжестве и счастье людей и любимой родины.

Это были призывы к самоотверженному участию в строительстве новой жизни.

Список литературы

1. Гадиев Ц. Сека Гадиев – осет. поэт – самоучка. Изв. Горского педагогического института. т. 5. Владикавказ, 1929. – с. 234.
2. Гадиев Ц. Сочинения. Ордзоникидзе, 1959. – с. 54.
3. Гадиев Ц. Автобиография. Архив СОНИИ.
4. Дзанаев С. Гадиев Цомак. О жизни и творчестве видного осетинского писателя // Соц. Осетия. – 1946. 22 ноябрь.
5. Джусоев Н. Цомак Гадиев // Очерк истории осетинской современной литературы. – Ордзоникидзе, 1967. – 406 с.
6. Цховребова Л. Э. Жизнь и творчество Ц. Гадиева и русская литература. – Сталинир, 1961. – 298 с.

РОЛЬ ТВОРЧЕСТВА КУДЗАГА ДЗЕСОВА В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ ИДЕАЛОВ УЧАЩИХСЯ

Туаева Лариса Ахсарбековна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и осетинской филологии, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ (Россия)

Пхалагова Ирина Асланбековна,

Студентка Б-АНЗ курса факультета лингвистики, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ (Россия)

THE ROLE OF KUDZAG DZESOV'S WORKS IN THE FORMATION OF MORAL IDEALS OF STUDENTS

Tuaeva Larisa, candidate of pedagogical sciences, associate professor of Russian and Ossetian philology, North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz (Russia)

Pkhalagova Irina Aslanbekovna, 3- year student, group BAN, faculty of linguistics North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz (Russia)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается тематическое многообразие творчества осетинского писателя Кудзага Дзесова. Также анализируются созданные им литературные произведения с целью выявления их значения в деле воспитания и обучения подрастающего поколения.

ABSTRACT

The article discusses the thematic diversity of Ossetian writer Kudzag Dzesov's works. His literary works are also reviewed in order to identify their values in the education and training of younger generation.

Ключевые слова: духовная культура, художественное освещение, национальный характер, честь и достоинство, экспансия, контраст.

Keywords: spiritual culture and artistic lighting, national character, honor and dignity, expansion, contrast.

Долгое время в нашей стране считалось, что в эпоху научно-технической революции, развития компьютеризации снижается роль человеческого фактора, ослабляется роль духовности, нравственных ценностей.

Но практика показывает, что достигнутый уровень технического развития не только не принижает знание всестороннего раскрытия способностей человека, а напротив, способствует стимулированию духовной культуры современных специалистов.

Истоки творчества исследовательской мысли, чувство нового в любой области знания заложены в общечеловеческой культуре и обогащаются за счёт духовно-нравственных принципов, которые формируются в процессе приобщения человека к литературе, что и обусловило выбор данной темы.

Рассказы К. Дзесова в подавляющем большинстве связаны с настроениями и интересами людей тридцатых годов, с живыми воспоминаниями о предреволюционной действительности.

К художественному освещению предреволюционного прошлого К. Дзесов обращался в целом ряде рассказов. Утомительное однообразие, иссушающая душу повседневная забота о куске хлеба, вечные притеснения и обиды со стороны кулаков и властей, трудные условия жизни в дебрях гор, предрассудки старины, – словно весь мир в раздоре с горцем – бедняком.

Именно при таком стечении обстоятельств погибает Темсыр с малолетним сыном в рассказе «За хлебом» («Хорхаэссæг») [6]. Темсыр, ожидавший хороший урожай от своих нив-лоскутков, оказывается лицом к лицу перед

опасностью голодной смерти. Внезапные сильные заморозки погубили весь урожай. В суровую стужу, отчаявшись спасти семью, он решает перейти высокий перевал и выпросить у родственников хоть немного зерна. Горец знает, что перевал почти недоступен, что на каждом шагу его ждёт смерть под снежной лавиной, но другого выхода нет, и он идёт этой «дорогой смерти».

Если повесть о судьбе Темсыра и его семьи выдержана в сурово сдержанном стиле, то рассказ о приключениях смекалистого Уаханаза ведётся от лица самого героя с чувством юмора. Горец из столкновения с властями выходит победителем. Своей находчивостью и смелостью он ставит в смешное положение многочисленный отряд стражников.

Уаханаз вспоминает свои приключения, выделяя их смешную сторону. Тупость и трусость наглых стражников, собственное терпение, нехитрая солдатская находчивость, выручившая его из беды, - все выставляется им в смешном виде. Во-первых, потому, что самая возможность такой ситуации ушла из жизни навсегда; во-вторых, молодое поколение, никогда не видевшее живого стражника, не верит в реальность - так думает автор, говоря устами другого персонажа (рассказ «Новогодняя ночь»). «Кто забудет то, что было в прошлом, тот никогда не сумеет понять и того, что совершается ныне» [5].

Но писатель рисует картины старой жизни не только для того, чтобы напомнить о них и по принципу контраста показать преимущество советской нови. Есть у него и другая творческая цель. В быту, в психологии, в сознании людей сохранилось многое от обычаев и предрассудков предков, они мешают людям жить по-новому. Суеверие, спесь и кичливость, зависть и глупость, обычай похищения невесты, - все, что связывает быт и нравы людей, их разум и душу с отсталой психологией и вредной идеологией прошлого, К. Дзесов высмеивает в рассказах «Гуси», «По чьей вине?», «Горестная свадьба», «Гадалка», «Похищение» и др. Однако писатель смотрит на прошлое не только глазами критика, сатирика или юмориста, - он воспекает лучшие черты национального характера: жизнелюбие, сознание человеческого достоинства, стремление к свободе и готовность взяться за оружие в защиту своей свободы.

Старик Дзанг, герой рассказа «Солнце всегда заходит на западе», воспитанный на традициях патриархальной страны, не понимает сущности ни революционной борьбы, ни контрреволюции. Он твёрдо убеждён, что человек, за какие бы цели он ни боролся, должен оберегать своё достоинство, оставаясь рыцарем без страха и упрека. В одном не сомневается Дзанг: меньшевики - это враги. Но он убеждён, что и враги должны быть людьми с разумом и совестью. Повстанцы, потерпев поражение, оставили село. Старый Дзанг остался, чтобы спасти жилища односельчан от разорения и огня карателей. Зная, что идёт к врагу, старик берёт старинное оружие, посох и белый флаг. «И кто придумал белый флаг? - думает он, - чёрному дню поражения подходит только чёрный цвет...» [5].

Стар Дзанг, утомился, но он опытный боец и, изловчившись, нанёс первый удар. Занёс второй раз саблю над головой офицера, но не суждено было ему отомстить за поругание земляков. Другой офицер выстрелил в него и перебил ему плечо. Упал Дзанг, вероломство ранило его

сердце сильнее пули. Выхватил свой старинный кремневый пистолет и убил врага.

В образе Дзанга привлекает не политическая сознательность. Он не борец за классовые интересы. Это простой горец, принявший, как закон, идеалы патриархальной нравственности. В нём жив дух гордых предков. Он унаследовал лучшие черты их духовного облика.

Писатель гордится не только тем, что простые горцы умеют сохранять своё человеческое достоинство в минуту тяжёлых испытаний. Ему дорого также умение людей трудиться силой. Ему дорого и присущее им чувство юмора, которое помогает им легче переносить беды и невзгоды. Наконец, как самое ценное в народном характере, он воспекает способность этих людей совершить подвиг, когда этого потребуют обстоятельства, долг и честь.

Эти черты щедро проявляются в образе молодого горца Бимболат (рассказ «Чеури»). Смелый, ловкий и остроумный, он любит работать и больше всего ценит в человеке умение трудиться. Когда хозяин пытается показать своё превосходство, ссылаясь на знатность происхождения, и спрашивает, есть ли в их ауле благородные люди, тот отвечает, что есть у них один такой благородный. Дом у него пустой, крыша поросла бурьяном, но сидит, бьет баклуши и курит трубку. Видя удивлённое лицо хозяина, он добавляет: «У нас только бездельников считают благородными» [5].

Всякий раз, когда хозяин и его сын, офицер, ввязываются в разговор с Бимболом, он остроумно иронизирует над ними и обезоруживает их. Бимбол неграмотен, но классовый инстинкт позволяет ему безошибочно находить друзей и врагов, а свою честь и достоинство труженика выдержать в рыцарской неприкосновенности. Любовь к труду, умение трудиться проходят через всё творчество Дзесова как критерий оценки человеческих качеств.

Симпатии писателя на стороне честных тружеников. Его привлекает в них духовная красота. Люди, стремящиеся к лёгкой жизни, к наживе, пробирающиеся к материальным благам общества окольными путями, находят в нём беспощадного обличителя.

Рассказ «В глубоком ущелье» [5] построен на контрасте характеров, психологии и устремлений трудолюбивого горца Акима и его односельчанина, молодого парня Пети, относящегося к труду как к повинности. Отношение к труду и трудовому коллективу - это пробный камень, выявляющий глубокую противоположность характеров этих людей. Презрение к труду и трудовому человеку идёт от «благородных бездельников». От них унаследовал Петя и барское пренебрежение к женщине, замашки авантюриста и спесь. Аким же наследник лучших черт характера и морали трудового крестьянства. Они разнятся не по социальному происхождению, а по образу мыслей, морали. Пути жизни привели одного к подвигу, другого - к преступлению.

Судьбу такого «отщепенца» писатель прослеживает и в более позднем рассказе «Соломенная шляпа». Сын вдовы-колхозницы становится на путь присвоения народного добра, шаг за шагом усваивает манеры жить и относиться к людям по-барски. Но как бы изощрённо он ни маскировался, его нравственное и идейное падение завершается преступлением. Атмосфера жизни советских людей невыносима для носителей морали «благородных

бездельников». Они оказываются нравственно изолированными и обречёнными. Преступление и разоблачение становятся естественным завершением их судеб. И если официальную кару за свой образ жизни они получают после свершения преступления, то нравственное возмездие преследует их всю жизнь. Нравственный кодекс советских людей судит их повседневно и беспощадно как людей, чуждых идеологии, психологии и морали народа.

Этот процесс моральной изоляции и отчуждённости тунеядцев показан писателем и в рассказе «Кто-то» [5]. Ладемыр и Дадикка - колхозники, но предпочитают труду на полях мелкие аферы на рынке. Маскируя нечестный образ своей жизни, они до того изолгались, что даже их маленький сынишка теряет веру в них и убегает к доброй и приветливой бабушке. От них отворачиваются не только соседи, но и мать Ладемыра. Нравственное осуждение и изоляция преследует их повсюду. Они чувствуют это, но не понимают людей, судя о них по всей морали, считая, что им мешает кто-то из зависти. Этим «кто-то» оказывается нравственность живущих рядом людей. И когда она персонифицируется, то выступает в лице простых людей: колхозников, служащих, интеллигентов, знакомых, матерей и детей. Она приходит на подмогу честным труженикам, когда те попадают в беду, окружает их заботой и участием.

В рассказе «Окончательное решение», так же посвященном теме колхозного строительства, К. Дзесов стремится уже обстоятельней «организовать» описываемую действительность, в центре которой не один или несколько частных эпизодов, а подлежащий исследованию человеческий характер. Происходящие общественные изменения писатель пытается рассмотреть в связи с особенностями мироощущения своего героя. Постепенно, небольшими штрихами, рисует он образ Камбола, человека медлительного, подвергающего все сомнению. «Испуг и обиды прошлых лет ещё довлеют над ним, он потерял веру в свои силы. «Посмотрю ещё, - такова его тактика - кто лучше, скоро должно определиться». Кошмар прошлого, несомненно, жив ещё в памяти Камбола, впрочем, как и в памяти его соседей- бедняков, давно уже занятых в коллективном хозяйстве. Писатель здесь скорее стремится исследовать определённый тип человеческого сознания, для того, чтобы решить поставленные перед собой художнические задачи. Автором удачно выбрана форма несобственно - прямой речи, в которой ретроспективно подаются воспоминания героя. Перед читателем встаёт образ человека, плохо разбирающегося в происходящих переменах.

В этом рассказе ярко проявился талант К. Дзесова как юмориста. Один из источников смеха заключён в его мастерстве обрисовки мира детской души, неповторимых особенностей психологии ребёнка. («Положим, Гоги, начну я ради тебя работать в колхозе. А ты-то что для меня сделаешь?»- спрашивает Камбол сына.

- Я, вон весь песок, возле которого играют дети, с одного места на другое сам перенесу»).

Добрая усмешка, тёплая ирония, мудрая снисходительность рождены также столкновением неотвратимости революционных преобразований с неторопливой крестьянской думой, сомнениями. «Приезжий начал издалека, постепенно подходя ближе к делу. Упомянул к случаю все притчи - легенды, какие только знал. В конце

прямо обратился к Камболу: «...подобно этому, Камбол, пусть враг твой отделится от общины, от сельчан своих...»,- пишет автор, отчасти иронизируя над безуспешными попытками сельских активистов, над их трудно сдерживаемым нетерпением, наталкивающимся на завидное спокойствие и невозмутимость героя. Юмор, живые разговорные интонации всё же не спасают рассказ от некоторой растянутости, рационалистического подхода в изложении общей идеи. Экспансия очерковых элементов в обрисовке характера подменяет глубокое проникновение художника в действительность и в некоторых других произведениях К. Дзесова. И даже наиболее насыщенные социальным содержанием рассказы, посвященные участию женщин в строительстве новой жизни, не обретают пока финалов, лишённых назидательности. Как правило, это рассказы - иллюстрации, «живые картинки» к тому или иному тезису организационной работы. Писатель пока не берёт на себя смелости и ответственности делать широкие обобщения, но он так подаёт частности, детали, что по ним можно составить представление о реальной картине жизни в целом. Рассказ «Революция женщин» повествует о том, как изменяются, отмирают вековые, освященные религией и силой привычки, унижительные для человеческого достоинства обычаи. Колхозницы-осетки смело выступают против недавно ещё, казалось, незблемых законов женского неравноправия. Рассказ построен на приёме контраста. Это был довольно распространённый приём в новеллистике тех лет. Прямое сопоставление прошлого и настоящего преследовало определённую цель: ярче, убедительнее показать, что было раньше и что стало теперь с одними и теми же людьми, со всей страной. Жизнерадостный юмор соседствует в рассказе с гневным обличением отсталого обычая «уайсадын», жертвой которого чуть не стала молодая невестка соседей рассказчика. Ранним утром, ещё в сумерках, вышла она подмести улицу. На окрик героя, дежурившего в эту ночь по охране деревни, она не посмела отозваться и была принята им впотьмах за грабителя. В этом произведении, живо и увлекательно написанном, К. Дзесов даёт яркие, конкретные зарисовки. В рассказе «Госа» же отдельные колоритные, бытовые сцены, наблюдения нравов и настроений складываются уже в единый материал, использованный писателем для того, чтобы воспроизвести движение сознания персонажа. Традиционной обрисовке коллизии между вдовой и обделившей ее фамилией мужа противопоставлено здесь иное решение конфликтной ситуации, ставшее возможным лишь с утверждением социалистической законности, новых, гуманных отношений между людьми.

Речь о выделении ей вдовой доли Госа завела лишь с целью позлить родню мужа, ибо бессмысленность подобных претензий ясно ощутима ею самой. Но раз они нарочно меня изводят, то и сами пусть пляшут от злости...»,- звучит внутренний монолог героини. Размышления Госы раскрывают перед читателем образ, не совсем обычный для того времени. Автор создаёт характер женщины неробкой, обладающей выдержкой, терпением, возможно, граничащим где-то с упрямством. Ругань и проклятия родни мужа и пугают, и утомляют её, но она мужественно выдерживает характер, гордость не позволяет ей обнаружить перед ними женскую слабость. («Хорошо,- сказал Г ос а, и для меня они не свет в окошке, век

бы их не видеть... Но коли хотят, чтобы я ушла, пусть выделяют мне долю, иначе и шагу не сделаю...»).

Примечательно, что тема женского раскрепощения, широко разрабатываемая в 20 - 30-е гг. в литературах Северного Кавказа, ограничивалась часто сферой семейно-личных отношений.

Свой вклад в разработку проблемы женской эмансипации внесли осетинские прозаики. В рассказах «Первый шаг» Д. Мамсурова, «Госа» К. Дзесова, написанных почти одновременно, она решается в аспекте нераздельности личной судьбы женщины-горянки с её общественной функцией. У героинь К. Дзесова и Д. Мамсурова одинаковая судьба. Обе они рано овдовели, у Дасхан («Первый шаг») остались на руках трое малых детей. Как и Госа, Дасхан, будучи избрана председателем сельсовета, в самоотверженном труде впервые осознаёт себя как личность. Жизненные препятствия не сломали, а лишь закалили характеры Госы и Дасхан. От остальных женщин аула их отличает не только горемычная вдовья доля; твёрдость духа, открытую целеустремлённость, обращённость в будущее обнаруживают персонажи по мере знакомства с ними читателя. При всей одинаковости судьбы и основной линии характеров перед нами герои с ясно выраженной индивидуальностью, образы их отнюдь не дублируют друг друга. Отличает произведения и разный подход авторов к воспроизведению конфликтов действительности.

К. Дзесов вырос в семье горца. В родную землю и в земледельчество он влюблён, как крестьянин, в наследство от предков получавший из поколения в поколение не землю, а лишь мечту о земле и тоску по свободному труду на земле. Когда хлеба Уаллагкома вымерзли на корню (рассказ «За хлебом»), то писатель замечает: «Ещё вчера стройные стебли покачивались под тяжёлыми колосьями. Подует ветер с ледников, они покачнутся, но тотчас же выпрямятся, словно соревнуются друг с другом, а то побегут вдруг за ветром, как дети. А теперь страшно взглянуть на них. Постарели за одну ночь, согнулись. Шелковистые зелёные усы поседел и обвисли, и капают с них слёзы. Плачут колосья. Плачут тихо, навзрыд, словно плачет невеста, выданная за нелюбимого, скрывая слёзы подвенечной шалью. Солнце начинает пригревать, таёт иней и темнеют колосья. Бедные, бедные вы, колосья! Пусть теперь шалит себе ветер. Мёрзлым колосьям не до шалостей.

Качает их ветер, хочет развеселить, но они прислонились друг к другу поникшими головами и молча ушли в своё горе».

Плачут колосья. Нет, плачет сердце обездоленного крестьянина Темсыра в предчувствии голодной зимы и своей трагической гибели. А писатель разделяет его безысходную скорбь. В рассказах Дзесова отношение человека к природе становится своеобразным показателем его духовной красоты. Чувство природы, понимание красоты доступно только благородным и красивым характерам. Природа, как и человек, страдает, радуется, её надо понимать, как живую душу.

В целом, для творчества К. Дзесова характерно отражение реальных процессов жизни, раскрытие различных сторон человеческой личности. Созданные писателем образы разнообразны по характеру и темпераменту, по возрасту и способностям. В своих рассказах он прославляет человека – труженика, человека – борца, вступающего в схватку не только с врагами отчизны, – с неправдой, беззаконием в жизни, фальшью в человеческих отношениях, делах и поступках.

Духовно возвышенный образ писателя Дзесова, созданные им литературные герои самым положительным образом влияют на обучающихся: формируют у них чувства «высшего» и порядка.

Список литературы

1. Габулов М. Ж. «Фидиуаг», 1980, №8-с. 79-80.
2. Гадахов Х. Мудрость таланта. К Дзесову-75 лет. Лит. Осетия, 1980, №55-с. 127-129.
3. Джусоев Н. Воспевает словом Осетию. – Хурзарин, 2006, 29 апр. – с. 4-5
4. Джусоев Н. Яркая личность. – Растдзинад, 2003. – 2,3,5 апр.
5. Дзесов К. Избранные произведения. Владикавказ: Ир, 1988. – 478 с.
6. Дзусова Б.Т. Осетинский речевой этикет как важная культурологическая дисциплина воспитания толерантности у учащихся. Успехи современного естествознания. 2014. № 12. С. 152-154. [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22563274>
7. Осетинская литература: Хрестоматия для 7кл. Владикавказ: «Ир», 1998. – 295 с.
8. Плиев Г. Ищущий свой путь в литературе Кудзаг. – Фидиуаг, 2005, №6. – с. 4-9.

РОЛЬ ПЕЧАТНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ Г. «РЖСТДЗИНАД») В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ ИДЕАЛОВ МОЛОДЕЖИ

Туаева Лариса Ахсарбековна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и осетинской филологии, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ (Россия)

Батяева Виктория Цараевна,

Студентка Б-АНЗ курса факультета лингвистики, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ (Россия)

THE ROLE OF THE PRINT MEDIA (FOR EXAMPLE, THE «RÆSTDZINAD» IN THE FORMATION OF MORAL IDEALS OF YOUTH

Tuaeva Larisa, candidate of pedagogical sciences, associate professor of Russian and Ossetian philology, North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz (Russia)

Batyaeva Victoria Tsaraevna, 3- year student, group BAN, faculty of linguistics North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz (Russia)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы молодежи в современном российском обществе (в частности в Северной Осетии) в период реформирования нашей жизни. В работе также определяется роль печатных СМИ (на примере республиканской газет «Рæстдзинад») в приобщении молодого поколения к традициям и обычаям осетинского народа с целью формирования их духовно-нравственных идеалов.

ABSTRACT

This paper deals with the problems of youth in modern Russian society (particularly in North Ossetia) in reforming our lives. The paper also defines the role of the print media (for example, the republican newspaper "Ræstdzinaad") in educating the younger generation in the traditions and customs of the Ossetian people to form their spiritual and moral ideals.

Ключевые слова: современное общество, нравственные идеалы, печатные СМИ, проблемы молодежи, традиции и обычаи осетинского народа, фольклор.

Keywords: modern society, moral ideals, print media, youth, traditions and customs of the Ossetian people, folklore.

Фæстаг азты Уæрæсейы цардыуаджы цы стыр ивд-динæдтæ цæуынц, уыдон сты ног демократон сæхсæнад аразыны фæстиуджытæ. Уыдон, фыццаджыдæр, бæрæг дарынц нæ бæстæйы социалон-экономикон уавæрыл. Нæй ног цардарæзты хъуыддагæн иу уагыл цæуæн. Цы æнтыстдзинæдтæ æфты уæрæсейæгтæн сæ къухы, уыдон чысыл не сты. Фæлæ рæстæгæй-рæстæгмæ уавæр фæкарз вæййы мидæг сæмæ сæддагон аххосæгтæй, сæмæ уæд хуымæтæг адæмы авналæнтæ æлхъывд æрцæуынц. Хорз у уый, сæмæ абоны компьютерон дуджы гуманистон ахæст сси Уæрæсейы сæхсæнадон-политикон царды фидар бындур. Адæймаг, йæ уд, йæ цард, йæ монон райрæст у нырыккон царды уагæвæрды сæйраг нысан. Уый фæдыл къухы исты бафтыны ратæдзæн у гуманизмы идейсæй бындырыл арæст ахуырадон хъуыддаг. Абон уæлдай ахæдгæ сæмæ актуалон у дзырды тых, аив литературæйы хъомыс.

Аив дзырды фæрцы фæсивæд зонгæ кæнынц, нæ рагфыдæлтæй нын цы кадджын сæгъæуттæ баззад, уыдонимæ: кад, сæгъдау, æфсарм, уарзондзинад Райгуырæн бæстæмæ, рæстдзинад сæмæ сæрыстырдзинад. Фыдæлтыккон хæрзæгъæуттæ сывæллæттæн амонинц: цы у хорз сæмæ сæвæр, тæппуд сæмæ ныфсхæст, магуса сæмæ фæллойуарзаг. Аив дзырды сæмæ ирон мыхуыры фæрцы бамбарынц, Райгуырæн бæстæ адджын кæй у, мадæлон сæваг мады ад кæй кæны, сæгъдау хæсдбыны дæр кæй хъæуы, уыдæттæ. Сабитæ сæ зæрдæмæ хæстæг райсынц, литературон уацмысы фæрцы цы фæсминаг фæлгонцтимæ базонгæ вæййынц, уыдоны: Бола, Чермен, Таймураз, Иссæ сæмæ æнд. Бамбарынц, уыдоны куы фæзмой, уæд фидæны кæй уыдзысты фæндиаджы фæлтæр – ног хуызы цард аразджытæ.

Аив литературæйы уацмыстæ сывæллонæн амонинц мадæлон сæваджы рæсугъддзинад, нæ ирон намысджын сæгъæуттæ. Хуыздæр литературон хъайтарты, стæй фыссæгæн йæхи фæлгонц сабитæ сæ зæрдæтæм хæстæг райсынц, сæмæ сын свеййынц уарзон, фæсминаг.

Уыцы хъайтартыл ахуыр кæнынц сæ дарддæры царды нысантæ сæххæст кæнынц: адæймаг уæвын, дæс-ныйад райсын, Ирыстон уарзын сæмæ а.д.

Нæ фыдæлтæй нын хорзæй цы баззад, уыдон сты ирон сæваг, ирон фарн сæмæ ирон сæгъдау.

Мадæлон сæваджы фæрцы скъоладзаутæ базонинц ирон сæгъæуттæ, ирон цардыуаг. Уый хъæздыг кæны сывæллæтты миддуне, уый фæрцы рæзы сæ зондахæст, уæрæхдæр кæны сæ дунесамбарынад.

Зындгонд поэт Джыккайты Шамил фыста: «Мадæлон сæваг у адæмы монон царды фæрæз, культурæ сæмæ рухсады мадзал, æрдз сæмæ поэзийы хъæлæс, сæгъдау сæмæ фидæуы суадон» [7]. Куыд аив, куыд хъæздыг у ирон сæваг, уый Шамил нывæфтыд кæны ахæм ныхæстæй:

«Дзырд «дидинæг» йæхæдæг рæсугъддæр сæмæ зынаргъдæр у сеппæт дидинæгонæй. Дзырд «бæлас» ахъæзæгдæр сæмæ алæмæтдæр у Нарты сызгъæрин фæткъуыйæ. Дзырд «сызгъæрин» тынгдæр калы цæхæртæ зынаргъ згъæртæ сæмæ налхъуыт-налмæстæй. Дзырд «бонвæр-нон» эпосæй диссагдæр у: йæ зæлынад тыбар-тыбур кæны стъалты рухсау...».

Абон мадæлон сæваджы сагъæссаг уавæрыл ирон мыхуыры бирæ цæуы ныхас. Ирыстоны цæрджытæ, интеллигенцийы минæвæрттæ, ахуыргæндтæ, фысджытæ аразынц алыхуызон мадæлтæ, цæмæй ма фæсæфа ирон сæваг, цæмæй фидар йæ къахыл слæууа. Фыссынц сæ хъуыдытæ, дзурынц æргом сæ зæгъинæгтæ. Зындгонд журналист Цгъойты Хазби йæ уац «Æвзаджы хъысмæт – нæ сагъæс, нæ дзуринаг», зæгъгæ, уым фыссы: «Адæймаг цал сæваджы зоны, уал лæдджы у, - зæгъы ирон æмбисонд. Цымæ ирон адæмæй йæхи сæваг чи фæрох кодта, уыдон та куыд хонæм? Æрдæг лæгтæ?!» [10]. Ацы ныхæстæй Хазби комкоммæ уайдзæф кæны, сæнæрвæссон цæстæй чи кæсы йæ мадæлон сæвагмæ, уыдонæн. Нымайы сæ «уæрæсæдзауыл». Æмæ кæд Брытъиаты Елбыздыхъ юмори хуызы равдыста «уæрæсæдзау»-ы фæлгонц, уæд журналист Цгъойты – фыртæн та йæ ныхас у карз. Йæ уацы дзуры йæ хъуыдытæ уайдзæфы хуызы, сæмбарын кæны, сæваг цы уавæры ис, уый худæг кæй нæу: «Зындгонд драматург йæ пьесæ «Уæрæсæдзау»-ы кæуыл худы, ахæм «уæрæсæдзаутæ» абон сты бирæ Ирыстоны зæххыл, Уæрæсемæ цæуын дæр сæ нæ хъæуы». Сæ ныхмæ сын анти-тæзæй сæрæвæрдта ахæм цымыдисаг хабар: «Зындгонд францаг ахуыргонд Жорж Дюмезиль, Нарты кадджыты сæмæ ирон адæмы сфæлдыстады иннæ ног рауагъд чингуытæм Ирыстонмæ сæрыста Парижæй сæмæ сæ каст иронау».

Курдиатджын поэттæ сæмæ патриотты зæрдæтæй сæвæрынц ирон сæваджы цытæн ахæм рæнхъытæ: «Куыд хорз, куыд кадджын дæ мæ цæсты, Нæ ирон мадæлон сæваг». (Чеджемты Æ.)

«Ирон сæваг! Тыхджын дзыхы дзуапп сæмæ ныфсæттæг, зæрдæйы дуаргомгæнæг». (Брытъиаты Е.)

«Æз зардзынæн уæд дæр, иронау ма куы дзура 'рмæстдæр иу лæг, Кæд уыцы лæг мæхæдæг уон, уæд-дæр!». (Хъодзаты Æ.)

Зердсэ агайынц поэт Дзасохты Музаферы хъуы-
дыджын ныхæстæ: «Фыдыбæстæ! Йæхицæй рæсугъдæр
æмæ зæллангæнагдæр дзырд зын ссарæн у... Мадыб-
æстæ... дзыхы фидаугæ дæр нæ кæны. Ады цъыртт дзы
нæй, цæсты нæ ахад, хъус нæ рæвдауы.

Мадселон æвзаг... Цæмæн сæмæст «Мадселон æв-
заг», «Фыдселон» цæуыннæ?

Фыдыбæстæ æмæ мадселон æвзаг афтæ фидар баст
сты, æмæ сæ фæхицæн кæнын никæй бон бауыздæн.
Мадселон æвзаджы фыдыбæстæйæ кадджындæр дзырд
куыд нæй, афтæ фыдыбæстæйы дæр мадселон æвзагæй
кадджындæр ницы ис» [8].

Мадселон æвзаджы фæрцы скъоладзæутæ базонгæ
всеййынц Нарты кадджыты сæрдхæрæны хъайтартимæ, сæ
миниуджытимæ: хъæбатырдзинад, райгуырæн бæстæ
уарзын, адæмы сæрвæлтау мæлæтмæ цæттæ уæвын, сæ-
мæст рæстдзинад дзурын, сылгоймагæн цыт кæнын, гуы-
быныл уæздан уæвын, хистæртæн кад кæнын, кæстæры
рæвдауын. Фæлæ йæ мадселон æвзагæй, йæ адæмы фарны
æгъдауттæй иппæрд чи у, ахæм сывæллонмæ ницы хуызы
бахардзысты Нæртон мад Бедухайы ныхæстæ. Дæ фырт
фæмардис, зæгъгæ, йæм куы фæхабар кодтой, уæд сын
уый радта дзуапп: «Ацæут æмæ фенут, кæд йæ риу у цæф,
уæд кадимæ ныгæныны аккаг у; кæд къæбутырдыгæй
цæф у, уæд знагæй лидзгæ кодта, æмæ йæ фаджысы ба-
ныгæнут».

Мадселон æвзаг сабитæн амонæ фыдæлтыккон
хæрзæгъдæуттæ, сæ сусæг къуымтæ. Уæд бамбардзысты,
намысджын Гæсæма йæ иунæг хъæбул Хæсанæйы цæмæн
æфхæрдта, уый:

«Уæ марг дын сæрбауой мæ дзæбæхдзинæдтæ, мæ
риуы 'хсыры цъыртт» [9].

Ирыстони рухс фидæныл, йæ уарзон адæмы хъи-
зæмайраг уавæрыл Къоста сагъæс кодта йæ цæргæбонты.
Уый сæйрагдæрыл нымадта сывæлæттæ раст хъомыл
кæныны фæрæзтæ, уымæ суанг авдæныкконæй фæстæ-
мæ. Ноггуырд сабийы рæвдауæн, узæн æмæ фынæй-
гæнæн дзаумайæн ахæм ном дунейы адæмтæй ничи радта
– авдæн, зæгъгæ. «Авд фыртæ æмæ иу чызгмæ бæллыды-
сты фыдæлтæ сæ ног чындытæн, æмæ авд лæппуйы ау-
зынæн сарæзтой авдæн.

Бирæ мадæлтæн схъомыл сты уыцы авдæнты сæ
сывæлæттæ. Уыди ахæм амондджын авдæнтæ, сæргыгай
фæлтæры сывæлæттæ баст кæм сæрцыдысты...», - фыссы
номдзыд фыссæг Айларты Измаил [1].

Къоста æмæ Елбызыхъо, Секъа æмæ Нигеры
сфæлдыстад у ирон царды энциклопедии. Уым Æрфæны
фæдау ирдæй зынынц сæ фæдзæхстытæ Иры фæлтæрæн.
Ирон мады хъæлæсæй Къоста фæдзæхста авдæныккон
сывæллонæн:

«Сугтæ мын хæссис сæргъомæй,
Бадзурин дæм уæд сæргомæй:
Мады зердæ зон, О мæ бон!...
Бадзурин дæм: уарз нæ бæстæ,
Ма сæ сусæлдай кæн нæ фæстæ.
Ма сæ бафæллай!...
А-лол-лай!»

«А-лол-лай»

Къоста хорз зыдта фæсивæды лыггæнинаг фар-
стæ. Уый дзырдта, зæгъгæ, фæсивæдмæ, сæ фидæнмæ
куыдфæндыйы цæстæй чи кæсы, уыцы адæмы хаттæн

рухсмæ фæндаг нæй. Цыма ныры рæстæджы фæсивæды
уыдта, уыйау зердæ агайынц йæ ныхæстæ:

«Фæсæфай, фæсæфай уастæн, нæ фæсивæд-
Иу бахъахъхъæнаг дæ куы нæй!»

Ацы рæнхъытæ фысгæйæ, бар – сæнæбары зердыл
æрлæууынц, нæ бæстæйы «æндзыг дуг» кæй хонынц,
уыцы сабыр рæстæджы азтæ. Уæд фæсивæды хъомы-
ладæн хорз ахъаз уыдысты пионеры æмæ фæсæмæд-
дисы къордтæ. Уыцы къордтæм истой хуыздæрты. Æп-
пæт фæсивæды минæвæрттæ дæр уыдысты уыцы кад-
джын пионеры æмæ фæсæмæддисы рæнхъыты. Студент
чи уыди, уыцы фæсивæд та цыдысты сæрды улæфæн
бонты рæстæг студентты арæзтадон отрядтæм. Цардбæл-
лон фæсивæды романтикон равг разæнгард кодта ацæуы-
нмæ, стыр Уæрæсейы кусæг къух кæм нæ фæг кодта, ахæм
бынæттæм. Сæрæнгуырд фæсивæд – сæвзонг чызджытæ
æмæ ныфсхаст лæппутæ – цыдысты зæрæстон зæххытæ
фæлдахынмæ, горæттæ аразынмæ (Комсомольск-на-
Амуре), гидростанцæтæ (Саяно-Шушенская ГЭС), БАМы
арæзæдтæм. Нæ хистæртæ куыд дзурынц, афтæмæй уый
уыд амондджын рæстæг. Фæсивæды сæ уæлмонц бæл-
лицæ хастой дард кæдæмдæр, сæсæзонгæ, фæлæ, сæнæ-
мæнг, амондджын кæм уыдысты, ахæм ранмæ. Æмæ-иу
кæдæм нæ ацыдысты сæргон чызджытæ æмæ лæппутæ,
сæхца æмæ мулчы фæдыл нæ, фæлæ аразынмæ: Павло-
дармæ, Мурманскмæ, дард Сыбырмæ. Поезды рудзгуы-
тæй-иу сын дымгæ скъæфта сæ хъæлдзæг худын æмæ за-
рын.

Чи-иу сæм касти хæлæгхуызæй, уыдонæн дæр-иу
цинæй дзаг уыдысты сæ зердæтæ, райдзаст – сæ цæс-
гæмттæ. Ныр нын уыцы мысинæгтæ сты ностальгийы
хуызы.

Кæм-иу сæрбынат кодтой, уым арæзтой бинонтæ,
кодтой сæнæзердæхæудтæ фæллой. Сæ рæсугъд æгъдау
æвдыстой сæ цардыуагæй дæр æмæ сæ куыстæй дæр.
Абон Уæрæсейы горæтты æмæ фæсарæнты зындгонд
сты, ирон адæмы кадджын чи скодта, уыцы адæймæгты
нæмттæ: Гергиты Валери, Болоты Таймураз, Кучиты
Юрий, Адырхаты Светланæ, Дудараты Вероникæ æмæ
æнд. Фæзминаг фæлгонцты тыххæй бирæ дæнцæгтæ
сæрхæссæн ис. Журнал «Мах дуджы» фыстæй иу ахæм ха-
бар. Зындгонд богал Зæнджиаты Дзантамыр (спорты
сгуыхт архайæг Зæнджиаты Викторы фыд) 80-æм азты
цардис дард Камчаткæйы. Уым ма чи цардис уæды
рæстæг ирон фæсивæдæй, уыдонæ иу бон сæрæмбырд
кодта æмæ сын карзæй бамбарын кодта йæ домæн: «Йæ'
гъдау йæхимæ кæмæн нæй, уымæн амæй фæстæмæ ам
ницы ис. Ирон адæмы мачи худинаг кæнæд. Нæ
фæхъуыстон, зæгъгæ, дæр-иу мачи зæгъæд.» Æцæгдæр,
уæды рæстæджы ирон лæппутæн сæ' гъдау, сæ намыс
Камчаткæйы цæрæг адæмы сæхæн уыдысты фæзминаг.

Йæ мидисмæ гæсгæ кæссæм æндæр сæмæг, фæлæ
та дзы хъыгагæн, спайда кæндзыстæм антитезæйы хуызы.
Йæ автор – Цгъойты Хазби, г. «Рæстдзинад»-ы редакторы
хæдивæг. Уый фыссы: «... Редакцийæ мæ арвыстой ком-
позитор Колесниковмæ. Ирон музыкæ фыста, æмæ, дам,
сæм ногæй цы ис, цæуыл кусы, уый ныффыс. Хæрзæронд
лæгæй йæ баййæфтон. Йæ цардæмбал уыдис хъæд-
дыхдæр, æмæ уый сæххуысæй йæмæ аныхас кæнын мæ
къухы бафтыд. Ныхас куы фæстæм, уæд мын йæ цардæм-
бал афтæ: «Ардæм цæрынмæ куы сæрлыгъдыстæм, уæд,
ирон адæм, уе' гъдæуттæ нæ зердæмæ афтæ фæцыдысты,

семе нсе нсе кях ардыгсый нал ахаста. Уселдай тынгдсер мсе зердсеме цыд усе чызджыты хедсесфармдзинад. Се хсер ныхас сын уынджы нукуы фехуедзынсе. Ныр афтсе нал у, сесер ссе суагътат, хсер ныхас нсе, фелсе ма ссе проспекты сехсынентсе сехсынсе дсер федтон. Ирон газеты кусыс, семсе усе курсег дсен: усе рсесугд сэгдсуеттсе бахъахъсенут.» Ацы ныхастсе мсе зердыл арсех сэрлсеу-уынц, семсе фсехуыды ксенын: ныр ссе куы фенид, ныр!» [10] - сарказмы хуызы балхынц кодта журналист йсе хуыды.

Æрыгон фелтсеры удварны хомылад фсестаг азты сесег кей фсесудыдта, нсе лсеппутсей бирсете фыдраконды фсенагыл кей ныллсеуыдысты, семсе ссе фсестаг ссессесфенмсе кей ссеуы, уый фседыл у йсе сагъсес ахуыргенсег Боциты – Гелуаты Зоясен дсер. Газет «Рсестдзинады» йсе уац «Нырыккон демократи» -йе ссегом ксены, фсесивсег ссесмен адсегсесел всейынц семсе фыдохы фсенаг ссесмен равзырынц, уый аххоссегтсе: «Телевизорсей сенсесухсей севдисынц давд, мард, рсемыгд, наркотиктсе... Адсеме ксесидсер хай ссегъатыр, ссырдухуысты, сенсесфарм, сенсегдау, сылгоймаджы ссесфарм ссесыстыгътой... Фсесегынц, хсездар скъола у, ныййарджытсе - ахуыргенджытсе, ссегъгсе. Уымсен абоны царды бындур нсей, цалымсе телевизор сэгдауыл уроктсе дсета, уедмсе. Гседиаты Секъайы «Мсе бселас»-ау мсем ксесы абон нсе бсестсейы уавсер:

«Цы мсегуыр дсе, мсе бселас...

Мселдзыг дсер ыл ысхилы,

Уый дсер йсе тых ссезары,

Йсе сау бырынкъ стили,

Æппындсер ссем нсе дзурыс...»

(Мсе бселас)[2].

Мсестелгъсег у йсе ныхас ахуыргенсегсен, ссесфон агурт демократийы фсестиуджыты, фселсе йсе катый, йсе мсест фсесивсегды раст хомылад кей у, уый дызсегдыггаг нсеу.

Сывселлоны хомылады ссейрагдсер мад у. Мад йсе хсесбулы уарзы ссегсегон уарзтсей, йсе зердсейы ссесфытсей ссесуы йсе уселлге ахаст йсе сывселлонмсе. Мады фсеразон архайдсей, ссестуарзон ахаст семсе куырыхон зондсей аразгсе у сабийы рсесугд удысконд.

Зындгонд рухстауег Колыты Аксо фыста: «Чтобы правильно воспитать новое поколение, для этого требуется образованная и передовая семья, а для создания такой семьи нужна, прежде всего, образованная и передовая женщина».

Нсе фыдселтсей нын цы дзыхсей дзургсе сфелдыстад баззад, уым сылгоймаджы фселгонц ахсы зынгсе бынат. Таурсегъты, кадджыты, сылгоймаджы севдисынц фселмсенсердсе мадсей, куырыхон хомылгсенсегсей, рседу ссесфисней. Иу лсеппулсегсей йсе уарзон чызг ссесдомдта, ксегд мсе уарзыс, уед мын дсе мады зердсе скъах семсе мын ссес ссесбахсес, ссегъгсе. Лсеппу мады зердсе скъахта, семсе йсе фсесейсксесфта йсе уарзон чызгмсе. Уалынмсе йсе кях сксесуырда, фсескалд. «Дсехи нсе нысцавтай, мсе хсесбул», - ссезырдта йсем мады зердсе. Ацы таурсегъ фелтсерсей фелтсегмсе ссесбисондсен хсессынц ирон адсем, «мады зердсе», ссегъгсе.

«Чызг авгсей уселдай нсеу – алцыдсер ыл зынгсе ксены». «Сылгоймаг иугсер иу хатт фсескалд, уед сенсесцъыфсей нал фсестдсен», - ссегъгсе, ахсем ссесбисендтыл ахуыр кодтой мадселтсе ссе чызджыты рагсей-сессегмсе.

Ныр та? Ахуыды-ма ксесмен, цымсе ссе чын-дзсехсесвтсе, суанг ма ссе зианы ксегдтсе рестораны чы

аразы, уыдон цавсер ссегдауыл хсест сты? Ницавсер. Æмсе ссегдау ксес нсей, уым нсе нселгоймсегтсе карз нозт чы фылдсерсей нуазынц, сылгоймсегтсен дсер ма йсе тыхсей хъарынц. Ахсем ныййарджыты ссе ксестсертты хомылад не 'ндавы, куыдфсендыйы цардсей ссесрынц. «Ссе цоты кусын, фыдсесбон ксеныныл ссе нал ахуыр ксенынц, усегдидонсей ауагътой, семсе телеравдыст «Дом-2» - йе» цивилизациясе хсестсе ксенынц. Сылгоймаг фсезмынынмсе ссесхицдсер у, семсе ахсем телеравдыстыты фыдсей ирон сылгоймаг нырсей усегддсер, ссездсесгомдсер, ссесей ссеснцондсер балхсенсен нукуы уыд», ссегъгсе, ссегом дзуры журналист Цгъойты Хазби. Ссесей дарддсер фыссы: «Сылгоймаг дидинсег у. Уымсей дидинджытсен ссе хуыздсер: уарди (роза), мсестег дидинсег. Фселсе ацы дидинсег ссеснцон ссесронсен нсеу – сындытсе йыл ис. Æмсе йсе уыцы ссесуул ноджы кадджындсер ксены адсеме ссесты. Æсфарм, ссегдау семсе намыссей «сындытсе» уыд ирон сылгоймагыл дсер. Цы сын фсесты? Æнцон ссесронсен ссесмен сси? Йсе кад, йсе намыс ссесмен фсессесфта?»[11]. Цивилизацияы дуг, дам, у ныр... Федор Достоевскийы загъдау: «... Да будут прокляты эти интересы цивилизации, и даже самая цивилизация, если для сохранения ее необходимо ссесдирать с людей кожу».

Иннсе ссесфон та нын ахсем у: мах, дам, размедзыддсер адсем стсем нсе сыхаг адсесмтимсе абаргсесейсе... «Усеггсе размедзыддсер адсесмты кой куы ксесмен, уед япо-йнсегты, ногсей куы райгуырсем, уеддсер нсе айифдзыс-тсем. Уыцы бсестсейы чиновниксей иунсегдсер нсе ныб-ыхсдсен, йсе куссесуатмсе бахизсены бадсег ссесрдсег-бсеггсег куссег сылгоймагсен», - фыссы Бутаты Эльсес [3].

Æгъдау у царды бындур. Æмсе ирон ссегдауыл ксес ныллсеуай, уым дсе уселфадсей ссесепп ксегндсен. Æгъдау адсеме ссегдаусей ссесуы, семсе ирон цардыуаджы цы домы, уый алксей хсес дсер у йсе ссеххсест ксенын. Алчи нсе ссесрмсест йсехи гуылы бын куы ссесндзара, уед нсе уый хорзмсе не 'рксегндсен. Кад йсехсегдсег дсе фседыл не згъордсен, йсе зындынсегдтсей йын дардмсе куы лидзай, уед. Ксестсер куы рсесдийа, уед ын хуамсе хистсер йсе рсесдыд ссестуарзонсей бамбарын ксена. Цард цард у, семсе дзы алцыдсер всейы. Фселсе ахсем хсесендынсегдтсе нсе фыд-селтсе дзсесбсех кодтой йсе ссесфыл. «Хъороты Сослан йсе иу очеркы фыста, хос лассесейсе, дыуусе лсеппуйы куыд фсехыл сты, семсе ссе хуыддаг хсесуы Ныхасмсе бахсесцсес. Ныхас лсеппутсей иуы дсер нсе бафхсегрда, фселсе равзсесрста рсестдзинад, загъта сын ссе айппытсе, дарддсер ссе цы ксенын хсесуы, уый сын бацамыдта. Уымсей бакодта стыр хомыладон куыст, дыуусе лсеппуйы ссехсен ахуыссын кодта хсесрамдзинад» [10].

Абоны дуджы, мулк чидсегртсе фыдселтыккон ссесры-стыры хсесртсей – кад, ссегдау, ссесфармсей ссесронддсер ксес ссессесрынц, уым уселдай фылдсер ссегом здахын хсесуы фсесивсегды фселлойадон хомыладмсе. Газетты фсесрстыл баксессен ис бирсе ссесрмсегджытсе, газетксесджытсе куыд сагъсес ксенынц ссесуыст фсесивсегды уавсерыл, уый тыххсей: «Куыст адсесймаджы уд сыгъдсег ксены, йсе усенгтсе – рог, цас ис горсесмты семсе хсесуы уынгты ссесуыст лсеппутсе семсе чызджытсе, ссе уынд – усентсехыл, ссескъард, фылдсер та – мсестелгъсегд. Ахсем адсесймагсен уселдай ницы у» [9]. Уымсе гсесгсе мах хсесуы кусын: сенсениз, ссесрсен семсе зондджын фелтсер хомыл ксенын. Уый тыххсей ис ахъаззаг фсесрсез – ирон мыхуыр. Уый нын ссегом ксены нсе хсесентсе, амоны нын нсе рагфыдселты

хæрзæгъдæуттæ, зонгæ нæ кæны, Ирыстоны ном бæрзонд чи кæны, уыцы кадджын адæймагтимæ. Уыдон ахуыр кæнынц фæсивæды намыджын уæвыныл, Райгуырæн бæстæ уарзыныл, ныййарæгæн аргъ кæныныл. Дзæнæтты бадинаг Джыккайты Шамилы публицистон сæрмæджыты хъайтаргæ сæм сæвæрын кæнынц тырнындзинад бæрзонд идеалтæм. Шамил фыссы газет «Рæстдзинад»-ы: «Кæд дæр сæрцæд ахæм цау: ныры боевикты фыдæлтæ Куырттаты хъæуы истой сугдзæуты бæхтæ. Хъæддзæутæ уыдысты Къарджиаты сæфсымæртæ. Уыдон сæ сæрмæ не 'рхастой сæ бæхтæ раттын. Бахъуыд сæ хæцын. Абырджытыл сæ хур бамынæг. Йæ уд дзæнæтон баци сæфсымæртæй иуæн. Иннæ йæ мадысæнæджы мард сæмæ фыдгæнджыты хæцæнгæртæ сласта сæ хъæумæ. Сæ мад рацыд сæ размæ сæмæ фæрсы: «Мæ хъæбултæ, ницы худинаг мæм сæрхастат?!».

Ацы намыджын, сæрыстыр ирон сылгоймаг у Спартейаг мады халдих. Уый дæр афтæ фæрсы, хæстæй цы илот сæхæццæ, уый, хæст цæуыл ахицæн, уымæй. «Дæ фыртгæ фондзæй дæр фæмард сты», - загъта хабархæссæг. Ус ыл фæхъæр ласы: «Æлгъаг сахар! Æз дæ уыдонæй нæ фæрсын, фæлæ, чи фæуæлахиз, уымæй!» Куы базыдта, Спартæ фæуæлахиз, уый, уæд куынæгтимæ атындыдта кувæндонмæ»[6].

Ацы сæмæ бирæ æндæр историон цаутæ, кадджытæ, зарджытæ, æмбисæндтæ фæсивæдæн сты æгъдау, æхсар сæмæ намысы æвдисæнтæ. Уыдон нæ кæнынц ныфсджын, Ирыстон цух кæй никæд уыдзæн Черментæ, Таймуразтæ сæмæ Тотрадзтæй. Адæмы фарн бирæ у.

Æрæджы Æрыдоны районы газет «Рух»-ы редакцийы кусджытæ Ирыстоны цæрджытæм фæсидтысты, цæмæй лæмбынæг бакæсой, мыхуыры кæй рауагътой, уыцы «Алайнаг адæймаджы уæздандзинады Кодекс».

Йæ домæнтæ йын сæххæст кæныныл чи бацархайа, уый аланты фарнæй сæмæсæнг, фæхайджын уыдзæн, рауайдзæн дзы сæцæг ирон адæймаг», - фыссынц «Кодекс»-ы саразджытæ.

Æнæмæнг, ацы ныхæстæ адæймаджы зæрдæйы уадзынц ныфс.

Нарты гуыппырсарты фæдзæхстытæ номдзыд поэт Джыккайты Шамил рахуыдта ирон адæмы царды моралон кодекс. Ныр ма йæм бафтыд нырыккон ирон адæмы сæрхъуыдыгонд ныуанты сæмбыргонд – «Алайнаг адæймаджы уæздандзинады Кодекс». Алкæй хæс дæр у йæ домæнтæ зæрдыл дарын сæмæ сæ сæххæст кæнын.

Фæдзæхстытæ сты дыууын иу сæмæ сын бакæссæн ис газет «Рух»-ы (2011 аз, № 17).

Список литературы

1. Айларты И. Æвзаджы рæзтæн – фадæттæ. Г. «Рæстдзинад», 1998 аз, 6 феврал.
2. Боциты – Гæлуаты З. Нырыккон демократи. Г. «Рæстдзинад». 2005аз, №197.
3. Бутаты Э. Цымæ Европæ та цы зæгъы. Г. «Рæстдзинад». 2015аз, №63.
4. Гаглойты Ф. Ныййарджыты фарнæй сæм хай. Г. «Рæстдзинад». 1998аз, 14 ноябрь.
5. Джусойты К. Æвзаг – зæрдæйы дæгъæл. Г. «Рæстдзинад». 2004аз, 6 февраль.
6. Джыккайты Ш. Адæмы фарн бирæ у. Г. «Рæстдзинад». 2004аз, 2 ноябрь.
7. Джыккайты Ш. Æвзаджы хъысмæт. Г. «Рæстдзинад».
8. Дзаохты М. Зæрватыкджын бæстæ.
9. Дзусова Б.Т. Осетинский речевой этикет как важная культурологическая дисциплина воспитания толерантности у учащихся. Успехи современного естествознания. 2014. № 12. С. 152-154. [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22563274>
10. Дзусова Б.Т., Хамикоева Л.А. Практико-ориентированный подход к разработке учебно-методического комплекса по осетинскому языку // Вектор науки тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология. 2014. - № 3. С. 82-85. [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22599789>
11. Къубалты А. Æфхæрдты Хæсанæ.
12. Туаева Л.А. Методика изучения произведений малого жанра в начальной школе в условиях полилингвальности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 4 (19). С. 171-174. [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22896978>
13. Цгъойты Х. Æвзаджы хъысмæт – нæ сагъæс, нæ дзуринаг. Г. «Рæстдзинад». 2006, 4 марты. Æнцон фæндæгтæ хорзмæ нæ кæнынц. Г. «Рæстдзинад». 2006, №94.

ЭКФРАСИС В АСПЕКТЕ СТАТУИ-УБИЙЦЫ В НОВЕЛЛАХ П. МЕРИМЕ «ВЕНЕРА ИЛЛЬСКАЯ» И А. ГРИНА «УБИЙСТВО В КУНСТ-ФИШЕ»

Ургадулова Айса Игоревна
студентка 4 курса бакалавриат, направление «Филология» КалмГУ, г.Элиста
Шкурская Екатерина Алексеевна
к. ф. н., доц. кафедры русской и зарубежной литературы КалмГУ, г. Элиста

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается экфрасис в аспекте скульптурного искусства. Сопоставляется мотив «ожившей статуи» в художественных текстах П. Мериме «Венера Илльская» и А. Грина «Убийство в Кунст-Фише».

ABSTRACT

There is regarded ecphrasis in the aspect of sculpture art. The motive of the revitalized statue is compared in the texts by P. Merime «Venera Illskaya» and A. Grin «The Murder in Kunst-Fish».

Ключевые слова: новелла, экфрасис, мотив «ожившей статуи», искусство, сюжетная схема.

Key words: novella, ecphrasis, the motive of revitalized statue, art, plot schema.

В современном литературоведении наблюдается достаточно большой интерес к понятию «экфрасис» со стороны литературоведов, философов, искусствоведов. Появившиеся в последние годы работы Л. Геллера, Г. Лунда, Ш. Лабре, Р. Ходеля, С. Франк, М. Нике, И. Есаулова, М. Рубине, Р. Ханиновой и др. существенно расширили понимание термина экфрасис.

История экфрасиса восходит к Античности и трактуется как художественное описание произведений изобразительного искусства (картин, скульптур и т.д.).

В понимании Л. Шпицлера, экфрасис представляет собой поэтическое описание скульптурного или живописного искусства [2, с. 572].

В данной статье мы рассматриваем экфрасис в аспекте скульптурного искусства, а точнее статуи. Мотив «ожившей статуи» широко распространен в классических текстах А.С. Пушкина «Каменный гость», «Сказка о золотом петушке», «Медный всадник»; А. Блока «Статуя», «Пётр», «Шаги командора». Кульминационным моментом данных произведений является разрушительное воздействие ожившего предмета, которое по словам Р. Якобсона отражает «миф о разрушительной статуе».

Рассмотрим мотив «ожившей статуи» в художественных текстах П. Мериме «Венера Илльская» и А. Грина «Убийство в Кунст-Фише».

Центральным сюжетобразующим элементом обоих произведений является статуя / статуэтка, которая выступает орудием возмездия, однако в заглавии П. Мериме «Венера Илльская» акцент сосредоточен на скульптурном произведении, а в новелле А. Грина «Убийство в Кунст-Фише» доминантой заглавия является преступление.

При описании Венеры П. Мериме следует общему идейному замыслу, заявленному в заголовочно-финальном комплексе: подчеркивается разрушительная природа идола, вызывающая неприятие и страх со стороны окружающих. Несмотря на совершенство форм и уникальность найденной во время раскопок статуи, глаза Венеры излучали жестокость, презрение, насмешку: «Все черты были чуть - чуть напряжены: глаза немного скошены, углы рта приподняты, ноздри слегка раздувались. Презрение, насмешку, жестокость можно было прочесть на этом невероятном лице» [1, с. 288].

А. Грин, знакомя читателя с будущим орудием возмездия (статуэткой самурая) не использует дополнительного оценочного элемента. Описание бесстрастно, безэмоционально, передана лишь внешняя форма статуэтки-воина: «Лицо с острыми глазами и свисавшими кончиками черных усов. Он был в шитом шелками и золотом кимоно. За драгоценным поясом туго торчали две сабли». Такая завуалированная угроза объясняется тем, что процесс оживления статуи передан через магию пожелания (письмо мужа) и материализованного слова (чтение этого послания вслух).

Используя предмет искусства как сюжетобразующий центр новеллы, П. Мериме отходит от традиционного осмысления Венеры-богини красоты и любви, а значит, некоего созидательного начала. Этимологически

Венэра (лат. venus, род. п. veneris «любовь») в народе «Виллетта Тюра» В римской мифологии, Астарта в финикийской мифологии или Афродита в греческой мифологии - богиня цветущих садов, весны, плодородия, расцвета всех плодоносящих сил природы, самая красивая из всех богинь, вечно юная, вечно пленительная, прекрасные очи которой сулят одно блаженство [3, с. 132].

П. Мериме наделяет статую Венеры разрушительной силой. Это не просто богиня, а идол, требующий поклонения и жертвоприношения. Очевидная угроза, исходящая от статуи, показана через стилистический прием градация и реализуется посредством ряда предупреждающих элементов: увещье рабочего, участвовавшего в раскопках, ответ Венеры на брошенные в нее камешки в виде рикошета обидчикам, таинственная надпись «CAVE AMANTEM» («берегись любящего» или «берегись того, кто любит тебя, остерегайся любящих»), которая содержит в себе предостережение. Апогеем разрушающего начала, заложенного в природе идола, является убийство Альфонсо, а также глобальное вредительство Венеры уже после переплавки в колокол: «Можно подумать, что злой рок преследует владельцев этой меди. С тех пор, как в Илле звонит новый колокол, виноградники уже два раза пострадали от мороза» [1, с. 308].

Разрушительной овеществленной силой в новелле А. Грина наделена статуэтка самурая. Известно, что с японского слова «самурай» переводится как человек, который служит. И не случайно выбор автора падает на самурая - мужчину, а не на самурая - женщину. Ведь существуют факты, что в японском социальном классе, именуемом буши (bushi), были женщины, получившие образование в сфере боевых искусств и освоившие стратегии наравне с представителями сильного пола. Этих женщин называли Онна - бугэйся (Onna - Bugeisha), и они даже участвовали в сражениях. Выбор автором самурая - мужчины объясняется тем, что сам муж героини, движимый чувством ревности и желанием отомстить неверной, является отражением (alter ego) самурая. В контексте произведения статуэтка-оберег выполняет свое прямое предназначение - мстит за вред, причиненный хозяину, тем самым восстанавливая его честь.

Сходными элементами в реализации мотива «ожившей статуи» исследуемых произведений являются:

1. процесс оживления (переход от пассивного состояния к активному);
2. использование предметов-посредников, которые «приводят статуи в мир людей» (фантастическое осуществляется через магию прикосновения и силу кольца, подаренного Альфонсо Венере в новелле П. Мериме, у А. Грина фантастическое передается через магию пожелания (письмо) и материализованного слова (голос);
3. выступление обеих статуй в роли убийц,
4. убийство;
5. реализация мотива (мечь-правосудие / мечь-оберег), в соответствии с прямым функциональным началом: Венера Илльская, карая, вершит правосудие, а убийством мстит за пренебрежение к священ-

ным узам брака, который находится под ее покровительством. Самурай А. Грина карая, наказывает обидчиков хозяина, восстанавливает его честь.

Таким образом, разрушительная сила статуй Венеры Илльской П. Мериме и Самурая А. Грина представлена в соответствии с их прямым функциональным назначением (идол – оберег). В обоих произведениях статуи – убийцы карают людей за их неразумные человеческие поступки. Однако можно провести четкую границу между Венерой Илльской и Самураем, так как обе фигуры имеют различные мотивы убийства. Венера П. Мериме выступает в роли идола, требующего жертвоприношения за беспечное отношение к священным узам брака, а Самурай А.

Грина выступает в роли «alter ego» самого мужа Эты, движимого ревностью и желанием наказать обоих возлюбленных.

Список литературы

1. Проспер Мериме. Венера Илльская // Проспер Мериме. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1983. Т. 2.
2. НЛЮ «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: Сборник статей / Составление и научная редакция Д.В. Токарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2013.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. Т. 1.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ТОМАСА М. РИДА)

Вишневецкая Виктория Викторовна

канд. филол. наук, доц каф. общенаучных дисциплин НПИ КубГТУ, г. Новороссийск

АННОТАЦИЯ

Более пристальное внимание в этой статье уделяется синонимии английских слов, так как современная наука достигла больших успехов в изучении и описании лексической синонимии. Лексическая синонимия особо интересна широким охватом лексического материала, где рассматриваются синонимы, принадлежащие к различным стилям литературного языка, в том числе устаревшие слова, народнопоэтические, а также представлена просторечная, сниженная лексика, также есть синонимический ряд фразеологизмов, синонимичные названным словам.

ABSTRACT

In this article closer attention is paid to a synonymy of English words as the modern science made great progress in studying and the description of a lexical synonymy. The lexical synonymy is especially interesting by broad coverage of lexical material where the synonyms belonging to various styles of the literary language, including obsolete words national and poetic are considered, and also the colloquial, lowered lexicon is presented, also there is a synonymic number of phraseological units, synonymous to the called words.

Ключевые слова: лексическая синонимия, взаимозаменяемость, тождественность, фразеологизмы, понятия, критерии.

Keywords: lexical synonymy, interchangeability, identity, phraseological units, concepts, criteria.

Лексическая синонимия по праву заслуживает самого пристального внимания в исследовании любого стиля. Знание синонимических богатств родного языка – необходимое условие речевой культуры человека.

Важнейшая стилистическая функция синонимов – быть средством наиболее точного выражения мысли. Окружающие явления и предметы, их свойства, качества, действия, состояния познаются нами со всеми их особенностями, понятие называется словом, наиболее подходящим для выражения нужного значения.

Более пристальное внимание в этой статье уделяется синонимии английских слов, так как современная наука достигла больших успехов в изучении и описании лексической синонимии, а особую ценность представляют словари синонимов, дающие обширный синонимический ряд английских слов, благодаря которым автор более ярко и экспрессивно может описать то или иное событие. Лексическая синонимия особо интересна широким охватом лексического материала, где рассматриваются синонимы, принадлежащие к различным стилям литературного языка, в том числе устаревшие слова, народнопоэтические, а также представлена просторечная, сниженная лексика, также есть синонимический ряд фразеологизмов, синонимичные названным словам.

Лингвисты, стремящиеся дать исчерпывающее определение понятия «синоним», для выделения синонимов предлагают различные критерии. Одним из обязательных критериев синонимичности слов является обозначение ими одного и того же понятия, ну например: see – look, sight, watch, gaze, stare, glance. Если взять русское слово прекрасный – замечательный, то на английском языке можно подобрать целую серию синонимов, характеризующих данное высказывание: wonderful, brilliant, fantastic, pretty, great, magic, marvelous, fine, nice, terrific and so on.

Другим критерием синонимичности выступает их синонимическая взаимозаменяемость: simple-plain-ordinary-common and so on.

Третья точка зрения сводится к тому, что решающим условием синонимичности признается близость лексических значений слов: близость или тождественность лексических значений; только тождественность лексических значений или близость, но не тождественность лексических значений – steady, firm, hard, solid, strong and so on.

Одним из важнейших условий синонимичности слов является их семантическая близость, а в особых условиях просто их тождественность. В зависимости от сте-

пени семантической близости синонимичность слов может проявляться в большей или меньшей мере. Например, синонимичность слов спешить – *hurry*; торопиться – *hasten*, торопиться – *get a move on*, торопиться (о часах) – *be fast*, на примере слов смеяться – *laugh*; хохотать – *giggle*; заливаться – закатываться – *burst out laughing* данные слова имеют значительные смысловые и стилистические отличия.

В современной лексикологии достигнута четкость в определении хронологических границ синонимии. При установлении синонимических отношений необходимо учитывать синхронность рассматриваемых лексических единиц. Не образуют, например, синонимического ряда слова странник – *a stranger* и турист – *a tourist*: они относятся к разным историческим эпохам. Справедливо критикуется выделение так называемых контекстуальных, или функционально-речевых, синонимов, к которым относят слова, сближаемые по значению только в определенном контексте.

Уточнение понятия синонима ведется и в направлении разграничения синонимов и вариантов слов. В отличие от синонимов, варианты слов полностью совпадают в значениях при некоторой модификации фонетического, орфографического или орфоэпического оформления: полночь – полуночь – *midnight*, индустрия – промышленность – *industry*).

Выделение морфологических вариантов слов возможно в том случае, когда у них разные окончания, например: *god* – *goddess* и разные словообразовательные морфемы, которые, однако, не изменяют лексического значения слова: *twins* – *diovular twins*.

Чтобы глубже исследовать семантику синонимов, их надо рассматривать в контексте. Синонимы, которые могут показаться вне контекста очень близкими семантически, в употреблении иногда значительно расходятся своей лексической сочетаемостью: быстрый взгляд – *a glance*, быстрая походка – *to be in a hurry*, быстрые шаги – *quick steps*, быстрое решение – *snap decision*, быстрое движение – *rapid movement* или скорый поезд – *fast train*, скорая помощь – *ambulance* и т.д.

Многозначные слова редко совпадают во всех значениях, чаще синонимические отношения связывают отдельные значения полисемичных слов. Например, «опустить» в значении «переместить что-либо в более низкое положение» синонимично слову спустить: «*The curtains were dropped in the office*». Но в значении «опустить голову» опустить в английском языке соответствует значению «повесить»: «*I hung my head*»; в значении «положить на что-то»: «*I went to the table and put the plate with fruit on it*». Семантические оттенки, отличающие синонимы имеют такие слова как: упорный – *persistant* – упрямый – *stubborn*, непреклонный – *firm*.

На основе вышеприведенных случаев открытого использования синонимов, мы видим уже стилистически обработанный материал, где слова употреблены в точном соответствии с их значением и эмоционально-экспрессивной окраской, но за каждым словом можно подразумевать синонимический ряд слов-конкурентов, из которых автор выбирал наиболее подходящие. И только изучение рукописей вводит нас в творческую лабораторию писателя, позволяет проследить, как шел отбор лексики.

Различные стилистические функции в речи получают синонимы при открытом их использовании, т.е. при употреблении в тексте нескольких синонимов одновременно.

Синонимы могут выполнять в речи функцию уточнения. Употребление синонимов, дополняющих друг друга, позволяет более полно выразить мысль: «*It seems to me he looked rude and rough*». Один из синонимов в таких случаях может сопровождаться словами, подчеркивающими его значение:

«*She saw the man be impolite and uncorrect*».

Синонимы используются и в функции разъяснения? например: слово «обыденный» в том смысле, в котором оно значит: обыкновенный, тривиальный, привычный – *usual*. При употреблении специальной лексики, иноязычных слов, архаизмов, которые могут быть непонятны читателю, писатели часто поясняют их синонимами и как правило, синонимами поясняются узкоспециальные термины в научно-популярной литературе, например: «*Software – are the programs that tell the hardware how to perform a task; Memory – is the component of the computer in which information is stored*».

На примере произведений Томаса Майна Рида можно проследить, как автор использует синонимический отбор лексики для более точного описания ситуации:

«*Nothing can be clearer. Byron made the world drunk with a divine intoxication. His superb verse was to the soul what wine is to the body; producing a grand and glorious thrill – a very carousal of intellectual enjoyment. «The Child Wife» by Mayne Reid*

— Это очевидно. Байрон опьянил мир своей божественной поэзией. Его превосходные стихи для души были как вино для тела, ибо великолепные глубокие чувства не что иное, как пир для души.

На данном примере можно проследить синонимические изменения в лексике, которое автор использует для более ясного и красочного описания в своем романе:

Возьмем прилагательное *clear*, которое имеет несколько значений – четкий, ясный, безоблачный, яркий, отчетливый, очевидный, прямой, непорочный и подобрать к нему несколько синонимов данного слова: *perspicuous*, *definite*, *intelligible*, *unmistakable*, *transparent*, то мы видим, что автор использовал более простое и понятное слово для выражения очевидности и последовательности следующего действия.

В следующей подборке синонимичных слов прослеживается великолепие авторского пера, так Томас М.Рид использует словосочетание: *superb verse* – хотя эти слова можно заменить синонимичными данным, например: *superb* – великолепный, роскошный, прекрасный; *blagorodnyy*, *velichestvennyy*, *zamechatelnyy*, *otlichnyy* на *excellent* – отличный, отменный, превосходный, прекрасный, или *splendid* – роскошный, пышный, великолепный, все эти слова практически взаимозаменяемы, что позволяет с литературной точки зрения использовать одно из них для выражения восхищения поэзией Байрона. Также слово *verse* – строфа; стих, поэзия словом *poem* – поэма, стихотворение или *rhyme* – рифма, поэзия, но в литературных произведениях авторы практически всегда для описания стихов выдающихся личностей используют слово *verse*.

Следующий пример дает нам основания для более широкого использования синонимических слов: a grand and glorious thrill.

Разберем каждое слово в отдельности и подберем им несколько синонимов: grand - большой, величественный, грандиозный, великий роскошный, парадный, замечательный, loftу - благородный, высокомерный, надменный, горделивый, или magnificent - великолепный, величественный, производящий впечатление, внушительный, или sublime - высочайший, величайший, совершенный, безупречный, безукоризненный; glorious знаменитый, прославленный, выдающийся, славный, блестящий, яркий, сияющий, блистательный и подберем этому прилагательному синонимы: famous, renowned, illustrious, splendid, magnificent, delightful – проведя анализ каждого из приведенных прилагательных, можно с уверенностью сказать, что к слову чувства, скорее всего может подойти только два прилагательных, которые и использовал в своем произведении автор.

Хотелось бы подвести итог данному исследованию и отметить, что стилистическими средствами являются не только языковые единицы, обладающие постоянной стилистической коннотацией, т.е. способностью выражать стилистическую окраску вне контекста, но и элементы языка, которые приобретают ее в конкретных актах речевой деятельности, в определенных синтагматических связях. Таким образом, используя при разговоре, письме или переводе разнообразные синонимы одних и тех же слов, мы можем очень красиво описать то или иное событие, речь становится богаче, цвета насыщенней, краски ярче.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. «Очерки по стилистике английского языка», М., 1958.
2. Гальперин И.Р. «Текст как объект лингвистического исследования», М., 1984.
3. Кузнецов М.Д. и Скребнев Ю.М. «Стилистика английского языка», Л., 1960.
4. Степанова М.Д. «Вопросы компонентного анализа в лексике», ИЯШ, 1966, №5.
5. London - George Routledge & Sons, limited New York: E.P. Dutton & CO, «The Child Wife» by T. Mayne Reid, 1905.
6. <http://www.borisba.com/litlib/index.html>.
7. Longman/ Dictionary of contemporary English. International Students Edition.

Типы лексических синонимов

Учитывая смысловые и стилистические отличия синонимов, их разделяют на несколько групп.

1. Синонимы, различающиеся оттенками в значениях, называются
2. семантическими (от гр. *semantikos* - обозначающий): (молодость – young, youth – юность -, красный - red, багровый – crimson, алый - scarlet).
3. Синонимы, которые имеют одинаковое значение, но отличаются стилистической окраской, называются стилистическими. К ним относятся:
 - a. синонимы, принадлежащие к различным функциональным стилям речи [f.e.: live (межст.) – reside (офиц.-дел.), married (офиц.) - young (разг.)];

- b. синонимы, принадлежащие к одному и тому же функциональному стилю, но имеющие различные эмоциональные и экспрессивные оттенки [f.e.: (разг.) толковый - intelligent(с положительной окраской) - башковитый, головастый blockheaded (с оттенком грубовато-фамильярным); сказанул – to tell; ляпнул – blurt out брякнул - отколол - отмолил – выдал - to get up to a stupid trick]. Внутрестилевая синонимика, особенно развитая в разговорной речи, значительно богаче и ярче, чем межстилевая.
4. Синонимы, которые отличаются и по смыслу, и своей стилистической окраской, называются семантико-стилистическими. Например: When the weather is wet, we must not fret - раздражаться, When the weather is cold, we must not scold - ругаться, When the weather is warm we must not storm, - горячиться, But be thankful together, whatever the weather. Кроме того, приведенные синонимы отличаются и стилистической окраской: раздражаться - стилистически нейтральное слово, горячиться имеет более книжную окраску, ругаться - просторечные, причем последнее грубое.

Стилистические функции синонимов

Важнейшая стилистическая функция синонимов - быть средством наиболее точного выражения мысли. Окружающие явления и предметы, их свойства, качества, действия, состояния познаются нами со всеми их особенностями, понятие называется словом, наиболее подходящим для выражения нужного значения.

Так возникают ряды синонимов, позволяющих с предельной точностью детализировать описание явлений действительности.

Работая над лексикой своих произведений, писатели выбирают из множества близких семантически слов то, которое наиболее верно передает нужный оттенок смысла; работа с синонимами отражает творческую позицию писателя, его отношение к изображаемому. Изучить варианты стилистической правки художественных текстов можно по авторским черновикам и разным редакциям. Интересны синонимические замены Stephen Leacock: «We got Mother to cut up some sandwiches and make up a sort of lunch in case we got hungry»(мы попросили маму приготовить несколько бутербродов и сделать что-то вроде ланча, на тот случай, если мы проголодаемся.);

Важнейшая стилистическая функция синонимов - функция замещения, когда необходимо избежать повторения слов: (John likes to travel. Every summer he goes to different places. Last year this young man went to the Urals. John brought many pictures)

Разнообразить речь помогают и близкие по значению слова, не принадлежащие к синонимам (Lord Biron had the same opinion, Gzakovskiy spoke the same).

Необходимость избегать повторения слов особенно часто возникает при передаче диалога. Для обозначения факта речи употребляются различные глаголы (..I am very happy. – I hope, courteous).

Подбирая новые слова для обозначения близких понятий, писатели не механически заменяют одно слово другим, а учитывают их разнообразные смысловые и экспрессивные оттенки.

Открытое использование синонимов предоставляет художникам слова большие стилистические возможности. В эмоциональной речи нанизывание синонимов служит усилению признака, действия. Сошлемся на примеры из произведений А.П. Чехова: Эта некрасивая, уродливая женщина имеет свою, в высшей степени интересную повесть («Кривое зеркало»); Через двести-триста лет жизнь на Земле будет невообразимо прекрасной, изумительной («Вишневый сад»). Синонимы, выстраиваясь в ряд так, что каждый следующий усиливает предыдущий, создают градацию. Этот прием использует Чехов в рассказе «Темной ночью»: Путеец подсказывает к нему и, подняв вверх кулаки, готов растерзать, уничтожить, раздавить. Для усиления того или иного слова писатель может рядом с ним употребить и фразеологический синоним; у А.П. Чехова, например, интересны такие фразы: Мы либералы, - писал он. - Смейтесь над этим термином! Скальте зубы! («Ревнитель»); Ступай туда, откедова пришел! Вороти оглобли! («Дурак»). Попробуйте исключить из этих реплик синонимы-фразеологизмы! Без них речь становится беднее, теряет живость, динамичность.

Для создания градации можно использовать не только синонимы, но и слова, связанные общностью значений, не доходящей до синонимии. Например: Robert

Stevenson "In the other gardens and all up the vale, From the autumn bonfires, See the smoke trail. Pleasant summer over, And all the summer flowers, the red fires blaze, the grey smoke towers. Sing a song of seasons, Something bright in all, Flowers in the summer, Fires in the fall".

Анализируя разнообразные стилистические функции синонимов, следует помнить, что благодаря устойчивым связям в пределах синонимии, отражающим системные отношения в лексике, каждое слово, имеющее синоним, воспринимается в речи в сопоставлении с другими словами синонимического ряда. Экспрессивно окрашенные слова как бы «проецируются» на их стилистически нейтральные синонимы. Например, Stephen Leacock пишет в своем произведении "How we kept Mother's Day" We were going to get Mother a new hat too, but it turned out that she seemed to really like her old grey bonnet better than a new one. But girls said that it was awfully becoming to her.

Синонимия создает широкие возможности отбора лексических средств, но поиски точного слова стоят автору большого труда. Иногда нелегко определить, чем именно различаются синонимы, какие они выражают смысловые или эмоционально-экспрессивные оттенки. И совсем не просто из множества слов выбрать единственно верное, необходимое.

DEVELOPMENT OF LISTENING SKILLS (BASED ON TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)

*Власенко Наталья Ивановна
Толмачёва Ирина Анатольевна*

Канд. фил. наук, доценты кафедры иностранных языков, ЮЗГУ, г. Курск

Learning of Russian language is becoming more and more popular. A lot of students from different countries such as: Ecuador, Brazil, Peru, Turkey, Myanmar, India, Italy and etc. continue their education in Russia. So they start learning Russian language in their native countries. And these first steps are really important because Russian language is different and difficult for foreign students. It has different system of sounds and letters, different reading and writing.

«The process of teaching Russian language for foreign students involves comprehensive introduction of linguistic material i.e. lexical, grammatical and phonetic material is aggregated in certain complexes that involve real communication. Speaking requires students' skills and abilities in a variety of language skills: listening, speaking, reading and writing» [2, p. 95].

Listening is one of the most important types of activities. Listening (perception and understanding of oral speech) is an active creative process. Listener perceives and understands already formulated thoughts. This is accompanied by a complex mental activity and hard work of memory.

Initially, listening must be developed in close connection with speaking. This helps to establish strong links between articulatory and auditory sensations. Therefore, listening should precede speech and phonetic exercises, singing, imitation. Teaching listening skills begins with the development of phonemic and tonal hearing. Clear pronunciation skills are one of the conditions that facilitates the process of perception.

The most difficult thing for foreign students is the phonetic structure of Russian language. From one hand it is phonetic difference and from the other hand it is morphologic difference.

In Russian language the number of syllables is not always the same as the number of morphemes. The main difficulty for foreign students is distinguishing such sounds as ([б] – [п], [в] – [ф], [д] – [т], [г] – [к], [ц] – [с], [з] – [ш], [ж] – [ч]) and mastering of Russian word stress. Work for overcoming these difficulties should be done during the first year of learning Russian language.

There are different types of exercises for the development of speech and hearing. These include "Listen and repeat the following words (phrases, sentences)". Students are supposed to repeat the proposed material after a single presentation. Exercises based on imitation on the phrase level can be as follows: "Repeat the phrase observing intonation", "Repeat the phrase transforming the narrative tone into the interrogative tone and vice versa". Exercises to distinguish sounds, syllables, words, phrases, semantic units in the proposed isolated or connected material are useful for the development of speech hearing.

«A student is supposed to develop lexical, grammatical and phonetic skills. Student's attention can be concentrated on the content and not be distracted by the form only in the event that these skills are sufficiently automated. One of the types of exercises to develop the skills of probabilistic anticipation at the sentence level is as follows: "Listen to the sentences, finish and write it in your copy-books:"

Я написал письмо, положил его в конверт и пошел...

(I wrote a letter, put it in an envelope and went...)

Я опустил письмо в почтовый ящик. Теперь оно лежит...

(I dropped a letter in the mailbox. Now it is...)

Мой брат хорошо плавает, потому что...

(My brother is a good swimmer, because...)

Моя сестра любит путешествовать, поэтому она...

(My sister loves to travel, so she...)

Работа продолжалась, несмотря на то что...

(I kept working, despite the fact that...)

It is recommended to use the sentences the length of which is not more than 5–7 words when teaching listening at the initial stage. It is possible to increase the length of sentences up to 10–12 words. The same applies to the number of sentences and conceptual pieces of the whole text» [4, p. 89].

«The average rate of speech (about 220–240 syllables per minute) is the most common in the process of verbal communication, with small deviations in either direction which are designated as the rate “above average” or “below average”. It is recommended to start training with a slightly slower rate (by increasing the length and number of pauses) at the initial stage. This rate is approximately 180–220 syllables per minute or 60–70 words per minute. The message volume is measured either by the number of words or sentences, or by speaking time. Simple descriptive or narrative texts consisting of 3–6 sentences, the number of which is then increased to 10–15, are recommended for the initial stage. It is usually recommended to start teaching listening with texts up to 3 minutes long. This amount of text is considered to be optimal as it does not exceed the students’ capability to retain information» [1, p. 35].

The success of listening, on the one hand, depends on the listener himself (his memory, attention, interest, and the level of speech hearing) and, on the other hand, on the conditions of perception (rate of speech, number of presentations, duration, etc.), as well as the complexities of the verbal messages. It is important to consider how the proposed messages match the experience and knowledge of students.

Teaching listening involves not only the development and training of speech mechanisms but also the development of skills to overcome difficulties that complicate reception.

«The largest group of difficulties is those related to the conditions of perception (single presentation of information, understanding the speech of people with different vocal characteristics and manner of pronunciation, the rate of speech used by the speaker, intonation tones and etc.)

The second group is the difficulties associated with the perception of linguistic form.

The third group is the difficulties associated with the perception of the subject matter of the sounding speech, the general idea, the meaning of the text and comprehension of the speaker’s intent» [3, p. 66].

Consistent development of listening comprehension skills involves the use of two exercise groups - language and speech exercises. Language exercises prepare students for listening; speech exercises teach students listening as a speech activity. The exercises should provide for interaction of listening and speaking as the two forms of oral communication.

Auditory text material must be adequate to the speech and life experience and interests of students and any other type of speech activity training. However, there are some specific requirements for audio texts. Total playing time of text at the beginning of training should not exceed 1.5–2 minutes. The time of productive listening should be gradually increased.

«An audio text should have a clear structure. It is usually divided into three parts: introduction, main part and conclusion. At first, it is preferable to use texts consisting of familiar language material. After six to eight weeks students may be offered messages containing unfamiliar vocabulary (first 1.5–3 % of the total number of words). However, these should be words that do not affect the overall understanding of the text. An audio text should have a clear structure. It is usually divided into three parts: introduction, main part and conclusion. At first, it is preferable to use texts consisting of familiar language material. After six to eight weeks students may be offered messages containing unfamiliar vocabulary (first 1.5–3 % of the total number of words). However, these should be words that do not affect the overall understanding of the text» [2, p. 156].

Understanding of verbal messages can be checked in different ways. For example, when students find the required information, they raise their hands or make non-verbal notes in a graphic manner using certain signs; when they are shown pictures that reflect the content of messages, they accept or reject the utterance (“yes” or “no”) depending on whether the pictures match the message content. Here, the teacher can use multiple choice tests which offer the listener a number of statements, out of which the correct one has to be chosen. However, these methods make it possible to check only a general understanding of the message.

«If the goal is to verify the completeness and depth of understanding, students may be offered the following tasks: fill in the blanks in the printed version of audio texts, answer questions, reproduce selected pieces of text (orally or in writing), comment on the recording by expressing their own attitude to it, use the obtained information in a discussion to prove or refute the statement discussed» [4, p. 48].

Checking general understanding does not give a complete picture of how adequately the text is perceived. At the same time, monitoring the completeness, depth and level of development of auditory skills requires the use of speaking, reading and writing in one way or another.

«This is further evidence of the close interconnection of speech activities, which proves that an integrated and balanced development of all speech skills is needed in the learning process. Game activities can be used at all learning levels (from beginner to advanced). As mentioned above, listening exercises should be included in the earliest lessons with foreign students. We propose some examples of games that can be used by teachers in the development of students’ listening skills at the beginner and intermediate levels. Game tasks usually bring variety into the learning process and increase its attractiveness to students. Besides the function of entertainment, games also promote effective acquisition of vocabulary, phonetics and grammar of the Russian language. Here are some examples:

Right or wrong

Implemented material.

Words and structures that are used must be familiar to students. The game can be adapted to any level.

Preparation for the game.

Make a list of suitable sentences. Put 2 chairs by the blackboard so that there is enough room and students can run up to the chairs. Write the word “true” over one of the chairs and “false” over the other.

Description of the game.

Divide the class into two teams and assign numbers to the players. Then pronounce a sentence, such as « Санкт-

Петербург – это столица России» (St. Petersburg is the capital of Russia). After a pause name a number: «Five». Player number five from each team has to run out and sit down on the “true” or “false” chair (in this case, the “false” one). If he chooses the right chair, he gets a point for his team.

Comment.

Fragments of the studied texts can be used in the game. The teacher prepares several texts (sentences) that are right or wrong in relation to the text that the students know. This can be an easy way to check homework.

Games which involve movement are usually very popular. But if the teacher thinks that the students make a lot of noise and bustle, they can remain in their places and shout “true” or “false”. They can also mark their answers on the answer sheet individually or in groups.

Yes or no?

Implemented material.

This game can be used at any level of understanding. Model questions and the words used must be known to the class.

Preparation for the game.

Prepare a list of suitable questions in order of increasing difficulty. There must be three times as many questions as the students. The same questions can be used more than once.

Description of the game.

All students have a number of “lives”. Give them, say, 4 lives each and let each have 4 books on the table representing those lives. The teacher asks questions that require a “yes” or “no” as the answer. Questions should be addressed to the whole class. The teacher asks questions quickly allowing very little time for students to think. If the student answers incorrectly, he “loses a life” and removes a book from the table. Since the players have several lives, they do not leave the game too quickly and thus keep interest in the game. Examples of questions depending on the level of language proficiency:

Basic

Это кошка?

Is this a cat? (demonstration of a picture)

Вы говорите по-английски?

Do you speak English?

В комнате три лампы?

Are there three lamps in the room?

Elementary

В классе 26 студентов?

Are there 26 students in this class?

Ты ходишь в университет 7 дней в неделю?

Do you go to the university 7 days a week?

Есть ли львы в Индии?

Are there lions in India?

Intermediate

Наполеон жил в 17 веке?

Did Napoleon live in the 17th century?

В Санкт-Петербурге население более пяти миллионов?

Does St. Petersburg have over five million people?

Владимир Путин – это президент России?

Is Vladimir Putin the President of Russia?

Comments. Students have to answer “yes” or “no” when the game is played for the first time. Thus the game checks their general understanding. Later they can answer in short sentences: “Yes, I can”, “No, I cannot” or with auxiliary verbs in any tense etc.

Alternative. If the teacher wants to test all students in the class by the same questions, the students can write “yes” or “no” on pieces of paper to answer. Questions must be numbered in this case» [4, p. 100].

These and other types of game tasks aimed at development of listening skills are useful and allow presenting difficult material in a form attractive to the students. If a wide variety of games is used, foreign language classes will become more significant for the students, since language will be studied not on its own but as a means of knowing the self and the world and as a means of communication.

Список литературы

1. Баев, М.П. Играем на уроках русского языка: пособие для преподавателей зарубеж. школ / М.П. Баев. – М.: Рус. яз., 1989. – 87 с.
2. Волина, В.В. Учимся играя / В.В. Волина. – М.: Новая школа, 1994. – 448 с.
3. Рыжак, Н.А. 200 обучающих игр на занятиях иностранным языком: пособие для преподавателей / Н.А. Рыжак. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 158 с.
4. Chamberlin, A. Play and Practice: graded games for English language teaching) / Anthony Chamberlin, Kurt Stenberg. – Illinois: National Textbook Company, 1979. – 115 p.

ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ ТЕРМИНОВ В МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Вольфберг Даниил Маркович

Канд. фил. наук, доцент Санкт-Петербургский, государственный университет, г. Санкт-Петербург

Об актуальности этого вопроса свидетельствует конференция 1982 года, посвящённая вариативности языковых значений. В.М. Лейчик указывает, что “вариативность является всеобщим свойством множеств однородных объектов, заключающимся в том, что объекты, входящие в множества, отличаются друг от друга отдельными признаками или функциями при сохранении тождества сущности (существование признаков инварианта данных объектов)” [7, с. 140].

Вопрос о форме представления термина в научной литературе получил неодинаковое освещение. Наряду с лексико-семантическим и грамматическим варьирова-

нием отмечается фонетическое варьирование [1], орфографическое варьирование [6, с.102], словообразовательное варьирование [10]. Применительно к английскому языку указывается на мотивированное варьирование языковых средств [4, с.16]. Изучение английских медико-биологической терминологии показывает, что в ней широко представлены все виды варьирования.

Грамматическое варьирование представлено в двух видах: морфологическом и синтаксическом. Морфологическое варьирование характеризуется варьированием аффиксов: -ing -ion (vaccinating –vaccination), -ing-ant (fulminating-fulminant), -ive -ious (infective- infectious), -al -ic (pleural –pleuritic), -ity -ness (infectivity – infectiousness).

Широко представлено варьирование английских и греко-латинских аффиксов (*hypoxemia* - *hypoxia*, *neonatal* - *neonatorum*; *hyperinflation* - *overinflation*).

Для английской медико-биологической терминологии характерно наличие значительного числа терминов греко-латинского происхождения. Многие иноязычные слова подвергаются процессу ассимиляции в соответствии с нормами английского языка. Нередко наблюдаются случаи параллельного употребления терминов с окончаниями, присущими неассимилированным словам и вариантов этих терминов с окончаниями, образованным по нормам словоизменения английского языка, например: *bacillas* - *bacilli*, *focuses* - *foci*, *serums* - *sera*. В некоторых случаях слова латинского происхождения с формой множественного числа употребляются по нормам английской грамматики в единственном числе. Например, слово *data* данные с точки зрения латинского языка является существительным множественного числа (форма единственного числа *datum*). В английских текстах оно употреблялось в единственном числе: ...there was adequate data on the timing.

Синтаксическое варьирование терминов представлено в английских медико-биологических текстах тремя группами синонимических соответствий: "слово - словосочетание" (*vaccinee* - *vaccinated person*), "словосочетание - словосочетание" (*virus vaccine* - *viral*), "полная форма термина - краткая форма термина" (*red blood cells* - *red cells*). Последний тип синонимического соответствия получил широкое распространение в современных терминологиях [3, с. 56]. Отдельную группу составляет синонимическое соответствие "словосочетание- словосочетание" с практически идентичным лексическим наполнением, но с различным позиционным оформлением: *rubella attenuated virus vaccine* - *attenuated rubella virus vaccine*.

В английских медико-биологических текстах можно выделить краткие варианты терминов, усеченные формы и аббревиатуры. Из языковых способов образования кратких форм термина отмечается лексическое сокращение, сокращение путём словосложения и сокращение средствами символики.

Лексическое сокращение осуществляется двумя главными способами: 1 путём опущения слова в словосочетании (*white blood cells* - *white cells*) 2 путём замены словосочетания одним из его компонентов (*examined patient* - *examinee*). Отмечается также субстантивация прилагательных и причастий, играющая важную роль в образовании кратких терминов (*the sick person* - *the sick*). Сокращение путём словосложения широко представлено в медико-биологических текстах (*serological diagnosis* - *serodiagnosis*). Сокращения средствами символики также были отмечены в исследуемых текстах. Однако этот тип сокращений представлен в английской медико-биологической терминологии единичными случаями, например: *A* - *angstrom* (ангстрем - единица длины волны электромагнитного излучения; *C* - *degree* градус).

Значительное место в английской медико-биологической терминологии занимает аббревиатура. По мнению А.С. Герда, "наряду с полными, пусть даже общепринятыми формами терминов вполне допустимы и их сокращённые, сжатые варианты" [2, с. 188]. По оценкам специалистов, в английском языке сокращения насчитывают до 15-16 тысяч единиц лексического состава [8, с. 67]. Результаты проведённого исследования показывают, что слова подвергаются сокращению в основном до одной, двух и трёх букв. Значительно меньше зафиксировано сокращений до четырёх и пяти букв. Исследование показало,

что большинство аббревиатур, которые встречаются в английской медико-биологической литературе, относятся к акронимам, то есть инициальным сокращениям, например: *WVW* - *Whole virus vaccine*. Аналогичные данные получены в ряде других исследований по медицинской терминологии [5, 9].

Усечённые формы отмечались в незначительном количестве, например: *flu* - *influenza*. Одной из особенностей аббревиатур в английской медико-биологической терминологии является то, что в некоторых случаях сокращению подвергается сама аббревиатура. Так, например, наряду с сокращением *ELISA* (*Enzyme-linked immunosorbent assay*) существует сокращение *E* со значением "иммуноферментный твёрдофазный анализ". Сокращение *ELISA* не только является графической аббревиатурой, но и выступает как самостоятельное слово, имеющее соответствующее фонетическое оформление. Как показывает изучение медико-биологических материалов, сокращения, имеющие фонетическое оформление, получают большое распространение. Ср. *ECHO virus* - *enteric cytopathic human orphan virus*; *WHO* - *World Health Organisation*.

В целом отмечается тенденция варьирования терминов данной отрасли, которая проявляется в форме лексического и синтаксического варьирования. Данный языковой процесс носит объективный характер и его необходимо учитывать при решении вопроса об упорядочении и стандартизации специальной лексики.

Список литературы

1. Вельштейн А.В. Современная английская биологическая терминология. Особенности строения и семантики: Автореф. дис. ...канд. филол. наук - М. 1970. - 22 с.
2. Герд А.С. Прикладная лингвистика. СПб.: С-Петербургский университет, 2005. - 266 с.
3. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах - М.: Высшая школа. - 1987 - 103с.
4. Дорош Г.Л. Структурно-семантическая организация многокомпонентных терминологических образований в современном английском языке (на материале текстов по молекулярной физике): Автореф. дис. ...канд. филол. наук - Киев, 1987. - 22 с.
5. Еремкина Г.Г. Место инициальных аббревиатур в системе французской медицинской терминологии // Проблемы упорядочения медицинской терминологии. // Проблемы упорядочения медицинской терминологии. - М., 1989. - С.94-95
6. Забинкова Н.Н. О некоторых орфографических вариантах в медицинской терминологии (по материалам ЭСМГ) // Проблемы упорядочения медицинской терминологии. - М., 1989 - С. 102-104.
7. Лейчик В.М. Лексическая вариантность и её разрешение в системе, норме и речи // Вариантность как свойство языковой системы: (Тезисы докладов) М.: Наука, 1982. Ч. I. - С.140-142
8. Сапогова Л.И. Переводческое преобразование текста. М., 2013 - 316с.
9. Стукалова Т.В. Аббревиатура как средство образования медицинской терминологии // Проблемы упорядочения медицинской терминологии. М., 1989. - С. 267-269
10. Фигон Э.Б. Системная организация терминологии как лексического пласта (на материале терминов самолётостроения современного английского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук - М., 1974 - 33 с.

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ ПРОТИВОТУБЕРКУЛЕЗНЫХ ПРЕПАРАТОВ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ И САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА СЧЕТ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Гребенёв Егор Вадимович

Аспирант кафедры фармакологии и клинической фармакологии

Мешалкина Светлана Юрьевна

Кандидат фармацевтических наук, доцент кафедры организации и экономики фармации

Слободенюк Елена Владимировна

Доктор биологических наук, профессор кафедры фармакологии и клинической фармакологии,

ГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Минздрава России, г. Хабаровск.

Туберкулез – широко распространенное в мире инфекционное заболевание, воспринимаемое на международном уровне как комплексная, социально-экономическая, медицинская и биологическая проблема.

По данным ВОЗ, Россия занимает 11 место в списке, состоящем из 22 стран с наиболее высоким уровнем заболеваемости туберкулезом. Средний уровень заболеваемости туберкулезом (ТБ) по стране в 2013 году составил 63 на 100000 населения, из 8 федеральных округов РФ самые высокие показатели по заболеваемости (первичной), рецидивам, распространенности, инвалидизации и смертности отмечены в Дальневосточном федеральном округе.

Основными принципами противотуберкулезной деятельности в России являются: государственная политика признания борьбы с туберкулезом важным направлением в обеспечении безопасности общества; приоритетное значение противотуберкулезных мероприятий в федеральных и региональных программах здравоохранения; разработка государственной системы мониторинга туберкулеза; совершенствование системы выявления первичного инфицирования и заболевания туберкулезом; эффективное лечение больных туберкулезом; государственное снабжение учреждений здравоохранения лекарственными средствами, вакцинами, туберкулином и медицинской техникой.

Одним из основных направлений государственной политики в области здравоохранения является лекарственное обеспечение определенных групп населения, предусмотренных в соответствии с законодательством России и субъектов РФ.

В современной структуре экономики система льготного обеспечения населения лекарственными препаратами осуществляется через процедуру государственных закупок (ГЗ), которая необходима для оптимального управления средствами, выделяемыми в фармацевтический сектор.

Целью исследования явился анализ рынка ГЗ противотуберкулезных препаратов в период с 2012 по 2013 гг., осуществляемых за счет средств регионального бюджета.

В процессе исследования использованы статистические данные проведенных аукционов в форме котировок и электронных торгов.

За 2012 – 2013 годы на сайте ГЗ в Хабаровском крае и Сахалинской области было объявлено 64 тендера на общую сумму 123 853 924,95 руб. на поставку лекарственных препаратов для лечения больных туберкулезом. Из

этого количества в Хабаровском крае в 2012 году было проведено 17 аукционов на сумму 9 896 837,77 руб., в 2013 году – уже 35 аукционов на сумму 27 774 277,94 руб.

В Сахалинской области за тот же период было проведено в 2012 году 5 аукционов на сумму 80 262 760,00 руб., в 2013 году – 8 аукционов на сумму 5 920 049,24 руб. При том, что число проведенных конкурсов в Сахалинской области в 2,5 раза меньше чем в Хабаровском крае за анализируемый период, начальная сумма аукционов была в 2,2 раза выше.

Следует отметить, что в Хабаровском крае в 2013 году по отношению к 2012 году наблюдается существенный рост количества проведенных аукционов на поставку противотуберкулезных препаратов (в 2,8 раза), соответственно почти в 3 раза выросла и начальная сумма всех аукционов.

В Сахалинской области наблюдается тенденция, при которой количество аукционов увеличилось, а сумма средств сократилась в 13 раз.

Отдельное внимание в анализе было уделено экономии бюджетных средств в регионах. Хабаровский край за двух летний период на процедуре покупки противотуберкулезных препаратов сэкономил 12 955 882,58 руб., что составляет 34,39 %. В Сахалинской области данный показатель составил 2 265 599,12 руб., или 2,7 % (рисунки 1 и 2).

За исследуемый период в Хабаровском крае были использованы следующие формы проведения ГЗ: открытый аукцион в электронной форме и запрос котировок. В Сахалинской области за этот период проводились только открытые аукционы в электронной форме. Из всех конкурсных процедур по закупке противотуберкулезных препаратов в Хабаровском крае запрос котировок составляет 50%, что свидетельствует о том, что из общего числа проведенных аукционов половина проводится на сумму меньше 500 000,00 рублей.

На рынке ГЗ противотуберкулезных препаратов в Хабаровском крае участвовало 27 компаний различной формы собственности, в среднем на один аукцион было подано около 3-х заявок.

За аналогичный период в Сахалинской области число участников составляло 11 компаний, а на один аукцион в среднем приходилось две заявки. Лидирующие позиции в данном сегмента ГЗ заняли компании: ООО «Медикал лизинг-консалтинг» с ГК на сумму 68 614 073,02 руб. и ООО «Виренд Интернейшнл» с ГК на сумму 14 882 301,03 руб. (рисунки 3, 4).

В ходе конкурсных процедур, проводимых регионами на поставку противотуберкулезных препаратов, было закуплено 31 наименование действующих веществ. Количество разновидностей форм выпуска составило 64 наименования. В общей сложности, в течение двухлетнего периода, было закуплено 333 921 упаковка лекарственных препаратов. Из общего числа закупленных препаратов на

Хабаровский край приходится 16 видов действующих веществ (51%), 27 видов различных форм выпуска (42%) и 201 339 упаковок (51%). В Сахалинской области количество разновидностей действующих веществ составило 27 (87%), 45 форм выпуска (70%), а количество упаковок составило 132 522 (39%).

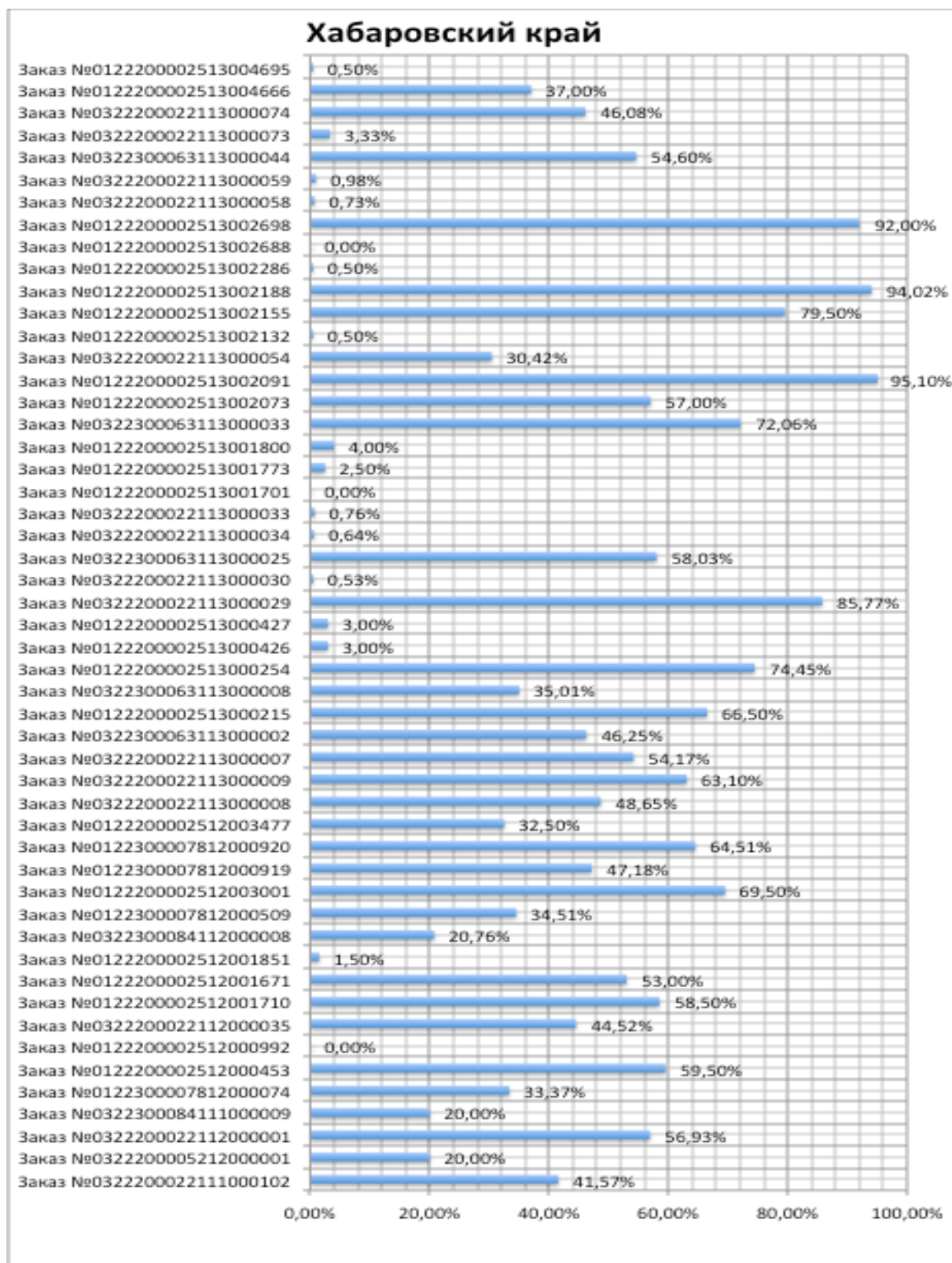

Рис.1. Процент экономии бюджетных средств в Хабаровском крае за 2012-2013 годы (в разрезе заказов)

Рис.2. Процент экономии бюджетных средств в Сахалинской области за 2012-2013 годы (в разрезе заказов)

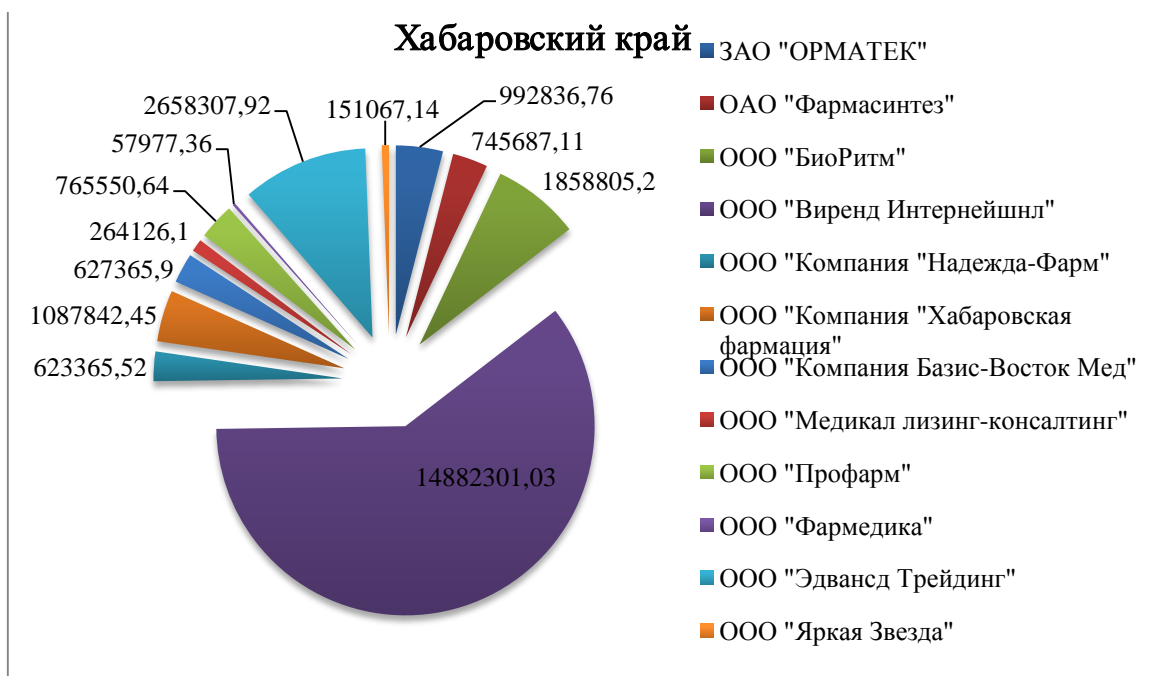

Рис.3. Анализ фармацевтических компаний – участников государственных закупок в Хабаровском крае за 2012-2013 годы

Рис.4. Анализ фармацевтических компаний – участников государственных закупок в Сахалинской области за 2012-2013 годы

Анализ данных мониторинга Министерства здравоохранения Российской Федерации «Ситуация по туберкулезу в Дальневосточном федеральном округе в 2013 году», выявил, что показатель заболеваемости туберкулезом в Сахалинской области в 2012 году находился на уровне 79,5 на 100 тыс. населения, в 2013 году несколько снизился до 79,2 на 100 тыс. населения. Аналогична ситуация и в Хабаровском крае: уровень заболеваемости в 2012 году составил 120,3 на 100 тыс. населения, а в 2013 году 119,2 на 100 тыс. населения.

На следующем этапе исследования, была рассчитана средняя стоимость одной упаковки препарата по системе ГЗ, которая в Хабаровском крае составила 122,75 руб., а в Сахалинской области данная цифра была на уровне 633,23 руб., разница почти в 3 раза объясняется сложной системой логистики, высокой отдаленностью ряда территорий Сахалинской области, и, соответственно, увеличением издержек по доставке, упаковке, хранению лекарственных препаратов.

Используя нормативный метод и данные Федеральной службы государственной статистики за 2012-2013 годы, был произведен расчёт средней суммы средств, потраченных на одного больного туберкулезом в Сахалинской области, показатель составил - 220 981,56 рублей. В Хабаровском крае сумма меньше практически в 9 раз и составляет 23 456,92 руб.

Таким образом, система финансирования и обеспечения медицинских организаций ПТП двух регионов России имеет ряд различий. Сумма средств, выделяемая регионами сильно варьируется. Так непонятны причины резкого снижения (в 13,5 раз) финансирования Сахалинской области в 2013 году. В Хабаровском крае наоборот наблюдается увеличение практически в 3 раза. Лечение больных ТБ регионам, так же обходится в средства которые отличаются практически в 9 раз. Исследование показало, что ассортимент закупаемых ПТП регионами существенно отличается. Сама система ГЗ в Хабаровском крае и Сахалинской области за 2012-2013 годы уже показала первые положительные результаты, экономия бюджетных средств в исследуемых регионах составляет от 2,7 % до 34,39 %. Однако, основные эпидемиологические показатели по ТБ в Сахалинской области и Хабаровском крае находятся на стабильно высоком уровне, но имеют характерную тенденцию к снижению.

Для органов управления здравоохранения регионов необходимо тщательно проанализировать все показатели с применением методов фармакоэкономики, что позволит выявить причины различия финансирования, величины затрат на одного больного, ассортимента ПТП. В конечном итоге это позволит регионам скорректировать заявки на следующие периоды.

ИЗУЧЕНИЕ АНАТОМИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ КОРНЯ СОЛОДКИ ЩЕТИНИСТОЙ

Яницкая Алла Владимировна

Заведующий кафедрой фармакогнозии и ботаники, доцент, к.б.н. Волгоградского государственного медицинского университета

Недилько Ольга Викторовна

ассистент кафедры фармакогнозии и ботаники Волгоградского государственного медицинского университета

Пилюкова Юлия Вячеславовна, Штанг Ксения Андреевна

студенты фармацевтического факультета Волгоградского государственного медицинского университета

На территории Волгоградской области широко распространена солодка щетинистая (*Glycyrrhiza echinata* L.), корни которой наравне с сырьем солодки голой использовались в медицине под названием «Русский солодковый корень» и были включены в первые три издания отечественной Фармакопеи [3, с. 137, 4 с. 74]. Доказано, что экстракт корней солодки щетинистой в эксперименте проявляет противоопухолевую и антифунгиальную активность. Сумма сапонинов (эхинатова и мацедониновая кислоты) оказывают противовоспалительное действие подобно глюкокортикоидам [1, с. 32]. Большое количество научных источников приводят данные об антибактериальной активности фракции фенольных соединений, выделенных из надземной части данного вида солодки [3, с. 137].

Несмотря на различие химического состава надземной и подземной частей солодки голой и солодки щетинистой, актуальным и перспективным является фармакогностическое изучение последней, как источника нового вида лекарственного растительного сырья и биологически активных веществ с действием, близким по фармакологическим эффектам к официальным представителям рода.

Целью работы являлось изучение и описание основных анатомо-диагностических признаков корня солодки щетинистой, позволяющих идентифицировать данный вид растительного сырья.

Для анализа использовали корни солодки щетинистой, заготовленные от дикорастущих популяций в Сред-

нехтубинском районе Волгоградской области в окрестности х. Клетский на заливном лугу вдоль берега реки Волги в сентябре 2014 года.

Анализ исследуемых образцов сырья проводили в соответствии с требованиями фармакопейной статьи «Методы анализа лекарственного растительного сырья» ГФ XI [2, с. 252]. При приготовлении временных микропрепаратов руководствовались статьей «Техника микроскопического и микрохимического исследования лекарственного растительного сырья» ГФ XI [2, с. 277]. Готовили тонкие поперечные срезы предварительно размоченных в течение нескольких суток в смеси 95% спирта этилового, глицерина и воды (1:1:1) корней солодки щетинистой. Срезы окрашивали раствором флороглюцина и концентрированной соляной кислотой и помещали на предметное стекло в каплю раствора хлоралгидрата [2, с. 282].

Микроскопические исследования проводили с помощью микроскопа Levenhuk 870T при увеличении $\times 4$, $\times 10$, $\times 40$. Фотографии выполнены цифровой камерой Levenhuk C510.

При изучении анатомического строения корня солодки щетинистой на поперечном срезе видна многослойная, состоящая из таблитчатого расположенных клеток, сильно шелушащаяся, темно-бурая пробка (Рис. 1).

Клетки коровой паренхимы крупные, округлые, содержат зерна крахмала (Рис. 2). В паренхиме также видны вкрапления твердого луба.

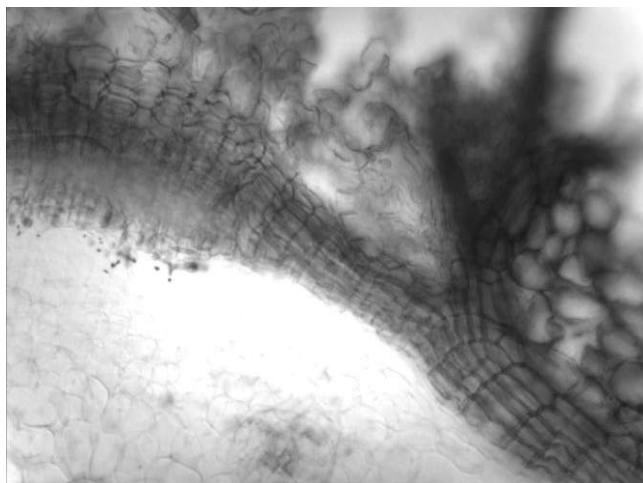

Рисунок 1. Пробка корня (Ув.×10)

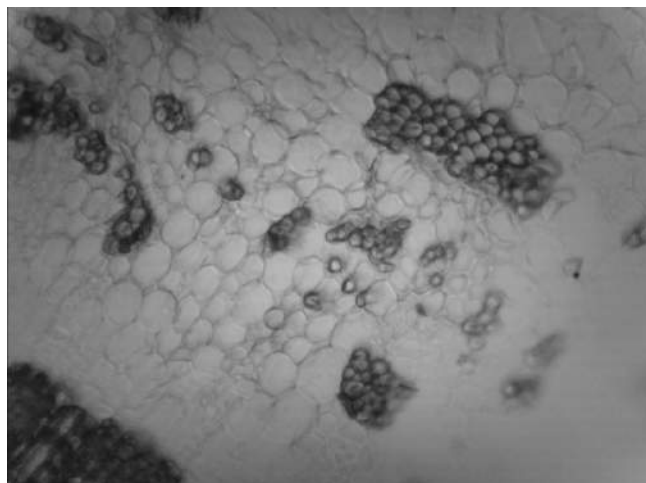

Рисунок 2. Строение коры корня (Ув.×10)

Корень имеет вторичное непучковое строение (Рис. 3). Линия камбия выражена неясно. В ксилеме мало древесной паренхимы и большое количество механических элементов (склеренхимных волокон). Сердцевинные лучи

узкие (в отличие от солодки голой) состоят из одного или двух рядов паренхимных, тонкостенных клеток округлой или удлиненной в радиальном направлении формы.

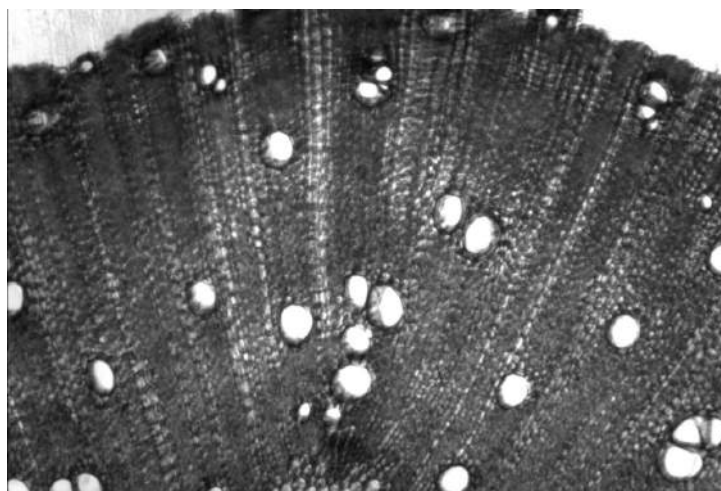

Рисунок 3. Непучковое строение корня солодки щетинистой (Ув.×4)

Таким образом, в результате проведенного микроскопического анализа исследуемого сырья солодки щетинистой, выявлены следующие анатомо-диагностические признаки, позволяющие установить подлинность сырья: многослойная, шелушащаяся, бурая перидерма, вкрапления твердого луба в коре, отсутствие широких сердцевинных лучей, в ксилеме мало древесной паренхимы и больше склеренхимных волокон.

Список литературы

1. Аммосов А.С., Литвиненко В. И. Тритерпеноиды растений родов *Glycyrrhiza* L. и *Meristotropis* Fisch.

et Meу (обзор) // Лекарственные растения – 2003, 31-32 стр.

2. Государственная Фармакопея СССР, вып. 1. Общие методы анализа // МЗ СССР. 11-е изд., доп. М.: Медицина-1989, 399 стр.
3. Растительные ресурсы СССР: Цветковые растения, их химический состав, использование; Семейства Hydrangeaceae – Haloragaceae. – Л.: Наука, 1987. – 326 с.
4. Солодка: биоразнообразие, химия, применение в медицине/ Толстиков Г.А. [и др.]. – Новосибирск: Академическое издательство «ГЕО», 2006. – 311 с.

ГЕОЛОГО-МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГИС ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА КОСМОСНИМКОВ ПРИ РЕШЕНИИ ГИДРОГЕОЛОГО-МЕЛИОРАТИВНЫХ ЗАДАЧ

Ильясова Сабира Кайржановна,

Студентка 4 курса специальность: «Экология», Казахского Агротехнического университета имени С.Сейфуллина, г. Астана

Шакибаев Илан Исатаевич

Доктор технических наук, Руководитель РГУ Зональный гидрогеолого-мелиоративный центр Комитета по водным, ресурсам Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан.

Имашева Багдат Сакеновна.

Доктор биологических наук, профессор кафедры Экологии Казахского Агротехнического университета имени С.Сейфуллина, г. Астана

Ключевые слова: Географические информационные системы, системы обработки изображений, цифровые модели рельефа.

Актуальность темы. Орошаемое земледелие является основой сельскохозяйственного производства республики, которая обеспечивает агропродовольственную безопасность страны. Испытываемый уже в настоящее время дефицит водных ресурсов в отдельных водных бассейнах южных областей, неудовлетворительное техническое состояние оросительных систем, слабая техническая вооруженность влияют на эффективность и отдачу орошаемых земель.

Научная новизна. Рациональное и бережное природопользование, которое является основой рыночной экономики, использование всех научных разработок, внедрение ГИС технологий и практических достижений в этой отрасли должны быть направлены на прогнозирование и выбор наилучших вариантов использования природных ресурсов, охрану окружающей среды и, в конечном счете, на сохранение здоровой экологической среды и, в последующем на жизнедеятельность людей.

Цель работы. Исследовать почвенно-гидрогеолого-мелиоративную обстановку орошаемых земель Алматинской области, с внедрением ГИС технологий.

В настоящее время в ГИС, наиболее важным считается дистанционное зондирование. Благодаря использованию космических спутников, возможно получение данных по всему миру с задержкой от нескольких недель до нескольких часов. Еще более важно и то, что теперь имеется доступ к космическим снимкам в цифровой форме, что позволяет почти сразу же использовать результаты дистанционного зондирования при решении прикладных задач в любой отрасли с использованием ГИС технологий.

Дистанционное зондирование можно представить, как процесс, посредством которого собирается информация об объекте, территории или явлении без непосредственного контакта с ним. При этом глаза являются прекрасным примером устройства дистанционного зондирования. При этом способны получать информацию об окружающей среде путем измерения количества и определения характера отражения энергии видимого света от какого-либо внешнего источника. Развитие цифровых методов для усиления визуальных характеристик изображений и компьютерного дешифрования космических снимков происходит независимо от развития ГИС и даже, в некоторой степени, опережая их. Растровая структура данных,

а также многие методики, используемые в системах обработки изображений (СОИ), аналогичны структуре и методикам, используемым в растровых ГИС. В результате программные пакеты СОИ стали рассматриваться как один из инструментов ГИС, а ГИС - как фундаментальное продолжение СОИ. Многие современные программные пакеты, такие как: IDRISI, ArcGIS, ERDAS т.п. представляют собой комбинацию усовершенствованных ГИС и СОИ.

Современные ГИС позволяют в значительной степени освободить исследователя от нудной рутинной работы. Использование разнообразных инструментов ГИС значительно сокращает время создания карт, позволяет исследовать большие территории, что ранее было невозможно из-за большого объема ручных построений [1].

Рассмотрим вкратце процесс обработки растрового файла цифровой модели рельефа (ЦМР) с применением ряда специальных функций гидрологического моделирования. В ArcGIS имеется более 20 функций, предназначенных для построения корректных топографических поверхностей и гидрологического моделирования с учетом различных особенностей изучаемой территории. В нашем случае, на основе входного раstra рельефа местности (Сайранский массив орошения, рисунок 1), используя соответствующие функции гидрологического моделирования в определенной последовательности, построен ряд тематических карт, из которых итоговыми можно считать карты: сеть всех основных водных потоков (без выделения постоянных и временных потоков) и их порядков; точек слияния в сети водных потоков; основных водоразделов. Для отображения высот используются различные цветовые схемы (палитры, диапазоны). Они могут быть как непрерывными, так и прерывистыми. Например, для отображения рельефа можно указать имеющуюся цветовую гамму и задать количество интервалов и принцип разбиения на интервалы, затем система сама разобьет высоты (от минимума до максимума) на основе этого принципа и окрасит полученные интервалы высот в соответствующие цвета выбранной цветовой гаммы [2].

Для построения карты водных потоков входной растр рельефа (рисунок 1а) последовательно обрабатывается (например, для территории Сайранского массива) следующими гидрологическими функциями: Flow Direction, Flow Accumulation Stream Order. Flow Direction (рисунок 1б) для каждой ячейки входного раstra определяет

уклон поверхности (или направление потока), Flow Accumulation (рисунок 2 а) для каждой ячейки входного растра вычисляет кумулятивный (совокупный) поток на

основе уклона поверхности (направления потоков). В результате получается растровая модель водных потоков. Функция Stream Order (рисунок 2 б) определяет порядок водных потоков в растровой модели.

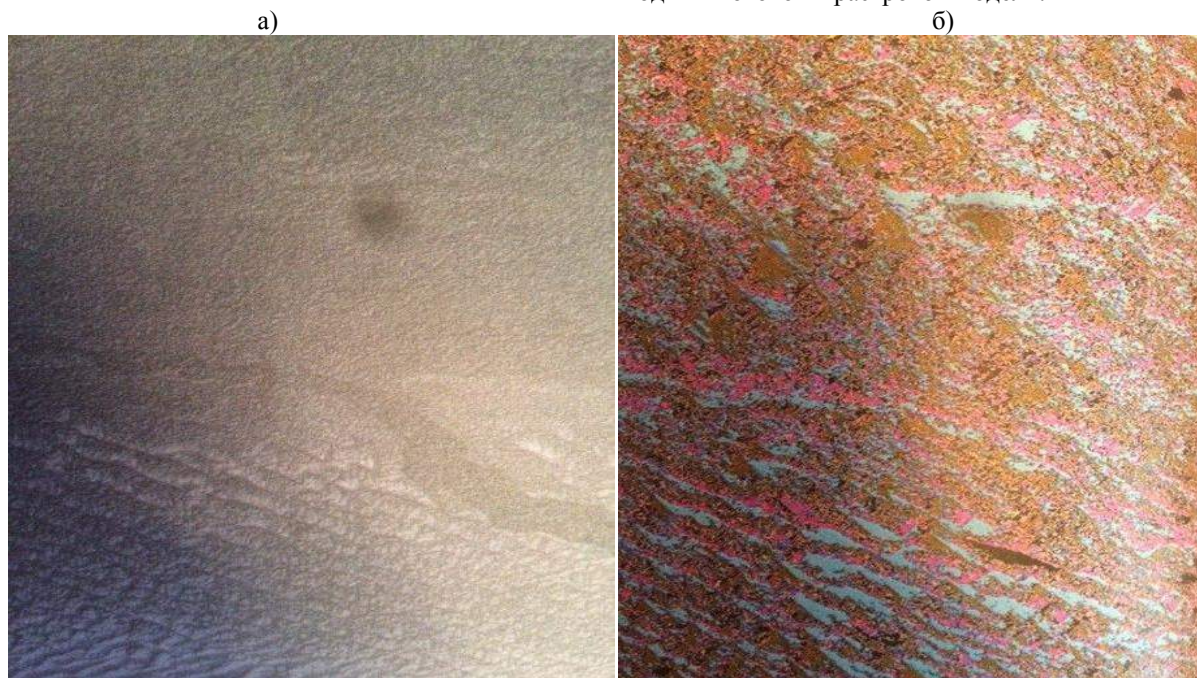

Рисунок 1. Обработка растрового файла рельефа местности (а) территории Сайранского массива орошения с использованием функций FlowDirection (б)

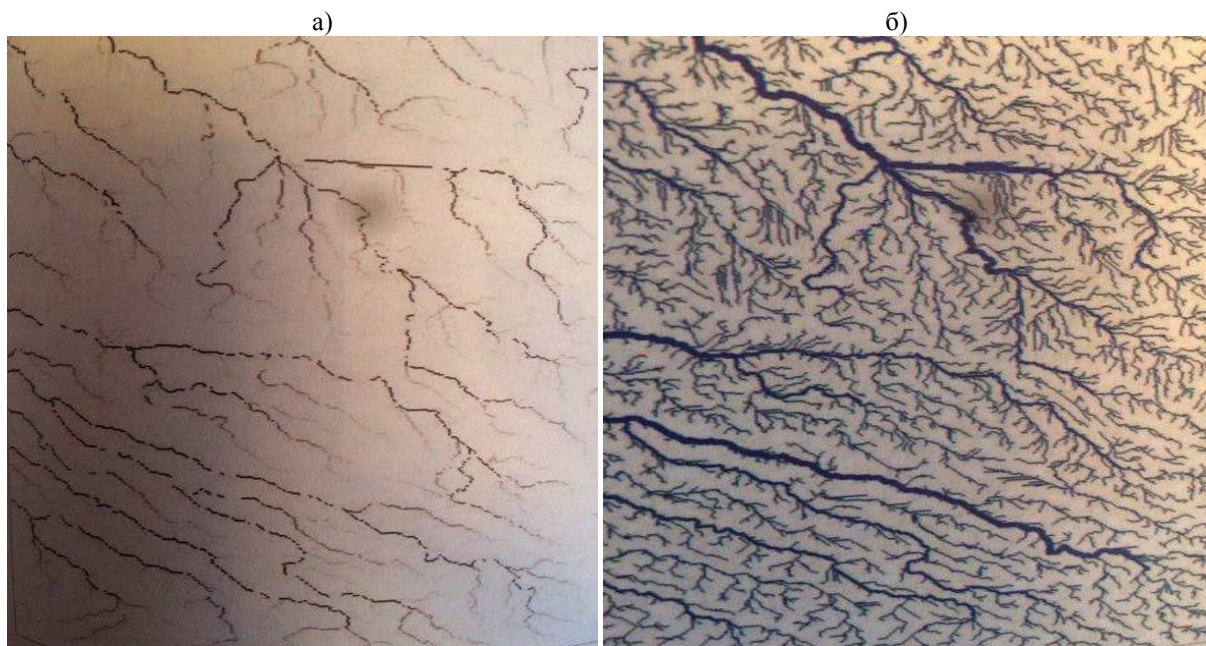

Рисунок 2. Обработка растрового файла рельефа местности территории Сайранского массива орошения с использованием функций Flow Accumulation (а) и Stream Order (б)

Рассмотрим еще один пример обработки растровых космоснимков Каратальского рисового массива. Здесь ЦМР охватывает территорию массива орошения в виде прямоугольника. Опуская предыдущие стадии обработки, приведем вычисленную геометрическую дренажную сеть на основе ранее определенных дренажных водных потоков, дренажных точек и дренажных областей (рисунок 3а). Как видно из рисунка, на массиве имеются две основные большие дренажные системы и 8 небольших. Разноцветные полигоны обозначают соответствующие дренажные области для каждой дренажной сети. Синие линии отобра-

ражают водные потоки. Красные точки обозначают выходные дренажные точки, т.е. точки дренажных сбросов - Outlet, для соответствующей дренажной системы. Желтые точки обозначают точки слияния водных потоков. Небольшие голубые точки обозначают входные дренажные точки - Inlet.

Вычисленная нами система геометрической дренажной сети для Каратальского рисового массива с указанием направления течения водных потоков представлена на рисунке 3б. Дополнительно вычисленные условные схемы прокладки основных дренажных сетей для Каратальского массива (красные линии) показаны на рисунке

4. Здесь же отмечены связи между точками сброса, точками слияния водных потоков и соответствующими дренажными (водоотводными) областями. Зелеными точками

обозначены центры каждой дренажной области, а черные тонкие линии отображают соединения с соответствующими точками в сети.

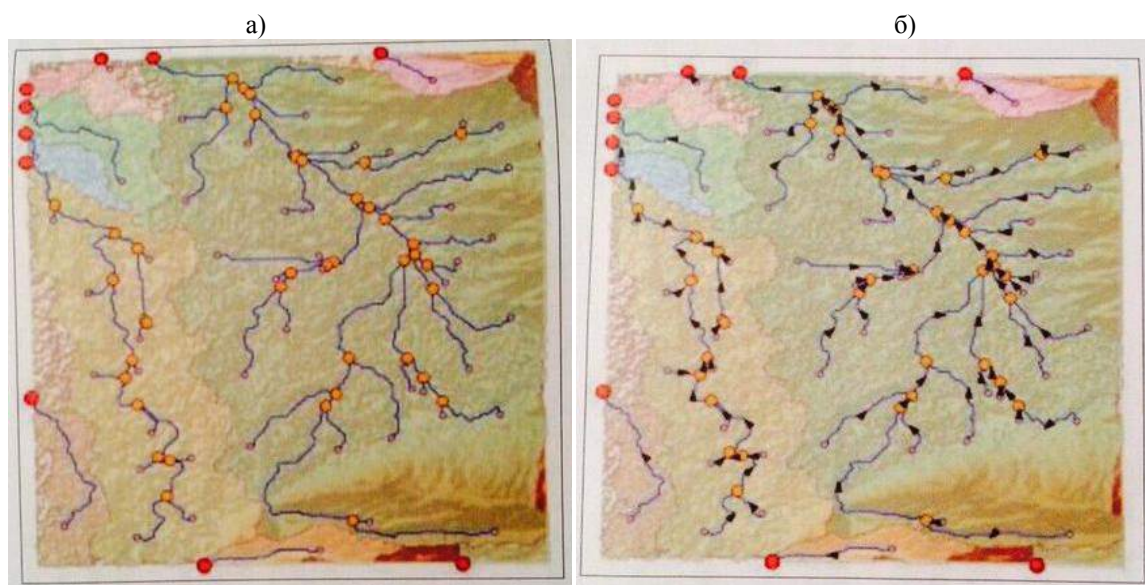

Рисунок 3. Вычисленная система геометрической дренажной сети для Каратальского рисового массива (а) с указанием направления течения водных потоков (б)

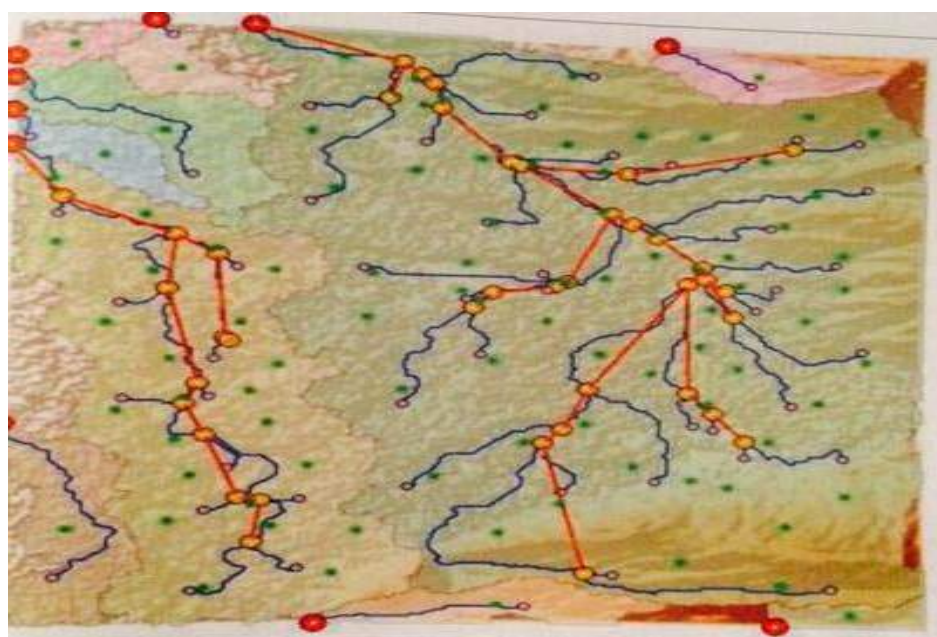

Рисунок 4. Вычисленная система геометрической дренажной сети для Каратальского рисового массива с указанием условной схемы дренажной сети (см. условные обозначения на рисунке 3)

Область применения ЦМР и вообще растров поверхностей значительно расширяется, когда они используются в сочетании с другими слоями картографической информации (поверхности температур, осадков, полигоны типов почв землепользования, grids химического состава почв и т.п.) [3].

На основе ЦМР, используя соответствующие инструментальные средства ArcGis, можно получать многочисленные новые (вычисленные) данные, которые, в свою очередь, можно использовать для разнообразных практических целей, таких как, например:

- Определение водных потоков (водотоков) на поверхности (их направления и объемы) водоразделов (контуры и площади), точек водозабора водных по-

токов. Полученную информацию можно использовать при проектировании коллекторно-дренажных, ирригационных сетей, утончении (корректировке) существующих сетей.

- Определение профилей сечения (дренажа, каналов, рек и т.п.).
- Определение наиболее подходящих мест расположения новых скважин (разрезов, площадок и т.п.) и или уточнения расположения существующих.
- Осуществление трассировки по водной сети (реки, каналы, коллекторно-дренажные сети) для обнаружения источника загрязнения.
- Определение предполагаемых областей затопления при повышении уровня воды в водных объектах (озера, реки, при таянии снега, дождевых осадках).

- Определение уклонов поверхности для поиска земель для выращивания соответствующих культур, которые нельзя выращивать, например, на крутых склонах.
- Определение агроклиматических зон и зон эрозийной опасности почв и создание соответствующих карт.
- Определение траектории прокладки коллекторно-дренажной, ирригационной сети с учетом дополнительных критериев, например, минимальной стоимости.
- Для более наглядной визуализации картографической информации, с максимальным объективным приближением к реальности.

Список литературы

1. ГИС и земельный кадастр Казахстана // ArcReview, 2003. - № 25.
2. Шакибаев И.И., Лубнина В.А. Эколого-мелиоративные исследования на орошаемых землях // Материалы Международной научно-практической конференции "Повышение эффективности водопользования и улучшение мелиоративного состояния орошаемых земель". Шымкент, 2011, С 142-146.
3. Шакибаев И.И., Рахимжанова И. Результаты водно-балансовых исследований на рисовых системах Алматинской области. "Научные исследования в мелиорации и водном хозяйстве" // Сборник научных трудов, Том 50, Выпуск 1. ТОО "Казахский научно-исследовательский институт водного хозяйства", АО "Казагроинновация", Тараз, 2013. С. 78-86.

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОГЕНЕЗА НА ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ СРЕДУ ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АНГАРЫ

Ташлыкова Татьяна Алексеевна
инженер ИЗК СО РАН, г. Иркутск

Лукьянова Елена Александровна
канд. физ.-мат. наук, доцент каф ООД ИрННТУ, г. Иркутск

Развитие в середине XX века народного хозяйства в районах нового освоения на востоке нашей страны отводит водным ресурсам одну из ведущих ролей. Река Ангара обладает уникальными гидроэнергетическими ресурсами государственного значения. Близость к постоянному источнику энергии позволяла решать государственные задачи по освоению природных ресурсов Восточной Сибири: в зоне возводимых ангарских ГЭС размещать новые промышленные центры крупных энергоемких отраслей производства (алюминиевое, химическое, горнодобывающее), а также развивать деревообработку на базе имеющихся богатых местных лесных ресурсов. Освоение массовых, при этом дешевых гидроресурсов Ангары, активно начатое в послевоенные годы в форме комсомольских ударных строек, было обусловлено объективной необходимостью обеспечения качественно нового прорыва в промышленном развитии Восточной Сибири. Однако при проектировании Ангарского каскада ГЭС не в полной мере учитывались как вопросы охраны природных комплексов, так и особенности хозяйственного развития Приангарья с его имеющимся специфическим земельным фондом. Например, при выборе окончательного варианта по размещению створа Усть-Илимской ГЭС приоритет был отдан энергетике, так как при других вариантах, расположенных выше устья р. Илим, по энергетическим показателям и капитальным вложениям в сооружаемую гидроэлектростанцию, будут менее эффективны: требовалось удорожание ее строительства и геологические условия были менее благоприятны для возведения плотины [2, с. 24-25].

В 60-70х годах прошлого столетия на Ангаре были запущены в производство электроэнергии Братский и Усть-Илимский гидроузлы с наполнением при них крупных глубоководных водохранилищ мира. Так, созданное Братское водохранилище (II ступень ангарского каскада) имеет водный объем 169,3 км³ с площадью водного зеркала 5470 км² – занимает второе место в мире по водному объему [6, с. 15]. III ступень – Усть-Илимское водохранилище – по ключевым параметрам в три раза меньше Братского. В настоящее время завершается наполнение IV

энергетической ступени – Богучанского водохранилища, которое по водному объему на 1,2 км³ будет меньше Усть-Илимского, а по площади водного зеркала – на 450 км² наоборот, больше. Все гидроузлы каскада представлены высоконапорными плотинами. При этом на Братском водохранилище (водоеме с многолетним типом регулирования стока) может срабатывать уровень до 10 м, на Усть-Илимском (с сезонным типом) – всего порядка 1,5-2 м. Таким образом, созданные ангарские водохранилища представляют цепочку из глубоководных водохранилищ, действие которых в целом на природную среду распространяется на сотни километров. При этом с наполнением водохранилищ в их береговых зонах начинает развиваться новый процесс – абразия, входящий в первую десятку опасных геологических процессов, в результате которого происходит отступление бровки берегового уступа с потерей земельного фонда.

Геологическая среда территории Средней Ангары своеобразна и пестра (рис. 1). Здесь выделяются скальные и полускальные породы Pz-Mz возраста, а также рыхлые грунты Kz [5, с. 12]. В результате создания водохранилищ произошло ее преобразование путем обводнения грунтов территории с изменением прочностных характеристик и физико-механических свойств. На это в свое время еще указывал С.Л. Вендров [1, с. 5], говоря о формировании в районе наполняемых водохранилищ «новых» горных пород, которые оказались подвержены обводнению. В процессе эксплуатации ангарских водохранилищ происходят регулярные (в течение года) режимные наполнения и сброски водных объемов, связанные с типом их назначения. Так, грунты береговой зоны Братского водохранилища (учитывая его тип регулирования стока) один раз в год испытывают обводнение–осушение, на Усть-Илимском (с сезонным типом регулирования) – дважды в год, что, в конечном итоге, увеличивает степень техногенного воздействия на породы береговой зоны. Рассмотрим подробнее преобразование некоторых видов грунтов территории Средней Ангары под действием активно протекающего современного техногенеза, связанного с созданием водохранилищ.

Согласно данным Комплексной экспедиции Иркутского геологического управления (ИГУ) и ИЗК СО АН СССР (1969), у песчаников и алевролитов братской свиты ордовика, входящих в состав красноцветной терригенно-карбонатной формации, показатель по временному сопротивлению сжатию в водонасыщенном состоянии снизился в 2-3 раза и стал 140-225 кг/см². Пробы аргиллитов братской свиты ордовика (с глубины 28 м) при соприкосновении с водой полностью разрушались, не дойдя даже до лабораторных испытаний. У аргиллитов ярской свиты силура (с глубины 24 м) при небольшом показателе по временному сопротивлению сжатию в сухом состоянии равном 88 кг/см² в водонасыщенном снизился на 37%, что говорит о нестойкости пород данных свит к воздействию абразионного процесса [3, с. 128].

Сохранные песчаники и алевролиты мамырской свиты терригенной формации с глубины более 200 м (в лабораторных экспериментах) при намокании полностью размокли. У сохранных песчаников ийской свиты в водонасыщенном состоянии на 24% снизился коэффициент временного сопротивления сжатию. У сохранных же алевролитов той же ийской свиты этот коэффициент наоборот возрос на 13%, в результате чего у данной породы под действием впитанной породой воды повысилась сила сцепления в кристаллической решетке и увеличилась прочность самой породы (это единственный случай, когда при смачивании увеличилась прочность породы). У выветрелых песчаников катской свиты угленосно-терригенной формации после водонасыщения на 27% снизился коэффициент временного сопротивления сжатию, а выветрелые глинистые породы этой и тушамской свит – разрушились еще до испытания [3, с. 130].

Таким образом, геологическая среда территории Средней Ангары довольно пестра. Она представлена разными породами, имеющими разные характеристики и физико-механические показатели, в результате чего в сочетании с гидродинамикой каждого из водохранилищ, определяется интенсивность развития абразионного процесса и скорость отступления берега.

Так, по данным полевых наблюдений усть-илимского и братского береговых отрядов ИЗК АН СССР ряд грунтов оказались весьма нестойкими к абразионному процессу. Так, переформирование берега стационарного

участка Бумбей Усть-Илимского водохранилища происходит в выветрелых песчаниках мамырской свиты ордовика с включением алевролитов и аргиллитов, принадлежащих терригенной формации (рис. 2). Физико-механические свойства этих песчаников, незатронутых процессами выветривания, таковы, что они слабо реагируют на резкие температурные изменения. Подобные песчаники из зоны выветривания при резких теплосменах полностью разрушаются, а попадая в зону воздействия режимного наполнения-сработки водоема, оказываются весьма нестойкими. Аргиллиты этой же свиты также нестойки к процессам выветривания. В водонасыщенном состоянии их прочностные параметры снижаются в 2-4 раза. Вовремя лабораторных испытаний на 25-кратное промораживание образцы аргиллитов полностью разрушаются при 2-14 циклах опыта [3, с. 78]. В сухом состоянии эти глинистые породы, попадая на открытый воздух, при активном участии процессов выветривания, покрываются сетью тонких трещин и в течение нескольких суток превращаются в дресву. Процесс выветривания в них протекает довольно активно при резкой смене температур (особенно в весеннее время), а в сочетании с повышенной влажностью и понижающимися в ночное время температурами активно начинает работать морозное выветривание.

При исследовании абразионного процесса за первые пять лет эксплуатации Усть-Илимского водохранилища бровка берега на участке Бумбей отодвинулась на 25,5 м, размыв чехол рыхлых отложений и внешний выветрелый слой осадочных пород; в 1983 г. она отступила на 3,1 м. Особенностью профиля данного участка является тот факт, что с 1984 г. переформирование его береговой зоны происходит в монолитном сохранном песчанике с ежегодным отступанием бровки только 0,1-0,3 м/год (как результат причинно-следственной связи). При этом показатель временного сопротивления сжатию сохранных песчаников в сухом состоянии достигает 500 кг/см², уменьшаясь при водонасыщении на 28% (рис. 2, 3) [3, с. 178]. Таким образом, с момента наполнения и эксплуатации Усть-Илимского водохранилища в течение 1977-1990 гг. на участке Бумбей (длиной 150 м) размыв абразией 13500 м³ грунта с суммарным отступанием бровки берегового уступа на 29,5 м.

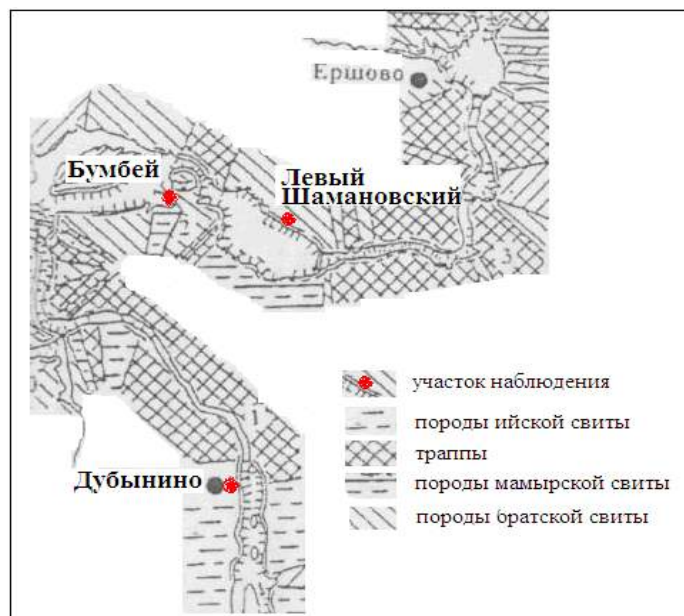
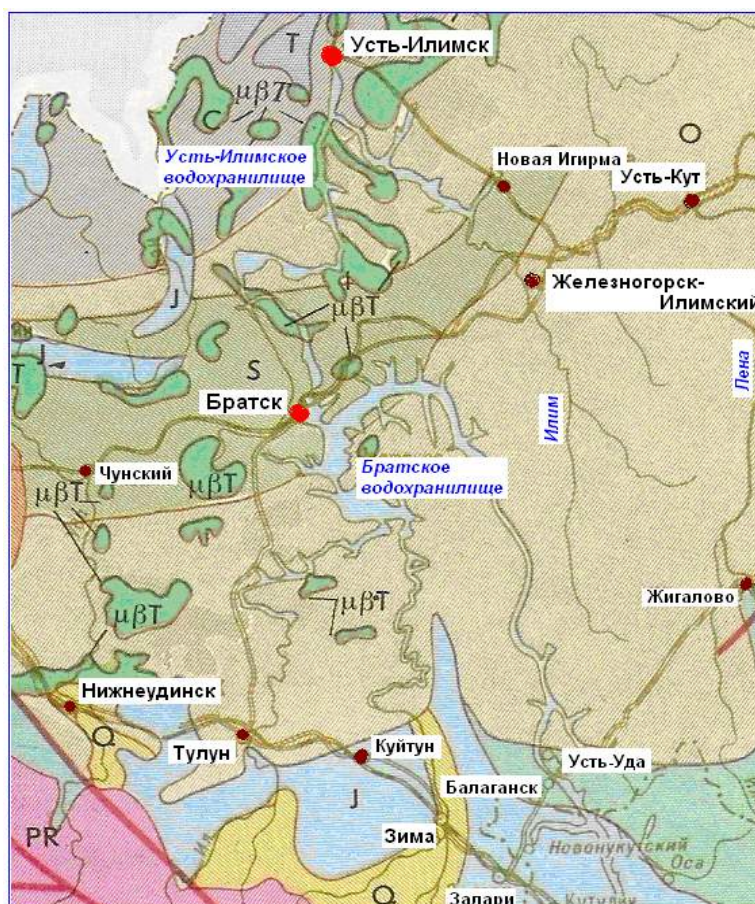

Рис. 2. Фрагмент схемы грунтов береговой зоны Усть-Илимского водохранилища (с использованием материалов Г.И. Овчинникова [5, с. 204]).

Условные обозначения:

	сибирские траппы
	Архейская группа: биотитовые, роговообманковые гнейсы, мраморы, кристаллические известняки, амфиболовые гнейсы и другие метаморфические породы
	Протерозойская группа: кристаллические сланцы и известняки, кварциты, метаморфизованные известняки, алевриты, песчаники, иногда конгломераты
	Кембрийская система: терригенные отложения, соль и гипс с нефтегазоносностью, выше карбонатные породы, терригенные отложения с залежами гипса, медистые песчаники
	Ордовикская система: песчаники, гравелиты, алевриты и известняки, выше - фосфоритонесные песчаники и алевриты, красноцветные отложения
	Силурийская система: песчаники, алевриты, доломиты
	Триасовая система: вулканогенные породы: туфобрекчии, туффиты, туфопесчаники
	Юрская система: песчаники, конгломераты, алевриты, каменный и бурый угли, каолиновые глины, стекольные пески
	Неогеновая система: конгломераты, песчаники, глины
	Четвертичная система: галечники, пески, щебенка, моренные образования, глины

Рис. 1. Геологическая карта территории Средней Ангары [4, с. 7].

Переформирование береговой зоны участка Дубынино происходит в мощном супесчаном слое – продукте разрушения «коренных» пород, представленных прочными песчаниками с подчиненным количеством алевритов и аргиллитов ийской свиты ордовика, физико-механические показатели которых уже рассматривались выше

при характеристике пород терригенной формации. За период, совпавший с маловодными годами (1977-1983 гг.), бровка берега на участке отодвинулась на 8,9 м; за период, совпавший с многоводными годами (1984–1988 гг.), только на 0,4 м (рис. 2, 3). За период наблюдений суммарный объем размыва 100-метрового отрезка берега составил 4000 м³.

Береговая зона участка Левый Шамановский сложена красноцветами братской свиты ордовика, входящих в состав красноцветной терригенно-карбонатной формации, представленной сильно выветрелыми алевролитами с голубым щебнем, которые даже от прикосновения рукой рассыпаются.

В результате эксплуатации водоема на форсированных отметках в 1985 и 1986 гг. бровка берега на участке

отступила на 1,05 м и 1,7 м, соответственно; в 1987 и 1988 гг. – на 0,6 и 0,4 м (рис. 3). В целом породы братской свиты не обладают кристаллической прочностью, в результате чего – весьма нестойки к агентам физического выветривания и абразионному процессу. За период наблюдений на участке суммарный объем размыва грунта на 100 м берега составил 6900 м³.

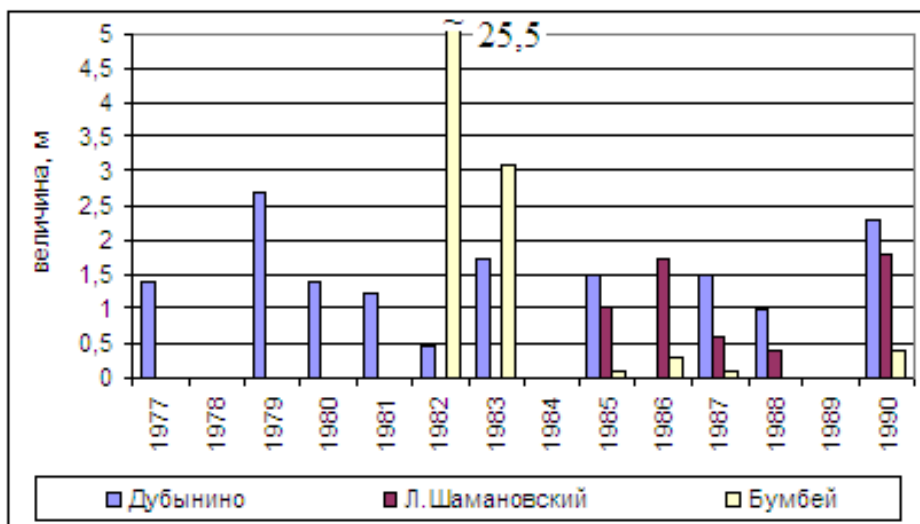

Рис. 3. Скорость отступления бровки береговых уступов на некоторых стационарных участках Усть-Илимского водохранилища.

Таким образом, после наполнения ангарских водохранилищ произошли необратимые изменения в геологической среде, связанные с обводнением грунтов и изменением их характеристик. К тому же, эти грунты регулярно испытывают гидродинамическую нагрузку (в процессе эксплуатации водоемов) и преобразуются путем изменения физико-механических показателей в сторону уменьшения, что находит отражение на увеличении скорости разрушения и отступления берегов с потерей земельного фонда (как результат причинно-следственной связи). Следовательно, под действием современного протекающего техногенеза происходит вынужденное преобразование геологической среды территории Средней Ангары с развитием ряда процессов, а также геоэкологических проблем.

Список литературы

1. Вендров С.Л. Проблемы формирования рельефа дна чаши больших водохранилищ / Мат-лы II геоморф. совещ. – Москва, 1959. – 20 с.
2. Иванов И.Н. Гидроэнергетика Ангары и природная среда – Новосибирск: Наука, 1991. – 129 с.
3. Инженерно-геологические и гидрогеологические условия зоны влияния ангарской части водохранилища Усть-Илимской ГЭС / Отчет по работам 1967-1968 гг. Т.1, книга 2. – Иркутск, 1969. – 468 с.
4. Иркутск и Иркутская область. Атлас. – Москва: Фед. служба геодезии и картографии России, 1997. – 48 с.
5. Овчинников Г.И., Павлов С. Х., Тржцинский Ю. Б. Изменение геологической среды в зонах влияния Ангаро-Енисейских водохранилищ. Новосибирск: «Наука», 1999 г. - 254 с.
6. Савельев В.А. Современные проблемы и будущее гидроэнергетики Сибири. - Новосибирск: Наука, 2000. - 200 с.